

МАТЕРІАЛЫ

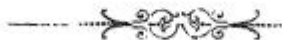
ДЛЯ ИСТОРИИ

РУССКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ МЫСЛИ

ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ ТЕКУЩАГО СТОЛѢТІЯ.

Изъ переписки братьевъ князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ.

Свящ. Василія ЖМАКІНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1890.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.

Глава первая.

Стр.

Переписка о степени догматической важности издаваемых и распространенных св. Синодомъ катехизисовъ, переводовъ свящ. Писанія на русскій языкъ и учебники по христіанской богословіи іеромонаха о. Ювеналія. 1—63

Глава вторая.

Переписка о степени необходимости для человека религіознаго просвѣщенія въ дѣлѣ полученія имъ спасенія своей души, или по вопросу о томъ могутъ ли надѣяться на полученіе спасенія люди, неимѣющіе достаточныхъ познаній о вѣрѣ, но находящіеся въ послушаніи церкви и приближающіе ко всѣмъ ея таинствамъ, хотя и непонимающіе смыла и значенія послѣднихъ. 64—128

Глава третья.

Переписка о степени полезности для православнаго богослова западнобогословской литературы, объ отношеніи къ протестанству и о степени важности въ дѣлѣ спасенія человека церковныхъ обрядовъ и всей религіозной внѣшности 129—149

Глава четвертая.

Переписка о значеніи монашества вообще и о сравненіи современнаго монашества съ древнимъ отшельничествомъ 150—179

Глава пятая.

Переписка о религіозно-нравственномъ значеніи Юрьева монастыря и о нравственномъ достоинствѣ его настоятеля архимандрита Фотія. 180—241

Къ исторіи русской богословской мысли тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія: изъ переписки братьевъ князей Ш. Шихматовыхъ.

Имя князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ извѣстно въ области духовной литературы. Болѣе другихъ заявилъ себя на духовно-литературномъ поприщѣ князь Сергій Александровичъ Ш.-Шихматовъ. Князь Сергій съ 1804 по 1827 годъ состоялъ на службѣ въ званіи воспитателя морскаго корпуса, а затѣмъ, получивъ отставку, поступилъ въ Юрьевъ монастырь, гдѣ постригся въ монахи, подъ именемъ Аникиты, и умеръ въ званіи настоятеля русской миссіи въ Афинахъ, въ 1837 году. Здѣсь нѣтъ особенной нужды пускаться въ перечисленіе литературныхъ произведеній князя Сергія Шихматова. Достаточно только указать на то, что онъ, по характеру своихъ религіозныхъ воззрѣній, принадлежалъ къ той части русскаго общества, которая группировалась около извѣстнаго адмирала А. С. Шишкова. Между княземъ Сергіемъ и адмираломъ Шишковымъ съ давнихъ поръ существовала самая тѣсная дружба: князь Сергій, по справедливости, называлъ Шишкова своимъ великимъ благодѣтелемъ. Продолжительная дружба, конечно, предполагаетъ болѣе или менѣе извѣстную общность въ воззрѣніяхъ ихъ на современные общественные вопросы. Шишковъ заявилъ себя горячимъ противникомъ того направленія, которое имѣло своимъ представителемъ князя А. Н. Голицына, занимавшаго видный постъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и, кромѣ того, предсѣдателя библейскаго общества. Основанное въ 1812 году Россійское библейское общество предприняло переводъ

Св. Писанія на рускій языкъ. Въ 1818 году, впервые, появилось на русскомъ языкѣ четвероевангеліе, вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ, а въ 1820 году вышло полное изданіе Новаго Заветъа въ русскомъ переводѣ А. С. Шишкова, крайній ревнитель славянскаго слова, возсталъ противъ русскаго перевода Библии. Князь Сергій Александровичъ Шахматовъ, по призыву своего патрона, не особенно сочувственно отнесся къ появленію Св. Писанія въ русскомъ переводѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, даетъ основаніе думать его переписка съ братьями. Лишь только появилось четвероевангеліе въ русскомъ переводѣ, князь Сергій не замедлилъ одинъ экземпляръ его переслать къ двумъ своимъ старшимъ братьямъ, причѣмъ и сообщалъ имъ свое, вынесенное имъ изъ чтенія русскаго евангелія, печатлѣніе. „Переводъ сдѣланъ“, писалъ онъ въ 1819 году, „довольно исправно, но есть нѣкоторыя нестроты отъ соединенія оставленныхъ нѣкоторыхъ славянскихъ словъ и простонародныхъ. *Нынѣшній нашъ языкъ не можетъ сравниться силою съ славянскимъ*, какъ, наприимѣръ, это я никакъ не выражаетъ знаменательности: *Азъ есмь*“. „Посылаю вамъ“, писалъ князь Сергій, отъ 13 марта 1822 года, два экземпляра недавно вышедшихъ изъ печати переводовъ со славянскаго на русское нарѣчіе; читая сіи переводы нахожу ихъ весьма ясными, отъ чего и думаю, что со временемъ и, можетъ быть, очень скоро совсѣмъ забудутъ переводы славянскіе, *о семъ нельзя не пожалѣть*, ибо исалмы на семъ послѣднемъ языкѣ дышатъ гораздо бѣльшимъ величіемъ. Нѣкоторые тексты пророчественныя совсѣмъ измѣнились въ новомъ видѣ, и для сего особенно загляните въ исалмы: „Рече Господь Господеви моему“... Въ послѣдствіи времени, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ и окружающихъ лицъ, взглядъ князя Сергія на переводы Священнаго Писанія на рускій языкъ сдѣлался еще недружелюбнѣе. По крайней мѣрѣ, по словамъ его братьевъ, въ 1828 году, онъ уже прямо „ополчался противъ переложенія книгъ Св. Писанія и синодальнаго въ нихъ къ вѣрующимъ воззванія“.

Въ 1824 году, по интригамъ графа Аракчеева, палъ князь Голицынъ. На его мѣсто министромъ народнаго просвѣщенія на-

значень былъ адмиралъ А. С. Шишковъ, Новый министръ народнаго просвѣщенія, ревнитель славянскаго языка, началъ свою дѣятельность преслѣдованіемъ русскаго перевода Св. Писанія. Въ 1823 году, въ первый разъ, появился въ печати пространный Катихизисъ, составленный митрополитомъ Филаретомъ, а въ слѣдующемъ году былъ напечатанъ и краткій катихизисъ митрополита Филарета. Одною изъ выдающихся особенностей, какъ пространнаго, такъ и краткаго катихизисовъ было то, что тексты изъ Св. Писанія и изъ твореній св. Отцовъ приведены были въ нихъ въ русскомъ переводѣ и даже безъ сопоставленія ихъ съ соответствующимъ славянскимъ текстомъ. Изданію обоихъ катихизисовъ предшествовало разсмотрѣніе ихъ въ Св. Синодѣ, который одобрилъ ихъ къ напечатанію. Сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія и опираясь на поддержку графа Аракчеева, Шишковъ выхлопоталъ высочайшій указъ, который имѣлъ своимъ послѣдствіемъ приостановку перевода Св. Писанія на русскій языкъ а также запрещеніе печатать пространный и краткій катихизисы. Запрещеніе ранѣе разсмотрѣнныхъ и одобренныхъ Св. Синодомъ катихизисовъ произвело много толковъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ. Общественное мнѣніе раздѣлилось—одни стали за изданіе катихизисовъ, другіе противъ. Нашлись даже между членами Св. Синода лица (кіевскій митрополитъ Евгеній Валховитиновъ), которыя стали указывать на недостатки катихизиса въ изложеніи догматическаго ученія вѣры Катихизисы находились подъ запрещеніемъ до самаго 1827 года, когда они были вновь исправлены, пересмотрѣны и уже въ новомъ видѣ явились въ печати¹⁾. Само собою понятно, что князь Сергій Александровичъ Шихматовъ, какъ близкій человѣкъ къ Шишкову, не могъ оставаться безучастнымъ зрителемъ борьбы мнѣній, но такъ или иначе долженъ былъ втянуться въ эту борьбу и высказываться по затронутому вопросу. Къ тому же самому склоняло его и обширное знакомство съ высшими духовными лицами и давно развившаяся въ немъ лю-

¹⁾ Судьба катихизисовъ И. Корсунскаго. «Русскій Вѣстникъ» 1883 года, январь.

бовъ и интересъ къ церковнымъ дѣламъ. Какихъ взглядовъ онъ держался на катихизисы митрополита Филарета съ точностію указать не возможно, но, что онъ не съ одинаковымъ довѣріемъ относился къ изложенію всего догматическаго ученія, заключающагося въ изданныхъ катихизисахъ, это также не подлежитъ сомнѣнію. Такъ, братья его возбудили и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ вели съ нимъ богословскую полемику, обвиняя его въ недовѣріи къ катихизическому ученію церкви и защищая авторитетъ изданныхъ тогда Св. Синодомъ катихизисовъ. При изученіи догматическаго ученія, князь Сергій предпочиталъ прежніе катихизисы и особенно любилъ православное исновѣданіе м. Петра Могилы, которое почему-то болѣе отвѣчало его вкусамъ.

Нѣкоторое недовѣріе какъ къ переводу св. Писанія на русскій языкъ, такъ и къ катихизисамъ, составленнымъ м. Филаретомъ, усилилъ въ князѣ Сергіи извѣстный юрьевскій архимандритъ Фотій, съ которымъ князь Шихматовъ былъ знакомъ издавна. Архимандритъ же Фотій высказывался очень рѣзко противъ перевода священнаго Писанія на русскій языкъ, называя его „болѣзненнымъ и вреднымъ переводомъ“. По его словамъ, „сила перевода была такова, что догматы церковнаго ученія явно испровергала, или сумнѣніе давала на истину церковнаго ученія и преданій“). Подобнаго же рода отзывъ сдѣлалъ Фотій и о катихизисахъ, составленныхъ м. Филаретомъ. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ единомысленниковъ, написанномъ имъ вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ пространнаго катихизиса м. Филарета (въ 1823 г.), юрьевскій архимандритъ указывалъ на неудовлетворительность изданнаго катихизиса, предпочитая ему катихизисъ м. Петра Могилы, и образно представлялъ его превосходство, сравнивая катихизисъ Петра Могилы, по чистотѣ, заключающагося въ немъ ученія вѣры, съ водою изъ рѣки Невы, а катихизисы м. Филарета съ канавною водою ²⁾). Князь Сергій Шихматовъ давно поддерживалъ свое знакомство съ Фотиемъ, но къ 1819 году это знакомство перешло со стороны князя въ благоговѣніе

) Автобіографія Фотія, имѣющаяся у меня рукопись, кн. II.

²⁾ Судьба катихизисовъ м. Филарета. «Русскій Вѣстникъ» 1887 г. Январь. 332—333.

предъ личностію о. Фотія. Князь Сергій отмѣчалъ въ своей перепискѣ, какъ выдающіяся событія въ своей жизни, тѣ посѣщенія, которыя дѣлалъ ему Фотій. Съ 1820 года Фотій, назначенный игуменомъ сначала Деревяницкаго, потомъ Сквородскаго, а затѣмъ Юрьева монастыря, въ Новгородѣ, оставилъ стѣлицу, но дружескія отношенія между нимъ и княземъ Шихматовымъ не только продолжались, но и укрѣплялись все болѣе и болѣе. Въ 1821 году, князь Сергій посѣтилъ Новгородъ и пробылъ нѣсколько дней у о. Фотія. Между ними поддерживалась постоянная переписка. Знакомство князя Сергія съ Фотіемъ имѣло рѣшающее значеніе въ судьбѣ князя Шихматова. Оно же значительнымъ образомъ повліяло на отношенія его къ своимъ братьямъ.

Князь Сергій имѣлъ восемь братьевъ, изъ которыхъ съ двумя старшими братьями, князьями Павломъ и Алексѣемъ, жилъ особенно дружно. Ихъ взаимная дружба основывалась какъ на одинаковыхъ взглядахъ, такъ и на общности вѣншихъ условій жизни. Всѣхъ братьевъ, наконецъ, соединяло одно—это глубокое благочестіе и преданность св. православной церкви. Старшій изъ братьевъ, князь Павелъ Александровичъ, получилъ воспитаніе въ Морскомъ корпусѣ и, при выпускѣ отсюда въ 1798 году, оставленъ былъ при корпусѣ воспитателемъ. Здѣсь ему нѣкоторое время приходилось служить и жить вмѣстѣ съ княземъ Сергіемъ. Въ концѣ 1818 года, князь Павелъ вышелъ въ отставку и навсегда поселился въ своемъ родовомъ имѣніи, въ с. Архангельскомъ, Московской губ. Можайскомъ уѣзда, вмѣстѣ съ другимъ своимъ братомъ такимъ же одинокимъ, какъ и онъ самъ, княземъ Алексѣемъ Александровичемъ.

Князь Алексѣй получилъ образованіе, по примѣру другихъ своихъ братьевъ, въ Морскомъ корпусѣ и, по выходѣ въ отставку, навсегда поселился въ селѣ Архангельскомъ. Благочестіе князя Алексѣя побудило его всего себя отдать на служеніе своимъ собственнымъ крестьянамъ. Онъ у себя въ домѣ открылъ школу для крестьянскихъ дѣтей и самъ занимался съ ними. Въ то же самое время онъ обучалъ вѣрѣ и нравственности и взрослыхъ крестьянъ. Обученіе послѣднихъ происходило по воскреснымъ и праздничнымъ

днямъ. Занятія по обученію крестьянъ вѣрѣ и нравственности такъ у него отнимали много времени, что его ему мало оставалось на собственные книжныя и хозяйственныя занятія.

Князь Павелъ, явившись въ с. Архангельское, избралъ для себя особенное занятіе, вполне подходящее къ занятіямъ брата Алексѣя, взявшись обучать первоначальному ученію сыновей сельскихъ церковнослужителей. Русскій языкъ и законъ Божій составляли главные предметы его обученія. Занятіями въ школахъ князь Павелъ много усовершенствовалъ свое собственное знаніе. Онъ особенно любилъ читать толкованія священнаго Писанія и даже самъ дѣлалъ переводы разныхъ толкователей.

Въ 1836 году, братья князя Павелъ и Алексѣй, доведши своихъ крестьянъ до такого религіозно-нравственнаго развитія, которое давало имъ возможность благоразумно пользоваться свободою, даровали имъ свободу отъ крѣпостной зависимости. Князь Павелъ скончался въ званіи можайскаго уѣзднаго судьи, 25 апрѣля 1844 года ¹⁾.

Много общаго съ княземъ Павломъ имѣлъ и другой братъ, князь Алексѣй Александровичъ, жившій и подвизавшійся вмѣстѣ съ княземъ Павломъ. Онъ только превосходилъ его своимъ умомъ и образованіемъ. Даже въ области богословской, онъ путемъ простой начитанности дошелъ до такой степени развитія, что мало уступалъ современнымъ ему богословамъ по профессіи. Онъ перечиталъ современную богословскую литературу. Обладая знаніемъ новѣйшихъ языковъ, онъ слѣдилъ за выдающимися произведеніями литературы богословской и на Западѣ.—Князь Алексѣй заявилъ себя и какъ писатель, но преимущественно религіозно-нравственный. Таково, наиримѣръ, его сочиненіе: „Служеніе Алтарю“, гдѣ онъ, въ назиданіе своему духовному сыну и ученику, изложилъ высокія обязанности будущаго его служенія церкви Божіей. Такой же, до извѣстной степени, характеръ носятъ его „писма о воспитаніи благородной дѣвицы“. Это сочиненіе, раздѣленное для удобства

¹⁾ Биографія князя Павла Александровича Ш. Шихматова М., 1848 года.

изложѣнія на пятьдесятъ писемъ, самый капитальный трудъ кн. Алексѣя и доселѣ сохраняющійся только въ рукописяхъ. Въ письмахъ о воспитаніи представлено обзорное всей жизни человека, начиная съ пеленокъ и сопровождая его до могилы. Взглядъ князя Алексѣя на задачи воспитанія самый возвышенный; въ основѣ воспитанія лежатъ св. православная вѣра. Отъ благородной дѣятели онъ требуетъ такого широкаго религіозно-нравственнаго развитія, которое теперь требуется только развѣ въ духовныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Перу князя Алексѣя принадлежитъ біографія князя Павла Александровича Ш. Шихматова. Князь Алексѣй Александровичъ скончался, 2-го августа 1849 года, въ своемъ родовомъ имѣніи, въ селѣ Архангельскомъ.—Оба брата князя Павла и Алексѣя вполне рассчитывали, что третій ихъ братъ и единомысленникъ кн. Сергій, по выходѣ въ отставку, тоже поселится вмѣстѣ съ ними и будетъ для нихъ полезнымъ сотрудникомъ въ общемъ дѣлѣ обученія крестьянъ, которому оба брата отдались всею душой. Дѣйствительно, князь Сергій, до своей дружбы съ архимандритомъ Фотіемъ, такъ именно и предполагалъ сдѣлать, о чемъ онъ неоднократно писалъ и своимъ братьямъ, увѣряя ихъ, что служба ему становится въ тягость, что онъ стремится къ деревенскому уединенію подъ родной кровью братьевъ. Соответственно этому, онъ и дѣлалъ извѣстнаго рода хозяйственныя распоряженія въ с. Архангельскомъ. Такъ, еще въ 1818 году, тамъ, на случай переезда князя Сергія, пристроенъ былъ особый флигель, по его указанію и плану, увеличенъ былъ садъ и прочее. Свое желаніе навсегда поселиться вмѣстѣ съ братьями и стремленіе „насладиться ихъ сожительствомъ“ князь Сергій высказывалъ еще въ началѣ 1823 года. Но вотъ прошло еще нѣсколько лѣтъ. Въ концѣ 1827 года, князь Сергій подалъ прошеніе объ отставкѣ и сообщаетъ своимъ братьямъ, съ вѣтерпнѣемъ ждавшимъ его къ себѣ въ деревню, что первый выѣздъ его будетъ *не къ нимъ, а къ отцу Фотію*. Письмо Сергія совершенно изумило братьевъ—тѣмъ болѣе, что они, будучи увѣрены въ твердости характера своего брата, никакъ не ожидали такой рѣзкой въ немъ перемены. Но еще болѣе они изумились; когда Сергій сообщилъ имъ, хотя и не въ категорическомъ видѣ;

о своемъ желаніи постричься въ монахи въ Юрьевомъ монастырѣ и отдать себя подъ руководство его настоятеля, Фотія.—У братьевъ, по полученіи такого рода неожиданныхъ извѣстій, естественно, возникли разнаго рода предположенія о тѣхъ причинахъ, которыя вызвали перемѣну въ Сергія, у нихъ являлись разнаго рода догадки о томъ, кто бы могъ повліять такъ рѣшительно на ихъ брата, не увлекся ли онъ какими-нибудь особенными подозрительными мнѣніями. Однимъ словомъ, сомнѣніямъ и всевозможнаго рода предположеніямъ братьевъ не было предѣловъ. Лѣтомъ 1828 года, князь Сергіій Александровичъ прибылъ, наконецъ, въ село Архангельское. Здѣсь со всею ясностію обнаружилась между ними разность во взглядахъ на нѣкоторые религіозно-нравственные вопросы. Братья, подъ вліяніемъ перемѣны взглядовъ князя Сергія, стали теперь относиться къ нему съ большимъ недоувѣріемъ и съ крайнею подозрительностію выслушивали его разсужденія, строго наблюдая за тѣмъ, не выскажетъ ли онъ чего несогласнаго, по ихъ мнѣнію, съ общераспространеннымъ ученіемъ церкви. Подозрительность ихъ къ брату дошла до такой степени, что у нихъ являлась мысль о какомъ-нибудь раскольниковствѣ или даже еретичествѣ Сергія. Последній, какъ жившій въ Петербургѣ въ то время, когда тамъ началась, разрослась и закончилась въ высшихъ церковныхъ и государственныхъ сферахъ борьба за и противъ библейскаго общества и всѣхъ такъ или иначе связанныхъ съ нею вопросовъ, явился въ с. Архангельское подъ живымъ впечатлѣніемъ этой борьбы. Зная хорошо исторію напечатанія и затѣмъ пріостановки катихизисовъ м. Филарета, равно какъ и прекращеніе перевода свящ. Писанія на русскій языкъ, князь Сергіій въ дружеской бесѣдѣ съ своими братьями дозволилъ себѣ выразиться въ томъ смыслѣ, что онъ „догматическія статьи церковно-учебныхъ книгъ, изданныхъ въ то время, принимаетъ съ разборомъ“. Эти слова Сергія относились и къ распространенной тогда богословія іеромонаха Ювеналія, которая, по опредѣленію Св. Синода,² разослана была во всѣ духовно-учебныя заведенія, какъ одно изъ самыхъ лучшихъ богословій. Заявленіе Сергія не представляло въ себѣ ничего особеннаго, но на братьевъ, уже раньше склонныхъ подо-

зрительно относиться къ нему, оно произвело потрясающее дѣйствіе. Оба брата, издавна бзвыѣдно жившіе въ деревнѣ и не знакомые съ ходомъ исторіи перевода священнаго Писанія на русскій языкъ и напечатанія катихизисовъ и съ тѣми броженіями умовъ, какія вызваны были ими въ русскомъ обществѣ, привыкли смотрѣть на изданныя въ ихъ время Св. Синодомъ церковно-учебныя книги, какъ на то, по ихъ словамъ, „хранилище, которое и *содержитъ догматическое ученіе въ первобытной евангелической чистотѣ, въ которой оно вышло изъ устъ Самого Спасителя и Его Апостоловъ*“ и, какъ такія священныя книги, онѣ должны быть, по ихъ мнѣнію, изучаемы слово въ слово. При взаимныхъ богословскихъ разсужденіяхъ между братьями обнаружился разности во взглядахъ и на другіе церковныя вопросы. Но болѣе всего произвело впечатлѣніе первое заявленіе кн. Сергія о катихизисахъ и богословіи о. Ювеналія. Оба брата взглянули на пріѣзжаго брата, какъ „на уюрнаго церкви противника“. Для того, чтобы не подать повода къ семейному раздору, Сергій черезъ нѣсколько дней, по пріѣздѣ своемъ въ село Архангельское, отказался отъ высказаннаго взгляда. Братья словеснымъ отказомъ не удовлетворились. Они предложили ему письменно засвидѣтельствовать свое отреченіе и для этого составили особый письменный документъ, называемый ими примирительнымъ актомъ „Мы, говорилось въ этомъ актѣ, почитая нашу русскію церковь церковію апостольскою, свято принимаемъ всѣ катихизическія и богословскія ученія съ одобренія видной верховной власти церковной издаваемыя, торжественно исповѣдуемъ нашу вѣру по тѣмъ катихизисамъ и богословіямъ, которыя, по повелѣнію ея, проходятъ въ духовныхъ и свѣтскихъ училищахъ, и по которымъ предписываетъ она нивѣ всѣмъ пастырямъ духовнымъ учить свое словесное стадо; и, наконецъ, содержащъ, что всѣ церковно учебныя книги, издаваемыя церковію для наставленія посредствомъ ихъ всѣхъ членовъ ея въ ученіи и благочестіи, ни мало и ни въ чемъ одна другой не противорѣчатъ“. Князь Сергій для мира семейнаго согласился и на эту уступку и подписалъ предложенный актъ примиренія. Уступчивость его въ данномъ случаѣ объяснялась тѣмъ обстоятельствомъ, что посредствомъ ея онъ раз-

считывалъ получить отъ братьевъ дозволеніе на поступленіе въ монастырь. А согласіемъ старшихъ братьевъ онъ очень дорожилъ и сильно добивался его въ такомъ важномъ дѣлѣ — какъ принятіе монашества. И дѣйствительно, князь Сергій не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Послѣ подписанія приимательнаго акта, братья дали свое согласіе на принятіе имъ монашества.

При взаимныхъ богословскихъ разсужденіяхъ между братьями обнаружился разности во взглядахъ и на другіе современные церковныя и вообще богословскіе вопросы. Такъ, между княземъ Сергіемъ и его братьями выяснился различный взглядъ и на иностранную богословскую литературу. Сергій совершенно отказался отъ иностранной литературы, тогда какъ его братья придавали ей въ-которое значеніе и видѣли извѣстную пользу ея и для православнаго богослова. Изъ этого разнороднаго взгляда вытекала и другая разность во взглядахъ братьевъ на лютеранство, къ которому Сергій относился съ большимъ нерасположеніемъ, чѣмъ его братья. При взаимномъ обмѣнѣ мыслей, среди братьевъ оказалась рознь во взглядѣ ихъ на современное русское монашество и особенно на значеніе Юрьева монастыря. Въ то время, когда Сергій читалъ къ послѣднему благоговѣніе, его братья смотрѣли на Юрьевъ монастырь, какъ на мѣсто подозрительное, въ которомъ воспитывались люди съ особыми церковными взглядами, не согласными съ современнымъ церковнымъ порядкомъ. Между братьями обозначилось также различное пониманіе обрядовой стороны церковной жизни, значеніе которой въ дѣлѣ спасенія чловѣка братья умалляли, тогда какъ Сергій, по крайней мѣрѣ, по ихъ словамъ, расширялъ его. Но самый щекотливый, спорный предметъ между братьями возникъ по вопросу о томъ, *могутъ ли надѣяться на полученіе спасенія тѣ люди, которые, по обстоятельствамъ своей жизни, не могли изучить подробно ученія вѣры, но нисходятся въ послушаніи церкви, приближаются ко всемъ ея таинствамъ, хотя и не понимаютъ силы и значенія послѣднихъ.* Затронутый вопросъ отличается и своей важностію и затруднительностію своего рѣшенія. Сергій склонялся въ пользу положительнаго рѣшенія, тогда какъ его братья стояли болѣе на сторонѣ отрицательнаго рѣшенія этого

вопроса. Поставленный вопрос служил долгое время предметом богословской переписки между братьями, которые в своих письмах к брату хотя и мало представляли данных собственно богословского характера, но за то дали любопытную и весьма обстоятельную характеристику современного имъ религіознаго состояніи русскаго общества, особенно крестьянъ. Впрочемъ, въ ихъ письмахъ встрѣчаются данныя для характеристики религіозныхъ воззрѣній и такихъ государственныхъ дѣятелей того времени, какъ, наприимѣръ, министр народнаго просвѣщенія, адмиралъ Шишковъ, который раздѣлялъ нѣкоторыя мнѣнія *Социна*. Такова, напр., графиня А. А. Орлова-Чесменская — обладательница многихъ десятковъ тысячъ крестьянъ, которая, благодѣтельствуя Юрьеву монастырю и издерживая цѣлыя милліоны на его украшеніе, совсѣмъ не заботилась о религіозномъ просвѣщеніи своихъ многочисленныхъ крестьянъ.

Послѣ подписанія извѣстнаго примирительнаго акта, между братьями установилось согласіе, ихъ богословскія разсужденія приняли совершенно спокойный характеръ. Оба брата послѣ этого изъявили свое согласіе на принятіе княземъ Сергіемъ монашества и на вступленіе его въ число братіи Юрьева монастыря. Изъ села Архангельскаго Сергій Александровичъ отправился въ Кіевъ, Москву, Ростовъ и другіе древніе города Россіи, для поклоненія св. мощамъ угодниковъ Божіихъ. Лѣто и осень 1828 г. князь Сергій проведъ въ благочестивомъ странствованіи по древнимъ русскимъ святынямъ и возвратился въ Юрьевъ монастырь въ концѣ декабря, предъ самымъ праздникомъ Рождества Христова.

Между тѣмъ, по отъѣздѣ князя Сергія изъ села Архангельскаго, его братья стали извѣшивать происходившія между ними богословскія пренія и, не извѣстно, на основаніи какихъ данныхъ, стали подвергать сомнѣнію искренность заявленія князя Сергія, послѣдствіемъ чего было подписаніе имъ примирительнаго акта. Еще въ то время, когда князь Сергій странствовалъ по святымъ мѣстамъ, братья, въ августѣ мѣсяцѣ, приготовили для него посланіе, въ которомъ подвергали обсужденію прежніе спорные конюсы и изъ нихъ на первомъ планѣ вопросъ объ отношеніи къ церковно-учебнымъ книгамъ, подъ которыми разумѣлись катихизисы м. Фила-

рета, русскій переводъ четвероевангелія вмѣстѣ съ Псалтирю и богословіе іеромонаха Ювеналія. Въ рѣшеніи этого вопроса болѣе правильной точки зрѣнія держался князь Сергій, тогда какъ его братья, письма которыхъ отличаются горячностью тона, постоянно увлекались и договаривались до крайностей. Горячность тона писемъ братьевъ объясняется не столько самымъ предметомъ полемики, сколько побочными обстоятельствами, при которыхъ велась полемика. Обоимъ братьевъ болѣе всего волновала крайняя подозрительность не только къ Сергію, но и ко всемъ окружающимъ его лицамъ и ко всему тому, что напоминало собою сколько нибудь Юрьевъ монастырь. Подъ вліяніемъ чувства подозрительности трудно было удержаться въ предѣлахъ умѣренности и спокойнаго обсужденія дѣла. Совершенно другимъ характеромъ дышатъ отвѣтныя письма Сергія. Всѣ его письма одушевлены и проникнуты глубокимъ чувствомъ смиренія и христіанской кротости. Даже истины, сами по себѣ не особенно пріятныя для братьевъ, и тѣ онъ старался облекать въ такую форму, которая была бы жемье всего обидною для братьевъ, да и въ такомъ случаѣ онъ всегда предварительно просилъ прощенія у братьевъ.

Вотъ самыя выдержки изъ писемъ, касающіяся перваго спорнаго между братьями вопроса—о церковно-учебныхъ книгахъ, изданныхъ Святѣйшимъ Синодомъ.

Письмо братьевъ, князей Павла и Алексѣя Александровичей, Ш. Шихматовыхъ, отъ 25 августа 1829 года, къ брату, князю Сергію Александровичу.

Ты, любезнѣйшій другъ, не обинуясь объявилъ намъ, что не имѣешь полной довѣренности къ тому *католическому ученію*, которое преподается во всей нашей церкви, говоря, что католицизмъ нашъ не есть еще такое ученіе, на которое несумнительно во всемъ можно было опираться. Размотри самъ, какія слѣдствія вытекаютъ изъ такого твоего положенія. Гдѣ же искать ученія о спасеніи, когда оно во всенародныхъ католицизмахъ недостаточно? Католицизмъ называется у насъ ученіемъ, какъ познавать Бога и поступать по Его заповѣдямъ: слѣдовательно, достаточнымъ ко спасенію. Въ немъ явствуютъ всѣ тѣ мѣста священнаго Пи-

санія, на которыхъ ученіе его основывается. Свѣтлѣйшіе свѣтильники нашей церкви суть наши катихизаторы.— Не говоря о живыхъ проповѣдникахъ, отличающихся и ученостію и благочестіемъ, возьмемъ писателей катихизисовъ, которые суть устами всея церкви, преосвященныхъ *Платона* ¹⁾ и *Михаила* ²⁾: подтвердили оба святость ученія ихъ святостію житія. Возьмемъ подвиги ихъ на пользу церкви; оба отъ ранняго возраста до послѣдняго издыханія, уже въ старости лѣтъ, были учителями и дѣломъ и словомъ. Послѣдній пространно разсматриваетъ ученіе о вѣрѣ *въ трехъ книгахъ*, не оставляя ни одного преданія или обряда церковнаго безъ обстоятельнаго обслѣдованія и объясненія. Въ нихъ можно присовокупить и уважаемаго тобою преосвященнаго *Иннокентія* ³⁾ покойнаго, который также составлялъ катихизическое ученіе, во всемъ сообразное съ вышеписанными: и еще по всѣмъ церквамъ разосланную *Богословію іеромонаха Ювеналія* ⁴⁾. Вы не довѣряете и такимъ церковнымъ книгамъ, которыя издаются церковію *собственно для духовнаго просвѣщенія и вразумленія ея чадъ, съ приложеніемъ, съ заглавіи оныхъ, отъ Синода*, т. е., отъ собора нашей церкви, пастырскаго увѣщанія о преполезномъ чтеніи оныхъ и поученіи въ нихъ. Вы, гдѣ только можете, вездѣ и во всѣхъ стараетесь поселить сію вашу недовѣрчивость. Не есть ли это возставать противъ церкви! Не явными ли себя вы объявляете ея противниками?

Письмо братьевъ, отъ 20 января 1829 г.

Можно ли было предвидѣть, чтобы изъ насъ трехъ, съ юнаго почти возраста вмѣстѣ шествовавшихъ и утверждавшихся на одномъ пути спасенія, подъ старость ослабляющимся душевнымъ и тѣлеснымъ силамъ, такое, послѣдуетъ разногласіе, такое упорное мнѣніи своихъ защищеніе, какого, къ величайшему нашему соболѣзнованію, мы были прошедшей осенью въ домѣ нашемъ свидѣтелями? Слава и благодареніе Богу, что ты изъ двухъ сторонъ, нашей и твоей, нашей, отъ слова до слова держащейся чистѣйшаго церковнаго ученія во всѣхъ церквахъ проповѣдуемаго, во всѣхъ училищахъ преподаваемаго, и твоей, все вышеписанное ученіе лишь *съ разборомъ пріемлющаго и съ такой степени старымъ книгамъ придерживающагося*, что книги учебныя, вышеписанное церковное ученіе содержащія, какъ бы несуществующими вѣдявшаго, принужденъ ты былъ принять первую всесовершенно и утвердить оную твоимъ именемъ, а слѣдовательно, всесовершенно отречься отъ словъ: «пріемлю съ разборомъ всеобщія церковно-учебныя книги» и «держусь однихъ старыхъ печатныхъ книгъ».

По многимъ существеннымъ обстоятельствамъ находимъ теперь, что *Акимъ*, сказанный словомъ, мало или вовсе не показываешь ты дѣломъ. Пбо, если бы ты сердечно и всесовершенно принялъ славное ученіе

святой нашей церкви, которое, можетъ быть, и прежде тебѣ было не такъ знакомо, какъ того требовали твои способности ума, а по приложеніи твоёмъ къ тѣмъ несчастнымъ толкамъ, которые успѣли вселить въ тебя чреватое грѣхами подозрѣніе къ церкви и съ намѣреніемъ избѣгалъ сихъ священныхъ книгъ, точныхъ руководителей ко спасенію, то не первѣ ли бы всего обратился ты всею душою къ собранію необходимыхъ къ спасенію евангельскихъ истинъ, Богомъ, чрезъ таинственно поставленныхъ мужей и властей церковныхъ, блюдомыхъ и объясняемыхъ и повсемѣстно въ Россіи свято приемлемыхъ, и именно къ той богословіи Святѣйшаго Синода, въ которой мы указывали тебѣ твои погрѣшительныя богословскія предметы исповѣданія.

Мы замѣтили, что на князя богословскія и катихизическія, которыми едиными мы тебя обличаемъ, и, повидимому, согласиться съ нами уговорили, ты и взгляда не кинулъ, не токмо, чтобы хотя разъ повѣрить и прочія твои мнѣнія, вкоренившіяся въ тебя со времени твоего отъ нашего единства отступленія.

Ты утверждалъ, что ты катихизическія и богословскія ученія церкви нашей, для обличенія тебя тебѣ отъ насъ предложенныя, принимаешь, лишь съ разборомъ, т. е., нѣкоторыя принимаешь, а нѣкоторыя не принимаешь, и даже, что ты сіи учебныя о вѣрѣ книги, во всѣхъ церквахъ проповѣдуемыя и во всѣхъ училищахъ преподаваемыя, слѣдовательно, и всю сущность вѣры въ себѣ заключающія, и по которымъ лишь однѣмъ церковь различаетъ своихъ чадъ отъ чужихъ, считаешь какъ бы вовсе для себя несуществующими, что ты по старымъ книгамъ *), написаннымъ около двухъ столѣтій тому назадъ, исповѣдуешь твою вѣру, которая, слѣдовательно, по твоему, противорѣчитъ настоящей ученой системѣ вѣры.

Что мы заблуждаемся въ чемъ либо, того и ты не можешь сказать, ибо во всемъ, что тебѣ говорили и говоримъ и будемъ говорить, руководствуемся ученіемъ святой нашей церкви. Поелику наше ученіе есть ученіе церкви, то, отвергнувъ всю прежнюю несчастнымъ подозрѣніемъ произведенную недовѣрчивость къ церкви и присоединившись къ намъ по прежнему, съ нами преклони выю подъ законную Богомъ поставленную духовную власть, и сіе не словомъ только, но и дѣломъ, т. е., уже не внимаи никакимъ толкамъ разномысленниковъ, а во всемъ, въ чемъ встрѣчается какое незнаніе или недоразумѣніе, долженъ справляться въ общицѣ катихизисахъ и богословіяхъ, отъ Святѣйшаго нашего Синода издаваемыхъ, и принимать оное какъ бы изъ самихъ апостольскихъ устъ исходящую евангельскую проповѣдь.

Если ты, въ успокоеніе наше, подтвердишь сердцемъ и подклонишь свою совѣсть и волю всѣмъ обязанностямъ истиннаго сына церкви, ру-

ководствующагося въ умозрительной и дѣятельной вѣрѣ и во всецѣломъ богослуженіи ея святѣйшими правилами, то первѣйшимъ твоимъ поступкомъ должно быть разувѣреніе, по возможности, всѣхъ тѣхъ, которыхъ ты по совѣсти долженъ признать тобою увлеченными и хотя малѣйшее подозрѣніе о св. апост. нашей церкви отъ тебя получившими. Нѣтъ ли таковыя и въ числѣ нашихъ кровныхъ? Сихъ, какъ ближайшихъ и извѣстнѣйшихъ, надлежитъ поскорѣе стараться всецѣло утвердить незыблующимися членами церкви, удостовѣря ихъ всѣми силами данныхъ тебѣ отъ Бога способностей принять *настоящія церковно-учебныя книги* съ подобающимъ смиреніемъ и покаяніемъ, почитать ихъ, какъ единныя врата къ животу вѣчному насъ вводящія, и столько въ нихъ поучаться, сколько оное по способностямъ или подробно вѣдать надлежитъ.

Если отреченіе твое искренно, то ты долженъ сіи апостольской нашей церкви апостольскаго ученія книги, надолгъ изгнанныя изъ ума твоего, принять оныя паки со слезами умиленія и раскаянія и со всеми знаками наружнаго благоговѣнія; коими паче самому тебѣ должно обратиться къ ученію въ семъ апостольскомъ ученіи вѣры, такъ часто и прилежно, чтобы нѣкоторымъ образомъ вознаградить въ умѣ и сердцѣ твоёмъ ихъ долговременное отсутствіе. Необходимо нужно, чтобы ты сіи священныя книги, сихъ прочныхъ и единыхъ руководителей ко спасенію сдѣлалъ совѣтниками твоего сердца и въ немъ, какъ бы въ нѣкоемъ кивотѣ, опредѣлилъ имъ мѣсто. Съ сей поры, всякаго, кто покусится опять лишать тебя сего неоцѣненнаго сокровища, хотя мало лишать тебя довѣренности ко святѣйшему ученію церкви, почитать величайшимъ твоимъ врагомъ и принимать всѣ мѣры, какія внушаетъ законъ Божій и благоразуміе... Не почитай себя неосужденнымъ отъ церкви, потому что твое разномысліе съ нею было тайное. Изъ устъ расколника и иного явнаго разномысленника слышать совѣтъ о нечитаніи нѣкоторыхъ книгъ отъ церкви издаваемыхъ, о непринятіи нѣкотораго ученія изъ книгъ церковно-учебныхъ не повредитъ христіанину православному, какъ показываетъ самый опытъ, но слышать сіе изъ устъ своего сочлена собрата, особенно изъ устъ того, кто почитаемъ духовнымъ и въ дѣлахъ вѣры весь вѣкъ упражняющимся и искуснымъ, можетъ легко увлечь и не мало свѣдущаго въ законѣ, неосторожнаго и болѣе на мнѣніяхъ другихъ, нежели на собственномъ своемъ испытаніи основывающаго свое исповѣданіе.

Мы въ оправданіе наше имѣемъ два обстоятельства, которыя не могутъ не преклонить вѣсовъ на нашу сторону: 1) что мы съ самаго начала и доселѣ противопоставляемъ твоимъ мнѣніямъ ученія церковныя, ясныя и всѣмъ понятныя и только о томъ и стараемся, чтобы ты

словами и дѣлами твоими строго сформировался съ симъ ученіемъ, не выходя никакимъ на церковь подозрительнымъ толчкомъ... 2) что ты и самъ принужденъ былъ согласиться съ твоею неправотою и подписать отреченіе, о важности котораго отдавая судить всякому сыну матери свою истинно любящему».

Ты нѣсколько лѣтъ почитая себя членомъ какой то идеальной церкви, которая имѣла, и можетъ быть, и теперь имѣетъ существованіе свое въ подобно твоему расположенныхъ умахъ привычекъ въ катихизическихъ и богословскихъ ученіяхъ церкви, которыя ты намъ объявлялъ такъ мало тебя занимающими, какъ бы ихъ вовсе не было, извлекать, какъ нѣкоторыя насѣкомыя, сродный сокъ изъ травъ цѣлебныхъ, одно то, чѣмъ бы нитать твой разномысленный съ нею духъ. Нѣсколько лѣтъ ты ея ученіе и установленія, которыя всѣ ты съ дѣтства обѣщавъ свято почитать и хранить, не только самъ не признавалъ, опровергалъ, но, въ кого только могъ изъ близкихъ и знакомыхъ, старался вливать твои неосторожныя умствованія.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 11 февраля 1829 года.

«Въ посланіи вашемъ вижу возобновленными тѣмъ обличенія, на которыя, при личномъ нашемъ о нихъ разсужденіи, сдѣланы были тогда достаточныя объясненія, послѣ которыхъ не оставалось недоумѣнія. Новому же вашему недовѣрію и подозрѣнію полагается причиною то, что я не обратился къ чтенію книгъ катихизическихъ и богословскихъ и не пожелалъ отъ васъ вышшаго вразумленія въ моихъ неправыхъ мнѣніяхъ и нѣкоторыя замѣченныя вами (которыя я не помню) изреченія, якобы, несогласныя съ догматомъ о членахъ церкви. Прежде, нежели стану извинять себя предъ недовѣріемъ вашимъ, долженъ я повторить вамъ вновь согласіе мое на писанное условіе нашего примиренія, и опять объявить, что *всѣ церковно-учебныя книги, имѣющія на себѣ знаменіе своего православія, одобренія, утвержденія и повелѣнія Святѣйшаго Синода, приѣмлю я съ благоговѣніемъ свято, и всѣхъ ихъ почитаю единомудрствующими въ вѣрѣ православной, всѣми пользуюсь, по возможности, къ спасенію души моея, дополняя и поясняя одну другою. И сіе ли признаніе есть ересь, безбожіе и путь къ вѣчному осужденію! Братія возлюбленныя! помяните, пощадите!*

Что я не вдругъ послѣ объясненія съ Вами обратился къ чтенію церковно-учебныхъ книгъ, то причина тому то, что содержаніе ихъ мнѣ довольно извѣстно, ибо въ двухлѣтнее мое съ малолѣтними отроками обращеніе, отъ одного спрашиванія уроковъ въ законѣ Божіемъ, *катихизисы краткіе и пространные* ⁶⁾ затвердились въ моей памяти, въ

которой также начертано и *богословіе преосв. Платона* отъ частаго чтенія и мысленія. *Ювеналіевою* богословіи я не имѣю, за то имѣю *Приніеву* ⁷⁾, которую извѣстный благочестіемъ сей пастырь проходилъ, будучи ректоромъ въ кіевской академіи, которую я читалъ, не разъ и впредь читать намѣренъ. И потому, успокоясь относительно многуюсмотрѣннаго мною несогласія въ катихизисахъ, обратился къ чтенію отеческихъ книгъ (хотя и прежде мною читанныхъ), заключающихъ въ себѣ наставленія и опыты для духовной монашеской жизни, къ которой приуготовлялся, почитая оныя для очищенія сердца своего нужнѣйшими, нежели повтореніе главныхъ необходимыхъ истинъ богословскихъ, и изученіе тонкостей сей науки, которое должно продолжать всю жизнь для совершеннаго запамятованія оныхъ и отъ незнанія коихъ спасеніе не бѣдствуетъ.

Что я не посмѣшиахъ разгласить повсюду мое съ вами соглашеніе, дабы отвлечь отъ пути погибельнаго, на который введены, якобы, ближніе мои, то скажу вамъ необинновенно, что я самъ никакой ереси въ себѣ не имѣю, не могъ и другимъ быть вождемъ къ заблужденію. Самая моя излишняя ревность, вами обличенная, предъ вами только и оказалась: ибо безстрастное съ обѣихъ сторонъ наше словопреніе и нѣкоторое, показавшееся мнѣ сначала, неполное ваше уваженіе къ церковному чиноположенію, т. е., къ чину монашества, пренного мною чтимага, а болѣе всего гордость моя, гнѣву предававшаяся, при бесѣдахъ духовныхъ съ вами, бесѣдахъ долженствующихъ быть совершенно мирными, проносилъ языкомъ и часто сердце не думало, а потомъ упорствовала, зашивая свои ошибки. Вездѣ, гдѣ я бесѣдовалъ съ ближними о духовныхъ вещахъ, главная моя цѣль была увѣрить, что власть церкви есть божественная, что противлющійся ей противляется главѣ ея и что посему не токмо содержать должно несумнительно догматы ея проповѣдуемые, но всѣ ея постановленія чтить свято и всемѣрно стараться исполнять: *о катихизисахъ мало идъ было слово*. Да и поелику всѣ они содержатъ православное ученіе церкви и всѣ властію ея утверждены, *то по которому бы изъ нихъ не исповѣдывалъ кто ученіе сіе*, церковь наша признаетъ такового за вѣрнаго своего сына и, слѣдовательно, нечего тутъ опасаться ереси. Однакоже, поелику вы упомянули о кровныхъ, то хотя я и не помню, чтобы коге нябудь излишнею ревностію своею соблазнялъ, писать въ *Смоленскъ сестрамъ* ⁸⁾ и въ *Петербургъ* ⁹⁾ брату о томъ, что приѣмлю съ благоговѣніемъ свято всѣ отъ Святѣйшаго Синода издаваемыя церковно-учебныя книги, признавая оныя всѣ душеполезными и ко спасенію ведущими. При семъ, поелику церковь наша такъ чадалюбива, такъ попечительна о водвореніи мира между своими чадами, такъ снисходительна къ немощамъ человѣческимъ,

нѣя въ виду единственно спасеніе чрезъ себя доставить овцамъ своего стада словеснаго, что, изрекши строгій судъ на тѣхъ изъ заблуждающейся нашей братіи, которые, отвергнувъ поправленные ею богослужебныя книги, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, отвергли ее и лишились благодати, матерински о нихъ жалѣя, паки милостиво къ нимъ преклонилась и, позволивъ имъ употреблять прежде запрещенныя ею книги (запрещенныя по важнымъ ошибкамъ въ нихъ находящимся, немаловажныя разногласія съ истинною содержащими, какъ объясняетъ ученѣйшій мужъ св. Максимъ грекъ) признаетъ ихъ, повинующихся ея іерархіи, вѣрными своими чадами, а намъ велитъ почитать ихъ искренними своими братьями и общими намъ и имъ таинствами преподаетъ имъ, намъ спасеніе. Обратившіяся къ матери своей отпадшія прежде чада, но остающіяся еще въ немощи непринятія новыхъ, хотя и отъ церкви же созданныхъ, книгъ и въ которыхъ немощь сія церковію чадолюбиво терпится, имѣютъ нужду въ поученіи о догматахъ, таинствахъ, заповѣдяхъ вѣры, и церковъ, для наученія ихъ, неминуемо должна предложить имъ книгу, пасанную за два столѣтія, и по ней одной исповѣдующихъ святую нашу вѣру признаетъ истинно православными, достаточно умудренными во спасеніе. Ежели же церковъ сама такъ заботится о соединеніи всякаго между чадъ ея раздѣленія, что и наиважныя съ нею несогласія не почитаетъ препоною къ полученію благодати и спасенія, то какимъ образомъ ревнители ея, не токмо не подражаютъ ей въ снисходительной ея мудрости, но, питая въ себѣ недовѣріе и подозрѣніе, которымъ никогда не оскудѣютъ вины къ обвиненію, объявляютъ непричастнымъ благодати спасенія, церковію сообщаемой, человѣка, всѣ ея постановленія свято почитающаго и православное ея ученіе все безъ изыатія содержащаго? Не буди мнѣ призагаться къ отпадшимъ и паки возвратившимся съ немощію, но примѣръ ихъ привожу я только къ показанію того, что духъ нашей церкви, духъ миролюбія и единенія, ежели дышетъ въ насъ, то и мы, подобно ей, не токмо не должны по недовѣрію открывать причинъ къ раздѣленію въ вѣрѣ, но и кажущееся раздѣленіе приводитъ въ единеніе и не отвергать отъ единомыслія съ собою кажущихся намъ разномысленными, ежели они не суть таковы по признанію самой церкви. Угоризна въ слѣпомъ пристрастіи къ старымъ книгамъ справедлива ли въ отношеніи ко мнѣ, судите безпристрастно. Не только не пристрастенъ я къ старымъ книгамъ, но и почитаю ихъ погрѣшительными и только изъ снисхожденія церковію терпимыми, и все мое слѣпое пристрастіе къ старымъ книгамъ (гдѣ въ ученіи церковномъ говорится о старыхъ книгахъ, разумѣется, только о богослужебныхъ, новыми отъ церкви замѣненныхъ) окажется развѣ то, что я предпочиталъ православное исповѣданіе ¹⁴⁾ прочимъ катихизисамъ, но православное исповѣданіе не есть отнюдь изъ числа

старыхъ церковію запрещенныхъ книгъ, къ которымъ пристрастіе осуждается церковію. Книга сія будетъ всегда вѣнцомъ православія, яко испытанная судомъ всѣхъ православныхъ преемниковъ апостольскихъ и утвержденная общимъ всѣхъ одобреніемъ; золото, чѣмъ болѣе искушается огнемъ, тѣмъ дѣлается свѣтлѣе, а потому и теперь допуская, что и нашу единую православную церковію издаваемые учебныя книги, равно какъ и православное исповѣданіе душеспасительныя, нахожу, что нельзя книгъ сей не дать перваго между равными мѣста: и потому любить сію книгу и въ ней поучаться похвально, но только бы безъ уничтоженія прочихъ ей подобныхъ, церковію же утвержденныхъ: отъ послѣдняго меня Господь, по милости своей, избавилъ, и потому первое не заслуживаетъ порицанія. Книгу сію исповѣдуя всякъ вѣрующій приметъ въ отверстыя объятія церковей Божіихъ святыхъ, іерусалимской, константинопольской, антиохійской, александрійской и нашу апостольскою же все-россійскою церковію, конечно, не отринется отъ уготованной ею небесныя трапезы. Какъ же послѣ того утверждать можно, что таковой человѣкъ принадлежитъ къ церкви идеальной (идеальная церковь есть убожище протестантовъ, отвергнувшихъ всесовершенно видимую церковь, седмью столпами вселенскихъ соборовъ утвержденную) и до безконечности оскорбляетъ совѣсть его, объявленіемъ, что, при всей чистотѣ его вѣроисповѣданія, по книгѣ, церковію торжественно предъ всѣмъ міромъ одобряемой, онъ, страшусь сказать, тать ея таинства. Братія возлюбленные, поинилуйте, пощадите!

Письмо братьевъ, отъ 5-го апрѣля 1829 года.

Съ благодареніемъ сердечнымъ карающему насъ многогрѣшныхъ Господу, слышимъ мы, что ты листъ, заключающій единодушное наше исповѣданіе, точно такъ же принимаешь теперь, какъ ты его принялъ здѣсь твоею совѣстію, что ты даже писалъ въ П. и въ С., для отъятія всякаго претыканія отъ ближнихъ. Сіе увѣдомленіе твоего письма много уже, очень много помогаетъ смягченію обстоятельствъ нашихъ, потому не мало успокаиваетъ нашъ духъ и тѣмъ даетъ большую возможность говорить теперь съ подобающею кротостію. —

Одно лишь все тревожитъ насъ, что твой прежній образъ мыслей насчетъ разборчиваго приѣма настоящаго всеобщаго церковнаго ученія. Сіе то обстоятельство, обозрѣваемое тобою и нами съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ видахъ, есть вина несогласованія нашего съ тобою въ заключеніяхъ, въ посланіи нашемъ значащихся. —

Если ты, дѣйствительно, не смѣешь ни на волосъ отступить отъ церковно-учебныхъ вѣры преподаваній и совершенно съ нами единодушнѣ

быть являешься, не было бы и надобности даже распространяться о тѣхъ статьяхъ твоего письма отдѣльно.—

Ты указываешь на единовѣрцевъ. Здѣсь дѣлается снисхожденіе невѣжеству съ тѣмъ благимъ намѣреніемъ, что когда сіи невѣжды посредствомъ материнскаго попеченія церкви просвѣтятся, то они немедленно сами оставятъ свое упорство. Нельзя даже и предположить, чтобы кто изъ таковыхъ, просвѣтясь истиннымъ свѣтомъ богословскаго ученія, оставался въ тѣхъ теперешнихъ своихъ грубыхъ мнѣніяхъ.—А потому никому просвѣщенному уму невозможно въ примѣрѣ ихъ искать себѣ подкрѣпленія и убѣжища. Въ бытность свою здѣсь, ты самъ изрекъ, что и самое малѣйшее колебаніе въ пріятіи уставовъ церкви отдаляетъ отъ православія. Если и ты захочешь признаться чистосердечно, то слова эти тогда готовъ ты былъ употребить, если въ самомъ дѣлѣ не употреблялъ, противъ того самаго положенія, которымъ ты теперь ищешь укрѣпиться. Судя по образу тогдашнихъ твоихъ мыслей, едва ли ты въ сердцѣ одобрялъ сію благоразумную мѣру, пріятую церковію съ старообрядцами. Но это, впрочемъ, одна наша догадка. А если въ чемъ и подозрѣваемъ твою неправость, то надежда на милосердіе Божіе, при твоемъ благомъ намѣреніи, не допускаетъ опасенію нашему простираться до такой степени. Не мало, однакоже, тревожились о тебѣ въ семь отношеніи. Да, вѣроятно, и самъ ты теперь, перемѣнивъ образъ твоихъ мыслей, увидѣлъ бы сіе въ иномъ видѣ на иномъ комъ, который бы, по окончаніи священнику своей исповѣди, предъ выслушаніемъ разрѣшительной молитвы, зная, что нигдѣ такъ не у мѣста неискренность, какъ на семь судѣ, проговорилъ: «я за непремѣнное почитаю увѣдомить васъ, что то катихизическое ученіе о вѣрѣ, которое вы и всѣ пастыри учите и которому вы и всѣ пастыри учатъ своихъ духовныхъ овецъ, я пріемлю съ разборомъ, но не сіе токмо; я даже почитаю излишними всѣ церковно-учебныя книги, поелику есть уже книги о вѣрѣ, за два вѣка писанныя, которыя вамъ, можетъ быть, вовсе неизвѣстны, да и извѣстны лишь рѣдкимъ». Едва ли какой іерей рѣшится, послѣ сего твоего признанія, прочесть тебѣ разрѣшеніе, не посовѣтовавъ сперва оставить такое разборчивое исповѣданіе. Если бы даже ты сталъ приводить въ примѣрѣ нѣкоторыхъ старообрядцевъ, допускаемыхъ къ причащенію, то многіе бы сказали тебѣ на сіе, что сіи, терпяще церковію, братія наши, такъ невѣжественны, что церковь не рѣшается почитать ихъ отпадшими; что же касается до катихизиса вѣры и ученія, то въ нихъ отнюдь не могутъ, ибо подходятъ во всемъ со многими другими соотечественниками нашими, т. е. ничего о томъ не знаютъ. Великая разница погрѣшности противъ церковныхъ постановленій, отвергая оныя по невѣжеству грубому, какое отличаетъ допускаемыхъ къ церкви нашихъ старообрядцевъ,

и по упорству ума просвѣщеннаго, такъ видящаго всю важность пребыванія въ церкви нашей россійской апостольской, господствующей, что самомазѣйшее колебаніе почитающимъ отпаденіемъ отъ православія. Хотя дѣйствія и подобныя, но причины совершенно различныя. Вѣдущій волю господина своего бисѣтъ будетъ много, а невѣдущій—мало. Относительно до катихизическаго ученія, запрещающаго имѣть разборъ между старыми и новыми книгами согласны, что церковь здѣсь имѣетъ въ виду большую частію книги новыя, поправленныя, церковно богослужебныя и старыя неисправленныя. Однако же не подходятъ и подъ сію статью такъ предпочитающіе старыя богословскія, что новыя почитаютъ излишними: но тѣмъ и важнѣе сіе недовѣріе къ богословскимъ книгамъ недовѣрія къ служебнымъ, чѣмъ первая важность превосходитъ самую послѣднюю. Ты теперь самъ видишь ясно, что упомянутое тобою пріятіе съ разборомъ было погрѣшеніемъ. Но чтобы усмотрѣть его въ томъ видѣ, въ какомъ оно дѣйствительно должно быть, прослѣдимъ сіи слова твои до ихъ источника. Что иное, какъ недовѣрчивость въ сердцѣ показываетъ такое расположеніе ума? Отдай сіе на судъ глубочайшему изъ христіанскихъ философовъ, онъ также скажетъ; а потому, принявъ сіи свои мнѣнія положеніемъ, къ нашему же придешь заключенію.

Въ обѣщаніи твоёмъ заключалось сердечное пріятіе всего того, что мы тебѣ изъ ученія церковнаго представляли и твердое намѣреніе впредь во всёхъ мнѣніяхъ о вѣрѣ руководствоваться *настоящими церковно-учебными книгами* для того, чтобы не случилось никакихъ ни древнихъ, ни новѣйшихъ толковъ, руководствоваться такъ, чтобы уже опредѣленіе церкви въ вѣрѣ евангельской, догматической, неизмѣняемой не могло направить куда либо на апелляцію, чтобы даже самыми словами и выраженіями церкви исповѣдывать и выразить все Ибо, безъ сомнѣнія, безъ всякаго подозрѣнія вѣровать слѣдуетъ, что самая премудрость Божія умудрила и умудряетъ оную выражаться такъ въ догматахъ, что намъ не придется ничего ни прибавить, ни убавить. А твои теперешнія сужденія о церкви, о догматахъ вѣры далеко еще не сходятся съ ея ученіемъ.

Письмо кв. Сергія къ братьямъ отъ 20 апрѣля 1829 г.

Въ сіе всерадостнѣйшее торжество торжествъ не даетъ мнѣ мое сердце отвѣчать на обличительное ваше посланіе писаніемъ состязательнымъ, да не скорбь на скорбь прииму, да и впредь, по сей же причинѣ, едва-ли отверзнутся уста мои на словопренія съ вами о вѣрѣ православной, въ которой васъ почитаю твердыми, да и себя, благодатію Божіею, не колеблющимся. Скорбь же моя, при чтеніи вашихъ посланій, и еще вящшая,

при отвѣчаніи на оныя, состоитъ въ томъ единственно, въ первомъ случаѣ, что вижу васъ сѣтующихъ обо мнѣ, аки о отпадшемъ (Господь и Пречистая Его Матерь, уповаю несомнѣнно, хотя и грѣшнѣйшаго, меня, но до сей погибели не допустить во вѣки), и яко такового, обратить меня болѣзненно усиливающимися; а во второмъ случаѣ, что я вынужденъ бываю кое что сказать въ свою защиту; сокращая слово, по возможности, не могу однакоже сказать сего безъ нѣкаго облаченія къ вамъ относящагося, къ вамъ искренно мною любимымъ и уважаемымъ. Въ совѣсти же моей, скажу вамъ не обинуясь, тревоги никакой не чувствую; ибо, благодареніе Господу и Пречистой Его Матери, никогда еретикомъ, раскольникомъ, отщепенцемъ не бываю, не есмь, и (вѣрую Богу моему, не хотящу Ему смерти грѣшнику) никогда не буду. Даже, откровенно скажу вамъ и то, что иногда, по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ отъ строгаго вашего надо мною суда, утѣшенія Господня возвеселяютъ душу мою, вдыхая въ нее миръ и спокойствіе. Признаюсь вамъ и въ сей моей немощи, что не безболѣзненно для меня и то (хотя и чувствую, что благо мнѣ, яко смиряетъ меня Господь), что, приступая къ письменному съ вами собесѣдованію, вижу себя аки подсудимаго предъ судьей, для отданія мнѣ отвѣта и оправданія своего, въ чемъ? въ томъ, что я вѣрую православно! Отвѣтъ и оправданіе мое, на сей разъ состоитъ въ усерднѣйшей моей просьбѣ, чтобы вы, оставивъ всякое подозрѣніе, представляющее вещи въ иномъ видѣ, нежели онѣ суть, остались совершенно спокойными относительно моего православія, которое мнѣ, какъ я уже многократно объявлялъ, дороже самой жизни, и увѣрились, что нѣтъ между нами разногласія существеннаго, а развѣ только въ маломъ, да и то, при прилежномъ разсмотрѣніи, исчезаетъ.

Прочтеніе еще вновь богословскаго ученія вѣры есть для меня пріятнѣйшее и полезнѣйшее занятіе; хотя и нынѣ, при слабѣющей памяти, еще менѣе прежняго надѣюсь запомнить всѣ многообразныя ученія онаго подробности. Но въ семъ случаѣ уповаю, безъ всякаго сомнѣнія, что, при исповѣдываніи главныхъ основныхъ догматовъ, которыхъ забыть не можно, невѣденіе мое отъ непамятованія въ вину мнѣ не вмѣняется и не преграждаетъ мнѣ пути ко спасенію. Впрочемъ, по чувствованію совѣсти моей, не столько мнѣ настоятъ надобности въ вѣдѣніи познаніи умозрительной вѣры, сколько въ вѣдѣніи пріобрѣтенія дѣятельной, до котораго достигать нужно труднымъ путемъ укрощенія своихъ страстей, укорененіемъ въ сердцѣ своемъ чистыхъ отъ всякой примѣси христіанскихъ добродѣтелей, а паче всего смиренія, онаго, истинно евангельскаго, которое заставляеть человѣка почитать себя всѣхъ худшимъ и не позволяеть ему ниже думать о сужденіи ближняго, и за которое дается человѣку

благодать, умудряющая его простоту, наче всякой мудрости, собственно, человеческой.

Письмо братьевъ Алексѣя и П-а къ Сергію отъ 11 іюня 1829 года.

Любезный братъ, суди самъ, можемъ ли мы не тревожиться, если хотя и малое нѣчто несообразное замѣчаемъ въ тебѣ съ ученіемъ церковнымъ? Пусть бы еще, если бы мы не въ текстѣ богословія, не въ самыхъ словахъ разномыслили, а въ пріятіи онаго, давая другой смыслъ, нежели мы. Нѣтъ, въ самомъ текстѣ, который и не можетъ имѣть иного смысла кромѣ того, въ которомъ онъ отъ всѣхъ пріемлетъ и въ которомъ всѣмъ ученикамъ преподается. Что-же, ужели мы отойдемъ отъ суда церковнаго опять въ разныя стороны?

Оставь свои обмолвки въ дѣлѣ святыхъ вѣры и торжественно предъ всѣмъ свѣтомъ рѣшившись повторять *за церковію слово въ слово* и сіе ея исповѣданіе, точно такъ, какъ ты за нею слово въ слово повторяешь, приступая къ святѣйшей евхаристіи. Тогда только ты будешь ея вѣрный сынъ. Тогда успокоится нашъ духъ, тогда лишь совершенное единомысліе между нами возстановится.

Письмо братьевъ, писанное между 4—16 іюля 1829 г.

Принимаясь теперь отвѣтствовать на статьи твоего послѣдняго письма, во первыхъ, опять повторяемъ тебѣ, что ничего такъ не желаемъ, какъ прекратить наши споры, которые, при всѣхъ осторожностяхъ, не могутъ не питать духъ холодности не христіанской. И сіе зависитъ отъ тебя. Подлинно, одинъ почеркъ пера можетъ сіе произвести, сказавъ, что ты *слово въ слово пріемлешь все догматическое церковно классическихъ книгъ ученіе, держась, собственно, того смысла, который очевиденъ по свойству языка и который иначе пріемлемъ быть не можетъ.*

Письмо братьевъ отъ 14-го августа 1829 г.

Со стѣсненнымъ духомъ и сердцемъ будемъ мы читать отвѣты твои, если не увидимъ въ твоемъ отвѣтѣ подтвержденія слѣдующихъ строкъ: что ты въ подтвержденіе сказаннаго тобою и утвержденнаго аиннемъ присовокупляешь теперь, что дѣйствительно слово въ слово пріемлешь все догматическое церковныхъ классическихъ книгъ ученіе, держась, собственно, того смысла, который очевиденъ по свойству языка, и который иначе пріемлемъ быть не можетъ, слѣдовательно пріемлешь все упоминаемое въ *низшеозначенныхъ вымыскахъ* ¹¹⁾, которыя я разсудилъ за благо вторично предложить предъ тебя.

Письмо братьевъ отъ 23 сентября 1829 г.

Сказать правду, любезный другъ, всѣ письма твои, вмѣсто того, чтобы намъ правдиво отвѣчать на наши представленія и сказать что либо о приложенныхъ нами выпискахъ богословскихъ и катихизическихъ и тѣмъ показывать наше погрѣшеніе, наполнены жалобами, что мы почитаемъ тебя еретикомъ и пр. и пр. Напрасно ты жалуешься на насъ, любезный другъ, не мы тебя такъ называемъ, а собственная твоя совесть, сличая мнѣнія твои съ прочимъ церковнымъ ученіемъ, шепчетъ тебѣ нѣчто такое, которое возбуждаетъ твое опасеніе. Ибо смѣло можемъ сказать тебѣ, что на каждое твое спорное мнѣніе мы представляли тебѣ излагающее оное церковное ученіе слово въ слово, не имѣя куда выше взять на апелляцію; такое наше сужденіе и на такое церковное опредѣленіе ты довольствуешься лишь безъ всякихъ доводовъ стоять въ одномъ и упорно повторять одно и то же.—

Письмо князя Сергія къ братьямъ отъ 16 октября 1829 года.

Мирствуйте въ себѣ миромъ душевнымъ и тѣлеснымъ и престаньте смущаться помыслами, спокойствіе мое возмущающими. Да умалится, наконецъ, ревность ваша, пощадитъ мою немощь и избавитъ меня отъ томительнаго истязанія о моемъ православіи. Оно, повторяю вамъ, тоже и тоже, не причастно никакому заблужденію, ибо во всѣхъ догматахъ и ученіяхъ и преданіяхъ есть то, которое содержится святою православною нашею церковію, повиновеніе которой совершеннѣйшею почитаю я себѣ непреложною и священнѣйшею обязанностію и небеснымъ утѣшеніемъ въ сей наземной, скорбей и печалей исполненной жизни. По сей причинѣ, настойчивое ваше требованіе не можетъ не быть для меня болѣзненнымъ и уничижительнымъ, но не обиднымъ, ибо, хотя я и скорблю не мало отъ вашихъ обличительныхъ остререженій, однакоже не обижаюсь оными. Совесть моя, которую вы противъ меня возставляете, находится, въ семъ отношеніи, въ желаемомъ спокойствіи, и хотя утопаетъ во многихъ беззаконіяхъ, но не въ ереси, ибо извѣстно убѣжденіе мое, при помощи Божіей благодати, лучше лишиться жизни, нежели увлечься отъ спасительнаго православія. Предписываемый вами образецъ изложенія моего вѣрованія, для меня весьма посярамителенъ, и для васъ утѣшительнень бытъ не можетъ. Ежели я, увы мнѣ! по мнѣнію вашему способенъ предъ вами увертываться, то увертливость моя сыщеть себѣ и въ сей огородахъ отверстіе для убѣжанія. Что я писалъ вамъ, то писалъ отъ сердца откровеннаго, а не увертливаго, и не сомнѣвался, что оно будетъ читано съ христіанскою сердечною простотою, не допускающе чужихъ словъ толковать съ предположеніемъ коварства въ пишущемъ. Что помянутый,

предлагаемый вами мнѣ образецъ не можетъ васъ успокоить и утѣшить, довольно вамъ привести одну изъ вашихъ выписокъ: *тайны безъ вѣры того, кто тайну пріемлетъ, ничто не пользуетъ ему* ¹⁾). Ежели, по собственному смыслу разумѣть сіе слово, то должно оправдать анабаптистовъ, не крестящихся до совершеннаго возраста, и палистовъ, отлагающихъ миропомазаніе до совершеннаго же возраста, а младенцевъ вовсе отъ причащенія отгоняющихъ. Знаю, что есть объясненіе сими словамъ индѣ, но здѣсь, въ прямомъ ихъ смыслѣ, нельзя разумѣть ихъ иначе. И потому, мало еще принимать просто слово въ слово заключающееся въ церковныхъ книгахъ ученіе о вѣрѣ, но и съ разумнѣемъ православнымъ. Увѣряю васъ, что такъ я оное пріемлю и прошу васъ усерднѣе не тревожить меня дальнѣйшими истязаніями, которымъ конца не будетъ, да положить конецъ вашей недобѣрчивости, не советѣмъ совмѣстной съ христіанскою кротостію. Всякое малѣйшее даже противъ васъ возраженіе крайне для меня тягостно, и потому я всегда, сколько могъ, избѣгалъ онаго въ моей съ вами перепискѣ, а теперь уже не рѣшусь отнюдь продолжать горестнаго для меня о вѣрѣ словопренія.

Письмо князя Алексѣя отъ 28 ноября 1829 г.

Ты отрицаешься, по приглашенію нашему, исповѣдать все, безъ изыатія, догматическихъ церковно-классическихъ книгъ ученіе *слово въ слово* и держась того смысла, который очевиденъ по свойству языка и по разумнѣю всѣхъ учащихся и учащихъ по симъ книгамъ. Ты отрицаешь сіе исповѣдать! Что слышимъ, любезный другъ! И намъ ли, теперь ли, послѣ такого ли отзыва, время прекратить съ тобою о сихъ важнѣйшихъ вопросахъ переписку? Нѣтъ, любезный другъ, развѣ усугубить теперь время прежнюю нашу ревность.

«Предписываемый вами образецъ изложенія моего вѣрованія, пишешь ты, для меня весьма *посрамительный*, и для васъ утѣшителенъ быть не можетъ». Когда и кому и гдѣ изъ вѣрующихъ посрамительно было исповѣдывать вѣру по церковно-учебнымъ книгамъ? То мы заставляемъ тебя принять и исповѣдывать, что церковь издаетъ въ печать въ учебныхъ своихъ книгахъ, для напечатлѣнія словъ сихъ на нашихъ сердцахъ. Мы желаемъ, мы вождѣлѣнно желаемъ слышать сіе, исповѣдуемое устами твоими, дабы не сомнѣваться, что мы одинаковаго ученія и духа церкви причастницы. Тогда только ты могъ законно намъ въ томъ отказать, когда бы ты въ требованіи нашемъ нашелъ мѣста, отводящія тебя отъ церкви, а напротивъ, тогда требованіе наше показываетъ напряженіе всѣхъ умственныхъ силъ къ тому единственно, чтобы какъ можно несомнѣннѣе имѣть отъ тебя знакъ, что дѣйствительно ученіе церкви о спасеніи, въ учебныхъ ея книгахъ содержащееся, неизгла-

димо врѣзалось въ твоемъ сердцѣ. Не это ли исповѣданіе ты называешь для тебя посрамительнымъ? Будь оно у тебя врѣзано въ сердцѣ, какъ то слѣдуетъ въ каждомъ учащемся закону Божию, въ каждомъ христіанинѣ, ты бы не только не затруднился, по нашей неотступной просьбѣ, повторить языкомъ что непрестанно отзывается въ сердцѣ, но съ перваго раза, до того бы раскрылъ намъ сіе сердце, содержащее одну и ту же мысль съ церковно-учебными богословіями, что мы давно бы успокоились. Относительно до другой части вышеприведенной рѣчи твоего письма, что *исповѣданіе твое по нашимъ строкамъ* намъ утѣшительно быть не можетъ, позволяй, л. д., обратить на тебя слова, которыя ты прежде изрекъ намъ, что заключеніе твое сіе приведено безъ всякаго основнаго положенія. Какъ ни утѣшительно намъ будетъ слышать то, чего мы единаго отъ тебя добиваемся, для водворенія мира въ сердце, такъ давно безмирствующее и болѣзнующее. Дай ты намъ сей знакъ къ тому прежде, который прежде здѣсь оставилъ, мы бы вмѣли больше силы держать тебя въ единогласіи нашемъ противъ всякой посторонней силы, стремящейся тебя уловить; да и ты, положивъ сей сугубый якорь, крѣпче противился вѣтрамъ и бурямъ, въ несчастное время насъ разлучившимъ; умолкли бы все вихри состязаній, такъ разрушительно насъ порѣвающіе... Подъ однимъ бы небомъ мы плавали, однимъ свѣтилами водились, по однимъ картамъ и книгамъ все свое спасеніе, однимъ бы правымъ компасомъ управлялись.

Что принадлежитъ до послѣдующихъ словъ твоего письма, которое ты представляешь намъ: *что если приписываемъ тебѣ увертливость, то она сыщеть себѣ и въ сей огородкѣ отверстіе*, скажемъ тебѣ, л. д., что подлиннымъ словамъ прошедшаго твоего письма никакъ невозможно дать, какъ *твое благодареніе* намъ за *отклоненіе тебя со стези преткновенія въ дѣлахъ спры*, о которыхъ продолжалось, почти до самаго отъѣзда твоего, наше съ тобою несогласіе, и въ которыхъ листомъ примиренія послѣдовало (къ несчастію наружное только) *соглашеніе*. Сей то листъ примиренія еще сильнѣе подтверждаетъ, что и ты самъ, дѣйствительно, хотѣлъ дать словамъ твоимъ тотъ самый смыслъ, въ которомъ мы приняли оный и въ которомъ, безъ сомнѣнія, приметъ всякій, прочитавшій все твое письмо. Ибо ты самъ называешь листъ сей *условіемъ нашего примиренія*. Когда есть условіе примиренія, то должноствовало предшествовать оному недоразумѣнію. Оно и было, и продолжалось до жаркихъ споровъ, въ которыхъ мы *принятіемъ безъ разбора всего ученія церковно-учебныхъ книгъ* противопоставляли тебѣ, принимающему оное съ *разборомъ*. Что ты л. б. уступить, то доказываетъ сей *листъ примиренія*, въ которомъ ты *приложился къ нашему мнѣнію*, не изъясъ изъ онаго ни единой іоты, слѣдовательно, отрекшись

совершенно отъ прежняго своего съ разборомъ церковно-учебныхъ книгъ мнѣнія, слѣдов. ты торжественно исповѣдуешь вѣру твою по тѣмъ катих. и богослов. ученіямъ, которыя, по повелѣнію ея, проходятъ въ духовныхъ и свѣтскихъ училищахъ. Вотъ, за какинъ примиреніемъ, писалъ ты намъ благодареніе, что мы отклонили тебя отъ стези преткновенія. Нужно ли пояснять сей путь преткновенія? Неощутителенъ ли онъ каждому съ перваго времени? *И однакоже, ты совершенно отрекаешься отъ сего смысла? Скажи на милость, какъ намъ принять сей твой поступокъ?*

Не пройдемъ молчаніемъ и то, что ты потому еще *не повторяешь* требуемаго отъ тебя *исповѣданія*, что если ты употреблялъ *увертливость* въ одномъ случаѣ, ты можешь употребить ее и въ иномъ. Итъ, л. д., мы сего отъ тебя не чаемъ. Извнѣ, какъ ничтожна причина, которую ты представляешь явобы, удерживающую тебя отъ повторенія, и какъ вѣски всѣ тѣ обстоятельства, по которымъ мы добиваемся отъ тебя сей милости.

*Далѣе ты говоришь, что мало еще принимать слово въ слово заключающееся въ церковно-учебныхъ книгахъ ученіе о вѣрѣ, не и съ разумѣніемъ православнымъ. Но таковыхъ необъясненныхъ мѣстъ оставленныхъ читателю самому избирать правое оныхъ разумѣніе, не находится вовсе въ богословскихъ нашихъ книгахъ. Все въ нихъ до того истолковано, что предостаточно будетъ вѣрою принимать оное слово въ слово— всѣ исчезли затрудненія, всѣ ложныя понятія испровергнуты. Доказательствомъ тому, что церковь находитъ достаточнымъ *вербальное омызъ изреченіе, служитъ то, что учащимся повелѣваетъ учить оное слово въ слово, наизусть, и при экзаменахъ требуетъ такого же вербальнаго отвѣта отъ вопрошаемыхъ. Смыслъ церковно-учебныхъ книгъ такъ ясенъ и простъ, что еще не приходило никому въ голову сказать, что онѣ заключаютъ въ себѣ какое либо важное непониманіе, которое бы до того измѣняло смыслъ, что опасно буквально исповѣдать оное. Такое представленіе что бы иное значило, какъ не прямую *недоверчивость, какъ неподрываніе кореннаго богословскаго ученія?***

Сколько ни издаваемо было катихизисовъ и богословій отъ временъ перваго оныхъ написанія въ Россіи, всѣ они въ смыслѣ своемъ ни мало не разнствуютъ; большая же часть даже въ послѣдующихъ писателяхъ есть ни что иное, какъ вербальное повтореніе предыдущихъ. Само собою разумѣется, если бы какія мѣста въ богословскомъ ученіи предыдущихъ писателей нашлись такъ не поясненными, что подлежали толкованію, то, безъ сомнѣнія, послѣдующіе не оставили бы сдѣлать сей важной поправки. Поясненія были и будутъ, вѣроятно, впередъ, но такія, которыя ни мало не перемѣняютъ значенія, а только оное болѣе и болѣе раскрываютъ и распроетраняютъ. Для чего такъ поступаетъ церковь? Для

того собственно, чтобы въ нихъ дать всеобщій образецъ, какъ подлежить принимать и разумѣть вѣрующимъ всѣ спасительныя евангельскія истины. Это есть знамя, подъ которое собираются въ состязаніяхъ вѣры, къ нимъ повелѣваетъ церковь обращаться во всѣхъ сомнѣніяхъ и недоумѣніяхъ. Не нимъ, вербально исповѣдуемымъ, она отличаетъ своихъ православныхъ чадъ, съ ними она непобѣдима ни въ какихъ прѣихъ.

Съ удивленіемъ и страхомъ повторяемъ, что сіе ученіе—слово въ слово исповѣдывать—недостаточно, неправославно, безъ одушевленія онаго содержимымъ въ умѣ православнымъ разумѣніемъ? Стало быть, оно есть, по такому мнѣнію, бездушное мертвое тѣло, и только оживляемое отъ тѣхъ, которые имѣютъ силу сообщать оному *душу въ православномъ ихъ разумѣніи*, котораго слѣдовательно не имѣется въ семь вѣрованіи, ибо вербальное онаго исповѣданіе, по мнѣнію тому, не живо, недостаточно. Вотъ, какое новое ученіе! Гдѣ же оно и вѣкъ написано? Кѣмъ сочинено, кѣмъ утверждено?

Ты, въ подтвержденіе твоего мнѣнія, что *литеральное богословской вѣры изложеніе недостаточно*, приводишь и примѣръ, но примѣръ такой, который ты самъ же послѣдующими словами твоего письма лишаешь совершенно всей дѣйственности, всего вѣса для своей стороны.—Ибо кто не пойметъ, что слова сія: *Тайны безъ вѣры того, кто тайну пріемлетъ, ничто не пользуютъ ему*,—относятся къ взрослымъ? Самое слово *пріемлетъ* сіе предполагаетъ. Когда я тебѣ приводилъ сіе мѣсто богословія, то ко взрослымъ его и прилагалъ противъ твоего мнѣнія, которымъ ты утверждалъ такое положеніе, которое куда ни поверни, не можетъ никакъ быть показано сообразнымъ съ сими словами богословія. Не знаю, какъ ты можешь дать имъ *православное разумѣніе*? Ибо здѣсь, какъ и во многихъ другихъ показанныхъ тебѣ мѣстахъ изъ ученія церковно-классическаго, они съ твоими мнѣніями діаметрально противоположны. *Какая пространная отверзается дверь всякаю рода толкамъ* и самомагнѣйшимъ допущеніямъ, что церковное изложеніе вѣры недостаточно, для безопаснаго вѣрованія и исповѣданія по немъ слово въ слово. Всякій сталъ бы называть *православнымъ свое разумѣніе*.. и такое явилось бы множество толковъ. Много бы буйныхъ головъ и много бы волковъ въ овечьихъ кожахъ старались завалить сіе пространное отверстіе. Но благодареніе Неизреченному Спасителю и Богу нашему! Огражденіе церкви нашей такъ прочно, такъ надежно, что крѣпко накрѣпко запертъ входъ *симъ перелезающимъ* инудъ. Всѣ внутри ограды сей пребывающіе безопасны, *кромя развѣ добровольно перескакивающихъ за ограду*.

Мы, съ подобающимъ благоговѣніемъ пріемля ученіе церкви, смѣемъ думать, что вѣра евангельская церковію, Духомъ Божиимъ руководствуе-

ной, такъ изложена, на основаніи священнаго Писанія, что нельзя къ ней ни прибавить ни убавить. И въ первые вѣка, до появленія ересей, ученіе сіе прикровенно было для гибляющихъ, которымъ и евангеліе было на паденіе. А когда Господь допустилъ ересямъ быть, когда Господь открылъ апостоламъ и преемникамъ ихъ тѣ мѣста ограды церковной, въ которыхъ волцы хищнически извлекаютъ Христовыхъ овецъ, съ тѣхъ временъ всѣ сѣн, бывшіе для нихъ пролеты соборами святыми были болѣе и болѣе, по указанію самихъ еретиковъ, забираемы новыми постановленіями. Сіе допускалъ Господь для того, чтобы всѣ возможные бредни лжеучителей и лжетолковниковъ, одинъ за другимъ, имѣли свое явленіе и признаніе и для того собственно, чтобы послужить церкви къ сооруженію ограды, для всякаго духа ересей уже непроницаемой. Вотъ, уже сколько вѣковъ не появляется никакихъ новыхъ бредней, а всѣ тѣ, волнующіе умы неутвержденныхъ, подъ именемъ новыхъ, лишь во мракѣ невѣжества выпускаютъ свой *Ignis fatuus*. *Крѣпкое и извѣстное утвержденіе мы имѣемъ теперь въ церковно-учебныхъ книгахъ*. На всякое всевозможное недоумѣніе не токмо изъ важнѣйшихъ догматическихъ, но и изъ второстепенныхъ статей вѣроисповѣданія имѣется предостаточное объясненіе. Мы и не смѣемъ думать, чтобы объясненіямъ богословскимъ *давать наше или чье либо разумніе; напротивъ, богословію церковной повѣряемъ все наши о вѣрѣ понятія и разумнія, вѣруя несомнѣнно, что онѣ заключаютъ въ себѣ полное и предостаточное*, въ вербальномъ ихъ пріятіи, все апостольское ученіе. Но и ты самъ, разномыслящій съ нами въ семь, не можешь, доколѣ читаешь сердцемъ *Символъ Вѣры*, не исповѣдать онаго *слово въ слово*, подобно тому какъ пріятіе всѣхъ объясненій *Евангелія* не токмо не препятствуетъ, но еще утверждаетъ тебя исповѣдывать сію святую книгу *слово въ слово*.

Нѣтъ, л. д., не имѣешь ты никакой самаглавнѣйшей *закономной отговорки не повторять написанныхъ тебѣ строкъ*. И отказъ твой не можетъ не вселять подозрѣніе. Ты называешь сіе повтореніе *посрамительнымъ*. Въ какомъ это отношеніи? Строки наши суть изложеніе мнѣній, благопріятствующихъ церковному ученію, онѣ суть изложеніе ревнующихъ по тому ученію, въ которомъ и мы и ты воспитаны и которому и мы и ты обязаны всѣмъ, что имѣемъ добраго. Что же тутъ посрамительнаго для тебя? Сверхъ того, предвидя, что ты, не жалая принимать церковно-учебнаго исповѣданія въ томъ видѣ, въ какомъ оно представляется для буквальнаго но нимъ вѣрованія всѣхъ и cadaго, ухватившись за смыслъ, заключающійся подъ буквою сихъ книгъ, мы тебѣ и въ семь отношеніи заперли выходъ, включая въ сѣнь строкъ и о *смыслѣ*, а именно, что ты, при повтореніи сихъ строкъ, принимать

будешь въ нѣтъ тотъ самый смыслъ, который очевиденъ по свойству слова и который иначе, безъ погрѣшенія, пріемлемъ быть не можетъ, который и есть настоящій смыслъ церкви. Что же тутъ *посрамительнаго*? Если ты оскорбляешься тѣмъ, что мы дерзаемъ присылать тебѣ строки, для повторенія твоего исповѣданія, то не иначе положить можно причину посрамительности, какъ изъявъ изъ нашихъ съ тобою сношеній братскую, дружескую изъ дѣтства, всякую связь. Ибо связь сія вполне допускаетъ, уполномочиваетъ насъ говорить съ тобою самымъ искреннимъ языкомъ и требовать отъ тебя того, что мы требуемъ. Молчаніе наше или хладнокровное равнодушіе были бы вѣроломствомъ преступнымъ въ христіанскомъ смыслѣ. Сообразно ли такое оскорбленіе твое съ тою искренностію, которая отъ юности и до старости между нами существовала. При братскихъ прежнихъ твоихъ къ намъ чувствахъ, могутъ ли оскорбленіе, посрамительность и пр. быть положены на вѣсы съ безпокойствомъ нашимъ, съ тревогою сердца, которая, сильно ударяя въ него, не даетъ ему отдохнуть. Какія твои христіанскія добродѣтели могутъ оскорбиться сямъ живѣйшимъ изъявленіемъ нашей къ тебѣ любви и ревности? Если напротиво христіанскимъ чувствамъ требованіе наше, то, безъ сомнѣнія, онѣ и не могутъ быть источникомъ дѣйствія противящагося сему требованію.

Достаточно прочесть твою причину *непосторенія*, доставленныхъ тебѣ *строкъ о православіи* (православіемъ мы называемъ все ученіе церковно-учебныхъ книгъ, православными тѣхъ, которые въ вѣрѣ много толкованія не пріемлютъ кромѣ того, которое значитъ въ сѣмъ всеобщемъ Евангеліи Христова проповѣданіи), достаточно замѣтить, что ты, избѣгая какой-то *посрамительности*, не хочешь удовлетворить неоднократно требованіямъ нашего сердца, все еще съ тобою тѣсно соединеннаго, ищущаго себѣ покоя въ сихъ строкахъ, достаточно сего, чтобы удостовѣриться, что не посрамить себя ты опасешься, а *другая есть тому причина*. Когда мы пребывали въ единомысліи съ тобою, ты не токмо не тяготился посрамленіемъ чести твоей, но готовъ былъ жертвовать своимъ покоемъ для упокоенія брата. Новымъ совѣмъ языкомъ слышимъ мы тебя, говорящаго съ нами такимъ образомъ. Если даже и самую сію посрамительность взять въ соображеніе, то какого позора можешь ты чаять отъ словъ твоихъ, не простирающихся даже нашихъ очей.

Нельзя никакъ, послѣ всѣхъ твоихъ отзывовъ не подозрѣвать, что ты съ намѣреніемъ избѣгаешь исповѣдывать буквальное ученіе церкви и считаешь недостаточнымъ церковное ученіе *слово въ слово*... Апостольская есть наша церковь, слѣдовательно и апостольское ея ученіе, а потому истинно вѣрующій долженъ такъ принимать каждое слово

церковной проповѣди, или *я учебныхъ книгъ*, какъ бы оно исходило отъ *самыхъ апостоловъ*, или изъ устъ великаго учителя языковъ, верховнаго апостола Павла, который и есть основатель нашей церкви. Теперь, представь себѣ на мѣстѣ священника, обучающаго народъ закону по церковно-учебнымъ книгамъ, самого Павла, подобно тому какъ онъ дѣйствительно стоялъ и училъ обращенныхъ имъ коринтянъ и прочихъ греческихъ народовъ, сіе же слово ко всѣмъ намъ и тебѣ обращающаго, повернулся ли бы у тебя языкъ сказать по выходѣ, съ неба принесенной апостольской проповѣди, отрицаться исповѣдывать вѣру свою его небесными словами *слово въ слово*? Не почелъ ли бы ты посрамительнымъ для себя, когда бы мы, тогда же, предложили тебѣ повторить такія слова, которыхъ вся цѣль въ томъ, чтобы, повторяющему оныя, показать себя какъ можно ближе и точнѣе приемиющимъ апостольскую проповѣдь? Нѣтъ, конечно нѣтъ. Ты бы, даже, старался повторять всѣ истины вѣры, какія слышаны тобою отъ апостола. Не такъ ли же повелѣваютъ намъ и апостольскіе преемники, во гласѣ и ученіи которыхъ слышится самый гласъ апостольскій; повелѣваютъ намъ отвѣтствовать тѣми безопаснѣйшими словами, которыя свѣтлая мудрость такъ изложила, что, исповѣдующій оными вѣру свою, такъ далеко отстоитъ отъ ложныхъ толковъ, какъ только можетъ отстоять истина отъ лжи. *Не ясно ли тебѣ теперь, отрекающійся исповѣдывать вѣру свою буквально словами церковно-учебныхъ книгъ, отрицается исповѣдывать слово въ слово ученіе самихъ апостоловъ.*

Ты, отказомъ принять исповѣданіе, сомнѣніе наше усилилъ до высшей степени. *Недовѣрчивость твоя къ церковно-учебнымъ книгамъ*, теперь, симъ послѣднимъ нашимъ исповѣданіемъ еще болѣе обнаружилась. Взявъ теперь обратно твое признаніе въ томъ, что мы отклонили тебя отъ преткновенія въ вѣрѣ, ты изгладилъ изъ памяти, происходившее здѣсь между нами примиреніе, въ которомъ ты уступилъ всѣмъ нашимъ требованіямъ и утвердилъ актъ, совершенно низлагающій всѣ твои, несогласныя съ нами, мнѣнія безусловнымъ пріятіемъ ученія церковно-учебныхъ книгъ. Предавъ совершенно забвенію твое здѣсь отреченіе, ты теперь поставилъ себя и насъ въ самое то положеніе, въ которомъ мы находились прошедшаго года, сентября, когда ты у насъ обнаружилъ ясно твое съ нами разномысліе, изрекши слова: *пріемлю съ разборомъ*. Приведи себѣ на память сіе время и часъ, вспомни всю эту болѣзненную сцену, вспомни, до какой степени ты насъ сразилъ симъ изреченіемъ, котораго наименѣе ожидали мы отъ тебя. Ты не можешь совершенно сбросить съ совѣсти, какое произошло неожиданнѣйшее зрѣлище между нами, братьями христіанами, братьями, отъ которыхъ все наше семейство ожидало совѣтовъ и утѣшеній и примѣровъ благочестія, къ

которымъ довѣренность они проявляли порученіемъ воспитать своихъ дѣтей, до того несогласнымъ въ ученіи о вѣрѣ, что мы заградили свой слухъ, просили тебя заградить твои уста, изъ которыхъ, послѣ словъ: *пріемлю съ разборомъ*, дѣйствительно, небезопасно было намъ, *съ словъ* гораздо тебя неискуснѣйшимъ слушать тебя, пріуготовившагося изложить предъ нами апологію сихъ словъ. Ты, изрекши ихъ, заставляешь насъ взять мѣру, для братскаго нашего сердца весьма насильственную, и мы, съ скрѣпившимся сердцемъ, просили тебя не продолжать твоихъ разсужденій на столь неправое положеніе. За сценой сей слѣдовало молчаніе о дѣлахъ вѣры. Ибо мы, по совѣсти, не смѣли слушать твоей апологіи на слова: *пріемлю съ разборомъ*, которыми ты запечаталъ для насъ твои уста. Спустя нѣсколько дней, ты поправъ сію мысль торжественнымъ признаніемъ твоей неправости и принялъ примирительный листъ. Ты былъ очевидцемъ, съ какою радостію отверзли мы опять слухъ нашъ, съ какимъ веселіемъ и умиленіемъ изъявляли мы тебѣ нашъ восторгъ, слыша твое, совершенно вопреки пріятію съ разборомъ, пріятіе церковно-учебныхъ книгъ безусловное. Но, непродолжительна была сія радость. *Теперь, сіе второе твое отступленіе*. Ты, повидимому, только лишь сего и добивался, чтобы заставить насъ замолчать, ежели несогласіемъ съ нами, какъ прежде, *словами твоими*, то изъявленіемъ, необыкновенно, разномыслія твоего съ нами, съ духомъ рѣшимости, который говоритъ: «что вы не пишете, а я все останусь при своемъ мнѣніи».

Разсмотрите еще пристальнѣе *непозволительность словъ: пріемлю съ разборомъ* въ устахъ истиннаго сына церкви. Что могутъ значить слова *сін съ разборомъ* какъ не то, что есть *нѣкоторыя* постановленія церкви нашей православной, основывающейся на чистотѣ евангельскихъ ученій, которыхъ ты не не принимаешь, а принимаешь по тому толку, который несообразенъ съ ея евангельскихъ истинъ объясненіемъ. Ибо *церковно-классическія* книги суть не иное что, *какъ также объясненіе три евангельской*, которое всякій вѣрующій можетъ смѣло *принимать слово съ слово*, по которому всѣ чада церкви, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, должны вербально исповѣдывать сіе евангельскихъ истинъ и спасительныхъ догматовъ истолкованіе. Таковаго ученія и объясненія разборчавое пріятіе явно показываетъ несогласованіе съ тѣми, касательно которыхъ церковь предписываетъ преподавать и объяснять вѣру во всѣхъ безъ изыатія училищахъ и проповѣдывать съ кафедръ.

Вслѣдъ за объявленіемъ словъ: *пріемлю съ разборомъ*, ты увѣрялъ еще меня, что мы ни въ чемъ не разнствуемъ. Какъ не разнствуемъ? Ты видишь, какъ ты отъ насъ отступилъ. *Безпричинная* твоя къ намъ *холодность*, нами тебѣ указанная и тобою вовсе не оправданная, есть мутная струя, причлествующая только мутному источнику, т. е. отступле-

нію отъ безусловнаго пріятія догматическаго ученія церковно учебныхъ книгъ...

Видимъ тебя, не искренно съ нами примирившагося, не искренно на наши письма отвѣтствовавшего... Можетъ быть, Господу угодно симъ случаемъ съ тобою испытать нашу вѣру и любовь, испытать оную въ сношеніяхъ съ столь близкимъ намъ лицомъ и о такомъ важномъ предметѣ. Да сподобитъ насъ Господь показать себя тебѣ братьями не по здѣшнему міру, не по тѣлу только, но и по духу. Пржегіе многіе опыты, въ которыхъ мы неосмотрительно склонялись на прекращеніе спорнаго слова и которые, открывшимся новымъ обстоятельствомъ, неоднократно опять возобновлялись, опыты сіи научили насъ осторожности. Воистину, должны мы всѣми мѣрами стараться сорвать съ устъ твоихъ неблаговременное положеніе: *пріемлю съ разборомъ*.

Смотри, куда тебя завели твои новые учителя. Что иное скажутъ всѣ *секты ищущихъ раскольниковъ*, которые, дѣйствительно также, одно пріемлютъ, другое не пріемлютъ, или, по своему, даютъ *православное* толкованіе такимъ ученіямъ вѣры, которыя теперь преимущественно въ богословіяхъ и катихизисахъ нашихъ разсматривались... Не ясно ли, что *принимать съ разборомъ* есть прямо вдаваться въ сіи толки, которые безчисленны.

Если бы объ одномъ какомъ мѣстѣ церковно-учебныхъ книгъ ты намъ объявилъ свое недоразумѣніе, то и это не могло бы насъ не тревожить и не побуждать насъ всѣми силами подвизаться примирить твое недоразумѣніе съ церковнымъ ученіемъ, но мы слышали нашими ушами твою недовѣрчивость къ книгамъ неограниченную, *слышали о твоихъ сужденіяхъ, вопреки многимъ мѣстамъ сихъ книгъ*. Неискренность поступковъ твоихъ заставляетъ насъ болѣе и болѣе подозрѣвать нечистоту источника, отъ котораго онъ чрезъ тебя къ намъ истекаетъ.

Какъ будто для того ты получилъ вѣсь въ семействѣ, чтобы такъ необдуманно перевѣшивалъ имъ правую сторону. Не однимъ намъ бросилась въ глаза сія неожиданная *въ тебѣ перемѣна*. Вездѣ, въ семействахъ нашихъ, въ домахъ оставилъ ты слѣды, по которымъ воспоминанія о тебѣ растворены грустью. Оба наши брата семейные были свидѣтелями нашихъ съ тобою преній, сверхъ того, *въ Дерновѣ* ¹³⁾, ты, съ обычною твоею настойчивостію, слабѣйшему сосуду старался писать въ совѣсть *недоверчивость къ книгамъ свящ. Писанія, издаваемымъ съ благословенія св. Синода*, къ чтенію оныхъ приглашающаго, и сіе по причинамъ, которыя явно показываютъ въ тебѣ, отъ другихъ военный предразсудокъ. Ты, послѣ, въ письмахъ твоихъ, признаешь твою въ семь неправость, ибо пишешь намъ, что ты о сей перемѣнѣ мнѣній твоихъ писалъ въ *Петербургъ* и въ *Смоленскъ* ¹⁴⁾, гдѣ, вѣроятно, ты также, не-

осторожно увлекши онымъ, самымъ тобою признаваемымъ *предразсудкомъ*, распространившимся, какъ и въ Дерновѣ, куда ты однакоже не писалъ ни слова о семъ, а потому сей монументъ раздѣленія твоего съ нами во мнѣніи о вѣрѣ еще остается.

Сие переложеніе Новаго Завѣта на Россійскій языкъ, скажемъ шмехомъ, за которое многіе и многіе благодарятъ и царя, указавшаго сие сдѣлать и потрудившихся въ семъ дѣлѣ — переложеніе, какое предлагается чадамъ нашей церкви за скрѣпою и печатью самой церкви, достаточно свидѣтельствующей ея точность и вѣрность со священными подлинниками, напоминаетъ тебѣ о *твоемъ переложеніи многихъ мѣстъ есей св. Библии* ¹⁶⁾, въ которомъ ты дозволялъ себѣ прибавлять многія слова, въ святомъ текстѣ не находящіяся, и безъ котораго не составилось бы переложеніе сіе на языкъ поэзіи. Въ семъ предпріятіи, позволь тебѣ сказать, ты не привелъ себѣ на умъ сіи важныя истины, что слова *свящ. Писанія отличны отъ словесъ людскихъ* тѣмъ нарпаче, что въ мірскомъ писателѣ человекъ другой, мудрѣйшій его, можетъ смыскаль, нѣчто прибавить или убавить, чтобы до послѣдней степени сдѣлать слова равновѣсными съ мыслію, хотя и здѣсь не всегда это удается. А потому, прибавленіе и убавленіе еще допустимо. Въ божественныхъ же словахъ и строкахъ сего допустить невозможно безъ перемѣны и смысла словъ, ибо вѣдоносенный языкъ изложилъ самими непогрѣшимыми вѣсами истины, такъ что и самаголѣйшая іота прибавленія и убавленія непременно перемѣняетъ текстъ.

Не забывай, з. д., сего правила истинной набожности, по которому послушаніе пріемлется ваче поста и молитвы, послушаніе тѣмъ самымъ церковно-учебнымъ книгамъ, которыя существуютъ и теперь, коимъ ты обязался, вступая въ завѣтъ съ Богомъ во св. крещеніи, когда св. наша церковь воспріяла тебя въ свое материнское лоно. Св. ученіемъ она питала тебя до совершенныхъ лѣтъ, и далѣе давала возрасти въ тебѣ многимъ христіанскимъ добродѣтелямъ. Не теперешнее измѣненіе образа мыслей поставило тебя въ то состояніе благочестія, въ которомъ служилъ ты намъ всѣмъ образцомъ христіанской жизни. Отнюдь нѣтъ. Ибо развѣ въ пятый уже десятокъ твоей жизни послѣдовало сіе, непонятное для насъ, измѣненіе.

Можемъ смѣло ручаться, что ты, воспріявъ теперешнія мнѣнія съ раннихъ лѣтъ, не токмо далеко не достигъ твоей высоты духовной, на которую, съ благодатію Божіею, возвели тебя церковно-учебныя книги. открывъ тебѣ множество источниковъ истиннаго Богопознанія, по всей обширной словесности, въ которой Господь отверзъ тебѣ понятіе. Ты тогда ограниченнымъ мнѣлъ бы твое святѣйшія нашей вѣры познаніе, которое немного продвинуло бы тебя изъ предѣловъ той толпы, которой

все богопознаніе состоитъ изъ познанія нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ вѣры и обычаевъ людскихъ, и на которую любвеобильнымъ христіанамъ невозможно смотрѣть безъ особеннаго сокрушенія; и сіе положеніе наше есть волюнтарное, не токмо при невѣжествѣ, но и при просвѣщеніи твоёмъ въ вѣрѣ сильное твое стремленіе съ прочими къ одобренію всего невѣжества, какъ только ты, приложившись къ прочимъ, давъ способностямъ твоимъ направленіе, противное истинной пользѣ человѣчества и духу церковной проповѣди. Самый тотъ здравый смыслъ и здравое сужденіе о вѣрѣ, которые дѣлали тебя нашимъ учителемъ, которымъ ты совершенно обязанъ тому духу, тѣмъ правиламъ, тѣмъ ученіямъ церкви, которыя заключаются въ ея учебныхъ книгахъ, ты теперь обращаешь противъ оныхъ. Невозможно, чтобы ты могъ что либо сыскать въ книгахъ, ею не запрещенныхъ, на что бы тебѣ упереться въ выше писанномъ и прочихъ твоихъ противныхъ ей мнѣніяхъ. Ибо и намъ, и всякому извѣстно, что всѣ издаваемые ею, учебныя книги совершенно единомысленны въ мысляхъ о вѣрѣ. Да кто дерзнетъ сказать сему противное, кромѣ явныхъ ея недоброжелателей. На что же ты опираешься, держа не принимать ея положеніе, въ учебныхъ книгахъ содержащееся и такъ объясненное, что самое требованіе новаго объясненія показываетъ большею частію, одну недовѣрчивость къ ней отъ вопрошающаго?

Теперь ли молчать? Когда прежде писали тебѣ листами и тетрадами, *то теперь надобно тетрадами и книгами*. И продолжать желаемъ доколѣ не получимъ отъ тебя извѣстія прямаго, безъ всякихъ околѣностей излагаемаго, что ты отрицаешься совершенно, съ подобающимъ сокрушеніемъ, отъ словъ: приемаю съ разборомъ и, напротивъ, приемаешь все совершенно все догматическое церковно-учебныхъ книгъ въ томъ самомъ объясненіи вербальномъ, которымъ повелѣвается намъ всѣмъ, учащимся закону, исповѣдывать вѣру свою, не уклоняясь ни въ какіе толки, и держась, собственно, того смысла, который очевиденъ по свойству языка и по намѣренію писателя

Доставленные тобою три псалтиря, для насъ и для П. А., мы получили, за которые приносимъ нашу чувствительную благодарность кн. Е. В. также и тебѣ. Нельзя не сказать тебѣ о томъ, что мы встрѣчены были при первомъ раскрытіи сей свящ. книги. Вотъ первыя слова ея: «иже хочетъ спастися, прже всѣхъ подобаетъ ему держати каеволическую вѣру, ея же, аще кто цѣлою и непорочною не соблюдаетъ, кромѣ всякаго недоумѣнія, во вѣкъ погибнетъ». А потомъ, въ концѣ сего, символъ во святыхъ отца нашего Аванасія, который первымъ положенъ въ псалтири: «сія есть каеволическая вѣра, ея же, аще кто вѣрно и *извѣстно* вѣрити не будетъ, спастися не возможетъ». Зная, что сія статья есть столь давнее время нашихъ съ тобою препирательныхъ переписокъ, ты

можешь легко судить, какъ не мало мы были удивлены, слыша великаго во святыхъ патріарха, рѣшающаго намъ съ тобою споръ утверженіемъ нашихъ и церковныхъ тебѣ словесъ и представленій. Замѣть, что св. патріархъ говоритъ намъ такими сильными и прямыми словами, что не даетъ мѣста никакимъ окольнымъ словамъ...

Оканчивая сіе наше посланіе, опять, попрежнему, просимъ тебя написать твой отвѣтъ вышесказаннымъ строкамъ, которыя, для повторенія, опять тебѣ посылаемъ. Невозвращеніе обратно къ намъ въ твоемъ письмѣ строкъ сихъ опять удвоитъ и нашу боязнь и наше подозрѣніе.

Письмо князя Сергія, отъ 28-го Декабря 1829 г.

Получилъ я многосложный вашъ свитокъ, и какъ прежде, такъ и сей прочелъ съ сокрушеніемъ духа; благодарю Господа смиряющаго меня и молю Его отъ всего сердца, да призритъ на смиреніе мое. Умоляю Его благость, да положится, наконецъ, конецъ прискорбнѣйшему для меня состязанію и имѣю твердую мысль кончить оное съ моей стороны. Съ кончающимся годомъ, нынѣ еще разъ, скрѣпясь духомъ, изреку вамъ нѣчто въ отвѣтъ на ваше обличительное и укорительное посланіе. Не буди мнѣ во вѣкъ стыдиться и срамляться благовѣствованіемъ Христовымъ, въ немъ же душа моя находитъ единственное для себя въ мірѣ сѣмъ утѣшеніе, и предстою я лицу Божію въ общественныхъ церкви богослуженій, трижды днемъ исповѣдую я предъ Господомъ и человѣками вѣру православную, которую столько люблю, что, при содѣйствіи благодати, предпочитаю сохраненіе оной сохраненію самой своей жизни. А ежели требованія ваши остаются не исполненными и кажутся мнѣ погрѣшительными, такъ это единственно потому, что предполагаютъ меня еретикомъ асесловеснымъ, котораго надобно обязать подписками въ вѣрѣ, и такими, чтобы запретить коварству его всѣ возможные выходы. Какой для меня срамъ! Какая для сердца моего бользнь! Для сердца, дышущаго благоговѣніемъ къ церкви и почитающаго святымъ и божественнымъ не токмо все ея ученіе, но и всякое ея постановленіе. Признать себя таковымъ, согласиємъ дать, требуемая ревностію вашею, подписки, возбраняетъ мнѣ моя совѣсть, въ семъ отношеніи совершенно мирствующая, по строгомъ внутреннемъ испытаніи моего вѣроисповѣданія. Умъ мой ужасается и не виѣщаетъ мысли о приписуемомъ мнѣ еретичествѣ.

Сердце скорбитъ, получая удары и поношенія самочувствительнѣйшія, но слава въ вышнихъ Богу! Миръ въ душѣ моей не нарушается, ибо, благодатию Божіею, есмь рабъ Всю, хотя и лѣзавый и лукавый по дѣламъ, но не врагъ по вѣрѣ. Поимыслите, каковыми представляють меня ваши обвиненія, ни прежде не было, ни теперь нѣтъ никакой надобности обращать къ православію того, которому православіе есть сокровище сердца. А что я писалъ къ вамъ объ отвлеченіи меня отъ стези, ведущей къ преткновенію, то опять, по строгой совѣсти, утверждаю предъ вами, что въ сихъ словахъ мысль моя не касалась вѣры, а только любви къ ближнему, которая отъ излишней ревности могла пострадать отъ нѣкотораго мысленнаго раздѣленія, которое возможно было привести къ единству. И помянутыя слова мои, сколько мнѣ помнится, писаны вамъ въ отвѣтъ на ревность вашу ту, которая требовала отъ меня отчета въ поступкахъ моихъ, а не только въ вѣрѣ. Требуемая вами подписки считаю излишними, за одну всегдашнюю мою подпискою символа православныя вѣры вамъ не безызвѣстнаго, который, символъ, приеми слово въ слово (ибо отъ принятія сего не отрицаюсь), приемаю, (опять повторяю вамъ, не смотря на то, что вы на цѣлыхъ страницахъ и листахъ за то меня порицаете, яко противника церкви), съ православнымъ разумѣніемъ. Символь самъ по себѣ совершенно истиненъ, но, по краткости своей, не можетъ вмѣщать въ себѣ опроверженіе ересей, могущихъ подъ него поддѣлываться, и потому самому требуетъ объясненія каждаго члена своего, и церковь оныя объясняетъ, заимствуя объясненія свои первоначально изъ слова Божія, а потомъ изъ положенія святыхъ вселенскихъ и вселенскими утвержденныхъ помѣстныхъ соборовъ, изъ ученія святыхъ отцовъ, изъ книгъ своихъ богослужебныхъ, составляющихъ. Какъ выразился одинъ благочестивѣйшій архипастырь (преосв. Филаретъ ¹⁶) нынѣ Рязанскій) въ священномъ собраніи своихъ собратій, самую полную всегдашнюю богословію церкви, никакимъ измѣненіемъ не подлежащую. Такимъ образомъ, въ первомъ членѣ хотя и предлагается ученіе о святой Троицѣ въ словахъ:—*Бога Отца*, однакоже не изложено, въ чемъ состоятъ единство лицъ по существу и раздѣльность по свойствамъ каждаго, а сіе изложеніе и составляетъ православное перваго члена разумѣніе, опровергающее Савеллія, смѣшивающаго Св. Троицу. Такимъ образомъ, во второмъ членѣ, при словѣ *воплотившагося*, надлежитъ помнить слова *не во двою лицу раздѣляемаго, но во двою естеству неслитно познаваемаго*, и еще: *никакоже претерпѣшаго измѣненія или смѣшенія или раздѣленія*, и еще въ похвалахъ, восписуемыхъ церковію Богородицѣ: *Богъ воплотился отъ чистыхъ кровей твоихъ*, и еще наименованіе *Приснодѣва*, дабы: не впасть 1-е, въ ересь Несторія, раздѣлявшаго Спасителя въ два лица. 2-е, въ ересь ар-

мянскую, смѣшивающую два естества во едино, 3-е, въ ересь Копронимову и его сообщниковъ, утверждавшихъ, что Сынъ Божій плоть свою приялъ съ неба во чрево Пренепорочныя, только прошелъ чрезъ нее, какъ бы чрезъ нѣкую трубу, и 4-е, дабы сердцемъ и устами исповѣдывать, что Пречистая Богоматерь до рожденія, въ рожденія и по рожденія пребыла Дѣвою и вѣнчаетъ Дѣвою, ибо на противная мыслящихъ грѣмить изъ устъ святыхъ церкви анагема. Подобно сему, и прочіе члены, приемлемые слово въ слово, требуютъ непремѣнно православнаго разумѣнія, дабы быть вѣзблечными основаніями нашего спасенія. Не отрицаю отнюдь, что и церковно учебныя книги, изъ помянутыхъ источниковъ воду живую почерпаящія, содержатъ въ себѣ сіе православное разумѣніе; только не надобно оного терять изъ виду, повторяя слово въ слово ученіе ими предлагаемое. Въ помянутой же выпискѣ вашей сего не соблюдено, ибо приведено положеніе, утверждающее недѣйствительность таинствъ для неимѣющихъ нужной къ тому вѣры, въ намѣреніи доказать, что невѣжествушіе въ вѣрѣ наши собратія тайнами не освящаются, и умолчано изъятіе изъ сего правила для крещенія младенцевъ и миропомазанія и причащенія, которыми благодать Божія приняла ихъ въ завѣтъ милосердія вѣчнаго и содѣлала ихъ членами тѣла Христова; а слѣдодовательно братія наши, хотя и невѣжествуютъ въ вѣрѣ (отъ какового невѣжества да изведетъ ихъ Господь чрезъ пастырей и учителей) не чужда ослѣщенія таинствами. Ежели бы не умолчано было изъятіе, правило не осудило бы допущенія вами не допускаемаго. Всѣ сіи разсужденія, кажется, оправдываютъ обвиняемаго и показываютъ обвиненіе неосновательнымъ, и потому въ обвиненіяхъ надлежитъ быть крайне осмотрительному.

Дабы не лишиться вамъ, навѣтомъ вражіймъ, ниже малѣйшей части излы оной многой, осмѣливаюсь я, худой и скверный, не братолюбивый, возмутитель семейственнаго спокойствія, соблазнительный для своихъ ближнихъ беззаконіемъ, только не еретикъ, повергнуть предъ вами нѣкоторыя моя опасенія, съ моленіемъ, да не прогнѣвается смиреніе ваше на мою искренность. Господь обогатилъ вашъ умъ и сердце сокровищами благочестія въ вѣдѣніи и въ дѣяніи. Блюдите отъ татія завистливаго ваше богатство; не оставьте оны подкапывать храмы вашего спасенія, и какъ невозможно ему уловить въ сѣть какого набудь грубаго преступленія тѣхъ, которые и тѣни зла ужасаются, то единственный ему доступъ къ строгицъ ревнителямъ благочестія, однакоже не безстрастнымъ, есть высокоуміе. Сію тончайшую сѣть не преинанетъ оны разставить самымъ хитрымъ образомъ, и отъ дѣлателей добродѣтели потщатся отнять ихъ достоинство чрезъ осужденіе недѣлателей, и отъ рев-

нующихъ просвѣщенію духовному чрезъ порицаніе нервенующихъ, и отъ вѣдущихъ тайны царствія Божія чрезъ уничтоженіе невѣдущихъ.

Пишете вы, любезнѣйшіе, что молва о моемъ раскольничествѣ пришла съ Дернава и до Пахомова: ожидаю, что она распространится и далѣе, и предаю имя мое на поношеніе, ежели есть на сіе воля Божія, и молю Господа, да послужитъ мнѣ сіе безчестіе къ омытію хотя нѣкоторыхъ сквернъ моихъ грѣховныхъ, имъ же всѣмъ нѣтъ числа; только о томъ не могу не поскорбѣть, что изъ Архангельскаго исходитъ слухъ, оглашающій меня противникомъ церкви, врагомъ Божиимъ. Но и сія скорбь моя, уповаю на Господа, послужитъ мнѣ къ уврачеванію язвъ моихъ душевныхъ. Уповаю паче упованія, что Господь милосерднѣйшій, искусивъ меня на водѣ пререканія, услышитъ меня наконецъ втайнѣ бурнаго вашего со мною препирательства и паки преклонитъ ко мнѣ сердце ваше, увѣреніемъ и убѣжденіемъ васъ, что я, хотя и недостойнѣйшій рабъ Его, но рабъ Его, и развѣ Его, иного Господа не знаю, и развѣ церкви нашей святой и православной, чистѣйшей Его невѣсты, никакой прелюбодѣйной матери не имѣю. Повергаюсь къ вашимъ ногамъ и со слезами умоляю васъ, простите мою дерзость и всякую вину мою въ продолжительной моей съ вами состязательной перепискѣ, которую отнынѣ я продолжать уже не въ силахъ. Вы, по любви своей, угрожаете мнѣ новыми свитками также укорительнаго и обличительнаго содержанія, но, можетъ быть, смилуетесь; а ежели нѣтъ, то я готовъ на раны и терзѣть буду, не отвержая устъ на свое оправданіе. Господь и Пречистая Его Матерь да охраняють души и сердца ваши отъ всякаго страстнаго возмущенія, и миръ Божій да виѣдряется въ васъ самихъ и во всемъ васъ окружающемъ. Не забывайте меня въ святыхъ вашихъ молитвахъ, вину молящихся о васъ ко Господу. Остаюсь съ братскимъ усердіемъ ко всякому вашему благу, недостойнѣйшій вашъ братъ и слуга, С. Шихматовъ.

Прошу простить мнѣ худое мое сказаніе, ибо крайне торопился по нуждѣ. Еще пришло мнѣ на мысль сказать нѣчто вамъ относительно того, какъ надлежитъ сыну церкви быть осторожну въ томъ, чтобы, не предупреждая суда самой церкви, по нѣкоторому минимому разномѣнію, не отлучать собственнымъ самовластнымъ судомъ братію свою отъ лона церкви спасительнаго. Что, ежели бы я сказалъ вамъ, что я всю повѣсть бытѣйскую о паденіи челоуѣка приѣмаю въ иносказательномъ смыслѣ, разумѣя въ оной не по смыслу въ словахъ заключающемуся, но духовнымъ образомъ признавая и рай, и плодъ, и вкушеніе, и ризы кожаныя, и пр.? Конечно бы вы, по церковно-учебнымъ книгамъ, не преминули приписать мнѣ еще новую ересь. Но не будьте поспѣшны на осужденіе, да не осудитесь сами церковь. Точно самое сіе иносказательное

объясненіе находится въ словѣ на Рождество Христова великаго свѣтла церкви, св Григорія Богослова, которое церковь уставомъ своимъ повелѣваетъ читать вслухъ правовѣрнымъ чадамъ своимъ въ день великаго нынѣшняго праздника, хотя она же въ другихъ мѣстахъ научаетъ принимать упоминаемую повѣсть въ прямомъ ея смыслѣ, утверждая, что древомъ надлежало Спасителю снять отъ древа клятву. Итъ въ ученіи ея противорѣчія: я и то, и другое приѣмлю, соединяя во едино и прямое, и вносказательное сказаніе, полагая первое основаніемъ второму. И такимъ образомъ, кажущееся противорѣчіе исчезаетъ. Подобныя приѣмры и еще быть могутъ, и потому повторяю, надлежитъ быть осторожну въ изреченіи суда своего на ближняго, въ изверженіи его изъ лона матери церкви, которая сама не только его не извергаетъ, но и грѣшетъ, и питаетъ, и возвращаетъ о Господѣ.—Страшенъ отвѣтъ предъ Господомъ, ежели судъ нашъ окажется противенъ суду Господню, ежели мы проклянемъ, а Онъ благословитъ. Страшенъ отвѣтъ сей, и страхъ сего отвѣта да будетъ намъ узломъ, востигающею нашу въ самихъ себѣ увѣренность и смѣлость въ сужденіи ближняго.

Письмо кн. Алексѣя и Павла къ Сергію, отъ 3 февраля 1830 года.

Прошеніе наше тебѣ и въ послѣднемъ твоемъ письмѣ не исполнено: не нашли мы въ немъ повторенія отъ тебя, вѣроу и любовію *диктованныхъ тебѣ строкъ*. Для чего же ты не изрекаешь сего исповѣданія? Для того, говоришь ты опять, что оно для тебя посрамительно, и какъ бы отступнику еретикъ предлагается для затворенія всякаго выхода. Мы, далѣе, въ письмѣ твоемъ, видимъ и другую причину неповторенія нашихъ строкъ, несообразную съ первой, ибо сія предполагаетъ сіе исповѣданіе возможнымъ, хотя и неизрекаемымъ, напротивъ, послѣднее вовсе невозможнымъ, *послику не смѣешь ты исповѣдывать церковно-учебныхъ книгъ слово въ слово*, а считаешь себя обязаннымъ принимать оное съ *православнымъ разумніемъ*. Когда, для разумнѣія богословія церковноучебнаго, нужно еще разумнѣе въ немъ незаключающеся, а гдѣ либо иидѣ собранное, то напрасно называетъ церковь богословію *глубочайшимъ* ученіемъ о вѣрѣ. Вотъ, есть какое то еще глубже сего! Какое это новое ученіе? Какая это книга еще неизвѣстная нашимъ церковнымъ учителямъ?

Ты не можешь не принять, что св. отцы въ *Никей* изложили символъ вѣры православно. Католицизмъ же и церковно-учебное богословіе есть ничто иное, какъ пространное сего символа объясненіе и пространнѣйшее, ибо другого пространнѣйшаго о догматахъ ученія и въ самыхъ академіяхъ нашихъ духовныхъ не преподають. Православно ли

же сіе объясненіе? Такъ православно, что оно только одно и есть православно. Такими ли достаточными словами оно выражено, чтобы, читая, показать тотъ самый смыслъ, который желаетъ сообщить церковь? Предостаточными и точно то изображающими, что церковь изобразить въ нихъ предпринимала, и точно такое разумѣніе преподающими, какое сообразно съ разумѣніемъ первоначальныхъ сочинителей символа св. отцевъ. Итакъ, не есть ли сія церковноучебная богословія то самое православное разумѣніе, въ какомъ всѣ чада церкви должны принимать символъ вѣры? Воистинну, такъ вѣруемъ и исповѣдуемъ, и не можемъ не удивляться, слыша, что недостаточныя границы положила церковь глубочайшему своему ученію о вѣрѣ, удивляться смѣлости находящихъ нужду и возможность распространять сіи границы. *Догматическое ученіе о вѣрѣ съ такою точностію и ясностію въ нихъ изображено, что дѣйствительно ничего нельзя ни прибавить ни убавить*, хотя мало измѣняющаго изложеніе догматовъ церковно-учебныхъ. А потому то, не только не опасно исповѣдывать догматы сіи словами сихъ книгъ, но церковь требуетъ, чтобы, для соблюденія сей точности, не иными какими словами то мы исповѣдывали и не иное какое разумѣніе допускали, какъ собственно то, что сіи святые книги заключаютъ по смыслу языка, всѣмъ вразумительнаго. Послѣ сего суди самъ, какъ намъ принимать твои мѣнія, по которымъ ты такъ считаешь недостаточными церковноучебныя книги, что не находишь въ нихъ, т. е. собственно въ смыслѣ словъ сихъ книгъ, всего нужнаго разумѣнія и обращаешься куда—то инуду за симъ православіемъ, и куда же инуду—неизвѣстно. Всякая другая книга, или тоже заключаетъ, что и богословія учебная о догматахъ вѣры, или нѣтъ; ежели тоже, то сколько бы ихъ ни издавали, всѣ ихъ надлежитъ принимать за одно, а если хотя въ маломъ чемъ разнится, то не слѣдуетъ ихъ принимать, не слѣдуетъ принимать того изъ чьихъ устъ, кто бы онъ ни былъ, хотя бы былъ и ангелъ съ небеси.

Повторяемъ опять: опасеніе принимать ученіе церковно-учебныхъ словъ есть очень явственное подозрѣніе на церковь; и не можетъ не навлечь на себя подозрѣнія всякъ тотъ, кто, принимая вербально символъ вѣры, отказывается принимать также катихизическое и богословское объясненіе сего символа, тѣмъ паче, что церковь сама требуетъ таково вербальнаго исповѣданія, и иного разумѣнія не предписываетъ кромѣ того, какое сообщаетъ нашему уму сіе православное ученіе.

Странно слышать всякому, знающему вѣру, изъ устъ сына церкви, что онъ почитаетъ нужнымъ имѣть какое то еще, кромѣ церковноучебнаго, *православное разумѣніе* и объясненіе догматовъ. Нужно тебѣ напоминать, что всѣ истинныя чада церкви иного *православнаго* испо-

вѣданія догматовъ вѣры имѣть не могутъ и не смѣютъ, кромѣ изображенныхъ въ церковно учебныхъ книгахъ, въ которыхъ все догматическое ученіе такъ ясно, подробно, основательно изображено, что составляетъ самонадеждѣйшій путь ко спасенію. И въ случаѣ какого либо недоразумѣнія, или незнанія, не къ инымъ какимъ источникамъ прибѣгать надлежитъ всякому, пекущемуся о своемъ спасеніи, какъ къ симъ учебнымъ книгамъ, чрезъ учителей нашихъ церковныхъ къ умудренію нашему во спасеніе и къ разрѣшенію великаго недоумѣнія намъ предлагаемыхъ. *Богословія Ювеналиева*, собственно, для сей цѣли издава, съ благословенія духовнаго начальства, на російскомъ языкѣ. Не странно ли слышать тебя, отрицающагося исповѣдывать слово въ слово то, что вѣрующіе слово въ слово отвѣтствовать обязаны въ испытаніи ихъ о догматахъ вѣры? Нужно ли о семъ распространяться, чтобы показать тебѣ несообразность сего твоего правила съ ваставленіями, чрезъ церковное ученіе отъ церкви намъ предлагаемыми. Церковно-учебная *богословія* есть столь глубокое ученіе о вѣрѣ, что все то, о чемъ въ ней не упоминается, не только не можетъ придать никакого особеннаго православія нашему разумѣнію вѣры, но и есть такое мнѣніе, которое нельзя почесть принадлежащимъ къ необходимому ученію о спасеніи. *Если бы кто спросилъ тебя, идѣ значитъ православное разумѣніе* и объясненіе символу вѣры? Не сказалъ ли бы ты: въ церковно-учебныхъ, ватихизическихъ и богословскихъ книгахъ? А если бы ты не указалъ на сіе, то, безъ сомнѣнія, на другія какія либо, или на однѣ, мнѣнія людскія, или лишь на мнѣнія такого то именно лица. Буде не другое какое, то ты самъ однимъ указаніемъ явственно бы изъяснилъ твое подозрѣніе на церковь, полагая ее не включившею въ классическое свое ученіе такіа книги, въ которыхъ единственно заключается *православное* догматовъ вѣры *разумѣніе*, а выдающей во множествѣ и употребляющей учебными такиа, которыя ты до того унижаешь, что безъ другихъ, тебѣ извѣстныхъ, считаешь неполнѣ православное разумѣніе содержащими. Буде же *мнѣнія людскія*, въ церковно-учебныхъ книгахъ незаключающіяся, или еще во многомъ имъ противныя *почитаешь православнымъ разумѣніемъ*: то смотри *опасно* куда ты идешь.

Не можемъ не удивляться, я. д., что ты стараешься доказать, что, при ученіи церковно-классическихъ книгъ, которыя, какъ сказано выше, и суть не иное что, какъ *православное разумѣніе* и объясненіе символа, въ систему приведенное, никакого недоразумѣнія не содержащее и такъ всякій догматъ излагающее, что *учащіеся по немъ слово въ слово принимаютъ* оное въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ оно только и есть православное, стараешься доказать, что, при ученіи книгъ сихъ

Нужно еще какое то иное особенное православное разумѣніе, которое, перковь не помѣстила въ своемъ догматическомъ ученіи о вѣрѣ. Посему самому что не помѣстила въ такомъ собраніи догматовъ вѣры, которые составляютъ ея всеобщее ученіе о вѣрѣ и единое православное, то безъ сомнѣнія всякое такое новое о догматахъ вѣры ученіе и объясненіе не токмо подозрительно, но и вовсе не церковное. Ибо, не надобно забывать при семъ разсужденіи, что догматическое ученіе было и есть едино и не можетъ, подобно другимъ мѣстамъ свѣдѣній, подлежать разнымъ объясненіямъ. *Церковно учебныя книги суть то хранилище, которое и содержитъ оное въ первобытной евангельской чистотѣ, въ которой оно вышло изъ устъ Самсго Спасителя и Его апостоловъ.* Можно ли полагать безъ подозрѣнія на церковь, что она опустила что либо изъ догматическаго ученія, и въ такой книгѣ, которая названа *глубочайшимъ о вѣрѣ* ученіемъ, которой собственно есть та цѣль, чтобы въ ней всѣ спасительныя догматы, сіи главныя евангельскія истины, предложить вѣрующимъ въ такомъ видѣ, въ такомъ понятіи и разумѣніи, въ какомъ видѣ, понятіи и разумѣніи излагаема была откровенная вѣра принесшимъ ее съ неба Богочеловѣкомъ. Безъ всякаго самаго мѣшкого сомнѣнія надлежитъ принимать, что, при изложеніи церковныхъ догматовъ, *въ катихизисахъ и въ богословіяхъ* соблюдена такая точность въ смыслѣ и словахъ, что *принятіе онаго слово въ слово* есть самое безопаснѣйшее, или паче, единое безопасное. Если ты сего не допускаешь, то не можешь не навлекать на себя *подозрѣнія въ твоёмъ подозрѣніи церкви.* Тутъ нечего много думать, или то, или сіе прибавленіе, или убавленіе, хотя мало перемѣняющее значеніе церковно-учебныхъ книгъ, или устраненіе понятія оныхъ отъ общаго церковнаго понятія—нечисто, грѣховно. Нѣтъ сомнѣнія, что въ *академіяхъ нашихъ духовныхъ*, приготовляющихъ не токмо пастырей церкви, но и архипастырей, безъ сомнѣнія, церковь проходитъ ученіе о догматахъ самое точнѣйшее и пространнѣйшее, и что же оно такое? Самое сіе всеобщее ученіе церковно-учебной богословіи *слово въ слово*—самое сіе, которымъ ты слово въ слово опасаясь исповѣдывать вѣру. Прочія ихъ дальнѣйшія богословскія познанія относятся къ иносказательности, прообразовательности и таинственности свѣдѣній, которое ничего не прибавляетъ и не убавляетъ въ догматическомъ ученіи. Недавно мы имѣли случай говорить съ профессоромъ и магистромъ, въ акад. московской обучавшимся, отъ котораго мы имѣемъ вышесказанное о академическомъ ученіи свѣдѣніе.

Ты, повидимому, не отлчая сего богословско-догматическаго ученія, собраннаго въ богословію людьми, во всякомъ родѣ церковнаго ученія искуснѣйшими, собраннаго въ неизмѣнныя правила и положенія и приспособленнаго къ общему понятію, ты, не различая сего съ выше-

упомянутыми нѣкоторыхъ мѣсть священнаго Писанія разъясненіями, почитаешь позволительнымъ давать различное разумѣніе и догматамъ, по примѣру сихъ различныхъ слова Божія толкователей. Величайшій бы былъ недостатокъ въ церковно-учебныхъ книгахъ, если бы догматическое ихъ ученіе подлежало тому же различному разумѣнію, какое, различное, даютъ толкованіе церковные писатели иносказательнымъ и таинственнымъ мѣстамъ свящ. Писанія. Отличительная черта свящ. Писанія есть та, что всё, ко спасенію необходимыя, догматы такъ кратки, такъ ясны и всякому вразумительны, что развѣ произвольно, слѣпыя оныхъ не видятъ и не разумѣютъ. Сія же черта отличается и въ *святѣйшемъ* богословскомъ нашемъ ученіи. Такая же краткость и ясность оныхъ изъ свящ. Писанія перенесена и въ сіи книги, и такими церковными учителями, которые до границъ умѣли взвѣсить всё спасительныя догматы и не недоконченное оставили намъ сіе свое дѣло, такъ чтобы имѣть надобность заимствовать отъ *инуда* къ тому разумѣнію.

Въ самыхъ академіяхъ нашихъ, гдѣ сосредоточена вся богословская ученость просвѣщеннаго нашего вѣка, исповѣдуютъ вѣру по тѣмъ же катихизисамъ и богословіямъ, какія обращаются и между нами. Да и какъ можно, не навлекая на себя названія противника церкви, допустить, что она утаиваетъ и удерживаетъ нѣчто отъ всего множества чадъ своихъ, нѣчто ко спасенію необходимое. Запрещенныя ли, ею издаваемыя книги почитать вмѣщающими въ себя *православное ея догматовъ разумѣніе*? а влигаемыя въ руки всёхъ и каждого почитать недостаточными въ семь разумѣніи? Какое странное ученіе! Кто не видитъ, что сей на священныя церковно-учебныя книги пристрастный покровъ недостаточества скрываетъ подозрѣніе и недовѣрчивость? Сіе положеніе наше волюнѣ оправдывается бывшими у насъ съ тобою здѣсь словопреніями.

Замѣтить надобно тебѣ еще, для совершеннаго испроверженія сего твоего слабаго оплота, виѣ предъ церковію воздвигаемаго, что *богословія русская, Синодому изданная* и для незнающихъ отвлеченнаго ученія, простыхъ чадъ нашей церкви, сочиненная, всё положенія свои, особенно догматическое ученіе, утверждаетъ на текстахъ священнаго Писанія, сими единымъ источникомъ и основаніемъ догматическаго ученія. Какого другого разумѣніи можно законно требовать въ богословскомъ ученіи, какъ не то, въ которомъ богословія представляетъ догматическія тексты свящ. Писанія? Богословіе то и есть ничто иное, какъ изложеніе евангельскаго ученія въ томъ разумѣніи, какое ему, давая, церковь основываетъ на немъ свои догматы. *Богословія наша учебная*, безъ всякаго прекословія, заключаетъ самое *непорочнѣйшее и предостаточное объясненіе тѣхъ мѣсть священнаго Писанія, которыя всё, взятыя*

вѣстѣ, составляютъ православную нашу вѣру. Будь благонадеженъ, л. д., непременно всѣ отцы церкви пересмотрѣли всѣ толкованія догматическаго евангельскаго ученія, пересмотрѣны были прежде, нежели церковные напѣи учителя составили намъ ученіе о вѣрѣ. Слѣдовательно, всѣмъ мѣстамъ свящ. Писанія, въ текстахъ своихъ сію вѣру нашу вратцѣ заключающимъ данъ въ учебныхъ книгахъ тотъ самый смыслъ, который есть одинъ православный; православный же смыслъ что иное есть, какъ не *православное разумніе* евангельскихъ догматическихъ истинъ? Не ясно ли, что, для безопасности нашей и для откровенности нашей къ церкви, надлежитъ держаться того единственно объясненія (или разумнія, если хочешь), которое содержатъ церковно-учебныя книги. Для того, кто такъ вѣруетъ, не нужно блуждать въ ограды, для пріискавія *православнаго разумнія*... Не ясно ли намъ, которые своими ушами слышали не токмо твое, противное симъ книгамъ сужденіе, но и явно объявленное, разборчивое оныхъ принятіе. Воля твоя, весьма страшно слышать, что богословскія догматическія свящ. Писанія объясненія и по онымъ разумніямъ требуютъ новаго разумнія и объясненія, слѣдовательно, такого, которое онѣ своими словами не сообщаютъ! Всякое изреченіе можетъ имѣть одинъ лишь прямой смыслъ, и это есть тотъ, который обнаруживаетъ свойство языка и въ которомъ всѣ, знающіе хорошо грамоту, оныя принимаютъ. Церковно-учебныя книги наши дѣйствительно выражаютъ самое то, что писатель оныхъ выразить намѣревался. Ручательствомъ сему долговременное ихъ безъ малѣйшей перемѣны въ догматическихъ опредѣленіяхъ употребленіе.

Ты, въ бытность твою здѣсь, *противуположно судилъ нѣкоторымъ богословскимъ истинамъ*. Въ такомъ противуположномъ видѣ нельзя уже никакой схоластикой подвести оба пріятія подъ одно разумніе. Нѣкоторыя изъ такихъ мѣстъ тебѣ были читаны и доставлены въ спискахъ. Изъ нихъ пришло мнѣ теперь на память *два мѣста*. Первое, заключающееся въ сихъ словахъ: почему весьма несправедливо нѣкоторые не радѣютъ, или хладны до Бога, когда, ничего нужнѣйшаго для прославленія и любовнаго хваленія величества Божія не зная, къ прикрытію своего, *безбожникамъ единымъ свойственнаго, невѣжества* *говорятъ*: я такъ вѣрую, какъ церковь вѣруетъ, и сами при томъ не вѣдаютъ, какъ церковь вѣруетъ. Ибо, сіе есть незнаніе и невѣріе, а не богопознаніе и вѣра. Я своими ушами слышалъ отъ тебя, утверждающаго [и другое лицо, отъ тебя же, вѣроятно, получившее сіе богословское мнѣніе] совершенно вопреки сему богословскому положенію, а потому и навлекшаго на себя заключающееся въ семъ ученіи осужденіе. Не знаю, какъ ты уместовалъ, при твоёмъ намъ *признаки въ неправотѣ твоихъ о вѣрѣ сужденій*, но теперь, поелику ты опять не признаешь

сея твоей неправости, или стараешься дать словамъ твоимъ другой смыслъ, потому, не обвинуясь говоришь, что ты никогда ни въ чемъ не подвергалъ себя сей неправости, то, безъ сомнѣнія, и сіе твое, противоположное богословскому ученію, мнѣніе считаешь *православнымъ же разумніемъ*. Видишь, какъ легко, съ запасеннымъ въ умѣ, такъ называемымъ *православнымъ разумніемъ*, не отступая видимо отъ церкви, *противуположно ей мыслить* и въ тоже время выдавать себя за ея ревностнаго защитника. Трудно, чтобы согласовать между собою мнѣнія, такъ диаметрально противоположныя. Желательно бы мнѣ знать, какъ тутъ поступило бы православное твое разумніе?

Скажемъ о *другомъ обстоятельстве* твоего церковно-учебнымъ книгамъ противленія. Я разумію здѣсь твое мнѣніе *относительно къ принятію таинствъ*. Ты приписываешь намъ въ вину, что мы въ выпискахъ нашихъ церковнаго правила о безпользности таинствъ, безъ вѣры оныя пріемающихъ, *не изъяли изъ оныхъ младенцевъ*. Но мы не почли сіе за нужное. Приведенныя нами тебѣ мѣста церковно-учебныхъ книгъ относятся до взрослыхъ, которые могутъ и должны вѣдать все катихизическое ученіе о таинствахъ прежде, нежели допустятся къ пріятію, *а не до младенцевъ, немоущихъ имѣть сего познанія, которыми, по катихизису, замѣняетъ впра родителей*.

За сими говоришь ты, что «если бы не умолчано было нами изыятіе—правило о младенцахъ», не осудили бы допущеніе вами недопускаемаго». Не нами, л. д., а церковію, ибо мы своихъ собственныхъ мнѣній, ни чьихъ другихъ, неосновательно пріятыхъ, въ продолженіе всего нашего съ тобою пренія, изъ многихъ писемъ ни въ одномъ не допускали. Сіи слова твои, кажется, вѣчто такое заключаютъ, что, поелику *изыятіе есть на младенцевъ*, то изыятіе можетъ быть и на взрослыхъ. Какая бы была нужда церковнымъ учителямъ включать сіе богословское положеніе въ ученіе о вѣрѣ, если бы и взрослыхъ безъ вѣры также неосужденно возможно пріять таинства, какъ и младенцамъ. Какая бы была нужда закономъ поставлять непремѣнное наученіе взрослыхъ, какъ о всѣхъ таинствахъ вообще, такъ особенно тѣхъ, къ которымъ они приступать неопустительно обязаны и къ которымъ они, по своему праву, приступаютъ. Отъ младенцевъ не требуется ни вѣры, ни дѣлъ, ни молитвы. Но почему сіе? Потому единственно, что сіе ему невозможно. При первой же возможности, повелѣваетъ церковь устами катихизисовъ наставлять его въ законѣ тотчасъ же, какъ только у него откроются къ тому способности. Если въ познаніяхъ о Богѣ и о вѣрѣ дѣлать такое же снисхожденіе взрослымъ, безъ необходимости, какое дѣлается младенцамъ, по сущей необходимости, то изыатій сихъ наберется такъ много, такъ много, что безъ вѣры можно быть вѣрующимъ, безъ

заповѣдей Божіихъ исполнителемъ Его воли, безъ молятвы набожнымъ, или, что все тоже, быть сыномъ церкви, по одному отправленію внѣшности. Довольно сіе мнѣніе о церкви, которое мы изъ устъ твоихъ слышали, чтобы заключить, какую странную ты себѣ составилъ систему о вѣрѣ, удалясь церковно-учебныхъ книгъ, къ которымъ недоброжелатели успѣли вселить въ тебя подозрѣніе.

Мы такъ близко придерживаемся святѣйшему ученію церковно-учебныхъ книгъ, что не иначе можетъ пасть на насъ какое либо обвиненіе, какъ вмѣстѣ съ церковію же. Такъ искренно пріемлемъ ученіе церковно-учебныхъ книгъ, содержащихъ въ себѣ духъ писанія, тотъ духъ, который животворить и *которымъ только* кланяющіеся составляютъ истинныхъ поклонниковъ Божіихъ, что, заимствуя сіи слова истины, не опасаемся ни откуда въ обличеніи въ не истинѣ.

Словами предложенными ты боишься исповѣдать свою вѣру, то суди самъ о нашемъ съ тобою единствѣ; суди самъ, что мы должны ощущать, вспоминая, что ты опасаясь, не хочешь, не рѣшаешься исповѣдывать вѣру твою теми самыми словами, что ты употребляешь всѣ возможные усилія, какъ бы избѣжать такого словеснаго исповѣданія, которое есть наше убѣжденіе. *Д. д.*, если точно мы изъ церковно-книжнаго ученія заимствуемъ всѣ нами тебѣ представленія, то подумай, противъ кого ты ополчаешься? И ополчаешься вторично, воспріявъ брошенное было здѣсь оружіе признаніемъ твоей неправоты.

Не прогнѣвайся, *д. д.*, на то, что я теперь тебѣ скажу. Ты не малотруднымъ нами на твои письма тебѣ *ответствованія* еще болѣе затрудняешь и не даешь никакъ идти за тобою по прямой стезѣ и отвѣтствуешь намъ такими обстоятельствами, которыя такъ мало принадлежать къ нашему дѣлу, что вовсе не относятся до сущности онаго. Ясно и прясно тебѣ указывается въ каждомъ письмѣ нашемъ, что именно намъ кажется въ тебѣ несообразнымъ съ тѣмъ духомъ церкви, которымъ мы вмѣстѣ съ тобою были одушевляемы и котораго хорошую часть получили отъ тебя же. *А ты, вовсе не обращая вниманія на наши* часто повторяемыя представленія, но такъ слегка касаешься, что не можемъ сдѣлать о нихъ нашего заключенія, кромѣ того, что ты не хочешь о нихъ *вовсе разсуждать*. А между тѣмъ, наполняешь письма такими обстоятельствами, которыя сами по себѣ никогда не были у насъ предметомъ споровъ. Ты, не могши прямо отрицательно отвѣтствовать на вопросы наши, такъ приспособленные, что отрицательность была бы знакомъ явнаго къ церкви нерасположенія, поставленъ нами въ заблужденіе, что сказать, чѣмъ наполнить письмо, ... потому что ты не хочешь и не смѣешь изложить на письмѣ, что говорилъ словесно. Ты, пропуская безъ вниманія всѣ вопросы болѣзненнаго на-

шого сердца, ожидающаго всякій разъ въ отвѣтахъ твоихъ нѣкотораго утѣшенія, хватаешься за тѣ строки онаго, которыя были отдаленнѣйшею принадлежностію существенныхъ предметовъ письма.... хватаешься и распространяешься такъ, какъ бы *они то и составляли суть нашихъ съ тобою споровъ*, а всѣхъ прочихъ важныхъ, надъ которыми мы такъ много бьемся и душою и тѣломъ, какъ бы вовсе не было; на сихъ то останавливаешься, прибирая обстоятельство къ обстоятельству, ни отъ кого ни въ чемъ непререкаемое, ты удивляешься, уговариваешь, *приводишь мнѣнія духовныхъ лицъ*, для указанія намъ, что сія мнѣнія, которыми ты также, безпрепятственный, и въ видѣ и въ степени, даешь такой оборотъ: *«оправдываютъ обвиняемаго и показываютъ обвиненіе не-состоятельнымъ»*. Такое то дѣйствіе употреблено тобою и въ послѣднемъ письмѣ твоемъ, въ которомъ значатся какіе то *вплы наши* 1) *противъ обрядоваго служенія* и 2) *противъ допущенія ко спасенію невѣжествующихъ нашихъ братьевъ*. Мы смѣло вызываемъ тебя обличить насъ изъ всѣхъ этихъ листовъ, нами тебѣ пересланныхъ, какую либо мысль, какое либо слово, которыя бы обвиняли насъ въ погрѣшеніи противъ пріятія въ церковномъ духѣ обрядоваго служенія.

Въ томъ самомъ мѣстѣ всей христіанской системы, въ которое представляютъ ихъ церковно-учебныя книги, въ томъ мѣстѣ и мы обыкли *видѣть боюслужебные обряды*, и увѣрены, что не одно пониженіе оныхъ въ ихъ систематическомъ порядкѣ, во внѣшности вѣры предосудительно, но и повышение грѣховно. По сему увѣренію нашему, съ особенною точностію стараемся ослѣдять сію точку и ни съ которой стороны отъ нее не отступить. Если ты такое что со стороны въ насъ замѣтишь, укажи его прямо, безъ всякихъ околичностей, и мы готовы тебя слушать. Но не томи любовь нашу пустыми, не дѣльными, увертливными нашихъ простыхъ словъ перетолкованіями.... пощади нашу немощь, дай работающей тебѣ любви нашей хотя бы тѣмъ нѣкоторое отдохновеніе, что не води ее закоулками, но наблюдай прямое прямодушное на вопросы отвѣтствованіе.

Ты называешь *главнымъ и единственнымъ пунктомъ нашего со-
связанія съ тобою недопущеніе ко спасенію невѣжествующихъ нашихъ
братьевъ*. Но отчего ты взялъ за главный пунктъ недоразумѣній нашихъ такое
обстоятельство, о которомъ мы никогда себѣ примаго сужденія не до-
воляли. Оужденія мы никакого изречь не смѣли и не смѣемъ, по-
читая себя первѣйшими грѣшниками. Вникаи, любезный, въ посланія
наши, ты увидишь, что сердечное наше желаніе въ словопреніяхъ съ
тобою есть получить отъ тебя отвѣтъ на предложенный въ нѣсколькихъ
лишь строкахъ вопросъ и наче получить подтвержденіе, подобно первому,
бывшему здѣсь отъ тебя *примятію церковно-учебныхъ книгъ*. Въ немъ

понянно ничего обозначено не было о допущеніи или недопущеніи кого либо ко спасенію. Ежели ты изъ выписокъ нашихъ, доставленныхъ тебѣ, изъ церковно-учебныхъ книгъ и символа Аѳанасія Великаго принужденнымъ нашелся сдѣять заключеніе, что *нельзяжество съ отръ* не ведетъ ко спасенію, то позволь намъ почитать такое мнѣніе не отъ насъ исходящимъ, какъ ты утверждаешь, а обратиъ тебя къ тѣмъ источникамъ, откуда ты оное почерпнулъ.

Доколѣ ты будешь признавать вообще ученіе сихъ догматическихъ священныхъ книгъ, *съ разборомъ*, что многія частныя положенія ихъ будутъ подходить подъ сей твой разборъ? *Изложеніе сего разбора и есть прямая цѣль всѣхъ нашихъ представленій*. Сей то печати ты не снимаешь съ твоихъ устъ, обнаруживъ ее здѣсь предъ нами первоначально. Она то насъ тревожитъ, раздирая чувствительную часть нашего сердца... Какое хочешь, давай разумѣніе твоему слову, но ничего такого не придумаешь, какъ то, что ты изъ церковно-учебныхъ книгъ св. нашей апостольской церкви, изъ ученія догматическаго одно приемишь, а другое не приемишь.

Напрасны всѣ твои вызовы намъ *именъ мужей*, можетъ быть, почтеннѣйшихъ. Мы научены долговременнымъ опытомъ и ученіемъ, что нѣтъ ничего опаснѣе для христіанина вѣрующаго, какъ соступленіе съ церковнаго пути церковно-учебныхъ книгъ, а потому увѣряемъ тебя однажды на всегда, что мы не пойдемъ, оставивъ вѣрное, искать не только сомнительнаго, но и весьма опаснаго, какими бы именами ты насъ не привлекалъ. Одну изъ величайшихъ пользъ принесло намъ наше обученіе другихъ закону Божию, что мы до того времени, также влауцїеся всякимъ вѣтромъ ученія, нашлись принужденными только ознакомиться съ книгами церковно-учебными. Если бы сего ученія Господь въ насъ не вложилъ, то неудивительно, что и мы, подобно тебѣ, могли быть завлечены прїятіемъ отъ кого либо ученія *по челоуьку*, а не судя о челоуькахъ по ученію. Опять повтораемъ, что доколѣ ты будешь держаться теперешняго твоего плана, нескончаема наша прѣ. Вся бѣда съ тобою оттого, что ты, не имѣвъ никогда рѣшимости, какъ бы то слѣдовало всякому сыну церкви, разсмотрѣть со всевозможнымъ вниманіемъ церковно-учебныя книги, даъ имъ преимущество¹ въ твоемъ умѣ и сердцѣ надъ всѣми многими обносящимися людскими мнѣніями, источниками всѣхъ расколъ и раздоровъ, всѣхъ неточностей въ вѣрѣ. И такъ, на подлежащія къ нашему предмету всѣ *вводныя тобою мнѣнія лица, намъ незнакомыя*, не могу ничего отвѣтствовать, а замѣтимъ лишь тебѣ дальнѣйшій изворотъ твоей предубѣжденной совѣсти. Ты дѣйствовала такъ въ сихъ сношеніяхъ твоихъ съ *духовными лицами* и учителями, какъ бы не ты не согласовался съ церковными книгами, а

мы, которыхъ ты хочешь вразумить въ нашемъ отъ сихъ книгъ отступленіи. Мало того, что ты самъ домогаешься указать намъ то, чего нѣтъ ни въ нашемъ сердцахъ, ни въ нашихъ письмахъ, но усиливаешь голосъ твой голосами другихъ лицъ, отъ которыхъ ты получаешь тотъ самый отвѣтъ, который заранѣе имѣлъ уже мѣсто въ твоемъ письмѣ и диктовалъ тебѣ потомъ, дѣлаемый тобою лицамъ симъ, вопросъ.

Если бы ты располагалъ прямо поступить въ семъ дѣлѣ, если бы, не полагаясь на твои не изъ церковно-учебныхъ книгъ изчерпнутыя мнѣнія, избралъ, для повѣренія себя, *доверенное лицо*, ты долженъ бы былъ тому лицу первѣе всего исповѣдать твое бывшее съ нами первоначальное здѣсь состязаніе и преклоненіе къ намъ и отступленіе. Ты бы исповѣдалъ, что ты церковно-учебныя книги принимаешь съ разборомъ, и сей несчастный твой разборъ простирается не на второстепенныя постановленія церковныя, но на ученіе догматическое, на истины церковно-учебныхъ книгъ спасительныя. *Тогда не успокоивалъ бы ты себя тѣмъ, что могутъ быть изыятія изъ правилъ церковныхъ*, ибо изъ такихъ правилъ, въ которыхъ и сама церковь перемѣнить ничего не смѣетъ, изыатій она не потерпитъ. Таково есть все догматическое ученіе, на которое простирается твой несчастный разборъ. Откройся ты также, какъ ты обнаружилъ себя предъ нами, предъ всякимъ истинно духовнымъ лицомъ; онъ непременно скажетъ тебѣ тоже, что говоримъ и мы, и еще больше.

Ты, далѣе, поставляешь намъ на видъ *непригодность и какъ бы непринадлежность нашу находить поиръшительныя мнѣнія* въ вѣрѣ въ комъ бы те ни было, и выказываешь нѣкоторую самонадѣянность нашу, нѣкоторую дерзость въ показаніи тебѣ твоей неправости, и также, съ обвиненіемъ тебя, находишь въ насъ присвоеніе себѣ славы намъ не принадлежащей... Размотри же наше дѣло вкратцѣ... и укажи намъ, что такое ты можешь назвать въ насъ предосудительнымъ. Всѣ наши требованія, домогаемая отъ тебя, по принятому нами подозрѣнію, *такого исповѣданія*, которое всякъ вѣрующій сынъ церкви готовъ произнести и произносить при всякомъ почти богослуженіи, и домогаема отъ тебя отреченія *твоего съ разборомъ пріятія* церковно-учебныхъ книгъ и вообще пріятія всего того, что ты пріялъ *подписаніемъ въ соотвѣсти примирительно акта*. Вотъ наши наступательныя дѣйствія. Обороняться же намъ не нужно, ибо имѣемъ всю ту же оборону, которую имѣетъ церковь противъ ея наступателей, имѣемъ оныя, пріемля слово въ слово всѣ ея спасительныя догматическія истины.

Теперь позволю спросить, въ чемъ ты изъ сихъ дѣлаемыхъ тебѣ нашихъ нужныхъ представленій видишь *присвоеніе нами себѣ пре-*

имущество предъ пастырями и учителями о разумнѣи богословія въ чемъ ты находишь наше разногласіе со освященными церковію учителями, увлекающее за предѣлы праваго мудрованія, въ чемъ видишь высокоуміе, въ чемъ осужденіе и какихъ недѣлателей, въ чемъ порицаніе первенствующихъ, въ чемъ уничиженіе невѣдущихъ, въ чемъ мы возстаемъ противъ обрядоваго служенія, въ чемъ замѣчаемъ сатирическія изображенія внѣшней святости? Въ чемъ можешь ты ослѣдить изъ нашихъ писемъ, которыя ни въ одной іотѣ ни отступаютъ отъ ученія церковно-учебныхъ книгъ, въ точнѣйшемъ и единомъ смыслѣ приемлемыхъ, какое даетъ намъ свойство языка и какое преподается по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, начиная отъ академій духовныхъ до сельскаго училища? Откуда же пришло тебѣ наполнять письмо твое такими строгими нашему съ тобою дѣлу обстоятельствами? Будетъ ли конецъ этимъ окольнымъ изворотамъ? Какъ не истощаешь ты терпѣніе наше, заставляя насъ тщетно ожидать отвѣта на простые и краткіе наши тебѣ вопросы и наполняя отвѣты твои такими разсужденіями, которыя болѣе показываютъ твою цѣль обвинить насъ въ твою очередь, нужно сбросить съ себя подозрѣніе, многими словами и письмами твоими отъ насъ на себя навлеченное. Кто не видитъ, какъ мало бы стоило успокоить насъ, презрѣвъ, не знаю какими чувствами внушаемую, *посрамительность*?—...

Подумай ка что ты, *для того*, по словамъ твоимъ, не повторяешь нашихъ строкъ, не рѣшаешься, что это для тебя посрамительно. Можешь ли ты увѣрить насъ, или кого либо, чтобы это было дѣйствительно посрамительно? *Вотъ, и въ семъ письмѣ, опять прилагаемъ тебѣ тѣ же вопросы и тѣми же словами:* что, дѣйствительно, слово въ слово приемлешь все безъ изыатія догматическихъ церковно-классическихъ книгъ ученіе, держишься собственно того смысла, который очевиденъ по свойству языка, который приемлется отъ всѣхъ, по книгамъ семъ учащихъ; что ты считаешь себя обязаннымъ всѣ прочія, безъ изыатія, книги о вѣрѣ повѣрять не иными, какъ церковно-учебными богословскими книгами. Это есть печать, запечатлѣвающая наши съ тобою сношенія и удостоверяющая наши акты и требованія въ ихъ законности. Будемъ опять ожидать терпѣливо, чѣмъ Господь обрадуетъ.

Наконецъ, надобно тебѣ сказать слова два и на тѣ мѣсто твоего письма, которымъ ты упрекаешь насъ за распространеніе о тебѣ неприятной молвы въ *Пахомовъ и Дерновъ*. Трудно дѣйствительно было намъ укрывать отъ обоихъ братьевъ нашихъ наше съ тобою недоразумѣніе. И никакъ имъ невозможно было сего не провѣдать, когда оно сдѣлалось очень явнымъ, такъ явнымъ, что въ бытность брата, Платона Александровича, съ семействомъ здѣсь, происходили жаркіе наши съ тобою

споры. Впрочемъ, и здѣсь ты самъ обоемъ имъ подалъ поводъ дѣлать о тебѣ подобныя заключенія. Въ Дерновѣ, прежде нежели мы о сей семейной несприятности нашей отверзли уста, слышали отъ сестры, Ольги Яковлевны (жены кн. Платона), *твое покушеніе ополчить ее противъ переложенія книгъ священнаго Писанія и Синодальнаго въ нихъ къ струюющимъ воззванія*, слышали, съ вопросомъ отъ нея, какъ принимать ей сей твой совѣтъ. На такіе вопросы мы принуждены были тебѣ противорѣчить для утвержденія ее въ прежнихъ, покоряющихся во всемъ церковной власти, мнѣніяхъ. И такъ, ты видишь, что противленіе твое законной церковной власти въ Дерновѣ ты обнаружилъ прямо самъ. Въ Пахомово (17) приняла причина такого же недоразумѣнія также прежде, нежели мы съ братомъ В. А. о семъ потужили вмѣстѣ, проникла, какъ мы тебя увѣдомляли, отъ секретаря С. К. Не отрицаемъ, что мы потомъ вмѣстѣ съ нимъ нерѣдко горевали о семъ.

Письмо князя Сергія, отъ 17 Марта 1830 года.

Великое, прежнимъ подобное, или паче тождественное, посланіе ваше я получилъ и прочелъ, съ возобновленіемъ того прискорбнаго чувствованія, каковое уже съ немалаго времени сопровождаетъ чтеніе мое вашихъ обличительныхъ посланій. Оставаясь *непремѣнно* въ объявленномъ вамъ отъ меня намѣреніи—рѣшительно не продолжать крайне для меня болѣзненнаго защищенія себя предъ вами въ православіи моемъ (въ которомъ, по благодати Божіей, пребываю, не уклоняясь ниже малымъ помысломъ отъ всякой, преданной нами святою церковію, заповѣди), отвѣтствую вамъ искреннею благодарностію за вашу ко мнѣ искреннѣйшую любовь, хотя и до огорченія духа моего стужающую мнѣ своими требованіями. Что же принадлежитъ до усмотрѣннаго вами коварства не беззлобнаго въ моемъ письмѣ и указанія на подлежащей вамъ отъ врага опасности духовнаго ущерба, въ томъ признавая свою немощь и вину, усерднѣйше и преусерднѣйше прошу вашего прошенія совершеннаго, и прошу даже святыхъ вашихъ молитвъ ко Господу о исцѣленіи души моей многобедужной! Ибо, хотя я нисколько не имѣлъ намѣренія хитрословіемъ предъ вами коварствовать, но, какъ отъ избытка сердца уста глаголютъ, то конечно въ непредумышленныхъ моихъ словахъ само собою обнажилось предъ вами лукавое мое сердце, сущее, по истинѣ, виѣстлящемъ страстей вселаго рода. Повергаясь предъ вами съ крайнимъ болѣзнованіемъ, прошу отпущенія вины моей, какъ сей, такъ и всякой, когда либо и въ чемъ либо предъ вами содѣянной. Сіе полное и совершенное ваше прощеніе и отпущеніе тѣмъ для меня нужнѣе, что уже время мое, о которомъ я нѣкогда вамъ писалъ, что оно близъ

есть; не зная еще какое оно, нынѣ уже наступило время отреченія отъ міра и воспріятія на себя ига Господня благаго и шествованія за нимъ по тѣсному и прискорбному пути многочиселаго подвижничества.

Письмо князей Алексѣя и Павла къ Сергію, отъ 18 апрѣля 1830 года.

Вотъ, наконецъ, дошло до того, что ты рѣшился не отвѣчать на наши письма. Вотъ, до какой степени лукавый нашъ врагъ успѣлъ сокрушить нашу съ тобою связь. Ты хладнокровно можешь, прочитавъ наше письмо, оставлять его безъ отвѣта. Вотъ, дальнѣйшіе плоды твоего соступленія съ церковнаго пути. Смотри, какъ непрестанно ты далѣе и далѣе падаешь отъ истины, но такъ тому и быть слѣдуетъ, по порядку вещей... Не видишь ли ты самъ, какъ ты здѣсь дѣйствуешь вопреки нетокмо вѣры евангельской, но и самаго свѣта разума, самаго закона естественнаго? И небольшой свѣтъ разума достаточенъ указать тебѣ такое соступленіе твое отъ истиннаго пути. Съ твоимъ ли умомъ тебѣ и сего не вѣдать? Ты, видя не видишь, слыша не слышишь многократно указываемыя тебѣ въ письмахъ нашихъ несообразности твои...

Ты далѣе, въ письмѣ твоемъ, *уведомляешь насъ о скоромъ твоемъ постриженіи*. Разсуждая вообще о монашество, мы почитаемъ званіе сіе требующимъ строжайшаго испытанія, возложенныхъ церковію на всѣхъ ея сыновъ, обязательствъ, кромѣ особенныхъ статей, къ обѣту монашескому присоединенныхъ; общія христіанскія обязанности должны ближе быть на сердцѣ у человѣка духовнаго. А потому и вѣра, которая есть первѣйшая изъ сихъ обязанностей, требуетъ быть принимаемой совершенно въ духѣ церкви, который, духъ, содержится въ церковно-учебныхъ книгахъ, а ты не перестаешь принимать ихъ съ разборомъ, т. е. одно принимать, другое не принимать. Суди же самъ, съ законнымъ ли расположеніемъ ты воспринималъ на себя сей обѣтъ, удерживая прежнія твои незаконныя мнѣнія? И съ такимъ то расположеніемъ, т. е. подъ личиною вѣрнаго и послушнаго ей сына, хочешь внести твое противленіе *ея церковно-учебнымъ книгамъ*. И въ этомъ тебѣ совѣсть твоя не зазираетъ? Самое то, что мы продолжаемъ требовать отъ тебя, для исповѣданія истиннаго православія, самое то, какъ недавно встрѣтили мы въ церковной книгѣ, безъ сомнѣнія требуетъ она и отъ поставляемыхъ ею на служеніе ей и управленіе ея чадами. Вотъ тебѣ слово въ слово, что значится въ чиноположеніи архіерейскомъ. «Бла- нусь и смѣе Всемогущамъ Богомъ, что вся сія (не церковное о вѣрѣ ученіе), мною нынѣ общаваемыя, не инако толкую во умѣ своемъ .. но въ той силѣ и разумѣ, каковую силу и разумѣніе и напечатаныя здѣ

слова чтунимъ и слышаднимъ являютъ». По сей присягѣ можно ли смѣть давать какое иное разумѣніе какому либо ученію и отказываться принимать оное слово въ слово... Видишь ли, какъ мы сообразуемъ наше требованіе, которое мы, не вѣдая еще о семъ, тебѣ писали. Законное твое вѣщество въ сіе ближайшее служеніе церкви можетъ быть лишь сею дверью. Когда ты намѣренъ честно поступить, ни мало не кривя совѣстію, то долженъ не только устами сіе произнести, но и имѣть впечатлѣннымъ и на умѣ и на сердцѣ; ибо это есть первѣйшая часть клятвы и обѣта, а если такъ, *то невозбранно можешь и намъ удовлетворитъ требованію повтореніемъ, посылаемыхъ и въ семъ письмѣ, презженныхъ нами строкъ*. Если же ты намъ не доставишь сего твоего повторенія, это будетъ явнымъ знакомъ, что ты не исповѣдывалъ онаго въ умѣ и сердцѣ твоемъ и не намѣренъ исповѣдывать при постриженіи. Отъ того ты взойдешь и думаешь войти не дверью, а прелазя. Если бы мы требовали отъ тебя непремѣннаго единомыслія съ нами въ такихъ принадлежностяхъ вѣры, которыя есть изъ второстепенныхъ, тогда бы можно было назвать наше притязаніе явнымъ и насъ не по христіански снисходительными къ ближнимъ. Мы требуемъ твоего единодушнаго согласія съ церковію въ догматахъ, изъ которыхъ каждый есть истина, необходимая для спасенія. *Катихизисы наши со держатъ лишь одно сіе ученіе* и потому требуютъ непосредственнаго пріятія всего содержащагося въ оныхъ и слово въ слово. Ты же, вмѣсто повѣрши всѣхъ прочіхъ книгъ и мнѣній сими учебными книгами, истинное ученіе апостольской церкви содержащими, пишешь держаніе сіи святыя книги повѣрять иными книгами и людскими мнѣніями и инде ихъ, несообразныхъ съ сими твоими образцами, не страшишься имѣть къ нимъ недовѣріе. Опять повторяемъ и повторять не перестанемъ въ каждомъ письмѣ тоже отъ тебя требованіе относительно до твоего исповѣданія, опять требуемъ твоихъ слѣдующихъ строкъ, устами *и сердцемъ повторенія, что ты действительно слово въ слово приемишь все, безъ изъятія, догматическихъ церковно-учебныхъ книгъ* ученіе, держась собственно того смысла, который очевиденъ по свойству языка, который приемиется отъ всѣхъ, по нимъ учившихся, что ты считаешь себя обязаннымъ всѣ прочія, безъ изъятія, книги о вѣрѣ повѣрять не иными какими либо, а какъ только церковно-учебными книгами.

Статья можетъ, что требованіе, подобное вышеписаннымъ нашимъ строкамъ, которыми домогаемся несомнѣннаго увѣренія въ твоемъ православіи, *потребуется у тебя отъ властей, сумнящихся въ твоемъ церковно учебныхъ книгъ принятіи*, отъ властей, непосредственно тобою начальствующихъ, тогда уже твои обмолвки и увертѣя не примутся, и ты, по необходимости, принужденъ будешь сказать, *да или нѣтъ*, и если

рѣшишься упорствовать и въ требованіи властей, какъ упорствуешь съ нами, то объявишь себя уже торжественно противникомъ церковнаго ученія. Что такоевое требованіе у тебя отъ властей можетъ имѣть мѣсто, то не почитай ты несбыточнымъ дѣломъ. Отъ нихъ не отдѣлаешься ни жалобами о *несрамленіи* тебя такимъ вопросомъ, неже инымъ какимъ отзывомъ, подобнымъ тѣмъ, неосновательнымъ и страннымъ, которыми ты по сіе время мучишь насъ. Такое духовныхъ властей открытіе о тебѣ, вкравшемся въ ближайшую ограду церкви, всеединишленникъ съ ней, почтется весьма важнымъ, какъ то и есть на самомъ дѣлѣ. Ибо съ твоею ревностію противъ сихъ властей, которую ты обличалъ въ изложеніи ихъ *постановленія относительно до чтенія переложенныхъ книгъ свящ. Писанія*, можно ожидать много непріятностей, если пропустить безъ вниманія пріятіе тебя, двоедушествующаго, въ число ея служителей; двоедушествующаго, повторяемъ, ибо, какъ изъ словесныхъ отзывовъ твоихъ намъ, такъ и изъ письменныхъ, ясно и прямо, что ты питаешь сильное подозрѣніе на церковно-учебныя книги и, *кажется, ты свою имѣешь систему* ученія, отличную отъ содержащейся въ сихъ святыхъ книгахъ, ибо, въ противномъ случаѣ, ты не мучилъ бы насъ твоими увертками и обьявленіями, которыя ты и самъ нашелся принужденнымъ въ себѣ признать.

Подумай, какая уже подлинно посармительность тебѣ готовится, если вышеписанный тебѣ нашъ вопросъ имѣть быть отъ властей духовныхъ! Истинному сыну церкви и малѣйшее сомнѣніе подать о его ей противленіи было бы болѣзненно мучительно. И самый вопросъ, который покажетъ сомнѣніе о твоёмъ православіи, несносенъ, а какимъ почитать отвѣтъ твой, подобный тому, который ты дѣлалъ и дѣлаешь намъ? Отвѣтъ, явное подозрѣніе на церковь обнаруживающій, отвѣтъ, изъ котораго ясно, что ты, по внѣшности называя видимую нашу всероссійскую церковь матерію, тайно не признаешь себя ея рожденіемъ. Ты уже на опытѣ показалъ, какъ ты во зло употребляешь сію ея внѣшность, которой ты наученъ хитро прикрываться, показалъ уязвленіемъ ея внутренности, тѣмъ дѣйствительнымъ, чѣмъ ближе ты себя по внѣшности выдавалъ ея почитателемъ и ревнителемъ. *Здѣсь я опять имѣю въ виду твоё ополченіе противъ переложенія книгъ священнаго Писанія и попытку отвлечь другихъ къ своей ополчающейся сторонѣ*. И простое непочтеніе къ матери, къ матери церкви, грѣховно, богопротивно, а какимъ должны почитать ополченіе противъ ея, ополченіе не себя лишь, но и другихъ. Не есть ли это раздираніе матерней утробы своими и чужими руками. Страдаемъ теперь сугубо, увѣдомленные отъ тебя, что ты, вооруженный такимъ образомъ, впускаешься въ мирные предѣлы недорослыхъ сыновъ церкви, болшею частію младенствующихъ еще вѣрою, а

потому, безъ приготовленія почти побѣждать себя дозволяющихъ. Какую ты скоро нашелъ матеръ, оправдавшую тебя. Не та же ли святая все-россійская церковь приняла тебя въ свое лоно еще двухъ и трехдневнаго младенца, приняла и воздохла млекою духовнымъ, которая и всѣхъ насъ приняла, питала и питаетъ и млекою и брашною, которыми питала своихъ чадъ церковь во времена самихъ апостоловъ, первоначальныхъ раздавателей ея къ недостойнымъ ея чадамъ духовной милостыни. Потому она и называется апостольскою, какъ и самъ ты устами твоими ежедневно, а можетъ быть и въ день неоднократно, исповѣдуешь. А сіе млеко и сіе брашно суть не иное что, какъ учебныя ея книги катихизическія и богословскія. Ихъ то ты и считаешь зараженными духовнымъ ядомъ, потому имѣешь на нихъ сомнѣніе.

Письмо князя Сергія, отъ 1-го мая 1830 года.

На письмо ваше, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ свитокъ—приписка, хотя и могъ бы я отвѣчать поранѣе, но какъ я, прежде полученія онаго, писалъ къ вамъ о посѣтившей меня, недостойнаго, великой свыше благодати, то и поджидалъ отъ васъ слова пріятнаго, а потому и не терпился отвѣтомъ. Но ждалъ и не бѣ; и потому молчаніе мое прерываю.

Извѣщаю васъ, что ни въ какія состязанія съ вами о православіи входить я не намѣренъ, но благодарю любовь вашу за обличенія, признавая себя, кромѣ ереси и раскола, во всемъ, по обличеніямъ вашимъ, виновнымъ, ни мало ни помышляя о томъ, что тѣмъ доставляю перевѣсъ вашей сторонѣ, ежели доставляю. О намѣреніи вашемъ искать на меня управы у высшей власти духовной, яко на противника церкви, скажу, что почитаю оное плодомъ великой вашей къ церкви ревности и уповаю, что власть духовная доставитъ ей совершенство своимъ вразумленіемъ. Устрашенія ваши не возмущаютъ меня, и я, съ моей стороны, представляю вамъ полную свободу дѣйствовать въ провозглашеніи меня не въ одномъ семейственномъ кругу, но во всемъ отечествѣ новымъ еретикомъ и раскольникомъ. Но твердо уповаю, что никакая власть духовная съ вами въ семъ мнѣніи не согласится, а если бы мнѣ за истину и привелось потерпѣть безчестіе или бѣду, то, да укрѣпите меня Господь понести все, съ благодареніемъ и со смиреніемъ.

Письмо братьевъ, отъ 26 августа 1830 года.

Послѣ продолжительныхъ изслѣдованій объ истинѣ всего того, что я въ тебѣ видѣлъ и слышалъ, мы вполне убѣдились въ томъ, что ты дѣйствительно, безъ всякаго уже сомнѣнія, отступилъ отъ догматическаго

ученія церковно-учебныхъ книгъ, а потому мы не можемъ и не должны почитать тебя единомысленнымъ съ церковію, слѣдовательно ни ея покорнымъ и послушнымъ сыномъ... Мы нашлись принужденными, чтобы отъять всякое между нами недоразумѣніе, и однимъ разомъ рѣшить всякій споръ, если оный въ однихъ только словахъ заключался, — послать тебѣ, для повторенія, слѣдующія строки: (свидѣтельствующія) — что ты дѣйствительно слово въ слово приѣмлешь все безъ изыятія догматическое церковно-учебныхъ книгъ ученіе, держась собственно того смысла, который очевиденъ по свойству языка, который приѣмлется отъ всѣхъ, по книгамъ сямъ учившихся, что ты считаешь себя обязаннымъ *всѣ прочія безъ изыятія книги о вѣрѣ почитать не иными, какъ токмо церковно учебными книгами.* Строки сіи были тебѣ посылаемы сряду въ пяти или въ шести нашихъ посланіяхъ, но ты не хотѣлъ и не хочешь подтвердить оныя, полагающія конецъ всѣмъ состязаніямъ нашимъ, хотя вѣдаешь, что сіе неподтвержденіе твое питаетъ мучительную тревогу въ нашемъ сердцѣ — вѣдаешь сіе, и что же противопоставляешь сей тревогѣ нашей?.. (дивись самъ, на что ты съѣхалъ) на какую то тебѣ, отъ повторенія сихъ строкъ имѣющую быть посярительность... Въ сихъ теперь строкахъ заключенъ весь нашъ съ тобою споръ. Въ сей фокусъ сосредоточены всѣ лучи, которые мы, завиствуя отъ церковнаго свѣта, обращали на тебя. Отдаемъ на судъ всѣхъ, до кого можетъ дойти, наше съ тобою препираніе, при жизни нашей, или по смерти. Пусть рѣшитъ вѣрный сынъ церкви, во первыхъ: не естественно ли намъ требовать отъ тебя такого повторенія, послѣ всѣхъ вышесказанныхъ твоихъ съ нами несогласованій, примиреній и опять къ прежнимъ мѣтніямъ возвращеній, вопреки сдѣланнаго съ тобою акта, вопреки обѣщаній твоихъ и условій: — не естественно ли сіе и по одной обязанности ближнихъ, а тѣмъ паче, по такой любви и привязанности братьевъ, которая изъ трехъ насъ, до несчастнаго сего періода, дѣлала одно лицо? Во вторыхъ, не заключаютъ ли сіи строки сущности всего того, что обязанъ исповѣдывать всякій православно, то есть, по церковно-учебнымъ книгамъ вѣрующій? Въ третьихъ, не слѣдуетъ ли заключать о томъ, кто отказывается исповѣдывать оныя, что онъ не довѣряетъ ученію церкви, ученію, на церковныхъ и учительскихъ кафедрахъ преподаваемому? Въ четвертыхъ, при такой важности, какой есть, для тебя и для насъ, продолжающійся между нами споръ, — повтореніемъ твоимъ сихъ строкъ совершенно кончаемый — не ничтожная ли, не пустая ли отговорка неповторенія оныхъ есть посярительность? — Я имѣю одну любочестивую мысль, признаюсь, а именно: Если бы кто изъ судей* сихъ не могъ взять на себя произнести судъ по аргументамъ: то, чтобы онъ убѣжденъ былъ взять нашу сторону, по той равности и любви, которая одушевляетъ сіа слабые мои на пользу

твою труды: и сіе не для того, чтобы умножить себѣ число балловъ, или, чтобы преклонить вѣсы побѣды на свою сторону—нѣтъ, но чтобы доказательствомъ любви, сильнѣйшимъ всѣхъ аргументовъ, показать истину того ученія, которое Всеблагій Промыслъ Божій благоволилъ мнѣ защищать. Представимъ себѣ судей, сидящихъ надъ нашими дѣлами. Они должны произнести приговоръ. Кого же осудить? Если меня, то и церковь, въ ея учебныхъ книгахъ: то и.., но куда поведетъ такое заключеніе?—Буде же я законно требую отъ тебя исповѣданія догматовъ, по церковно-учебнымъ книгамъ, и повѣренія по онымъ всѣхъ мнѣній о вѣрѣ и книгъ, то незаконно ты поступаешь, отрекаясь принимать въ нихъ что-либо догматическое, или приѣмая ученіе сіе съ разборомъ. Наконецъ, ты, послѣ многихъ посланій нашихъ къ тебѣ, отличающихъ неправость твою въ разборчивомъ пріятіи церковно-учебныхъ книгъ,—посланій, указывающихъ тебѣ ясными доводами, куда вѣдетъ такой погрѣшительный разборъ, указывающихъ и тѣ уловки, къ которымъ ты прибѣгалъ, чтобы поставить насъ въ затрудненіе, обезсилить нашъ въ тебѣ приступъ: послѣ пяти или шести-кратнаго нашего требованія отъ тебя подтвержденія строкъ испытанія, для удостовѣренія насъ въ твоемъ церковному ученію, по ея классическимъ книгамъ, новинченіи, котораго ты ни въ одномъ изъ отвѣтовъ твоихъ повторить не хотѣлъ: наконецъ, ты рѣшительно отрѣзалъ насъ, что не хочешь и не будешь отвѣтствовать на наши тебѣ представленія о вѣрѣ: и на самомъ дѣлѣ показываешь сію твою рѣшимость, не приѣмая съ прочими разсужденіями и того вопроснаго пункта, отъ котораго, какъ тебѣ извѣстно, зависитъ значительная часть нашего спокойствія—того пункта, который всякъ истинный сынъ церкви, не токмо при всѣхъ почти молитвахъ своихъ повторяетъ, но и сверхъ того весьма часто обращаетъ въ своемъ умѣ, какъ основаніе его спасительной вѣры. Не въ полномъ ли мы правѣ заключать, за всѣмъ симъ, что ты, по прежнему, какъ объявилъ намъ изъ устъ твоихъ, приѣмлешь съ разборомъ церковно-учебное догматическое ученіе; а потому вышесказанныхъ строкъ подтвердить не соглашаешься; и что не сіи книги служатъ тебѣ въ повѣренію разныхъ мнѣній толковъ, а ты уже имѣешь всю систему, которой дерзаешь повѣрять сіи святѣйшія книги. Одно изъ двухъ, любезнѣйшій другъ, ты долженъ непремѣнно исповѣдывать или слово въ слово сіи наши строки испытанія, или противоположныя имъ слѣдующія: что ты не слово въ слово, а съ разборомъ принимаешь догматическое церковно учебныхъ книгъ ученіе и не держишься собственно того смысла, который очевиденъ, по свойству языка, и который приѣмлется отъ всѣхъ, по книгамъ самъ учившихся; и, что, наконецъ, ты не считаешь себя обязаннымъ всѣ прочія безъ изъятія книги о вѣрѣ

повѣрять церковно-учебными книгами. Ты находишься въ такомъ положеніи, что много выбора тебѣ нѣтъ. Послѣку же ты явно отрицаешься исповѣдывать первое: слѣдовательно, положительнѣе исповѣдуешь послѣднее. Здѣсь напрасно тебѣ обманывать себя увѣреніями пустыми, никакой существенности не имѣющими: почитать себя близкимъ къ церкви, по заключеніямъ безъ положеній, безъ посылокъ, на воздухъ: почитать себя привязаннымъ къ церкви узамъ въ воображеніи твоемъ однимъ, безъ всякихъ матеріаловъ соплетенными. Ибо, вотъ собственныя твои слова, хотя изъ устъ изыти не дерзающія, но въ умѣ твоемъ ясно читаемыя, обличаютъ неправое твое мечтаніе. Церковь нашу православную составляютъ, по опредѣленію о церкви, всецѣлое собраніе вѣрующихъ, т. е. принявшихъ вѣру, научныхъ вѣрѣ евангельской, догматической. Какъ же наученнымъ? По катихизисамъ и богословію, по книгамъ церковно-учебнымъ. — Слѣдовательно, кто по инымъ какимъ ученіямъ исповѣдуетъ вѣру свою догматическую, тотъ и не принадлежитъ до сего православнаго собранія. Послѣ сего, суди, — мы ли называемъ тебя тѣми укорительными именами, которыя ты намъ въ уста влагаешь, или, не самъ ли ты себѣ оныя, твоими, чуждыми церкви, итѣвными, приписываешь? Суди и о томъ, какъ почитаешь свое повседневное исповѣданіе словъ, которыя въ смыслѣ церковномъ принимать отрицаешься. Какъ судить о томъ принятіи тобою священства, въ которомъ, какъ намъ извѣстно, ты не произнесъ сердцемъ произносимаго устами, или подразумеваемаго, при облеченіи въ сѣи санъ, исповѣданія. Ибо, по указанному тебѣ, въ предъидущимъ письмѣ, чяноположенію, ты долженъ былъ вѣрещи и сердцемъ и устами: «Влакую и сме Всевидящимъ Богомъ, что вся сія, (все церковное о вѣрѣ ученіе), мною нынѣ общаваемая, не инако толкую въ умѣ моемъ, яко провѣщаваю устами моими, но въ той силѣ и разумѣ, яковую слову и разумъ написанныя здѣ слова чтущимъ и слышащимъ являютъ». Еще ли, и за всѣмъ симъ, можно тебѣ почитать малозначущей твою несообразность съ княжнымъ церковнымъ ученіемъ, и какъ позволительно увѣрять себя, что слово наше съ тобою въ однихъ словахъ. Какъ! и послѣ разбора твоего въ приѣмѣ догматическаго ученія и послѣ прочтѣннаго мною въ умѣ твоемъ вышеписаннаго отрицательнаго исповѣданія! Нѣтъ, любезнѣйшій другъ, послѣ всего того, что Господу угодно было (можно сказать) чудесно обнаружить среди насъ изъ твоихъ въ исповѣданіи вѣры погрѣшительностей, неприлично стоять холоднымъ зрителемъ, видя тебя, извлекаемаго ликроутию изъ объятій нашихъ, и извлекаемаго изъ объятій церкви! ибо церковно-учебныя книги суть тѣ узы, которыми привязываетъ она къ себѣ живыхъ своихъ членовъ, а догматическія ученія суть матерьяскія ея объятія. —

Въ одномъ изъ предъидущихъ писемъ разсудилось мнѣ написать тебѣ въ остереженіе твое, — какія возмешь ты мѣры, если бы высшая власть, свѣдавъ о твоёмъ противленіи церковно-классическому ученію, вздумала обратиться къ тебѣ съ вопросомъ, подобнымъ нашему? Ты не отвѣчалъ мнѣ, какой у тебя готовъ отвѣтъ церковной власти. Да что отвѣчать тебѣ ей, если пребудешь въ томъ же упорствованіи, въ какомъ заставлялъ насъ толикократно воище тебя вопрошать? Что она провѣдать можетъ и не отъ насъ о долговременномъ съ тобою преніи нашемъ: того не почитай ты невозможнымъ. — Можетъ статься, что Господь, смилувавшись, пошлетъ наконецъ помощь нашей сторонѣ, лишенной теперь всѣхъ человѣческихъ способовъ къ преклоненію тебя къ намъ. Ибо убѣжденій и доказательствъ, предубѣжденіе твое не приѣмлетъ, а власти, которую мы имѣли надъ тобою по первородству, ты насъ лишилъ совершенно. Я бы готовъ былъ и самъ призвать такую помощь, если бы ясно усматривалъ на то званіе Божіе. Вѣрую несомнѣнно, что если Онъ, услышавъ мои молитвы, благоволитъ даровать мнѣ просимое, то безъ сомнѣнія совершитъ то, ими же вѣсть судьбами, хотя и не призываетъ къ тому насъ. Благословенно буди Его святое Имя!

Посуди далѣе, какъ можно тебѣ было увѣриться, что вся церковь наша, имѣвшая и имѣющая въ себѣ пастырей и учителей, и дѣломъ, и словомъ, и писаніями достойныхъ послѣдователей апостоловъ, своихъ предшественниковъ, можетъ въ чемъ либо погрѣшать? И кто же твои увѣрители? Чѣмъ они знамениты? Чѣмъ могутъ поддержать вѣдренныя въ тебя вышписанныя мнѣнія о церкви и прочія прогивныя церковно-учебнымъ книгамъ ученія, не имѣющія сами по себѣ никакой самостоятельности, и пререкаемыя на каждой страницѣ Евангелія? Какъ такъ тебѣ было рѣшиться слѣпо принимать мнѣнія, отъ церковнаго ученія такъ разклевующія, и ни на чемъ не утверждаемыя. Какая отважность! Какое безстрашіе! Пусть бы еще, когда бы поколебали они твой умъ въ неприятии какихъ второстепенныхъ статей богослуженія: и тогда бы намъ больно было видѣть тебя не во всемъ послушнымъ сыномъ церкви. Но какъ можемъ примириться съ мучительною мыслию теперь, видя тебя, приѣмлющимъ съ разборомъ догматическое ея ученіе и отказывающегося, въ церковно-учебныхъ книгахъ заключающимся, догматическимъ ученіемъ, повѣрять всѣ толки и мнѣнія о вѣрѣ? Кто можетъ увѣрять меня, что не важно такое твое отступленіе? Недальновидность бы моя и неспособность усмотрѣть того, какъ ты себя опуталъ, отвратилъ бы и отъ тебя весь громъ изъ тучи словъ моихъ, и отъ меня безпокойство тяжкое, изнурительное. Господу угодно было, не по нѣкоторымъ уже обвинякамъ твоимъ, какъ было сначала твоей перемѣны, но собствен-

ными устами моими, допустить мнѣ услышать отъ тебя разборчивое догматовъ церковныхъ принатіе. Если болѣзненно было для моего сердца слышать сіе отъ тебя, до признанія твоего въ твоей погрѣшительности, то несравненно болѣзненнѣе видѣть тебя, обратившагося къ первому мнѣнію, по отреченіи отъ онаго.

Если ты по прочтеніи и сего разсужденія, также какъ и послѣ другихъ, предшествовавшихъ оному, не доставишь намъ повторенія седмикратнаго (помнится) посылаемыхъ тебѣ уже строкъ, то пришли его обратно.

Письмо князя Сергія, отъ 26 января 1831 года.

... Получивъ послѣдній повторительный, прежнихъ, обличительный вашъ свитокъ и прочитавъ оный, я не замедлилъ, по требованію вашему, отправить его обратно къ вамъ, съ отвѣтною моею на послѣдней страницѣ онаго надписью...

Надпись, сдѣланная на письмѣ братьевъ Сергіемъ: Суди ми Господи, яко азъ незлобою моею ходихъ; и на Господа уповаю, не изнемогу.

Искуси мя Боже и увѣждь сердце мое, истязи мя и разумѣй стези моя.

И виждь, аще путь беззаконія во мнѣ, и настави мя на путь вѣченъ.

Ей, Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ. Аминь.

Святи. В. Жмѣкинъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

¹⁾ *Платонъ* (Левшинъ), митрополитъ московскій (1737—1812 г.) знаменитый богословъ своего времени оставилъ послѣ себя не мало догматическихъ сочиненій. Такъ, извѣстно «Православное ученіе вѣры» Платона, изд. въ Спб. 1765 года. Ему же принадлежать: 1) «Катихизисъ, или первоначальное наставленіе въ христіанскомъ законѣ», которое всенародно толковано было въ академической аудиторіи съ сентября 1757 по 15 іюля 1758 года. М. 1781 ч. 8 и 9; 2) «Православное ученіе, или сокращенная христіанская богословія о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры нашея и о заповѣдехъ Божіихъ, въ десятиословіи заключенныхъ». Спб. 1780 г.; издано церковною печатью въ 1781 году; 3) «Катихизисъ для священно-церковно-служителей» М. 1775 г.; 4) «Краткій катихизисъ для дѣтей», изд. 1776 г. Самое лучшее изъ катихизическихъ сочиненій митрополита Платона есть то, которое имъ первоначально преподано народу въ академической аудиторіи, а потомъ издано имъ въ собраніи своихъ сочиненій. «Обзоръ русской духовной литературы Филарета, архіепа. черниговскаго», изд. 3 и съ дополненіями и поправками автора. Спб. 1884 г., изд. Тузова, кн.

II, стр. 404. Антикварный каталог бывшей библиотеки А. Смирдина, нынѣ Н. Киммеля. Отд. I. 1887, № 864—868.

²⁾ *Михаилъ* (Десницкій), митрополитъ новгородскій и петербургскій, умершій въ 1821 году, написалъ «Катихизисъ въ бесѣдахъ». Катихизическія бесѣды митрополита Михаила издавались три раза, въ полномъ собраніи его сочиненій. Первое изданіе его сочиненій, въ 10 томахъ, вышло въ Спб. 1815—1816 г., второе изданіе, въ 9 томахъ, Спб. 1823—1824 г. и третье, въ 16 частяхъ, Спб. 1855—1856 г. «Обзоръ русской духовной литературы», кн. II, 426—427.

³⁾ *Иннокентій* (Смирновъ), епископъ пензенскій († 1819 года), составилъ: «Дѣятельное богословіе» и написалъ «Иъясненіе Символа вѣры». То и другое напечатано въ собраніи его сочиненій (ч. I), издававшихся, въ трехъ частяхъ, двараза въ 1821 и 1845 гг. «Обзоръ русской духовной литературы» кн. II, 424—425.

⁴⁾ *Ювеналій* (Медвѣдскій), съ 1799 года замѣстникъ Хутынскаго монастыря, бывшій потомъ катихизаторомъ въ московской троице-сергіевой семинаріи († 1809 г.), издалъ въ Москвѣ свой богословскій трудъ: «Христіанская богословія для желающихъ въ благочестіи вышшаго успѣха». Три части. Синод. тип. 1806 года. По отыску пресвященнаго Филарета, архіеп. черниговскаго, трудъ о. Ювеналія замѣчательнъ, какъ потому, что его авторъ только любовію къ наукѣ достигъ довольно обширныхъ познаній въ богословіи, такъ и потому, что это былъ одинъ изъ первоначальныхъ опытовъ систематическаго богословія на русскомъ языкѣ. Геромонахъ Ювеналій составилъ также и катихизисъ, извѣстный только по рукописямъ. «Обзоръ духовной литературы», кн. II, 398. Антикварный каталогъ библиотеки А. Смирдина, № 1456.

⁵⁾ Здѣсь рѣчь идетъ о «Православномъ исповѣданіи» кіевскаго митрополита Петра Могилы, одобренномъ восточными патріархами и изд. на слав. языкѣ въ Москвѣ 1696 г. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, «Православное исповѣданіе» написалъ не Петромъ Могилою, а его ученикомъ Исаіею Трофимовичемъ Коаловскимъ. «Обзоръ русской духовной литературы» кн. I, 190—194.

⁶⁾ Здѣсь разумѣются: «Пространный катихизисъ» пресвящ. Филарета, митрополита московскаго, издаваемый въ первый разъ въ 1823 г. и «Краткій катихизисъ», его же, изд. въ 1824 году.

⁷⁾ *Ириней* (Фальковскій), съ 1803 года ректоръ кіевской академіи, съ 1807 года епископъ чигиринскій († 1823 г.), авторъ богословскаго сочиненія: «Orthodoxae theologiae dogmaticae compendium». М. 1802 г., отличавшагося ясностію и систематическою строгостію. «Обзоръ русской духовной литературы» кн. II, 429.

⁸⁾ Въ Смоленскѣ, въ женскомъ Вознесенскомъ третьеклассномъ монастырѣ были пострижены въ монашество двѣ сестры князя Сергія княжны Александра и Анна Ш. Шихматовы. Старшая изъ нихъ, Александра, въ монашествѣ Агаеоклія, умерла въ вѣнскомъ Аркадіевскомъ монастырѣ въ 1833 году, а младшая, Анна, въ монашествѣ Августа, пережила свою старшую сестру и умерла въ 1859 году, въ званіи игуменіи Аркадіевскаго женскаго монастыря. Обѣ сестры переѣхали изъ Смоленскаго монастыря въ вѣвскій Аркадіевскій

женскій монастырь въ 1833 году, когда монахиня Августа назначена была въ игуменіи этого монастыря.

⁹⁾ Въ С.-Петербургѣ въ это время находился братъ князя Сергія, князь *Платонъ* Александровичъ Ш.-Шихматовъ, съ 1824 по 1842 годъ состоявшій директоромъ канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія, а съ 1842 по 1850 годъ — товарищемъ министра, а съ 1850 по 1853 годъ — министромъ народнаго просвѣщенія. Князь Платонъ Ш.-Шихматовъ умеръ 5 мая 1853 года. См. «Очеркъ жизни князя Платона Александровича Ш.-Шихматова. Спб. 1855 г., изд. Н. Елагина.

¹⁰⁾ Здѣсь рѣчь идетъ о *Православномъ исповданіи м. Петра Могила*.

¹¹⁾ Выписки здѣсь не помѣщаются. Они заимствованы большею частью изъ «Пространнаго катихизиса и изъ «Богословія» іеромонаха Ювеналія. Нѣкоторыя изъ этихъ выписокъ представляютъ повтореніе тѣхъ, которыя еще раньше отправлены были братьями къ Сергію, при письмѣ, отъ 25 августа 1828 года.

¹²⁾ Эти слова дѣйствительно находятся въ письмахъ братьевъ, и они помѣщены въ письмѣ ихъ къ Сергію, отъ 25 августа 1828 г. Приведенныя здѣсь слова брата представляютъ какъ доказательство, заимствованное ими изъ «Богословія» о. Ювеналія.

¹³⁾ Въ селѣ Дерновѣ, Смоленской губерніи, Вяземскаго уѣзда, жилъ самый младшій изъ братьевъ, князь Прохоръ Александровичъ Ш.-Шихматовъ, имѣвшій большое семейство и отличавшійся рѣдкою гуманностію къ своимъ крестьянамъ. Онъ умеръ въ 1863 году.

¹⁴⁾ Въ письмѣ, отъ 11 февраля 1829 года.

¹⁵⁾ Подъ переложеніемъ многихъ мѣстъ Библии разумѣются поэтическія переложенія кн. Сергіемъ нѣкоторыхъ псалмовъ Давидовыхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ переложеній псалмовъ напечатаны въ изданіи академіи наукъ 1820 г., а большая часть ихъ осталась въ рукописи, подъ заглавіемъ: «Псалтирь десятиструнный». «Обзоръ русской духовной литературы», кн. II, 444—445. «О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты». Спб. 1838, стр. 10.

¹⁶⁾ *Филаретъ* (Амфитеатровъ), архіепископъ казанскій (съ 25-го февраля 1828 года по 19 сентября 1836 года), въ 1836 году былъ переведенъ въ Ярославль, а отсюда 18 апрѣля 1837 года — въ Кіевъ, гдѣ и умеръ въ званіи митрополита 21 декабря 1857 года. Строевъ. Списки іерарховъ: 290. 335. 9.

¹⁷⁾ Въ селѣ Пахомовѣ, Рославльскаго уѣзда, Смоленской губерніи, жилъ въ имѣніи своемъ одинъ изъ братьевъ, именно князь Василій Александровичъ Ш.-Шихматовъ, скончавшійся въ 1834 году.

II.

Второй и болѣе важный предметъ, подвергавшійся обсужденію въ перепискѣ между братьями князьями Алексѣемъ и Павломъ Александровичами Ш.-Шихматовыми съ одной стороны и княземъ Сергіемъ Александровичемъ съ другой,—сосредоточивался на рѣшеніи вопроса о томъ, могутъ-ли надѣяться на полученіе спасенія люди, не имѣющіе достаточныхъ познаній о вѣрѣ, но находящіеся въ послушаніи церкви и прибѣгающіе ко всѣмъ ея таинствамъ, хотя и не понимающіе силы и значенія послѣднихъ.

Что собственно подало поводъ къ возбужденію этого вопроса, на это нѣтъ никакихъ указаній въ перепискѣ братьевъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ князю Сергію братья-князья говорятъ только, что они „нечаянно открыли въ Сергіѣ заблужденіе о членахъ церкви“. Очень легко могло случиться и то, что, въ бытность у братьевъ въ селѣ Архангельскомъ, князь Сергій, при взаимныхъ богословскихъ разсужденіяхъ, дозволилъ себѣ какое-нибудь не особенно точное выраженіе о степени необходимости религіознаго просвѣщенія христіанъ. Братья теперь, вообще, стали недовѣрчиво относиться къ религіознымъ воззрѣніямъ Сергія, вслѣдствіе рѣшительной перемены, происшедшей въ немъ, когда онъ отказался отъ совмѣстной съ ними жизни, а, взаи́мъ того, избралъ мѣстомъ своего пребыванія Юрьевъ монастырь. При такомъ на-

¹⁾ См. июль—августъ «Христ. Чит.» (т. I, 97—124, 1889).

строении братьевъ достаточно было одного неосторожнаго слова, неопредѣленнаго выраженія о религіозномъ просвѣщеніи, чтобы возникъ спорный вопросъ, тѣмъ болѣе, что жизнь обоихъ братьевъ такъ сложилась, что они нѣсколько иначе относились къ этому вопросу. Оба брата всю свою жизнь посвятили на религіозное просвѣщеніе своихъ крестьянъ, всю свою душу отдали этому святому и влюбленному ими дѣлу. И, въ данномъ случаѣ, достаточно было одного неосторожнаго, неопредѣленнаго выраженія Сергія, по самому животрепещущему для нихъ вопросу, чтобы со стороны ихъ вызвать возраженіе.

Князь Сергій Александровичъ высказалъ болѣе опредѣленный и, главное, болѣе жизненный взглядъ на возбужденный вопросъ, чѣмъ его братья. Онъ выражался о немъ въ слѣдующихъ словахъ: „для тѣхъ изъ братьевъ нашихъ, которымъ, по обстоятельствамъ жизни сей многопечительной, еже ли не совсѣмъ возбранены, то, по крайней мѣрѣ, не довольно открыты средства къ умудренію себя въ ученіи вѣры, и они потому остаются въ невѣдѣніи или въ неясномъ вѣдѣніи спасительныхъ ея истинъ, а, между тѣмъ, они вѣчно пребываютъ въ сыновнемъ покорствѣ возродившей ихъ въ вѣчную жизнь духовной ихъ матери церкви, и таинствами ея освящаются и ведутъ жизнь добродѣтельную, для таковыхъ согласіе ихъ во всемъ совершенно, поколику они разумѣть могутъ, хранить ихъ на пути спасенія и доводить къ оному можетъ“. Братья же, подъ влияніемъ вкравшагося у нихъ нѣкотораго недовѣрія къ Сергію, поняли вышенаведенное его положеніе въ томъ смыслѣ, что будто онъ признаетъ религіозное невѣжество нормальнымъ, законнымъ явленіемъ, нисколько не подтверждающимъ опасности спасенія человѣка. „Не о томъ споръ нашъ съ тобой, писали братья къ Сергію, лишаются или не лишаются спасенія невѣжествующіе въ вѣрѣ, не наше дѣло разбирать и разсуждать о семъ, предоставимъ сіе Господу, но о томъ, что *невѣжество въ вѣрѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть путемъ ко спасенію*“. Братья, неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ, заключили, что Сергій допускаетъ *въ одинаковой степени* возможность полученія спасенія и вѣдающими свою вѣру и *всѣми безъ разбора невѣдаю*

щими ея". Нужно при этомъ замѣтить, что они, и въ словесныхъ объясненіяхъ и даже въ своихъ письмахъ къ Сергію, не отчаявались въ благости Божіей къ нѣкоторымъ религіознымъ невѣждамъ, „яко невиннымъ въ своемъ невѣдѣніи“. Въ сущности такого же самаго взгляда держался и Сергій. „Я, писалъ онъ, отнюдь не утверждаю и не законополагаю невѣжества въ вѣрѣ, но, напротивъ, признаю нужнымъ, равно какъ и вы, познаніе въ истинахъ откровенія, а только не могу допустить совершеннаго отлученія отъ спасенія тѣхъ изъ нашей православной собратіи, которые, не имѣя средствъ, лишаются желаемаго въ вѣрѣ просвѣщенія.

Такимъ образомъ, разность во взглядахъ на затронутый вопросъ между переписывавшимися между собою братьями заключается болѣе на словахъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Положимъ, во многихъ мѣстахъ писемъ князей Алексѣя и Павла встрѣчаются многія отдѣльныя выраженія, которыя ведутъ къ отрицательному рѣшенію затронутого вопроса, но, если взять во вниманіе и обобщить всю ихъ переписку, то ихъ нельзя приписать безусловно отрицательнаго взгляда на невозможность полученія спасенія религіозными невѣждами.

Вообще, вся переписка по возбужденному вопросу возникла и развивалась не столько вслѣдствіе разногласія во взглядахъ, сколько, и главнымъ образомъ, была плодомъ нѣкотораго недовѣрія братьевъ какъ къ самому Сергію, такъ и къ окружающему его монашескому обществу и, особенно, къ представителю этого общества архимандриту Фотію. Возникшее, подобнаго рода, недовѣріе и подозрительность къ Фотію дѣйствительно имѣли серьезныя основанія.

Фотій своими, болѣе чѣмъ странными, дѣйствіями, напрямъ, таинственною посылкою князю Сергію письма за семью печатями съ надписью на печати на недоступномъ для большинства языкѣ (англійскомъ), или записью объ исцѣленіи бѣсноватыхъ, могъ возбудить нѣкоторое недовѣріе къ себѣ даже среди самыхъ довѣрчивыхъ по природѣ людей. Мы ограничиваемся до времени одними этими общими указаніями, такъ какъ въ нижепомѣщаемыхъ нами

материалахъ будетъ выдѣлена особая глава, посвященная дѣятельности о. Фотія.

Предлагаемый здѣсь отдѣлъ переписки между князьями Алексѣемъ и Павломъ Александровичами съ одной стороны и княземъ Сергіемъ съ другой имѣетъ не столько богословскій, сколько, и по преимуществу, историческій интересъ. Въ своихъ письмахъ князья Алексѣй и Павелъ даютъ намъ любопытную характеристику современнаго имъ религіознаго состоянія русскаго общества. Въ нихъ мы находимъ указаніе на особенности религіозныхъ воззрѣній какъ высшаго русскаго общества, такъ и низшаго. И что особенно замѣчательно, изъ переписки князей Ш.-Шихматовыхъ открывається такое любопытное явленіе, какъ то, что извѣстный историческій дѣятель и ревнитель славянорусскаго слога и *блуститель православія* А. С. Шишковъ, въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, держался нѣкоторыхъ *социніанскихъ воззрѣній*. На какомъ невысокомъ уровнѣ религіознаго просвѣщенія стояло тогда высшее сословіе дворянство можно судить по слѣдующему примѣру. Одинъ изъ ближайшихъ къ Москвѣ помѣщиковъ и знакомыхъ князей Ш.-Шихматовыхъ, въ своемъ разговорѣ съ ними, высказалъ слѣдующій взглядъ на догматическое ученіе о св. Троицѣ, по которому св. Троица состоитъ, по его мнѣнію, изъ Отца, Сына и Божьей Матери. Если таковы были нѣкоторые помѣщики, жившіе вблизи центра русскаго православія и просвѣщенія, т. е. Москвы, что же нужно думать о религіозныхъ познаніяхъ помѣщиковъ, жившихъ въ глуши!? О рѣшительномъ невѣжествѣ низшаго класса и говорить послѣ этого нечего. Потому-то князья Алексѣй и Павелъ такъ возмущались скудостью религіозныхъ познаній крестьянъ, что, въ своихъ обличеніяхъ ихъ религіознаго невѣжества, доходили до нѣкоторыхъ довольно одностороннихъ выраженій. „Самыя святая мощи угодниковъ Божіихъ, напримѣръ, по словамъ братьевъ, не столько чествуются отъ невѣждъ, сколько безчествуются“. Однимъ словомъ, здѣсь оправдывалась общезвѣстная истина, что одна крайность вызывала другую, одна крайность сопровождалась другою.

Всѣ письма Алексѣя и Павла пишутся отъ имени обоихъ

братьевъ; на самомъ дѣлѣ всю богословскую переписку съ княземъ Сергіемъ валь князь Алексѣй, другой братъ князь Павелъ—только подписывался.

Письмо братьевъ князей Павла и Алексѣя Александровичей Ширинскихъ-Шихматовыхъ къ князю Сергію Александровичу Ширинскому-Шихматову, отъ 25-го Августа 1828 года.

...Есть у васъ правило, изъ твоихъ же устъ нами слышанное, которымъ не взыскивается съ членовъ церкви никакого познанія въ вѣрѣ, ниже самаго кратчайшаго.

... Ты приемишь, что вѣтъ необходимости всякому христіанину, самому лично быть свѣдущу въ догматахъ исповѣдуемой имъ вѣры, ниже въ главнѣйшихъ изъ нихъ, каковы суть: св. Троица, воплощеніе и искупленіе, а достаточно лишь быть крещену, почитать себя членомъ церкви и не отступать отъ нея видимымъ образомъ.

Письмо братьевъ, отъ 20-го Января 1829 года.

Мы печально открыли въ тебѣ очень важное заблужденіе о членахъ церкви, заблужденіе, которое, если разсмотрѣть пристальнѣе, то найдется оно источникомъ премногихъ вовсе нехристіанскихъ мнѣній, а ежели на мнѣніяхъ такихъ основывать и поступки, то многихъ крупныхъ золъ виновникомъ оно окажется; мы частію те тебѣ и показали уже, какъ въ изданной Богословіи ¹⁾, такъ и въ одной изъ читанныхъ тебѣ тетрадей нашихъ. Если бы ты сердечно и всесовершенно принялъ святое ученіе церкви, тогда, не мѣшкая ни минуты, бросился бы, какъ вѣрный сынъ ея, по сему образцу вѣры, расположить и твое сердечное исповѣданіе, искоренивъ всесовершенно главнѣйшія во мнѣніяхъ твоихъ вышеупомянутыя погрѣшности о разборчивомъ принятіи церковнаго ученія, о предпочтеніи старыхъ книгъ новымъ, о членахъ церкви, но и всѣ безъ изыятія, какъ бы, впрочемъ, маловажными они тебѣ не казались. Ты бы не отсталъ отъ насъ, доколѣ мы не указали тебѣ все то, что мы находимъ въ тебѣ несообразнымъ съ церковнымъ ученіемъ, въ которомъ единомъ мы многіе годы сами поучаемся и другихъ поучаемъ ²⁾. Ты, единожды увѣрившись, что мы не отъ инудѣ излагаемъ тебѣ наши представленія, наши доводы какъ спрашиваясь у церкви, общей нашей матери, и ея слова тебѣ предлагаемъ, совершенно отгналъ бы всякую недовѣрчивость, опять слилъ бы твой духъ вѣры во едино. И теперешнее, изъ двухъ насъ, по благодати Божіей, составленное, единство, тогда опять составилось бы изъ трехъ.

Мнѣніе твое, что достаточно быть крещенымъ въ церкви, не отла-

гаясь от нея, хотя и безъ надлежащаго понятія о святѣйшемъ христіанствѣ, чтобы быть истиннымъ ея членомъ и стоять на пути спасенія, повидимому, также не перемѣнилось, ибо намъ случалось замѣчать въ тебѣ нѣкоторыя рѣчи, прямо отъ сего пагубнаго положенія истекающія. А что не по образцу и правиламъ богословскаго и катихизическаго ученія продолжалъ ты свое съ нами обращеніе и поступки и со времени произнесеннаго отреченія, то явствуетъ изъ того, что ни малѣйшей не послѣдовало во вѣнностяхъ здѣшней твоей жизни перемѣны.

По твоему, всякъ тотъ, кто крещенъ въ церкви, хотя бы онъ и не былъ оглашенъ ученію Господню, хотя бы онъ чуждъ былъ всякаго катихизическаго ученія, можетъ также шествовать путемъ спасенія. По твоему, достаточно, чтобы только онъ вѣровалъ лишь такъ, какъ вѣруетъ церковь, вовсе, впрочемъ, не вѣдая церковнаго о томъ ученія. Вотъ съ какою мнѣніемъ ты прибылъ сюда и вотъ что было причиною нашего состязанія о вѣрѣ.

...Если не успѣемъ преклонить тебя къ нашей сторонѣ, то при бѣгнемъ ко власти старѣйшинства, Богомъ и природою намъ надъ тобою врученной, не свой лишь гласъ къ тому употребляя, но соединенные гласы нашего семейства, въ которыхъ ты не можешь не слышать и самый гласъ въ Бозѣ почивающей нашей родительницы. Она такъ съ нами возопіетъ: «въ тебѣ ли я вижу такую существенную разность съ ученіемъ церкви, церкви, той матери твоей, которая отродила тебя духовно и въ томъ самомъ ученіи тебя воспитала отъ дѣтства твоего, которое она и теперь проповѣдуетъ и въ которомъ ты думаешь ее подозрѣвать. Бѣги, лети на край свѣта отъ виновниковъ такого нелюбознаго прелестнаго внушенія». Таковъ, конечно, былъ бы ея гласъ, если бы она, приступивъ ко всѣмъ намъ, ея дѣтямъ, выслушала отъ насъ о негрѣшности твоей наше представленіе. Она бы заключала разбирательство сіе словами: я, будучи не искусна въ богословскомъ ученіи, не могу судить о подробностяхъ богословскихъ, но знаю и увѣрена въ томъ, что не токмо вышенаписанной разности, но и ни малѣйшей съ ученіемъ церкви вы не должны имѣть, а потому повелѣваю тебѣ: пребывай всегда усерднымъ ко святой церкви (церкви же не идеальной, а видимой, російской апостольской, подъ управленіемъ св. синода пребывающей), всѣ ея постановленія свято почитай и храни, по христіанской твоей благопристойности поступи такъ, какъ повелѣваетъ и повелитъ (замѣть, и повелитъ) тебѣ сія мать твоя церковь и никогда отъ ней не отступай и бѣгай не токмо расколовъ, но и раздоромъ и всякаго несогласія.

Письмо князя Сергія, отъ 11-го Февраля 1829 г.

Что принадлежитъ до догмата о членахъ церкви, то о семъ скажу

необинновенно, что ежели я утверждалъ, что учиться истинамъ вѣры для вѣрующаго излишне и ненужно, лишь бы онъ согласовалъ съ ученіемъ церкви, самъ нисколько не стараясь познавать сіе ученіе, то, конечно, худо выразилъ свои мысли и достоинъ порицанія. Но, ежели я говорилъ (какъ и теперь говорю), что для тѣхъ изъ братіевъ нашихъ, которымъ, по обстоятельствамъ жизни сей многопечительной, ежели не совсѣмъ возбравены, то, по крайней мѣрѣ, не довольно открыты средства къ умудренію себя въ ученіи вѣры, и они потому остаются въ невѣдѣніи, или въ неясномъ вѣдѣніи спасительныхъ ея истинъ, а между тѣмъ они всегда пребываютъ въ сыновнемъ покорствѣ возродившей ихъ въ вѣчную жизнь духовной ихъ матери церкви, и таинствами ея освещаются, и ведутъ жизнь добродѣтельную, что для таковыхъ согласіе ихъ (во всемъ совершенно, по крайней мѣрѣ они разумѣть могутъ), съ церковію хранить ихъ на пути спасенія и доводить къ оному можетъ, ежели я сіе говорилъ, то отъ словъ моихъ не отрицаюсь *). Изъ таковыхъ простыхъ сердцемъ и умомъ многіе даже достигаютъ до высокой степени святости, ежели они, по мѣрѣ возможности своей, ревнуютъ жить по

*) На эти слова братья сдѣлали слѣдующія замѣчанія:

Выписка изъ письма князя Сергія, отъ 11-го Февраля 1829 г.

Замѣчанія князей Алексѣя и Павла.

Ежели я говорилъ (какъ и теперь говорю), что тѣмъ изъ братій нашихъ, которые... остаются въ невѣдѣніи, или въ неясномъ вѣдѣніи *спасительныхъ истинъ*,

Самныя слова: *спасительныя истины* не могутъ иначе быть понимаемы, какъ такія истины, которыя *необходимо* нужны для спасенія души. Безъ вѣры, какъ известно всякому читающему Евангелія, спастись не можно: а вѣра есть ни иное что, какъ принятіе сихъ евангельскихъ, спасительныхъ истинъ. Можетъ ли же быть принятіе оныхъ сердцемъ, безъ предварительнаго познанія умомъ?.. Суди самъ.

а между тѣмъ всегда пребываютъ въ сыновнемъ покорствѣ... церкви,

Пребывать въ покорствѣ, то есть въ повиновеніи церкви, тѣмъ, которые не знаютъ или худо знаютъ ея предписанія, есть дѣло также невозможное, какъ невозможно совершенно глухому, или одинъ несвязанный голосъ рѣчки слышащему рабу, повиноваться велѣніямъ своего господина.

Бозѣ. Примѣръ тому, оныя двѣ женщины, простыя поселянки, къ ко-

тайнствами ея освящаются.

и ведутъ жизнь добродѣтельную,

что для таковыхъ согласіе ихъ (во всемъ совершенно, поколику они разумѣть могутъ) съ церковію, хранить ихъ на пути спасенія, и доводить къ оному можетъ.

Ежели я сіе говорилъ, то отъ словъ моихъ не отпираться.

.. Я отнюдь не утверждаю, что не нужно поучаться въ вѣрѣ, но что и тѣ не лишаются спасенія, согласія ихъ ради съ церковію, которые сами лишены средствъ къ сему душеполезному поученію.

Таинствами освящаться взрослымъ, не вѣдущимъ о таинствахъ, не допускаетъ богословское церкви ученіе. Да и сколько нелѣпаго придется допустить, допустивъ такое освященіе.

Неповинующимся же церкви и неосвященнымъ таинственною благодатію невозможно вести жизни добродѣтельной, въ томъ видѣ, въ какомъ оную повелѣваетъ Евангеліе Иисуса Христа:—а развѣ въ томъ, въ какомъ оную проповѣдуетъ евангеліе міра, или вѣра *христіанская не евангельская*.

Пребывающимъ въ невѣдѣніи или въ неясномъ вѣдѣніи спасительныхъ истинъ вѣры и ученій церкви съ церковью въ оныхъ разумно согласоваться есть опять нравственная невозможность. Ибо въ согласіи двухъ сторонъ въ чемъ-либо (по здравой логикѣ) необходимо требуется ихъ другъ друга ясное разумѣніе.

Изъ вышеписанныхъ замѣчаній нашихъ явствуетъ, что сіи твои слова вовсе несогласны ни съ церковнымъ ученіемъ, ниже съ здравымъ разсудкомъ: несогласны вовсе и съ тѣмъ листомъ, который ты утвердилъ, было, твоимъ *аминемъ*. Не усматриваешь ли ты адѣсь упомянутыхъ въ письмѣ нашемъ твоихъ *да и нѣтъ*?

Тѣ, которые лишены средствъ къ поученію, не иное какое могутъ имѣть согласіе съ церковію, какъ *слѣпое, невѣжественное*, самое то, которое ты самъ называешь порицательнымъ, говоря: *если я утвержд далъ, что учиться истинной вѣрѣ для струюшаго не нужно, лишь бы онъ согласовался съ ученіемъ церкви, то, конечно, достоинъ порицанія*.

терымъ посланъ былъ отъ Бога преподобный Макарій египетскій, какъ на единой степени святости съ нимъ стоящимъ, за то, что многія зѣта живучи вмѣстѣ, какъ жены двухъ братьевъ, никогда одна другой ни въ чемъ не досадили, ниже словомъ единымъ. Подобныхъ примѣровъ въ житіяхъ святыхъ не мало. Но повторяю, что отнюдь не утверждаю я, что не нужно поучаться въ вѣрѣ по возможности, ибо, что полезнѣе сего поученія, но что и тѣ не лишаются спасенія, согласія ихъ ради съ церковію, которые сами лишены средствъ къ сему душеполезному поученію.

Позвольте мнѣ еще сказать вамъ откровенно, что крайне, крайне прискорбно мнѣ было видѣть въ посланіи нашемъ потревоженными священнѣйшей для насъ прахъ родительскій, и безъ сего можно бы обойтись обличеніями, самими по себѣ рѣзкими до крайности; по совѣсти опять скажу вамъ, что почивающая въ Бозѣ не почла бы меня отступникомъ отъ церкви по всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, и, можетъ быть, поскорѣла бы о строгости догмата, совершенно исключающаго отъ спасенія не систематически научныхъ ученію вѣры, но я не смѣю влгать въ уста ея свои мысли.

Письмо братьевъ князей Алексѣя и Павла, отъ 5 апрѣля 1829 года.

Относительно до очень важнаго нашего съ тобою несогласія о церкви, въ которомъ наше мнѣніе есть совершенно мнѣніе церкви, ты пишешь, что ты *худо выразился*. Хорошо, если дѣйствительно ты съ нами и съ богословіемъ разствовалъ лишь недостаточнымъ выраженіемъ, а въ существѣ мы были согласны. Но сего допустить нельзя, ибо ты слишкомъ свѣдуецъ и въ языкѣ и слишкомъ давно занимаешься богословскими предметами, чтобы такой важный догматъ и притомъ въ требующихъ всякаго остеререженія словопрепятельныхъ разговорахъ могъ ты взложить несообразно съ твоими мыслями и такъ правильно съ богословіемъ, какъ показываетъ прочитанное мною тебѣ мѣсто. Но и теперь, когда ты подписуешь намъ твое ни на волосъ неотступленіе отъ богословскаго ученія нашей церкви, ты утверждаешь, что неясное вѣдѣніе или даже и невѣдѣніе спасительныхъ истинъ не отдаляетъ отъ него спасенія. Здѣсь явное противорѣчіе въ словахъ. Спросишь тебя: почему ты называешь истины спасительными? Неправда ли—потому, что онѣ необходимы ко спасенію? Мы желаемъ сами себѣ и тебѣ, чтобы не своими умствованіями, не мнѣніями частными, а всеобщими богословскими положеніями руководствоваться не только въ догматахъ, но и въ постановленіяхъ меньшей важности. Для того то просимъ и тебя не иначе почитать съ нами единомысленнымъ, какъ, читавъ со вниманіемъ изданную, съ одобренія верховной власти, на русскомъ языкѣ, богословію для

всѣхъ членовъ нашей церкви, ученыхъ и неученыхъ. Въ ней ты слышалъ мнѣніе твое порицаемымъ. Суди самъ, любезный другъ, за что ты насъ считаешь не право умствующими? За то ли, что мы такъ сильно хватаемся за ученіе церкви? Но мы опять приведемъ тебѣ на видъ тобою изреченныя вышениванныя слова о важности повиновенія церкви. Ты насъ совершенно тогда лишь успокоилъ, когда не... только пріятіемъ богословскихъ истинъ, которыя ты здѣсь подтвердилъ, и которое, однакожь, не препятствуетъ тебѣ отступать отъ нихъ, но когда скажешь, что ты перечиталъ церковныя богословія отъ доски до доски и считаешь своею обязанностію во всемъ томъ, гдѣ не дозволяется намъ мыслить, во всемъ томъ сообразовать твои мнѣнія съ сими богословіями церкви. Вотъ тогда дѣйствительно прекратятся наши пренія. Святая наша церковь, переливъ тогда въ сердце твое ея спасительныя словеса, не оставитъ между нами никакого недоразумѣнія. До сего же времени, воля твоя, не можемъ мы не говорить тебѣ о предметѣ семъ. Виноваты мы предъ тобою, что не сообразовались тономъ нашимъ нелюбовнымъ съ состояніемъ чувствъ, многою любовію возбужденныхъ. Впередъ будемъ осторожнѣе, при помощи Божіей. Но несравненно были бы виновнѣе предъ Богомъ и предъ тобой, если бы, вопреки совѣсти, вопреки разума, съ тобою согласились. Вѣруемъ и надѣемся, что Господь, коего сила въ немощи совершается, поможетъ нашему скудоумію до конца остеречь твою мудрость. Давно бы ты прекратилъ наше состязаніе, если бы прочиталъ со вниманіемъ церковную богословію, которой мы держаться считаемъ нашею первѣйшею обязанностію. Во время обнаруженія нашего съ тобою въ церковномъ ученіи несогласія, благодаря Бога, ты приближаешься къ намъ на нѣсколько становъ, подаваясь болѣе и болѣе. Надобно сдѣлать тебѣ еще сей послѣдній шагъ, чтобы приблизить совершенно, дать себя обнять нашею любовію, грубою, неотесанною, но все же любовію, которая, при всякомъ твоёмъ приближеніи, чаяла тебя обнять, но что те тебѣ отдаляло. Два или три вышениванныя отъ тебя слова удовлетворительнѣе будутъ многихъ.

Приводимый тобою примѣръ изъ житія св. Макарія ни съ которой стороны не утверждаетъ, что невѣдѣніе или неясное вѣдѣніе спасительныхъ «истинъ» не есть препятствіе къ спасенію. Ибо, во-первыхъ, истины евангельскія и особенно дѣятельной вѣры лишь текстами Свящ. Писанія *объясняются по извѣстному богословскому правилу, а не біографическими примѣрами.* Во-вторыхъ, упоминаемая въ житіи сего святаго двѣ святыя жены ни въ какомъ отношеніи не показываютъ своего неяснаго вѣдѣнія истинъ христіанскихъ, а тѣмъ менѣе невѣдѣнія. Время жизни ихъ въ такую эпоху, когда оглашеніе, или наученіе истинамъ вѣры строго наблюдалось въ церкви, даетъ поводъ думать, что имъ

принадлежало не только сіе кратчайшее исповѣданіе догматическихъ истинъ христіанскаго ученія, въ символѣ вѣры заключающееся, но и дальнѣйшее ихъ въ законѣ познаніе, ибо онѣ простерли желаніе свое къ христіанскому совершенству, желая вступить въ ликъ святыхъ дѣвъ. Сіе еще явствуетъ изъ того, что, живучи въ мірѣ, онѣ угодили Богу болѣе, нежели самъ извѣстнѣйшій пустынникъ св. Макарій; а безъ вѣры, какъ тебѣ извѣстно, невозможно угодить Богу. Изъ сего примѣра нельзя не замѣчать, какъ предпочтительна самымъ прославившимся святымъ пустыножителямъ жизнь въ свѣтѣ можетъ быть иногда; и отсюда несправедливо заключать, что во свѣтѣ живущіе не могутъ достигнуть такой степени святости, какъ монашествующіе обоего пола.

Изъ письма твоего ясно видно, что ты допускаешь таковымъ (невѣдущимъ въ вѣрѣ) таинствами освящаться и вести жизнь добродѣтельную, т. е. всѣ тѣ дѣйствія, которыя суть лишь плоды живой вѣры и возрожденія сердечнаго. Апостолъ, повидимому, не такъ мыслилъ, взывая: како увѣруютъ безъ проповѣдующаго (Римл. X, 14)? Онъ безъ ученія вѣры не допускалъ ей мѣста въ человѣкѣ, а безъ вѣры почиталъ невозможнымъ угодить Богу (Евр. XI, 6). Какъ ты хочешь, но такое мнѣніе отзывается нерасположеніемъ твоимъ къ просвѣщенію и даже до такой степени, что заставляетъ тебя клонить вѣсы на сторону невѣжества и непросвѣщенія. Не это ли заставляло тебя не обращать вниманія на необразованность въ вѣрѣ вѣрнаго твоего служителя *И. П.*³⁾, у котораго ты и не подозрѣвала пустоты истинъ христіанскихъ, доколѣ не услышалъ отъ него антихристіанскаго требованія? Не это ли, въ обращеніи твоёмъ съ родными и ближними, удерживало твое вниманіе отъ обзоренія познаній ихъ въ законѣ, въ семъ первѣйшемъ дѣлѣ духовной милостины, которыхъ одно согласіе съ тобою во внѣшностяхъ достаточно было утвердить въ твоёмъ мнѣніи объ ихъ православномъ исповѣданіи.

Относительно до невѣжествующихъ нашихъ братій, невѣжествующихъ до того въ законѣ Божіемъ, что не могутъ различить правой руки отъ лѣвой, нельзя о семъ не болѣзновать чрезвычайно, плакать горько и молиться болѣе, нежели о чемъ либо, ибо кто вѣдаетъ здѣсь Слово Божіе между сими милліонами? Судить о нихъ и осуждать ихъ не наше дѣло. Милосердіе Божіе неизреченное и пути Его недовѣдомые да будутъ утѣшеніемъ скорбящимъ и молящимся о нихъ. Горе для сердца, образованнаго по образцу евангельскому, котораго оно не можетъ забыть. Невѣдѣніе Бога есть первѣйшая вина зла и корень зомъ частныхъ и общественныхъ. Это есть источникъ всѣхъ нравственныхъ болѣзней, которыми недугуютъ невѣжествующіе наши братія, это болѣзнь такъ распространившаяся, что ее можно даже назвать *духовной эпидеміей*. Кто чувствуетъ много, даже до состраданія съ ближними, сіе ихъ несчастіе, тотъ любитъ много,

кто мало—тотъ мало, иной же совсѣмъ не видитъ, не чувствуетъ, не подозрѣваетъ, кто, слѣдовательно, и не молится о сей всеобщей язвѣ; не знаю, какъ онъ можетъ въ совѣсти своей почитать себя любящимъ ближнихъ, любящимъ отечество, любящимъ церковь. Ибо, церковь то и есть образъ Христовъ. Чтобы любить въ церкви всё принадлежности ея, надобно сперва любить ея тѣло, съ которымъ неразлученъ ея Глава. Подобно, какъ кто, любя человека, не украшенія одеждъ имѣетъ предметомъ своей любви, а самого человѣка, съ которымъ тогда и всё принадлежности его любезны, такъ, равно, чтобы искренно любить и церковь, надобно любить ея членовъ, любить, т. е. радоваться въ нихъ духовномъ приобрѣтеніи и скорбѣть въ нихъ лишеніи, и въ вспоможеніи имъ предпочитать духовную милостыню тѣлесной, когда мы можемъ оную, или еще обязаны, подавать. Врагъ нашъ и здѣсь бодрствуетъ, дѣйствуя десными и шуйями. Многіе изъ насъ, любя другого, любить не его, а любить себя въ немъ, а потому нельзя не опасаться и здѣсь, чтобы въ любви къ церкви не любить предпочтительно не то, что вѣще требуетъ нашей любви, а то, что намъ болѣе нравится.

Допущеніе невѣдѣнія спасительныхъ истинъ невреднымъ ихъ спасенію отвергаетъ входъ всякимъ ересямъ, всякому злу. Представь ты себѣ неблагословенное правило во всемъ томъ пространствѣ, которое оно готово себѣ отгородить, бывъ допущено въ церквахъ, и ты ужаснешься и пожалѣешь, что отверзъ ухо свое пріять оное въ свой умъ, въ свое сердце. *Протестантовъ* отсѣченіе, сличаемое съ послѣдствіями, съ опустошеніями, какія сей венъ готовъ произвести, если дать ему волю, есть такое явленіе, что вовсе теряется изъ вида. Оно, сказываютъ, нѣкогда допущено было, дѣйствительно, въ западной церкви, и чего оно не надѣлало? Да, можетъ быть, и теперь не оно ли питаетъ буйство, породившееся въ наше время на островахъ невольничьихъ?.. Отъ запада то оно перешло и на востокъ, и ходитъ, поведимому, и у насъ изъ устъ въ уста, хотя и не съ такою странностію, съ какою оно было пущено на западъ, но это потому, что порокъ, бросающій сія бомбы, не имѣетъ довольно силы, чтобы докинуть до берега и метать на смерть. Года два тому назадъ, намъ случилось слышать такое мнѣніе въ нашемъ домѣ отъ вѣзжаго изъ П. Мы не мало удивились, увидѣвъ, что оно, къ несчастію, вселяется и въ наши предѣлы. Нѣтъ сомнѣнія, что церковные учителя такъ обстоятельно и написали въ богословіи такое рѣзкое ему опроверженіе, чтобы не дать ему хода въ нашей церкви. Въ предыдущемъ письмѣ нашемъ ты видѣлъ выписку о семъ изъ богословіи.

Недавно еще случилось намъ слышать отъ лица, коего умъ ученіемъ вообще щедро выше поставленъ народнаго, такое погрѣшительное мнѣніе о вѣрѣ, которое дѣйствительно превосходитъ всё ереси, ими хри-

стванъ на себѣ несущія, и которое привело въ ужасъ самое сіе лицо, когда мы оному объяснили погрѣшительность онаго. Невѣжественное мнѣніе сіе, непосредственно истекающее изъ вышеописаннаго правила, состояло въ томъ, что Троицу, по мнѣнію сего лица, составляютъ: *Богъ Отецъ*; *Богъ Сынъ* и *Пресвятая Богородица*. Когда мы спросили, отъ чего такое, еще неслышанное ни въ какой христіанской ереси, мнѣніе, то получили отвѣтъ, что о св. Троицѣ оно никогда не имѣло евангельскаго и катихизическаго понятія. А какъ въ письмахъ, получаемыхъ отъ лицъ набожныхъ и благочестивыхъ, оно всегда видѣло Божію Матерь, непрестанно упоминаемую со Спасителемъ, то и не смѣло о ней иначе и мыслить, какъ почитая ее равною съ Нимъ. Если въ *нашемъ* классѣ слышится такое уродливое понятіе о вѣрѣ, то чего ожидать въ низшемъ и званіемъ и просвѣщеніемъ? По многимъ признакамъ видно, что многіе изъ невѣствующихъ въ вѣрѣ почитаютъ Божію Матерь больше Спасителя. Да оно и очень естественно, ибо они, не слыхавъ и не зная ничего о таинствѣ искупленія и воплощенія, и не имѣя никакого понятія основательнаго о Божествѣ, слышавъ покланяемыхъ Матерь и Сына, безъ сомнѣнія, по порядку земныхъ вещей, предпочитаютъ Ее Сыну.

Другое ложное понятіе также во всѣхъ классахъ, по которому премногіе боготворятъ святыя иконы, такъ очевидно, что только ты сего не видишь, премногіе и вовсе не обращаютъ вниманія на отправленіе богослуженія не по не радѣнію, но по нехотѣнію. Преосвященный Платонъ, излагая въ *н. кат.* ⁴⁾ погрѣшительное употребленіе иконъ, кажется, имѣлъ въ виду сіе народное злоупотребленіе сего благочестиваго обычая. Но народное просвѣщеніе въ вѣрѣ, со времени сего катихизиса, благодаря, между прочими причинами, и вышеписанному правилу, пріемлющему невѣдѣніе вѣры, а, слѣдовательно, невѣдѣніе Бога, непрепятствующимъ ко спасенію, не повысилось ни на волосъ. Даже и тотъ, кто хладнокровно взираетъ на сіе, чреватое многими и многими всякаго рода преступленіями, по строгому суду христіанскія любви, не можетъ похвастаться братолюбивымъ. Кто не видитъ, что вышеписанное правило и всѣ, порождающіеся отъ онаго, многіе другіе малые болѣе всего останавливаютъ ростъ младенцевъ до той мѣры возраста Христова, о которой упоминаетъ апостолъ. Обременивъ себя, съ самаго дѣтства, одними внѣшностями, они не могутъ выйти изъ сего возраста. Гдѣ видна великость богослуженія, тамъ чрезмѣрное превозношеніе, при существующемъ невѣдѣніи о важнѣйшемъ вѣры, о сущностяхъ оной. Такъ слѣдуетъ сему быть по порядку вещей. Нѣтъ сомнѣнія, всѣ учителя нашей церкви, которыхъ церковноучебныя книги суть всеобщій проповѣданія вѣры и закона Божія источникъ, имѣли въ виду вышеприведенныя вредныя слѣдствія, ополчаясь такъ сильно противъ невѣжества въ вѣрѣ.

Если бы можно было допустить, что невѣжествующіе въ вѣрѣ и невѣдомо держащіеся ученія церкви, соблюдая умъ свой въ совершенномъ невѣдѣніи истинъ евангельскихъ, могутъ въ то же время соблюдать оный чуждымъ суевѣрныхъ и богопротивныхъ толковъ и преданій, но опытъ семидесяти вѣковъ показываетъ, что не было еще ни единого народа и даже ни единого человѣка, который не имѣлъ бы о Богѣ и вѣрѣ какого либо понятія, т. е. если не истиннаго, то ложнаго. Я самъ имѣлъ случай премногими опытами извѣдать въ простомъ народѣ нашемъ истину и сего положенія и вышеупомянутаго погрѣшительнаго богослуженія.

Теперешнее твое защищеніе твоихъ мнѣній есть точно такое же, какое мы отъ тебя слышали, и которое, однако же, ты, по времени, оставилъ. Вспомни, не то ли же говорилъ ты мнѣ, пришедъ ко мнѣ, однимъ утромъ, предъ обѣдней, что ты съ нами ни въ чемъ не разствуешь. Предъ отъѣздомъ ты подтвердилъ, что ни въ чемъ не разствуешь съ ученіемъ церковноучебныхъ книгъ, а теперь мы опять читаемъ въ твоемъ письмѣ ошутительное съ богословскимъ ученіемъ несогласіе о членахъ церкви. *Ибо, самое сіе мнѣніе, что достаточно впровать такъ, какъ впроуетъ церковь, не зная, впрочемъ, ничего изъ сей церковной вѣры, назвали мы мнѣніемъ, прикрывающимъ безбожниковъ.* Суди самъ, суди, съ какимъ хочешь пристрастіемъ и предубѣжденіемъ. Можемъ ли мы гладнокровно слушать однимъ ухомъ сіе твое опять совершенно прежнее мнѣніе о столь важномъ догматѣ, тогда какъ церковь въ другое ухо внушаетъ намъ горестное возраженіе такому мнѣнію. Какой тутъ умъ не смутится, пріявъ отъ окружающихъ своихъ такіа неблагопріятна вѣсти? Какое сердце не дрогнетъ, если бы хотя лишь одна искра братской любви еще въ немъ не потухла? Что стоитъ тебѣ, когда ты совершенно чисто умствуешь о церкви, приложиться къ намъ, въ той простотѣ сердца, которая, будучи одинъ духъ съ церковію, не оказываетъ ни малѣйшаго противленія ея ученію. Не надѣясь на свою глупую мудрость, мы даже заимствуемъ уста церкви, ея словами сообщаемъ тебѣ наше мнѣніе, съ твоимъ несообразное; ибо, если бы сообразовалось, не было бы между нами никакой при.

Письмо князя Сергія, отъ 20 Апрѣля 1829 года.

Отвѣтъ и оправданіе мое состоитъ въ усердѣйшей моей пресѣбѣ, чтобы вы, оставивъ всякое подозрѣніе, представляющее вещи въ иномъ видѣ, нежели онѣ суть, остались совершенно спокойными относительно моего православія, которое мнѣ, какъ я уже многократно объявлялъ, дороже самой жизни, и увѣрился, что нѣтъ между нами разногласія существеннаго, а развѣ только въ словахъ, да и то, при прилежномъ раз-

смагиванія, оно исчезаетъ. Прошу васъ выискнуть, что, хотя я исповѣдую, что тѣ изъ православной нашей собратіи, которые, бывъ и бывая таинствами освящаемы, и сохраняя дѣтскую покорность къ возродившей и освящающей ихъ матери, и проводя жизнь добродѣтельную, не познали, по невѣжеству, всѣхъ спасительныхъ истинъ вѣры, не отчуждаются своего спасенія, оставаясь въ зонѣ святой церкви, съ сыновнимъ къ ней усердіемъ; но исповѣданіе сіе есть токмо допущеніе любви христіанской, возлагающей несомнѣнное упованіе на безпредѣльное милосердіе Божіе, не изгоняющее вонъ изъ царствія своего грядущихъ къ Богу въ простотѣ сердца, кроткихъ и смиренныхъ чадъ возлюбленной Его невѣсты, за конѣ Онъ, бывъ человекъ, изліялъ кровь свою вседражайшую. Господь даже, въ утѣшеніе наше, (ибо утѣшительно такое исповѣданіе столько, сколько противное мучительно) представляетъ примѣры такого милосердія своего въ житіяхъ святыхъ отецъ, и даже видимъ и опыты и чудесные; ибо между нашими святыми угодниками, которыхъ тѣлеса почиваютъ въ нетлѣніи, съ силою чудотворенія, въ пещерахъ кіевскихъ, нѣкоторые были не книжны. Допущеніе сіе, и вами неотвергаемое, отнюдь не есть, въ устахъ моихъ, правило утверждать невѣжество въ дѣлѣ спасенія; а, напротивъ, нельзя не желать и не молить Бога съ церковію о просвѣщеніи свѣтомъ Христовымъ вящше и вящше всѣхъ ея чадъ, и, безъ всякаго прекословія, наставить невѣжду въ вѣрѣ есть дѣло милостины духовной, заповѣданное къ спасенію наставляющаго и наставляемаго, милостины тѣмъ важнѣйшей тѣлесныя, что душа важнѣе тѣла. И какъ въ посланіи вашемъ, при повтореніи прежнихъ обвиненій, съ присовокупленіемъ немногихъ, прямо относящихся къ самому дѣлу, новыхъ обстоятельствъ, главное разсужденіе касается онаго моего исповѣданія, то, пояснивъ еще мысль мою въ семъ исповѣданіи и оставаясь при ономъ неотступно, не имѣю ничего прибавить къ причинамъ, изложеннымъ въ прежнемъ моемъ письмѣ; да и еще повторяю вамъ, что я не въ силахъ продолжать еще составительное съ вами бесѣдованіе и потому прошу усерднѣйше и отъ васъ помилованія и пощады. Любовь ваша ко мнѣ, которую чувствую съ благодарностію, отклонивъ меня отъ стези, ведущей къ преткновенію въ крайнемъ, но не чрезмѣрномъ ли, опасеніи, чтобы я не падалъ и не разбивался, приметъ на себя трудъ надзирать всѣ шаги мои, и, такъ сказать, какъ бы водить меня за руку мою. Но не утомителенъ ли и не излишенъ ли будетъ для нея трудъ сей?

Письмо братьевъ Алексѣя и Павла къ Сергію, отъ 11 іюня 1829 года.

Ты признаешь, что Господь помогъ намъ отклонить тебя *отъ стези, ведущей къ преткновенію*. Это собственныя твоя слова въ твоемъ

письмѣ. Но по нѣкоторымъ замѣчаніямъ не могла не подозрѣвать любовь наша, что ты не слѣдовалъ тому направленію, которое ты признавалъ и признаешь теперь отклоняющимъ отъ стези преткновенія. Всѣ подозрѣнія наши дѣйствительно вполнѣ оправдались событіями. Ибо, не усилъ ты прибыть въ Юрьевъ монастырь, какъ услышали мы отъ тебя не обоюдное нашихъ мнѣній согласованіе, но явное поддерживаніе прежняго мнѣнія твоего о церкви, различнаго отъ мнѣнія, въ учебныхъ богословскихъ книгахъ излагаемаго.

Нельзя не видѣть, что какъ пріятіемъ сего богословскаго ученія о церкви пріемлются, по необходимости, мнѣнія другія, такъ и съ отложеніемъ отлагаются многія же. Нельзя не видѣть, что мнѣніе сіе есть преобладающее въ той системѣ, гдѣ все вниманіе обращается на одну виѣшность богослуженія и обычаи людскіе. Въ ней имѣютъ свое убѣжище *остъ, отъ невѣжества протскающія* не мнѣнія тою нелицыи и противухристіанскія, но и самыя дѣла и преступленія.

Въ предыдущемъ письмѣ ты мнѣніе твое о церкви излагалъ въ выраженіяхъ подобныхъ прежде здѣсь бывшимъ; а въ послѣднемъ ты, какъ бы опасаясь уже говорить попрежнему положительно, хотя и называешь мнѣніе сіе допущеніемъ любви христіанской, однако же такъ сильно стараешься утверждать такими доводами, что едва не прежній опять даешь оному положительный вѣсъ.

Если бы ты всего одинъ разъ предсталъ предъ оправдавшую насъ *матерь*, т. е. церковь, и спросилъ ее, какъ она насъ о семъ вѣровать и содержать повелѣваетъ. Слышишь ли, что она говоритъ? Слышишь ли, какъ она отнюдь не дозволяетъ почитать достаточнымъ, *когда кто стуруетъ, какъ церковь неопредѣленно, невѣжественно*. Слышалъ ли, какъ она порицаетъ сіе мнѣніе, слышалъ ли, какъ она непремѣнно требуетъ для спасенія каждому имѣть сіи спасительныя истины въ своемъ сердцѣ, слышалъ ли, какъ она почитаетъ недѣйствительнымъ и самое таинство, когда пріемающіе сами лично не вѣдаютъ о немъ умомъ и искреннимъ сердцемъ? Словомъ, слышалъ, какъ она святымъ своимъ ученіемъ, разсѣяннымъ по всей богословіи, уничтожаетъ до основанія сіе неправое мнѣніе?

се ты это видѣлъ и слышалъ въ выпискахъ нашихъ изъ самой богословіи церковно-учебныхъ книгъ. Суди же самъ, кому должны мы болѣе вѣрить: церкви и ея властямъ, или противно ей проповѣдающимъ? Ты самъ хорошо это вѣдаешь. Слѣдовательно, не уиствуй паче, нежели подобаетъ умствовать.

Относительно до приводимаго тобою приѣбра *нѣкоторыхъ некнижныхъ прославленныхъ* церковь знала и знаетъ сіе лучше тебя, но это не воспрещаетъ ей быть положительной въ своихъ требованіяхъ. Когда ты, послушный ея сынъ, ты съ благоговѣніемъ долженъ внимать

ея святѣйшему ученію. Вотъ мы предстали съ тобою предъ нею на судѣ...

Мнѣніе твое сіе есть главизна всѣхъ тѣхъ толковъ, о которыхъ у насъ съ тобою было столько спора, и которые всѣ будутъ не преставать показываться и расти, доколѣ корень сей совершенно не извержется. Любезный, разсмотри хоть разъ безпристрастно, чего мы отъ тебя требуемъ. Требуемъ, чтобы ты оставилъ мнѣніе людское, ни на чемъ не основанное, священнымъ Писаніемъ пререкаемое, здравымъ разсудкомъ низлагаемое, церковному ученію противоположное, и пріялъ то святѣйшее ученіе, которое во всѣхъ церквахъ проповѣдуются, во всѣхъ училищахъ преподается, на словѣ Божіемъ утверждается, съ умомъ здравымъ совершенно согласуется. Ты трепещешь, ты ужасаешься отступленія отъ церкви? Но что такое есть отступленіе, какъ непротивленіе ея ученію? Хочешь ты быть истинно послушнымъ ея сыномъ, ухватись съ нами за всѣ ея истины и не бойся ничего.

Ты признаешь, въ письмѣ твоёмъ, что духовная милостыня важнѣе, нежели тѣлесная, какъ душа важнѣе тѣла. Но спроси себя по совѣсти, сообразно ли сему правилу ты дѣйствуешь съ той поры, когда послѣдовала въ тебѣ сія ощутительная во мнѣніяхъ о вѣрѣ переменна. Невѣжду въ законѣ наставлятъ есть первѣйшее дѣло духовной милостыни. Имѣлъ ли ты въ виду признаваемую тобою важность сію во всѣхъ твоихъ сношеніяхъ съ ближними, во всѣхъ твоихъ совѣтахъ и наставленіяхъ, особенно къ тѣмъ лицамъ, которыя обнаруживаютъ къ тебѣ особенную довѣренность и требовали большаго отъ тебя попеченія? Противное тому ощутительно, тѣмъ болѣе (не для обличенія сказано), что изъ извѣстныхъ намъ близкихъ къ тебѣ лицъ едва ли кто получилъ отъ тебя сію милостыню, отъ тебя, пребогатаго познаніемъ закона. Назовемъ И. П., о комъ мы уже и намекнули въ прошедшемъ письмѣ, близкаго къ тебѣ и любимаго тобою, получилъ ли онъ отъ тебя какое наставленіе въ законѣ, при грѣховномъ невѣжествѣ его, на опытѣ здѣсь доказанномъ? Сей и многіе другіе примѣры не показываютъ отнюдь, чтобы ты наставленіе невѣжды въ законѣ почиталъ дѣломъ великой важности въ любви къ ближнему. Блюдись, мнѣнія такіа исходятъ изъ твоихъ устъ явно вопреки церковному ученію. Весь пріобрѣтенный тобою по міру вѣсъ бросаешь ты на лѣвую сторону, а вѣсъ сей есть данный тебѣ отъ Бога талантъ. Ты ли не знаешь того, что одна виѣшность богослуженія безъ внутренняго богопознанія есть чистое суевѣріе. Что принадлежитъ до осужденія, которымъ ты называешь остереженіе наше тебя отъ разныхъ людскихъ толковъ, то можно ли понимать осужденіемъ такое обзрѣніе вещей, которое и разсудокъ одобряетъ и христіанское благоразуміе повелѣваетъ. Спаситель Самъ повелѣваетъ: «Искушайте духи»

(1 Иоан. IV, 1). А потому, кто испытывает по евангельски, тотъ не долженъ опасаться, приписываютъ ли ему осужденіе.

Письмо князя Сергія, отъ 3-го Іюля 1829 года.

Братія любезнѣйшая, почто недовѣрчивость входитъ въ сердца ваша и въ нихъ вселяется? Почто не пріемлете мнѣнія моего, какъ я оное изложилъ вамъ, а даете ему иное сказаніе. Опять повторяю (ибо вновь сказать мнѣ нечего), что я отнюдь *не утверждаю и не законополагаю жестокости въ стѣхъ*, но, напротивъ, признаю нужнымъ, равно какъ и вы, познаніе въ истиннахъ откровенія; *а только не могу допустить* совершеннаго отлученія отъ спасенія тѣхъ изъ нашей православной общины, которые, не имѣя средствъ, лишаются желаемаго въ вѣрѣ просвѣщенія. Въ бытность мою съ вами, я и отъ васъ слышалъ, что и вы не отчаяваетесь въ благодати Божіей къ нимъ, яко невиннымъ въ своемъ невѣдѣніи. Къ тому же, церковь наша, т. е. та же священная власть, которая утверждаетъ учебныя христіанскія книги, не невѣдая невѣдѣнія простой братіи нашей во многомъ до истинъ вѣры относящемся, не токмо отъ лона своего ихъ не отвергаетъ, но сподобляетъ ихъ освященія таинствами, признавая ихъ вѣрными своими чадами. Ибо, хотя вы освященія сего не признаете, однако же оно отнюдь не таково, чтобы однимъ почеркомъ пера вашего могло быть уничтожено. Развѣ въ таинствѣ крещенія они не омылись отъ первороднаго грѣха, и, яко чада благодати, а не гнѣва, не вступили въ завѣтъ вѣчнаго Божія къ челоукамъ милосердія, и, по благодати, не усыновились Богу? Развѣ въ таинствѣ миропомазанія не сошелъ на нихъ Духъ Святый и не изліалъ на нихъ даровъ своихъ божественныхъ? Развѣ въ таинствѣ исповѣданія, ежели они искренно признаютъ свои согрѣшенія, не развязываются на нихъ узы грѣховныя? Развѣ, наконецъ, въ таинствѣ евхаристіи, къ которому они приступаютъ съ постомъ и молитвою, и сердцемъ повторяя гласъ церкви, вѣрую и исповѣдую, лишаются они хлѣба небеснаго и чаши жизни? И еще, развѣ въ таинствѣ брака не освящается ихъ соединеніе къ сожитію и дѣтотворенію, или они сходятся жить въ блудѣ и дѣти ихъ суть прелюбодѣйщица! По сему причинамъ, нельзя, или, по крайней мѣрѣ, я не смѣю исключить ихъ изъ числа вѣрующихъ и спасаемыхъ. Не малымъ въ пользу ихъ свидѣтельствомъ можетъ послужить и то, что многіе и премногіе изъ нихъ, при невѣдѣніи своемъ, простыми своими молитвами испрашиваютъ у Господа и у Пречистой Его Богоматери и у святыхъ Его угодниковъ, чествуя и лобызая съ вѣрою иконы ихъ и нетлѣнныя мощи, чудесныя исцѣленія отъ разныхъ болѣзней и исполненіе желанія своего во благихъ? Примѣры сему безчисленны и

безпрестанно видимы. Слѣдственно, есть въ нихъ что либо угодное Богу, Ему же безъ вѣры угодить не можно, и есть въ нихъ та вѣра, о ней же пишется: вѣра твоя спасетъ тя. Но прошу не забыть, что я все сіе говорю, дабы утвердить допущеніе спасенія, въ случаѣ невиннаго невѣдѣнія, а отнюдь произвольное пребываніе въ невѣжествѣ относительно вѣры. Вы сами такого же были мнѣнія прежде, и только теперь, конечно, боясь уронить важность церковно-учебныхъ книгъ, рѣшились совершенно запереть дверь милосердія Божія для невѣжествующей братіи своей, моею же съ вами матерью порожденныхъ и питаемыхъ. Не есть ли это и съ вашей стороны крайность; особенно же припоминая то, что и еретикамъ, церковію православною анаемѣ предаваемымъ, не смѣете вы изречи судъ отверженія (хотя всякій православный сынъ церкви сердцемъ и устами долженъ во всемъ согласовать съ церковію) вѣчнаго? И еретикамъ ли пощада, дышущимъ хулою на Святаго Духа (ибо такова есть всякая ересь), и православнымъ ли братіямъ своимъ, которыхъ тоже материнское лоно церкви согрѣваетъ и питаетъ съ вами вкупѣ, отъ васъ изыдетъ конечное осужденіе прежде суда? Да не будетъ сего, братія любезнѣйшая! удержитесь по крайности, и къ церковно-учебнымъ книгамъ имѣйте ревность по разуму церкви, которая отнюдь не отлучаетъ отъ себя, а, слѣдственно, отъ спасенія, тѣхъ изъ простоумныхъ и протосердечныхъ чадъ своихъ, для которыхъ учебныя ея книги закрыты, но которыхъ она не оставляетъ вовсе безъ наученія чтеніями и пѣніями и поученіями божественными, при богослуженіи ея бываемыми. Вжели ревность сія не умирится разсужденіемъ, которое по наученію нѣкогого безграмотнаго старца (св. Антонія великаго), и самой любви христіанской выше, то надобно будетъ, по необходимости, видѣть храмы наши, въ которыхъ простыя сердца изливаются въ молитвѣ къ Богу, Отцу ихъ, съ матерію ихъ церковію, видѣть поляны отверженныхъ и осужденныхъ, когда самъ Богъ, какъ сказано было выше, не токмо не отвергаетъ, но и пріемлетъ и исполняетъ ихъ прошенія. А что должно ихъ учить, и блаженъ тотъ, кто ихъ учить, въ томъ не токмо нѣтъ ни малѣйшаго спора, но всесовершенное мое согласіе. Обличеніе ваше о неподаяніи мною сей милости духовной пріемлю съ особенной благодарностію и признаю въ томъ вину свою, и каюсь Господу.

Письмо князя Алексѣя къ Сергію, писанное между 4—16 іюля 1629 года.

Ты хочешь доказать намъ, что не слѣдуетъ невѣжествующихъ братій нашихъ почитать отлученными Божіа милосердія и *лишними спасенія*, представляя намъ неопозволительность такого суда и осужде-

нія... Съ самаго начала нашего состязанія держались и держимся мы того же руководства книжнаго, т. е. церковнаго ученія, котораго не можетъ, подобно разнымъ толкамъ, принять какое измѣненіе. Да не уклонится сердце наше въ словеса осужденія. Непристойно въ грѣхахъ зачатыхъ, въ грѣхахъ рожденнымъ и безпрестанно согрѣшающимъ ни осуждать, ни клясть никого...

Относительно *до невѣжества въ вѣру*: иная вещь—называя оное противнымъ заповѣди Божіей и церковной, а богоневѣдніе называя съ Василиемъ Великимъ смертнымъ грѣхомъ,—ожидать отъ милосердія Божія снисхожденія къ такимъ изъ невѣжествующихъ братій нашихъ, которые дѣйствительно не имѣютъ способа познать и самаважнѣйшихъ догматовъ вѣры, а не ко всемъ невѣжествующимъ безъ изъятія; опять иная вещь доказывать доводами, вопреки положенія церкви, что тѣ же способы, которые ею предлагаются для вѣдающихъ вѣру и пріемлющихъ ее, дѣйствительны и для *всѣхъ невѣдающихъ безъ разбора*, слѣдовательно, и для непріемлющихъ оной. Первое положеніе наше, а послѣднее твое. Сямъ твоимъ положеніемъ невѣдающимъ, слѣдов. непріемлющимъ догматовъ вѣры, также одинаково приспособляются все средства ко спасенію съ пріемлющими догматы сими, что первымъ не нужно никогда снисхожденія предъ послѣдними. Видишь ли ты теперь, какъ различно наше мнѣніе о семъ догматѣ. Мы допускаемъ возможность спасенія невинно невѣдающихъ спасительныхъ истинъ, но, по снисхожденію Божію, не смѣя противиться положительному изреченію церкви и Самого Спасителя—уже вѣру иметъ—спасенъ будетъ (Марк. XVI, 16), а вѣра, по опредѣленію церкви, сердечное пріятіе Евангелія. А ты прямо, вопреки церкви и Евангелію, не боишься говорить: уже не иметъ вѣры, т. е. сердечнаго пріятія Евангелія, спасенъ же будетъ. Если ты дерзаешь, вопреки ясному опредѣленію церкви о томъ, что она называетъ вѣрою, принимать какое иное, то оно, во-первыхъ, потому незаконно, что *нецерковное*, а во-вторыхъ, скажи же, что ты самъ называешь вѣрою, и ты, безъ сомнѣнія, не найдешья выразить словами твоими нецерковную вѣру? Что же это такое? То, чего ты и самъ, по словамъ твоимъ, не знаешь и не понимаешь и опредѣлить не можешь, и на семъ ли основываешь спасеніе душъ?

Не о томъ споръ нашъ съ тобой: лишаются или не лишаются спасенія невѣжествующіе въ вѣрѣ, не наше дѣло разбирать и рассуждать о семъ, предоставимъ сіе Господу, но о томъ, что невѣжество въ вѣрѣ и богоневѣдніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть путемъ ко спасенію, а потому не доводовъ требуетъ, оправдывающихъ оный, а только ожиданія чудеснаго милосердія Божія къ идущимъ неправымъ противуположнымъ путемъ. Держащійся сего непротивнаго церкви мнѣнія хри-

стіанскаго смѣетъ надѣяться на помилованіе лишенныхъ способовъ богопознанія христіанскаго братьевъ своихъ, надѣясь на неизреченное милосердіе и снисхожденіе Божіе. Мы между тѣмъ, съ церковію безъ пощады осуждаемъ богопротивное невѣжество. А твое же мнѣніе, утверждая равнодѣйствительность вѣры, какъ слѣпой, невѣдомой, такъ и разумной, сердечной, значительно поддерживаетъ богоневѣдніе.

Что принадлежитъ до не признанія освященія таинствами, при невѣдѣніи о нихъ, которое, непризнаніе, ты, повидимому, считаешь однимъ нашимъ мнѣніемъ, и потому называешь недостаточнымъ, по черкъ нашего пера къ уничтоженію такого освященія. Этотъ почеркъ хотя и нашего пера, но слова не нашего ума, а ученіе церковно-учебной богословіи, какъ ты усмотришь въ приложенныхъ выпискахъ изъ оной. А потому, какъ бы кажется, съ большею смѣлостію можно было обратить твои рѣчи на самого тебя.

Такое церковное положеніе такъ достаточно отвѣчаетъ на всѣ вопросы твоего письма о таинствахъ, что намъ не было бы надобности о семъ распространяться, если бы не имѣли мы въ виду тебя еще болѣе остеречь. Изъ многихъ и многихъ освященныхъ благодатію крещенія и миропомазанія мало лишь спасутся, ибо изъ многихъ званыхъ мало будетъ избранныхъ (Мѣ. XXII, 14). Спасутся лишь тѣ, по ученію церкви, которые, вѣдая завѣтъ ихъ въ крещеніи, вѣдая обѣтъ онаго, данный ими на исполненіе—употреблять въ свою пользу всѣ къ тому евангельскія предписанія. Такъ-ли? Теперь суди, какъ же могутъ воспользоваться сими евангельскими средствами тѣ, которые ни о завѣтѣ, ни объ обѣтѣ ихъ, ни о Евангеліи ничего не слыхали и не знаютъ? Общаніе сіе есть ложное. Ты забылъ объ оглашеніи, забылъ о воспріемникахъ, забылъ о всеобщемъ катихизическомъ ученіи, когда дерзаешь, минуя все сіе и гораздо большее, по своему мыслить и утверждать.

Относительно до исповѣди, не обращая тебя къ богословскому катихизическому ученію, которое учитъ насъ, что необходимо знаніе вѣры при совершеніи сего таинства, и изъ котораго мы тебѣ уже довольно представляли доводовъ, а обращаемъ тебя лишь къ требнику, по которому церковь предписываетъ исповѣдывать духовному отцу. Ты тамъ увидишь необходимымъ постановленіемъ, чтобы пришедшій на духъ прежде, нежели приступить къ исповѣданію грѣховъ, долженъ прочесть символъ вѣры т. е. объявилъ бы самъ лично вѣру свою духовному отцу во всѣ спасительные догматы. Какъ же послѣ сего сказать, что церковь не требуетъ знанія вѣры отъ приходящихъ на исповѣдь? Развѣ было какое-либо другое чиноположеніе о преподаваніи таинствъ? Куда дѣвалось твое искусство въ дѣлахъ вѣры, что мы находимся принужденными указывать тебѣ такіа, всѣмъ явныя, ея постановленія?

О *евхаристіи* дѣло: тотъ же требникъ (ибо и о семъ было тебѣ сказано и переслано ученіе богословіи церковной) указываетъ тебѣ, что церковь призываетъ приступать къ чашѣ вѣру имѣющихъ, т. е. по крайней мѣрѣ вѣдающихъ и разумѣющихъ символическое вѣроисповѣданіе, да они по сему же требнику обязаны въ молитвѣ предъ самымъ причащеніемъ вновь исповѣдывать свою вѣру. Неужели можно утверждать, что церковь довольствуется лишь ихъ устнымъ однимъ за священникомъ возглашеніемъ? Нѣтъ, ты самъ сего не допускаешь. Я знаю очень хорошо, что многіе и многіе, ежели не всѣ, самыхъ словъ изъ сей молитвы не понимаютъ, а потому, какъ могутъ сердцемъ повторять? Если бы тебѣ случилось вслушаться въ повторяющій молитву сію народъ, ты бы рѣдкое слово оной услышалъ по надлежащему отъ нихъ произнесеннымъ. Ясное доказательство, что ни умъ, ни сердце тутъ не работаютъ.

Относительно *до таинства брака*, при которомъ ты также допускаешь невѣжество въ законѣ не препятствующимъ освященію, те и самъ показываешь малое твое знакомство съ церковными опредѣленіями и постановленіями, заключающимися къ Коричей книгѣ. Ты тамъ увидишь, что уставомъ церковнымъ повелѣвается, чтобы приступающіе къ бракосочетанію женихъ и невѣста обучены были въ законѣ Божиимъ и знали бы непременно хотя символъ вѣры, заповѣди и молитву Господню, т. е. всѣ три части катихизическаго ученія.

Мнѣ приходится разувѣрять тебя въ твоихъ мнѣніяхъ о народѣ нашемъ. Мы очень близко и обстоятельно имѣли случай извѣдать духъ народный относительно ихъ вѣроисповѣданія и отправленія богослуженія. Состояніе ихъ относительно къ вѣрѣ самое жалкое и неутѣшительное, оно есть великая причина ихъ золь, которыхъ исчислить здѣсь невозможно, и которые очевидны всякому непредубѣжденному. Я тебѣ говорю то, что я узналъ долговременнымъ и непрестаннымъ опытомъ. Двѣсти человекъ обоюга пола крестьянъ нашихъ могутъ быть приняты непогрѣшимымъ образцомъ просвѣщеніе всѣхъ прочихъ нашей губерніи, противъ другихъ особенно еще просвѣщенныхъ. Повѣришь ли ты, когда я ихъ принялъ въ свои руки, ни одинъ не могъ дать ни малѣйшаго отчета не токмо о настоящемъ своемъ вѣроисповѣданіи, но ниже о богочтеніи вообще. Нѣсколько обычаевъ и обрядовъ, переданныхъ имъ отъ предковъ, составляли все ихъ понятіе о вѣрѣ. Каковы же должны быть сіи понятія, безъ всякаго познанія ни о единомъ изъ самоважнѣйшихъ истинъ вѣры, суди самъ? Какія мнѣя, какъ непогрѣшительныя суевѣрія, какъ то и должно ожидать по праву вещей? Ибо это есть несомнительная неоспоримая истина, что наученный однимъ обрядамъ и обычаямъ, безъ показанія внутренняго догматическаго ихъ значенія, кото-

рымъ могли быть службы сія опредѣлены, неизмѣнно содержать не вѣру, а суевѣріе.

Крестьяне наши подтверждаютъ то мнѣ изъ ихъ усть. Я имѣлъ случай слышать собственными ушами отъ многихъ, что до наученія ихъ церковному понятію объ иконахъ, они престо *запросто боготворили ихъ*. Такихъ, каковы суть большая часть нашихъ не книжныхъ крестьянъ, выше мною описанныхъ, большинство. Имъ совершенно чуждо всякое понятіе о вѣрѣ, стало быть, и о всѣхъ тѣхъ лицахъ, кои въ иконы представляютъ, которыхъ умъ оставляется въ такомъ младенчествѣ, что они не понимаютъ самаго слова *образъ*, слѣдов. не имѣютъ никакого понятія о первообразномъ и образуемомъ и, при такомъ грубомъ невѣжествѣ, заставляемые общимъ обычаемъ чинить поклоненіе и лобызаніе образовъ, и приходятъ къ боготворенію иконъ, особенно если къ тому присовокупить, что они отъ младенчества не иное какое названіе слышатъ образу, какъ имя Бога. Можетъ ли производить правильное поклоненіе иконамъ тотъ, кто не имѣетъ никакого понятія объ ихъ первообразныхъ? Конечно, нѣтъ, а будетъ поклоняться ему боготворительно. Будучи вовсе чуждыми всякаго катихизическаго ученія и даже понятій о самоважнѣйшихъ истинахъ онаго, они не умѣютъ дѣлать надлежащаго различія между Спасителемъ и святыми, и даже ревностнѣе производятъ наружное свое поклоненіе иконамъ святыхъ, нежели Самому Спасителю. Да и можно ли ожидать отъ сихъ ненаученныхъ какого различія? Невѣдая о воплощеніи, о безсѣмennomъ зачатіи, могутъ ли имѣть надлежащее понятіе о Предвѣчномъ Младенцѣ и о Божіей Матери? Понятія ихъ о семъ не могутъ не быть погрѣшительными. Вотъ въ какомъ бѣдственномъ невѣжествѣ находятся многіе и многіе изъ братьевъ нашихъ, въ какомъ, дѣйствительно, плачевномъ состояніи. *Ни одна язва государственнаго тѣла не заслуживаетъ такъ много быть оплакиваемою* какъ сія, и такія слезы будутъ, подлинно, слезы отъ любви. До того ли мы дошли, чтобы, вмѣсто исправленія злоупотребленій въ вѣрѣ, находиться принужденными отымать незаконность этихъ злоупотребленій признаніемъ и почитаніемъ ихъ уже *непорочными*? Что говорено объ иконахъ, то самое нужно сказать и о св. мощахъ.

Странно слышать отъ тебя, что ты *такое злоупотребительное народное обрядовое богослуженія отправленіе* не только не считаешь богопротивнымъ, но и еще богоугоднымъ. По твоему мнѣнію, они, *не смотря на невѣдніе ихъ*, не только кланяются богоугодно, но и *испрашиваютъ чудесныя исцѣленія и исполненіе желанія ихъ*. Ты не только противъ богословскаго ученія, но и противъ всякаго правдоподобія, въ приводимомъ лишь тобою изреченіи, допускаешь совмѣстившимся невѣжество и вѣру. Да, вѣра такое есть познаніе Бога, позна-

ніе Его святой воли и сердечное оной пріятіе. Хотя познаніе и можетъ быть безъ вѣры, но вѣра никакъ не можетъ быть безъ познанія. Раскрой Евангеліе, ты сіе увидишь подтверждаемымъ на каждой страницѣ. Вѣрующему сыну церкви достаточно и сего ея опредѣленія: *вѣра есть сердечное пріятіе Евангелія*. По такому-то, вѣрни и вѣрными сынами пріемлемому, опредѣленію вѣры, поклоненіе иконамъ и лобзаніе ихъ должны производить съ вѣрою евангельскою, тогда оно дѣйствительно богоугодно, спасительно, и, безъ сомнѣнія, привлекаетъ на себя милость Божію и исцѣленія... Но безъ сей вѣры поклоненіе есть тоже, что и поклоненіе вовсе безъ всякой вѣры, и еще гораздо хуже... Истинно ревностный по Богѣ и по вѣрѣ, видя такое богопротивное поклоненіе, лобзаніе и моленіе иконамъ, готовъ бы былъ, подобно Павлу и Силѣ, растерзать ризы своя, во изъявленіе своего негодованія (Дѣян. XIV, 13—15).

Всѣмъ ли больнымъ изъ невѣрующихъ должно непремѣнно умирать? и ужели никакимъ желаніямъ и суетвѣріямъ не слѣдуетъ быть исполненными? Напротивъ, милосердіе Божіе и щедроты не преставали проливаться на весь и языческій міръ и теперь не престають и на насъ христіанъ, горше язычниковъ еще Его прогнѣвляющихъ. Ибо, дѣйствительно, какъ не пламенны будутъ наши молитвы, но щедроты любви Его безмѣрны. Итакъ, приличнѣе подражать намъ смиренію и богопочтенію древнихъ... и въ самыхъ радостныхъ нашихъ молитвахъ, а не дерзать всякой молитвѣ приписывать получаемое, да и еще такой, которая безъ вѣры, т. е. также бездушнѣе молитвы и не дѣйствительной. Дѣло духовныхъ, видя совершающіяся такіа милости Божіи надъ невѣдущими Бога, употреблать сіи случаи къ приведенію ихъ къ Богу, ознакомить съ тѣмъ Искушителемъ, который и имъ, невѣдающимъ Его, такъ благодѣтельствуетъ, то кольми наче будетъ посылать благодѣанія на познавшихъ и молящихся Ему, показатъ всѣ главныя основныя догматы христіанства, которыхъ такъ немного, что въ короткое время можно наставить въ нихъ совершеннаго невѣжду въ вѣрѣ. Нѣтъ сомнѣнія, это есть цѣль благодѣанія Божія къ невѣдущимъ Его.

Ты, по настоящему, долженъ бы былъ имѣть такую вѣру, что *еще если бы и на дѣлѣ увидѣлъ чудо*, къ утвержденію чего-либо противоцерковнаго ученія произведенное, когда самое это чудо склоняетъ тебя принимать то, чего не принимаетъ церковь, не давать ему другое противоцерковное опредѣленіе, ни принимать то, чему ты самъ не можешь дать никакого опредѣленія. Ученіе нашей церкви апостольской есть ученіе самихъ апостоловъ, а потому если бы и ангелъ съ небеси принесъ тебѣ что-либо противное оному, не принимай и такого небеснаго вѣстника, но завѣщанію одного изъ нихъ наче прочихъ потрудившагося (Св. ап.

Павла. Галат. I, 8). По ученію свящ. Писанія, не чудеса должны служить провѣркою ученія церковнаго (какъ поступаютъ всѣ держащіеся твоего мнѣнія), а ученіе церкви апостольской долженствуетъ повѣрять и самыя чудеса. Притомъ не забудь и сей истины: легковѣріе есть вѣрнѣйшая стезя къ суевѣрію. Истины вѣры никогда не страшатся испытанія, но и повелѣваютъ оное: испытайте вѣру—искушайте духи, аще отъ Бога суть (1 Іоан. IV, 1). Крайностей же въ пріятіи церковнаго ученія о догматахъ вѣры никакихъ быть не можетъ—это есть та средняя черта, которая отъ обѣихъ крайностей равно удалена. Ученіе наше *катихизическое и богословское* такъ ясно, что *никакого недоумѣнія не допускаетъ*, ибо оно есть ничто иное, какъ предписанное въ священномъ Писаніи ученіе о спасеніи, собранное во едино и къ простому понятію человѣческому, какъ можно болѣе, приспособленное. Крайности же, сколько ихъ было, есть и будетъ, всѣ происходятъ отъ толковъ церкви противящихся, потому и сосупающихъ съ ея средняго пути.

Надобно, далѣе, показать тебѣ, что число тѣхъ, которыхъ дѣйствительно можно *почестъ лишенными средствъ къ духовному себя просвѣщенію*, къ пріобрѣтенію познанія въ тѣхъ истинахъ христіанской вѣры, которыя необходимо нужно вѣдать всякому христіанину, не весьма велико, и гораздо меньше, нежели ты, повидимому, себѣ представляешь. Только тѣ, по справедливости, могутъ быть почитаемы такими, которые лишены возможности познавать умомъ сокращенное ученіе о слѣдующихъ главныхъ основныхъ догматахъ: о св. Троицѣ, о искупленіи, о благодати Св. Духа, о таинствахъ трехъ главныхъ, о заповѣдяхъ и о молитвѣ, т. е. о небольшихъ статьяхъ, кратко, но ясно изложенныхъ. Сіе то знаніе, сіе то малое ученіе было бы, однако, великое предохраненіе отъ злоупотребленія тѣхъ внѣшностей богослуженія, которыя одиѣ составляютъ теперь вѣру премногихъ соотечественниковъ нашихъ, не входящихъ нужды прибѣгать къ наученію даже и сими кратчайшими статьямъ. Посмотримъ, кто найдетъ такимъ скудоумнымъ, чтобы не въ состояніи былъ перенять сіе малое число истинъ, съ нѣкоторыми подробностями наименѣе необходимѣйшими. Ибо, всѣ прочіе классы, обучавшіеся какимъ-либо наукамъ, или хотя просто одной грамотѣ, не могутъ быть включаемы въ число невинно-невѣжествующихъ въ вѣрѣ. Во-первыхъ, все духовенство обязано и имѣетъ всѣ возможности познать вѣру, ежели не богословски (какъ всѣ священники теперь), то, по крайней мѣрѣ, катихизически (какъ дьячки и пономари); равно и всѣ монашествующіе имѣютъ еще болѣе возможности познать законъ Божій, монашество обоего пола, равно какъ и дворянство безъ исключенія: одни богословски,—которые избираютъ поприще учености, а всѣ остальные катихизически, все купечество, все мѣщанство, всѣ солдаты, объ обученіи ко-

торыхъ закону Божию съ нѣкотораго времени прилагается особое попеченіе, все громадное крестьянство. Остаются еще самые безграмотные наши крестьяне. Грамотныхъ же нынѣ и крестьянъ очень не мало, такъ что видѣ можно исчислять ихъ цѣлыми губерніями. Не будемъ говорить о нравственной обязанности господъ и священниковъ учить закону Божию, первыхъ—своихъ крестьянъ, а послѣднихъ—своихъ прихожанъ. И теперь всякій изъ безграмотныхъ и непросвѣщенныхъ имѣетъ доступъ къ своему священнику, которые всѣ поставляются такіе, что готовы дать отвѣтъ всякому вопрошающему ихъ о спасеніи и пространно и сокращенно.

Согласны, что крестьяне не понимаютъ слышаннаго въ церкви, какъ по языку имъ незнакомаго, такъ и потому, что слова и проповѣди, читаемая въ церквахъ, написаны съ предположеніемъ заготовленнаго въ слушателяхъ основанія въ законѣ Божіемъ. Но что препятствуетъ имъ испросить у священника объясненія ихъ вѣры и богослуженія? Многие изъ невѣждъ не ищутъ богопознанія по обносимому между ними правилу. Общеупотребительная почти поговорка между невѣжествующими: *«больше знаютъ—больше отъчатъ»* показываетъ уже что безызвѣстно имъ о такомъ ученіи, которое должно обуздывать ихъ и воздерживать отъ грѣховныхъ дѣлъ, которыя всякому человѣку по праву. Когда апостолъ называетъ *безотѣтными* и язычниковъ, не познавшихъ Бога (Римл. I, 20), то намъ ли оправдывать въ томъ христіанъ—людей, родившихся въ христіанской семьѣ, отъ христіанскихъ родителей, въ церкви, учащей всѣхъ, готовой указать всякому, какъ ему жить и вѣровать должно? Такихъ ли невѣжествующихъ безъ разбора всѣхъ называть невинными? Если бы и сіи безграмотные и вовсе не ученые никогда вѣрѣ обращали вниманіе свое на сей предметъ хотя половину, хотя малую долю противъ того, сколько обращаютъ на житейскія ихъ вещи, на способы къ обогащенію и, вообще, на соблюденіе своихъ выгодъ, которыхъ большая часть служить теперь поводомъ къ осужденію, то, какъ ни мало бы полагать у нихъ ума, но они не могли бы не обследовать, или хотя поверхностно осмотрѣть, что такое называется спасеніемъ души, и что есть такое вѣра и богослуженіе. А усмотрѣвъ важность сего предмета предъ всѣми прочими, занимающими умъ, они непременно бы уже сами стали прилежно къ тому дѣйствовать, и до тѣхъ бы поръ не успокоились, покажутъ не увидѣли пути, ведущаго ко спасенію.

Такое невниманіе есть очевиднѣйшій знакъ развращеннаго сердца. Это слѣпота произвольная, намѣренное сомкнутіе глазъ, чтобы не видѣть солнца. Я имѣлъ случай узнать самымъ опытомъ о чрезвычайномъ нежеланіи и нерасположеніи, по отношенію нѣкоторыхъ изъ сихъ невѣ-

жествующихъ, къ познанію закона Божія, такъ, что они скорѣе готовы согласиться на самое трудное и продолжительное дѣло, чѣмъ полчаса, или много часъ, заняться попеченіемъ о душѣ. Это собственно и есть благодѣяніе свѣта нашей вѣры, что она извлекаетъ людей изъ сего природнаго развращенія.

прочень, есть одни, которые болѣе лишены средствъ къ наученію, другіе—менѣе. Такихъ же, которые вовсе лишены сихъ средствъ въ христіанскомъ государствѣ, по вышеописанному разсужденію, окажется немного. Пусть бы уже однихъ таковыхъ называли невинно невѣжественными, то было бы нѣкоторое правдоподобіе, но какъ слышать сей эпитетъ переданнымъ всѣмъ и каждому невѣждѣ, не токмо безграмотнымъ, но и грамотнымъ, и изъ грамотныхъ то грамотѣямъ, которые давно бы могли прочесть и затвердить не токмо церковныя воззванія къ своимъ чадамъ въ катихизисахъ, но и самое богописанное письмо, которое, по небреженію, безъ сомнѣнія грѣховному, у нихъ всю жизнь лежитъ нераспечатаннымъ. Таковое требованіе премногихъ невѣждъ разбудило бы изъ нихъ послѣдней летаргіи. Напротивъ, вышеописанное несчастное правило располагаетъ ихъ къ вѣщшему и вѣщшему усыпленію.

Изъ сего разсужденія видишь теперь, что не такъ многіе могутъ укрываться, подъ предлогомъ невиннаго невѣжества. Всякое же вольное невѣжество о Богѣ есть грѣхъ тяжкій. Что сказалъ бы апостоль Павелъ, день и ночь трудившійся въ обученіи всѣхъ и каждого вѣрѣ евангельской, услышавъ, что нынѣ такъ мало дѣяется всѣ его труды: что слово *невѣжда* въ стврѣ у него было слово порицательное, нынѣ у насъ уже потеряло тогдашнее свое значеніе, что это уже насъ не страшитъ и не безпокоитъ, была бы лишь отравляема обрядовая вѣра, что мы ближайшимъ роднымъ и всѣмъ любимымъ нами ко спасенію предписываемъ лишь обрядовое служеніе.

Тебя, повидному, увлекаютъ *исполняющіяся желанія по молитвамъ невѣжествующихъ*. Ты не можешь не согласиться, что полученіе милости Божіей не служитъ несомнѣннымъ знакомъ угодности Ему. Богъ есть начала міра благодѣтельствовалъ и благодѣтельствуетъ какъ достойнымъ его милостей, такъ и недостойнымъ: солнце сіяетъ на злыя и благія (Мк. V, 45). Слѣдуетъ извѣдать, молится ли онъ молитвою, т. е. молитвою сердечною, если, по обыкновенію многихъ невѣжествующихъ, молитва его была одна вѣшная, то онъ вовсе не молится, а если онъ и просилъ о чемъ, то какого бога? Какое онъ имѣетъ понятіе о Богѣ? Вѣдаетъ ли онъ о св. Троицѣ, о Сынѣ Божіемъ? Если же онъ молилъ Божию Матерь, то имѣетъ ли онъ настоящее понятіе о воплощеніи, о безсѣмянномъ зачатіи Спасителя? Если угодниковъ просилъ, то знаетъ ли онъ о нихъ все то, что заповѣдуетъ церковь? Буде же онъ, молясь

не молятся, или молится невѣдомому богу, вовсе не вѣдая, что доступъ къ Богу искупленнымъ пока чрезъ Искупителя, о Лицѣ котораго и заслугахъ оныхъ порядочно и не слыхивалъ, тѣмъ менѣе о сердечной въ Него вѣрѣ, то исполненіе желанія его есть, конечно, отъ Бога, ознаменовывающаго на насъ дѣла свои, какъ явилъ оныя на расслабленномъ, на слѣдородженномъ и многихъ другихъ, вовсе Его не знавшихъ. Но, чтобы и не молитвенное онаго прошеніе, и погрѣшительное, противузаконное святыхъ Божіихъ почитаніе, и, особенно, боготвореніе иконъ въ сихъ молитвахъ невѣжествующихъ почитать привлеченными на него чудесную божественную милость, — пусть такъ мудрствуютъ не боящіеся осужденія...

Теперь уже не сердечное пріятіе Евангелія нужно для вѣры, а слѣдующее подражаніе обрядовому служенію. Это называется въ «простотѣ сердца» отправленіе богослуженія. Какъ измѣнилось самое значеніе слова: по настоящему, та лишь простота должна почитаться верховъ христіанскаго состоянія въ вѣрѣ, которая происходитъ отъ евангельскаго духа, наполняющаго сердце и, собственно, отъ знакомства, самого близкаго, съ Евангеліемъ протекающаго: она была и будетъ верховъ христіанскаго совершенства. А нынѣ видимъ уже простоту сію, не различающуюся съ грѣховнымъ невѣжествомъ, и чтобы быть простымъ христіаниномъ надобно быть невѣждою въ вѣрѣ, или, по крайней мѣрѣ, до такой степени заимствовать всѣ дѣйствія невѣжествующихъ, чтобы не различаться отъ нихъ; здѣсь, не вѣруя можно вѣровать, не молясь молиться до чудеснаго привлеченія благодати Божіей. По слову Божію, по ученію церкви, одно богопознаніе съ евангельскою вѣрою ведетъ ко спасенію, *а по сему нововведенію и самое богоневѣднѣе и совершенное незнаніе о евангеліи не препятствуютъ ни стати на путь спасенія, ни шествовать по нему.*

Письмо кн. Алексѣя къ Сергію отъ 16 іюля 1829 года.

Послѣднее наше письмо было уже готово къ отправленію, какъ полученное отъ тебя подало намъ новую думу, что одна изъ важнѣйшихъ твоихъ обязанностей остается еще неисполненной или неполнѣ исполненной. Обязанность мы разумѣемъ къ твоему отъ ранней юности *благодѣтелю* ⁴⁾, котораго искренняя къ тебѣ любовь въ продолженіи тридцати лѣтъ не переставала осыпая тебя милостями и благодѣяніями весьма значительными, и тебѣ извѣстно, что твоя къ нему взаимная любовь не представляла тебѣ еще ничего такого, что бы можно было положить тебѣ на вѣсы съ его благотвореніями, что бы можно было назвать хотя нѣкоторымъ воздаяніемъ. А было обстоятельство, которымъ подлинно ты могъ бы уравнивать всѣ и гораздо большія его тебѣ благодѣянія.

Обстоятельство это есть твое ему служеніе въ *утвержденіи* его въ христіанской вѣрѣ. Такое изреченіе наше можетъ дѣйствительно показаться страннымъ тому, кто не дѣлаетъ различія между христіанами по названію только и христіанами по вѣрѣ сердечной, но оно не можетъ не быть употреблено тамъ, гдѣ дѣйствительно подъ сѣнь святѣйшимъ именемъ скрываются мнѣнія, *далеко отступающія отъ православія, а иногда и вовсе ему противоположныя. Что благодѣтель твой непрічастенъ такимъ мнѣніямъ, о семъ мы много отъ тебя слышали, мнѣніямъ, подходящихъ близко, если несовершенно, послѣдующихъ социніанству*, т. е. неправо приемлющихъ, или вовсе не приемлющихъ ни паденія ангеловъ, ни первороднаго грѣха, слѣдовательно, ни воплощенія, ни искупленія, ни Троицы, слѣдовательно, ни таинствъ, сей единой отрады падшихъ вѣрующихъ и кающихся христіанъ. Посуда же теперь самъ, какъ можетъ твой, тридцать лѣтъ питаемая въ твоёмъ христіанскомъ сердцѣ, признательность къ нему смотрѣть на него безъ слезъ, безъ мучительной туги, которая бы дотолѣ не давала покоя ни днемъ, ни ночью, доколѣ бы ты не истощилъ всѣ способы къ вспоможенію сему твоему *второму отцу*? Да и тогда благодарность сія, если бы она была растворена первобытнымъ твоимъ духомъ христіанской ревности и любви, не могла совершенно успокоиться; ничто бы не могло совершенно успокоиться; ничто-бы не могло осушить слезъ твоихъ, хотя бы сердце нѣсколько и примирилось, предавши, но исполненіи всего твоего дѣла, воли Божіей, предавши онаго повѣдомымъ и неизслѣдованнымъ Богоудьямъ. Но ты еще, повидимому, и не приступалъ дѣйствовать въ семъ дѣлѣ съ такимъ жаромъ и ревностію, какія возлагаетъ на тебя твоя христіанская обязанность. Смотри, какъ ощутительна его любовь и ревность къ твоей пользѣ, и твоя холодность, твоя нечувствительность, твое совершенное почти бездѣйствіе въ воздаяніи ему. Ибо всѣ тѣ попытки, не силою рукою искренне-христіанскій любви, а рабскою мірскою политикою приуготовляемая, которыя совѣсть твоя иногда понуждала тебя ему напомнить, какъ ты самъ сказывалъ, вѣщали въ себѣ столько утѣшительныхъ частицъ мірскаго благоразумія, что малость цѣлебнаго вещества, повидимому, была вовсе нечувствительна и недействительна. Посуди по сему правилу, съ небесъ принесенному, которое заключаетъ въ трехъ словахъ всю христіанскую нравственность: не дѣлай того другому, чего себѣ не желаешь (Дѣян. XV, 29), а дѣлай ему то, что желаешь себѣ, поставивъ его на своемъ мѣстѣ, а себя на его мѣстѣ. Какъ бы ты въ семъ случаѣ желалъ, чтобы онъ тебѣ о семъ напоминалъ, чтобы употреблялъ для сего высшую степень христіанской любви? Какъ бы ты, по праву благодѣтеля, ожидалъ такихъ воздаяній и непременно надѣялся отъ него сего знака его искренней

благодарности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и знака живой христіанской вѣры? Какъ бы ты ожидалъ сего отъ него, при всѣхъ невозможнѣйшихъ отъ тебя проявленіяхъ, вѣдая, какъ къ тому обязывала его сердце исповѣдуемая имъ вѣра? Внимни хорошенько въ обстоятельство сіе, помѣнявши мѣста съ твоимъ благодѣтелемъ, и посмотри, не законны ли будутъ такіа ожиданія его отъ тебя, не долженъ ли самъ теперь слышать сихъ его требованій отъ тебя, при самомъ его безмолвіи тебѣ оныхъ, при самомъ его нежеланіи, чтобы ты говорилъ ему о томъ? Не забудь, что уже мужъ близъ восьмидесяти лѣтъ есть онъ, и уже по природѣ занесъ ногу, чтобы переступить за предѣлы времени. Сіе возвышаетъ его опасность до высочайшей степени. *А ты во всемъ мірѣ одинъ человекъ, который можешь указать ему сію опасность: и долженъ и по человечеству и по вѣрѣ.* Если и ты, «видѣвъ, мимолетъ» (Лук. X, 31), то кто ему пособить? Признаемся тебѣ, любезный другъ, мы не можемъ безъ сердечной болѣзни видѣть нисходящій въ могилу съ социаліанскими мнѣніями мужа, котораго и насъ съ тобою много причинъ заставляеть любить и уважать, какъ по его отеческимъ милостямъ къ тебѣ, такъ и высокимъ и громкимъ заслугамъ его отечеству. Какъ же можешь ты такъ нескренно съ нимъ обращаться; какъ готовому уже, можетъ быть, лечь въ гробъ ты не боишься говорить языкомъ мірской политака? Представь себѣ, съ какимъ привѣтствиемъ встрѣтитъ тебя старецъ сей въ вѣчность, допущенный тобою съ вышеннанными мнѣніями закрыть глаза, допущенный тобою, ибо ты, и по твоимъ познаніямъ въ христіанской вѣрѣ, и по твоимъ къ нему служебнымъ обязанностямъ и близости, есть тотъ единый стражъ, отъ котораго онъ долженъ и имѣть право требовать и ожидать бдительности и остерженія, будучи окруженъ врагами его спасенія. Какъ думаешь? Не поблагодаритъ онъ тебя за твое нескреннее съ нимъ обращеніе и утѣненіе отъ ужасной пропасти, къ которой онъ несется ниже, когда прежде былъ отъ тебя остергаемъ? Нѣтъ, любезный, готовься слышать упрёки, упрёки, которые повторять здѣсь не достаётъ духа, и которые ты самъ легко себѣ представить можешь, которые и не худо тебѣ представить въ воображеніи, дабы получать возможность отвратить ихъ самымъ дѣломъ. Если ты, не коснувшись ни единымъ перстоиъ своимъ бремени отца и благодѣтеля допустишь ему пасть подъ онымъ, то, хотя конечно, докогда онъ живъ, онъ можетъ имѣть надежду во грѣхѣ семъ получить прощеніе отъ Того, К. его милосердіе не препобѣждаетъ никакой грѣхъ, но съ какою болью сердечною, съ какимъ мучительнымъ чувствомъ, съ какимъ сокрушеннымъ покаяніемъ? Такъ, какъ сокрушаются кости, лишь слабо выражаютъ чувствованія. А что тебѣ стоитъ сіе теперь? Мало, дѣйствительно, если мѣрять масштабомъ прежняго твоего съ намъ по-

грѣшительнаго обращенія. Какъ достигнуть, какъ сказать? Съ чего начать? Но долго ли будешь незамѣченнымъ въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ нерѣшительность наша, робость и боязливость есть измѣна, есть предательство. Ты теперь уже обыкъ всякое дѣло предпринимать, благословясь именемъ Иисуса Христа. Чего же ты можешь страшиться, ограждаемый силою сего Высочайшаго имени, когда Имя сіе произносишь въ духѣ вѣры и церкви? Благословясь онымъ въ духѣ вѣры и церкви и ступай на подвигъ. Повторяемъ опять, благословясь въ духѣ вѣры и церкви, во всемъ согласно съ нами и съ церковнымъ ученіемъ, отложивъ всякій доселѣ съ нами споръ, оставивъ самое малѣйшее недоразумѣніе съ настоящими церковно-учебными книгами, повторяя догматы въ нихъ изложенные и объясненные, какъ ты за церковію повторяешь молитву и исповѣданіе твое предъ причащеніемъ. Вотъ, съ благословеніемъ въ такомъ духѣ приступай къ сему тогда вовсе не трудному дѣлу, вовсе не тяжелому, ибо Всемогущая сила поддержать тебя...

Совѣтъ сей надобно тебѣ произвести въ дѣйствіе, не взирая ни на что, ибо относительно къ твоему благодѣтелю нечего уже выжидать—осьмой ему десятокъ и за половину. Торопись, пользуйся еще остающимся временемъ. Никакіе теперь узкочеловѣческіе расчеты не могутъ здѣсь имѣть мѣста. Ты знаешь, какое воздаяніе обѣщало за сіе дѣло слово Божіе! Такое дѣло будетъ прямой христіанскій подвигъ! Всѣ твои упражненія монашеской виѣшности, отправленіе всего повелѣннаго уставомъ монашескимъ не перевѣсятъ сего единаго и не могутъ положены быть съ нимъ на вѣсы. Это есть верхъ христіанской любви. Вспомни, что мы будемъ судимы по евангелію, которое ничего такъ не заповѣдуетъ, какъ любви, какъ такой духовной милостыни. Вся бѣда твоему униженію есть то, что ты сослунилъ съ средняго пути. Вдавнись теперь въ одну, другая такъ отъ тебя отдалилась, что ты ее вовсе потерялъ изъ вида, а въ ней и твоего единственнаго предъ всѣми благодѣтеля. Сравни самъ жаръ твой, съ которымъ ты защищалъ предъ нами идеальную какую-то неопозволительность земныхъ въ молитвѣ поклоновъ въ полуденныя дни и холодность, нечувствительность, съ которою ты оставляешь пребывать въ соцініанскомъ духѣ твоего благодѣтеля и отца, и ты не можешь не видѣть самъ основательности нашихъ тебѣ долговременныхъ представленій.

Знай, любезный другъ, что мы о благодѣтелѣ твоёмъ, котораго вовсе почти не знаемъ, и о его вѣроисповѣданіи столько имѣемъ понятія, сколько известно о томъ отъ тебя самого. Мнѣніе наше о немъ, теперь излагаемое, въ томъ же видѣ находится въ умѣ нашемъ, въ какомъ ты самъ оно вселилъ, говоря о немъ съ сожалѣніемъ и такимъ, которому бы не было мѣста, когда бы не настояло ему, по твоему

тогдашнему мнѣнію, опасности, опасности душевной; ты, не обинуясь объявлялъ намъ мнѣнія его о Спасителѣ и о всемъ строеніи христіанской вѣры, не токмо не ясными, не твердыми, но и подходящими къ вышеписаннымъ *социніанскимъ*. Братъ тебѣ назадъ свои слова было бы не иное что, какъ обманывать самого себя.

Ты, можетъ быть, опять увидишься съ благодѣтелемъ твоимъ въ обратный его проѣздъ въ Петербургъ. Можетъ быть, онъ опять самъ тебя посѣтитъ. Но ежели бы и не посѣтилъ, рѣшился самъ сыскать его въ городѣ. Воспользуйся симъ, вѣроятно послѣднимъ, свиданіемъ. Старайся сдѣлать его такимъ, чтобы онъ со слезами плача и со слезами во всемъ раскаялся, не отступай отъ него, покажетъ онъ не согласится тебя выслушать, покажи ему, какъ необходима правая вѣра сердечная, чтобы разрѣшеніе духовника было дѣйствительнымъ. Покажи ему, что безъ пріятія Символа вѣры слово въ слово, безъ пріятія обѣта крещенія тоже слово въ слово, безъ пріятія таинствъ, заповѣдей и молитвъ по церковному ученію, безъ пріятія всего катихизическаго ученія, всѣхъ библейскихъ обовъ завѣтовъ за истинное слово Божіе, безъ сего не можетъ быть истинной вѣры, а потому нельзя получить благодати, слѣдовательно, нѣтъ спасенія. Покажи ему все сіе систематическое ученіе ясно, достовѣрно, убѣдительно, какъ необходимо къ вѣчному благополучію, и почему безъ онаго невозможно ожидать ничего иного, какъ гнѣва Божія, а слѣдовательно и отдаленія отъ Него. Выслушай и его сторону, ты можешь остановить его на каждомъ его положеніи — это бездонная кадка, это зданіе безъ фундамента; покажи, какъ, напротивъ, въ православіи нашемъ удовлетворяются всѣ вопросы, дѣлаемые отъ праводушнаго искателя вѣчнаго себѣ благополучія. Совѣтуемъ тебѣ, до свиданія еще твоего съ нимъ, начать твои пріуготовительныя къ тому дѣйствія: дѣйствуй и молись, молись и дѣйствуй. Успѣешь въ дѣлѣ твоемъ, слава Богу, и не успѣешь, все слава Богу. Для насъ уже то будетъ отрадою, если и не совершится общее наше желаніе, чтобы ты свергнулъ съ себя гору, которая теперь давитъ тебя всей своей тяжестью. Твое все дѣло исправишь первымъ разомъ, когда отъ внѣшнихъ обрядовъ начнешь вести къ *внутреннему* христіанству. Это и есть камень преткновенія для нетвердыхъ христіанъ, особенно придерживающихся *социніанства*. Многіе изъ таковыхъ, не вѣдая систематическаго христіанства, судятъ о немъ по злоупотребленіямъ онаго невѣждами, одной внѣшней коры придерживающимися, и потому дѣйствительно нерѣдко суевѣрствующими, которыхъ суевѣріе просвѣщенный умъ таковыхъ, каковъ и твой благодѣтель, не можетъ не видѣть. Суевѣріе невѣжествующаго народа премногихъ изъ таковыхъ мірскихъ мудрецовъ удерживаетъ въ преддверіи

къ истинной вѣрѣ. У насъ толпа суевѣровъ, въ однѣхъ внѣшностяхъ всю вѣру поставляющихъ.

Особенно взмущается съ тѣхъ, которые непосредственно содѣйствуютъ къ размноженію суевѣрій, даже допуская и распространяя сіе мнѣніе, что нужно христіанину какъ можно болѣе прилѣпляться къ *внѣшностямъ* религіи, а догматы вѣры откроетъ ему самъ Господь. Но ихъ мнѣнію, пусть лишь пріобучаетъ онъ себя воздерживаться отъ пищи, пусть хотя языкомъ однимъ читаетъ побольше молитвъ, самъ не понимая ихъ умомъ, пусть кладетъ больше поклоновъ, пусть посѣщаетъ чаще св. мѣста, словомъ пусть неопустительно хранить всю обрядовую вѣру, все прочее приложится ему. Кто не видитъ, что здѣсь все обращено вверхъ дномъ, и значительность внутренней догматической вѣры замѣнена вѣрою обрядовою, которая и заступаетъ первое мѣсто. Стоить только обратить вниманіе на народъ нашъ, чтобы видѣть всю гибельность такого обѣщанія. Сколько тысячъ и милліоновъ у насъ, послѣдуя сему богопротивному правилу, всю жизнь свою отпращиваютъ обрядовую вѣру и однакоже также мало остаются свѣдущими въ спасительныхъ догматахъ, и при концѣ оной и до самой смерти, какъ были, когда получали жизнь. Но найдены способъ и сему пособить: допускается, что можно быть и добродѣтельнымъ, и набожнымъ, и благочестивымъ, не зная и не слышавъ ни о какихъ спасительныхъ догматахъ. Не то ли самое есть допускать такое противоевангельское положеніе, какое говоритъ такъ: Господи, я вѣрую и знаю, что Ты повелѣлъ ученикамъ твоимъ учить всѣхъ догматамъ твоей св. вѣры и подтвердилъ, что тотъ только спасенъ будетъ, кто приметъ умомъ и сердцемъ благую ихъ вѣсть, кто увѣруетъ въ евангеліе. При всемъ томъ я смѣю утверждать, что и безъ евангелія Твоего можно вести добродѣтельную, благочестивую жизнь и по смерти получить спасеніе. Что можетъ быть ужаснѣе сей хулы, однакоже вотъ что говорятъ всѣ тѣ, которые невѣжество въ вѣрѣ почитаютъ неважнымъ въ достиженіи спасенія, говорятъ же сіе не словомъ токмо, которое иногда невольно можетъ соскользнуть съ языка, но самымъ дѣломъ, обдуманно. Благодаря такому мнѣнію, десятки милліоновъ у насъ не умѣютъ различать въ вѣрѣ правой руки отъ лѣвой. Это ли любовь къ ближнимъ, это ли любовь къ соотечественникамъ!

Скажемъ тебѣ, что, въ добавокъ къ твоимъ рѣчамъ, твоему благодѣтелю, которыя, безъ сомнѣнія, будутъ такъ сильны и назидательны, какъ глубоко твое знаніе въ христіанской вѣрѣ, и такъ умилятельны, какъ велика твоя къ сему благодѣтелю и отцу твоему любовь; въ добавокъ къ сямъ рѣчамъ, совѣтуемъ тебѣ выписать для него изъ Москвы недавно вышедшую книгу В. и уже переведенную прошедшаго года А. Е. Какъ сія, вѣроятно, книга въ подлинникѣ была написана, такъ и

теперь на нашъ языкъ переложена, съ тою собственно цѣлю, чтобы руководствовать къ Христу блуждающихъ на семь пути, чтобы дать имъ возможность, пробившиъ съвозъ толпу преддверія, войти во внутренность христіанской вѣры. Мы прочли ее два раза сряду и нашли доводы чрезвычайно сильными. Теперь же прилагаемъ рукопись, давно мною переложенную, которая не мало ходила по рукамъ, какъ ты видишь по ея обветшалости. Сія будетъ также очень сильна къ утверженію въ христіанской вѣрѣ. Достоинство ея, особенно для предубѣжденныхъ и не имѣющихъ достаточно терпѣнія къ прочтенію цѣлой книги, то, что она состоятъ лишь изъ нѣсколькихъ листовъ, а между тѣмъ ясно указываетъ божественность христіанской вѣры. Я хотѣлъ было для тебя ее переписать—время не дозволило, сверхъ того и раздумалъ, что если тебѣ самому придется читать предъ твоимъ благодѣтелемъ, то она довольно чужда для тебя, а если понадобится ему ее переписать, то ты можешь заставить переписать И. П., или когонибудь другого, письмомъ чистымъ и четкимъ, а тетрадь доставить мнѣ обратно. Сія же мѣры небезполезны могутъ быть и для другого, также съ давнихъ временъ тебѣ покровительствующаго, Н. С. М. и, къ несчастію, какъ мы отъ тебя слышали, также, повидимому, по міру мудрствующаго. Кромѣ сей рукописи очень бы, кажется, полезно было для нихъ обихъ прочесть извѣстную тебѣ, имѣющуюся у насъ, книгу Вельбердера (не разобрано названіе). Въ Петербургѣ, вѣроятно, можно ее имѣть, а если нѣтъ, я могу ее прислать тебѣ, и ты доставишь имъ для прочтенія.

Письмо кн. Алексѣя и Павла къ Сергію, отъ 14 августа 1829 года.

Надобно показать тебѣ неправость твоего мнѣнія логически. Вотъ твой силлогизмъ, изъ письма твоего взятый, вотъ на чемъ ты основываешь твои сужденія.

Первая посылка: Всякъ тотъ, кто угоденъ Богу, имѣетъ вѣру.
Вторая посылка: а всякъ испрашивающій во благихъ желаніе свое угоденъ Богу.
Заключеніе: слѣд., всякъ испрашивающій во благихъ желаніе свое имѣетъ вѣру. Первая посылка есть тоже, что и текетъ священнаго писанія: безъ вѣры невозможно угодить Богу (Евр. XI, 6). Но вторая—ложная, и ложь ея обнаруживается нетоюмо здравымъ умомъ и ежедневнымъ опытомъ, но и слѣдующими словами свящ. писанія: Богъ въ прошедшія времена попустилъ всѣмъ народамъ ходить своими путями, хотя, впрочемъ, никогда не переставалъ свидѣтельствовать о Себѣ благодѣянїями, посылая съ нѣба дожди и времена плодотворныя, подавая намъ пищу и исполняя сердца наша веселіемъ (Дѣян. XIV, ст. 17). А изъ сего явствуетъ, что и язычники, неимущіе вѣры, по благости Божіей, получаютъ во благихъ желанія свои, о которыхъ они молятъ невѣдомому

имъ богу ложному, слѣдовательно, ложное есть то по (ихъ)нѣ, что всякъ, испрашивающій во благихъ желаніе свое, угоденъ еси Богу, а потому ложно есть и заключеніе, что всякъ, получающій яко благихъ желаніе свое, имѣеть вѣру.

Приличнѣ бы было изъяслять любовь свою къ ближнимъ несогласованіемъ своимъ съ пререкаемымъ здѣсь правиломъ, невѣжество въ вѣрѣ обезпечивающимъ, а вспомошествованіемъ, каждому по своимъ силамъ, тѣмъ изъ пастырей, которые неутомимо трудятся къ защищенію стада своего отъ мысленныхъ волковъ, заграждая онымъ всё входы, которые невѣжество въ законъ Божій во многихъ пунктахъ ограды пространно отверзаетъ. Таковъ былъ въ Бозѣ почивающій *митрополитъ Михаилъ* ⁵⁾, который, по истинно—христіанскому своему благочестію, вполне постигалъ сію необходимость народнаго ученія, а потому, въ бытность еще *приходскимъ священникомъ въ Московѣ*, по всѣмъ праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, паству свою неутомимо поучалъ катихизическому ученію. Благодаря Бога и Спаса нашего, есть и теперь между нашими пастырями, какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ и селахъ. Особенно много могли бы содѣйствовать этому общему христіанскому дѣлу облеченные властію и тѣ богатые по міру, которые считаютъ богатство свое числомъ душъ родовыхъ людей, до десятка и даже до сотенъ тысячъ простирающихся, имъ принадлежащихъ, т. е., по собственному ихъ признанію, врученныхъ ихъ отвѣтственности.

Если ты дѣйствительно не только не находишь никакого опасенія для почитаемыхъ тобою квинно невѣжествующихъ въ главныхъ и основныхъ догматахъ вѣры, и даже допускаешь молитвенную простоту и силу, превосходящую силу молитвы многихъ сердцемъ вѣрующихъ; если ты дѣйствительно такъ умотвуешь и сердцемъ твоимъ убѣжденъ, что совершенное невѣжество въ свящ. писаніи, замѣчающееся во многихъ нашихъ соотечественникахъ, не препятствуетъ шествию по спасительному пути, то согласишься ли ты помѣняться, взявъ отъ кого совершенное невѣжество о Богѣ и вѣрѣ и прилѣпленіе къ обычаямъ людскимъ и обрядамъ, и за такую его простоту, такъ много тобою цѣнимую, отдать ему все твое знаніе въ законѣ, все твое приобрѣтеніе многихъ и многихъ лѣтъ, твою духовность, твою набожность и сердечное чувствованіе?

Письмо князя Сергія, отъ 11 сентября 1829 года.

Многіе и многосложные ваши свитки я получалъ и прочиталъ, и душевно поскорбѣлъ о томъ, что изъ всёхъ моихъ писемъ и поясненій много заключенія вы сдѣлать не могли, какъ то, что я противникъ церкви.

...Но всему тому, что писано мною прежде, прибавить мнѣ нечего, ибо я отнюдь не полагаю богоневѣдніе путемъ къ богоугожденію, а

только невольсь невѣжествующимъ въ вѣрѣ, чадамъ церкви православной добродѣтели, (ибо не мало есть таковыхъ добродѣлающихъ будущаго ради воздаянія) невѣжество ихъ, уповаю несомнѣнно, милосердіемъ Божиимъ не постанется къ спасенію преградою; и въ семь упованій моемъ отнюдь не смѣшиваю ихъ съ неприемлющими, ибо въ сихъ дышетъ духъ противленія, а въ тѣхъ—совершенной покорности. Вѣрую Господу премилосердному, что Онъ благодатію, какъ до нынѣ ограждалъ, такъ и впредь оградитъ меня отъ заблужденія по пути погибельному—еретическому.

Тетрадь вашего обличительнаго писанія на неисполненіе вполне обязанности моея къ моему благодѣтелю, хотя и почитаю я для себя бременемъ тяжкимъ и неудобноносимымъ, однако же не могу не благодарить строгости вашей ко мнѣ любви, взвѣшивающей со всякою точностію, вполне ли я все свои обязанности исполнялъ. Много и много недостаесть до полноты, и вся надежда на милосердіе Судии Господа, о которомъ присный Ему рабъ Его повѣдалъ намъ, что Онъ и дѣянія приимлетъ и предложенія хвалить и намѣренія цѣлуесть. На возвратномъ пути благодѣтеля моего не судилъ мнѣ Господь видѣть лице его; ибо онъ, торопясь кончить путешествіе свое, на записку мою, дабы извѣстилъ меня смотритель о его проѣздѣ, дабы я могъ самъ, испросивъ у настоятеля благословеніе, предстать лицу его, отвѣчалъ онъ мнѣ, что никакъ не могъ остановиться въ городѣ, для ожиданія моего прибытія, а только перемѣнилъ лошадей и отправился далѣе. Я писалъ ему письмо, въ которомъ, не въ видѣ обличенія или наученія, но даже съ похваленіемъ ревности его по православію, писалъ ему о православіи и о будущемъ мірѣ, куда уже путь ему предстоитъ не вдалекѣ. Впрочемъ, соображая слова его, здѣсь говоренныя, о существующемъ въ столицѣ маловѣрїи, я противъ прежняго моего относительно его погрѣшилъ, и уповаю, что начавый и совершитъ.

Письмо братьевъ, отъ 28-го ноября 1829 года.

Допустить невѣжество и самое глубокое невѣжество, не дающее отличить въ вѣрѣ правой руки отъ лѣвой? Сіе подтверждаешь ты не словами токмо, но и самымъ дѣломъ на *И. П.* Научилъ ли ты его хотя теперь, послѣ неоднократныхъ нашихъ представленій? Если нѣтъ, то суди самъ, какъ безобязанно для ближнихъ, какъ безопасно для любимыхъ тобою ты чаешь быть невѣжество въ законѣ, и такое грѣховное, какое Господу угодно было указать тебѣ здѣсь на *И. П.* Не забудь притомъ, что ты самъ писалъ намъ, что почитаешь духовную милостыню также важнѣе тѣлесной, какъ душа важнѣе тѣла.

Допустить невозбранность приближенія къ тайнамъ взрослымъ не знающимъ ничего о вѣрѣ, слѣдовательно и невѣрующимъ?

Допустить состояніе церкви изъ христіанъ невѣдующихъ о Христѣ, слѣдовательно также невѣрующихъ въ Него, и сіе тогда, когда у тебя должны были глубоко вѣзаться въ памяти катихизическіе вопросы?

Допустить молитву дѣйствительною на испрашиваніе просимаго, когда и самъ просящій не знаетъ, о чемъ онъ просить?

Допускать, что ежели Господь ознаменуетъ милость Свою надъ болящимъ по его молитвѣ, хотя и такой, которую можно назвать поклоненіемъ Богу вовсе невѣдомому, по молитвѣ не чрезъ Искупителя, по молитвѣ боготворящей угодииковъ и самыя ихъ иконы, при всемъ томъ приписывать вѣрѣ болящаго исцѣленіе или иную какую нибудь милость?

Допускать исполненіе заповѣдей Божіихъ, при совершенномъ незнаніи оныхъ?

Допускать наименованіе простоты христіанской верховною добродѣтью истинно духовныхъ подвижниковъ грубое такое невѣжество о Богѣ и о вѣрѣ?

Допускать названіе вѣрою и вѣрою евангельскою хранящихъ однѣ внѣшности вѣры и обычаи людскіе? Все сіе явно противъ ученія св. церкви и ея учебныхъ книгъ, какъ отъ насъ тебѣ ясно, прямо было показано.

Письмо князя Сергія, отъ 28 декабря 1829 года.

Прежніе свитки ваши вопіютъ противъ обряднаго служенія, а послѣдній—противу допущенія къ спасенію невѣжествующей нашей собратія, и явно къ тому клонятся, чтобы заставитьъ меня изрещи судъ отверженія на сію простѣйшую чадъ православной нашей церкви, и по сему самому подивски оныя излишни, ибо въ прежнихъ моихъ письмахъ я обстоятельно вѣмъ изъяснилъ мое о семъ предметѣ мнѣніе, отъ котораго и теперь отступать не смѣю, хотя оно составляетъ главный и единственный пунктъ нашего взаимнаго недоразумѣнія, ибо не смѣю, тварь ничтожная, ограничить милосердія творческаго, призваннаго простѣйшую оную чадъ въ нѣдро истинной своей церкви и въ ней оную освятившаго и освящающаго! Братія возлюбленные! не прогнѣвайтесь, ежели я вопрошу васъ словами апостольскими: или отъ васъ слово Божіе изыде, или васъ единыхъ достиже (1 Кор. XIV, 36)? Есть люди, равно какъ и вы, благочестивые, и которые науку богословскую попрежде васъ познали и поглубже (ибо облечены отъ церкви сугубою властію научати вѣрующихъ вѣрѣ, таинствомъ священства и саномъ учительства) и однакоже, не только такъ рѣшительно, какъ вы, не отрѣшаютъ упоминаемыхъ нашихъ собратій, вѣрующихъ, поколику разумѣютъ искренно въ Бога и въ церковь Божію, отъ дверей чертога небснаго, но съ немалымъ моего снисхожденія допускаютъ имъ входъ въ святилище спасенія. На дняхъ ѣздая я

поздравить съ праздникомъ *зѣлннго преосвященнаго викарія* ⁷⁾, котораго знакомствомъ пользуюсь я еще со времени его архимандратства, мужа мудраго, проходившаго въ Харьковѣ шесть лѣтъ званіе ректора семинаріи и оттоѣ возведеннаго на степень святительства, и предложилъ ему вопросъ о спорномъ между нами пунктѣ, и получилъ отъ него отвѣтъ совершенно согласный съ моимъ мнѣніемъ; и даже когда я привелъ ему на видъ, что въ книгахъ богословскихъ строго требуется разумѣніе вѣры, в тогда онъ, по тому положенію, что правила могутъ имѣть изъятія, остался при прежнихъ словахъ, утверждая, что дерзостно есть опредѣлять слабымъ нашимъ смысломъ милосердіе Божіе, усноившее Богу простѣйшую нашу братію отъ самаго ихъ рожденія. Отвѣтъ его не есть простою христіанства, овцы стада, но просвѣщеннаго благодатию пастыря словесныхъ Христовыхъ овецъ; и къ рѣшенію нашего недоумѣнія онъ есть лицо довѣявшее. Подобное же мнѣніе слышалъ я отъ *ректора зѣлннй семинаріи* ⁸⁾, который десять лѣтъ, по удостоенію начальства, проходилъ съ честью сіе званіе, обучая богословію духовное юношество, и теперь, будучи архимандритомъ первокласснаго монастыря, готовится взятъ на степень архіерейства и удостоилъ меня однажды своего посѣщенія. Я полагаю, что ежели бы еще кому предложить подобный вопросъ, то послѣдовалъ бы подобный же и отвѣтъ. Братіе! не присвойте себѣ, врямущественно предъ пастырями и архипастырями, учителями церкви по сану и по благодати, разумѣніе богословія, въ изученіи котораго и въ обученія которому они проводятъ всѣ дни свои, освящены на то бывъ церковно.— Возлюбленные! не будьте мудры о себѣ но допустите, что и васъ излишняя ревность, приводящая въ разногласіе со освященными церковно учителями, можетъ увлечь за предѣлъ праваго мудрованія. Опять же повторяю вамъ, многократно уже мною повторенное прежде, что допущеніе не есть правило, но что правило не не терять допущенія. Господь да пробавитъ вамъ свои щедроты временныя и вѣчныя за то, что сами, паче и паче утверждаясь въ истинной и дѣятельной вѣрѣ, научате оной и невѣрующихъ. Благословенъ предъ Господомъ трудъ вашъ и мзда ваша у Господа многа.

Письмо братьевъ кн. Алексѣя и Павла къ Сергію, между декабремъ 1829 года и январемъ 1830 г.

Тебѣ извѣстно, что истинное христіанство, основанное на любви, на любви даже ко врагамъ, связуетъ всѣхъ членовъ онаго, всѣхъ чадь церкви неразрывными узами. И всякій человекъ, по ученію святѣйшей нашей вѣры, есть нашъ ближній, а тѣмъ паче присный въ вѣрѣ и еще болѣе тотъ, съ которымъ связуютъ насъ, кромѣ общихъ, еще частныя узы, или непосредственно или посредственно. Изъ такихъ ближнихъ нашихъ кн-

дается намъ въ глаза *графиня Орлова* *), которая, благодѣтельствуя тебѣ, и намъ сдѣлалась не чуждое лице, хотя ея сѣятельство можетъ быть и не знаетъ о существованіи насъ, услугами своими ей обязанныхъ. Со времени твоего вступленія подъ ея покровительство мы чаще стали о ней говорить и внимательнѣе слушать говорящихъ. Она есть помѣщица нѣсколькихъ десятковъ тысячъ крестьянъ, если съ женами, то въ совокупности составитъ, можетъ быть, до сотенъ тысячъ, или около, которыхъ благополучіе непосредственно зависитъ отъ нея, благополучіе не временное только, но и вѣчное, по зависимости, въ которой находятся всѣ крестьяне у своихъ помѣщиковъ и по обязанности, какаѣ лежитъ на первыхъ нести о благосостояніи ихъ душъ, какъ те явствуетъ всякому, знающему наши права и вивкающему въ христіанское благочестіе, вѣдая по христіанскимъ вѣсамъ, что *помѣщикъ для крестьянъ, а не крестьянинъ для помѣщика*, что духовная милостыня и благодѣяніе также превосходить тѣлесную, какъ душа тѣло, что, по примѣру нашего Спасителя, мы должны сами служить другимъ, нежели отъ другихъ требовать услугъ.

Мы, сколько могли освѣдомиться, не находимъ учебныхъ заведеній во всѣхъ, подчиненныхъ ея сѣятельству, городкахъ и всякъ многочисленныхъ, въ которыхъ бы раздавалась духовная милостыня въ той величайшей духовной нищетѣ, въ которой находятся почти всѣ члены сего великаго сословія соотечественниковъ нашихъ. Не знаемъ, есть ли какія нибудь учебныя заведенія для дѣтей крестьянъ въ ея помѣстьяхъ. Если есть, то, кажется, не во многихъ, ибо иначе трудно, чтобы то не дошло до нашего свѣдѣнія изъ публичныхъ листовъ или иныхъ какихъ источниковъ, взрослые же, кажется, навѣрное, по примѣру всѣхъ вообще помѣщиковъ, не имѣютъ чѣмъ утолить духовный свой гладъ (къ закону Божию), крестьянъ нигдѣ не обучаютъ, и *они, поколѣніе за поколѣніемъ, остаются въ глубокомъ невѣжествѣ о единомъ на потребу* (Лук. X, 42).

Вслѣдствіе замѣченнаго нами упущенія сего просвѣщеннаго долга помѣщиковъ въ помѣстьяхъ ея сѣятельства, мы, по вышесказанной связи съ нею, находимъ христіанскимъ долгомъ *сообщить ей чрезъ тебя наше братолюбивое остереженіе*. Довѣренность же, которою ты, по видимому, пользуешься у ея сѣятельства, есть одинъ изъ тѣхъ талантовъ, тѣхъ важнѣйшихъ, ибо твой благовременный совѣтъ можетъ имѣть дѣйствіе на вѣчное благополучіе сотенъ тысячъ душъ, за каждую изъ которыхъ Спаситель пролилъ Божественную Свою кровь, и которое ты дѣйствительно воздѣлаешь ревностнымъ и подробнымъ ей предложеніемъ... Ты любезнѣйшій, обязанъ ей и здѣсь твоею благодарностію за ея благодѣянія, которыя ты получаешь и не имѣя въ томъ нужды..

благодарностию и воздашь, по своимъ силамъ. Такое отъ тебя ей предложеніе есть непремѣнный твой долгъ, ибо Господь сблизилъ тебя съ нею, доставивъ тебѣ ея довѣренность, обративъ на тебя ея благодѣянія и, наконецъ, открывъ тебѣ неисполняющуюся первѣйшую ея обязанность и попеченіе о подданныхъ, для будущаго ихъ благополучія; явно указываетъ тебѣ сіе твое дѣло.

Добродѣтели графини такъ дивны и такъ оцутительны въ странной нашей Имперіи, добродѣтели необычайныя въ ея званіи и состояніи, склоняющія ее нетоко отереть слезы сѣтующихъ, насыщать утробы алчущихъ, призирать сирыхъ, вспомошествовать всѣмъ всячески, но и съ высоты своей знатности и величія снисходить въ убогія хижины и въ кельи пригвожденныхъ къ болѣзненному одру... Ежели, по обзорѣннн важности и богоугодности предлагаемаго тебѣ для предложенія сего дѣла, посмотрѣть, что это тебѣ и ей будетъ стоить, то цѣна сія оказывается такъ ничтожною, что и поставить ее врядъ съ приобрѣтеніемъ невозможно. Съ твоей стороны нужно лишь направленіе по сему пути твоей отъ нея довѣренности, христіанскою любовію и ревностію подвижной, а съ ея вовсе незначительное отдѣленіе доходовъ, отъ крестьянъ ея ею получаемыхъ, на благодѣяніе, симъ крестьянамъ направленное... Смѣемъ сказать, что Господь возполняетъ и твои добродѣтели, представляетъ тебѣ сей легчайшій способъ къ увѣнчанію оныхъ дѣломъ изъ всѣхъ дѣлъ милости первѣйшимъ. Господь представляетъ тебѣ случай исполнить неисполненное, довершить недовершенное.

Впрямую, никто по сіе время не указалъ ей сію богатѣйшую руду въ ея помѣстьяхъ. Тебя, повидимому, угодно Господу избрать, тебя вести разными путями, и прямыми и косвенными, чтобы, наконецъ, привести къ симъ топазамъ, для обогащенія и себя и владѣтельницы оными. При ея богатствѣ, сія богоугодная жертва отнюдь не лишитъ ее не токо нужныхъ для нея, но и дальнѣйшихъ способовъ благодѣтельствовать. Относительно же до людей способныхъ раздавать сію духовную милостыню, производить обученіе и взрослыхъ и дѣтей, нѣтъ сомнѣнія, что, по первомъ объявленіи о семъ, будутъ оныхъ имѣть столько, что можно будетъ избрать лучшихъ и способныхъ изъ нихъ. Да если бы и затруднились симъ, то и духовное и гражданское начальства съ радостью готовы будутъ снабдить ее и учителями и законоучителями. Самъ Августѣйшій нашъ Монархъ, повелѣвшій въ недавнее время Августѣйшимъ своимъ указомъ заводить учебныя заведенія по всѣмъ удѣльнымъ вотчинамъ, подаетъ намъ великій примѣръ подражанія къ образованію нашихъ крестьянъ. Графиня, по множеству крестьянъ, ей подвѣдомственныхъ, можетъ употребить тѣ-же самыя мѣры, какія отъ министра двора были опубликованы, которыя казнѣ ничего не стоятъ.

Прилагаю при семь рукописей ¹⁰⁾, написанную мною лѣтъ пять тому назадъ для нѣкоторыхъ изъ ближнихъ нашихъ помѣщиковъ и сельскихъ пастырей духовныхъ, съ которыми искреннее обращеніе допускало мнѣ необыкновенно говорить и остерегать отступающихъ и неисполняющихъ своего званія. Надобно бы было по настоящему препроводить къ тебѣ одно разсужденіе мое о крестьянахъ, но сіе не иначе можно было произвести, какъ сдѣлавъ изъ ней выпускъ, разрушивъ тотъ порядокъ, въ которомъ она была изложена. Для избѣжанія сего я рѣшился препроводить тебѣ оную, какъ она есть, съ тѣмъ, что если ты можешь прочесть ее ея сїятельству всю, то, при чтеніи статьи, о сельскихъ пастыряхъ выпустить, т. е. гдѣ говорится о злоупотребленіяхъ въ служеніи. Большая часть изъ тѣхъ, которымъ я, руководствуясь благоразуміемъ, давалъ ее читать, отъ обидъ вышеописанныхъ сословій, совершенно были согласны съ моимъ мнѣніемъ. Признаюсь, что я давалъ читать ее немногимъ. Вышеописанное христіанское благоразуміе меня въ томъ удерживало и удерживаетъ. Должно однакоже замѣтить, что сіе малое число были все люди разсудительные и сколько можно, б-зпристрастные, ибо и соглашались въ истинѣ тѣхъ самыхъ разсужденій, въ которыхъ они не могли не признавать своего упущенія. Многихъ, увѣрившихся въ семь, удерживаетъ, повидимому, самая слабая причина, но въ самомъ дѣлѣ самая сильная, а именно *то, что это не въ обмачь*.

Письмо князя Сергія, отъ 3-го Феврала 1830 года.

Миръ вамъ отъ Господа и отъ Пречистыя Его Богматери и отъ святыхъ и праведныхъ Самеона и Анны, любезнѣйшіе братья и друзья.

Получивъ посланіе ваше и рукопись, не оставилъ я сдѣлать всего того, что могъ изъ всего вами требуемаго. Истинны дошедшіе до васъ слухи о благочестіи именемъ и благочестіемъ сїятельнѣйшей графини, покровительницы всей нашей обители святой, а посему и моея, ибо я почитаю себя вступившимъ не подъ ея покровительство, а подъ ближайшее покровительство Возже (пріемля со всякою вѣрою, что санъ иноческій наче всякаго иного житія въ мірѣ семь существующаго угоденъ Господу и подъ особенное заступленіе великомученика и побѣдоносца еще и въ мірѣ благоволившаго явить мнѣ свою милость, сподобивъ меня ношенія священнаго его изображенія). Да не смущаетъ васъ и то, что я безъ нужды, по мнѣнію вашему, пріемлю одоженія вмѣстѣ съ прочими своими собратіями отъ боголюбивой нашей благодѣтельницацы: довольно вамъ для успокоенія вашего напомнить слова евангельскія: и служажу Ему (конечно, могшему не нуждаться въ пособіи) отъ имѣній своихъ (Лук. VIII, 3). Какъ тѣ святыя жены за малыя свои пожертвованія получали въ воздаяніе великія щедроты духовныя въ мірѣ семь и жизнь вѣчную въ будущемъ: такъ и сія, примѣру ихъ послѣдующая, честнѣй-

шая и христоролюбивѣйшая дѣвица, о убогихъ Христа ради пекущаяся, съ ними даровъ Божіихъ будетъ причастница. Истиннымъ слухи о ея христіанскихъ добродѣтеляхъ; и всѣмъ своимъ благочестіемъ обязана она, по благодати Божіей, во первыхъ, отцу *Амфилохію*, бывшему ея духовнику, гробовому у раки святителя, св. Дмитрія ростовскаго, давно уже скончавшемуся, который положилъ начало, а потомъ, отцу, почтеннѣйшему нашему настоятелю ⁽¹⁾, настоящему ея духовному отцу, который начало привелъ къ совершенству и хранить оное съ возведеніемъ на вѣщую и вѣщную высоту духовную. Чувствуя себя обязанною чуждымъ спасеніемъ души своей сему благоразумному своему наставнику, она совершенно покоряла ему свою волю, и безъ его разрѣшенія ничего не предпринимаетъ, и кромѣ его, никакихъ постороннихъ совѣтовъ и наставленій не пріемлетъ. И я, ежели пользуюсь ея милостивымъ и искреннимъ обращеніемъ, то сіе по давней искренней, дружественной связи моей съ отцомъ архимандритомъ, и никогда не бываю въ ея сообществѣ иначе, какъ съ симъ ея духовнымъ отцомъ и моимъ настоятелемъ.— По симъ соотношеніямъ ея ко мнѣ и къ общему нашему отцу, я никакъ не рѣшаюсь, да и не могу приступить къ ней съ моими совѣтами и наставленіями, мимо ея духовнаго отца, который есть въ тоже время мой настоятель, я же послушникъ вѣрной ея святой обители; ибо такое дерзновеніе мое было бы явнымъ нарушеніемъ послушнической моей обязанности (которая сколь есть строга, и вамъ, яко читателямъ св. Василія Великаго и св. Іоанна Лѣствичника, не безызвѣстна), чего и помыслить я боюсь, ибо покореніе и отсѣченіе воли есть главнѣйшая пища новоначальнаго и подвигъ даже совершеннаго монаха. А потому много не могъ я сдѣлать, какъ открыть отцу моему о Господѣ, настоятелю и наставнику, сдѣланное мнѣ вами настойчивое порученіе. Сіе я и сдѣлалъ, предоставивъ ему, со смиреніемъ подобающимъ, которому чуждо всякое истязаніе, дѣйствовать, какъ Господь управитъ его сердце благочестивое и боголюбивое.— По сему случаю не входя въ пространную бесѣду, коснулся ея словомъ своимъ духовнаго состоянія меньшей и простѣйшей православной нашей братіи, далъ онъ мнѣ и вамъ краткій отвѣтъ, приказавъ сообщить оный вамъ (что я со всею точностію и послушаніемъ исполняю), что не дѣло ума изшего кратко изслѣдовать глубину благодати, дѣйствующей въ сихъ простыхъ умахъ и сердцахъ, а что, прилагая все возможное и, при помощи свыше, успешное стараніе о спасеніи души духовной боголюбивой своей дщери, не оставляетъ онъ безъ попеченія и душъ ей вѣрныхъ, доказательствомъ тому служатъ многія многолюдныя, принадлежащія ей селенія, отъ раскола къ церкви обращенныя. Благодать Божія почиваетъ на госпожѣ, изливается и на рабовъ ея: на двѣхъ получено извѣстіе, что одно селеніе ея чу-

вашское, до тысячи душъ, крестилось въ православную вѣру, и прочіе ихъ сосѣди примѣру ихъ подражаютъ. Посему и рукопись ваша, мною читанная, осталась безъ предполагаемаго вами употребленія, и я не замедлю вамъ оную возвратить. — Возвращая осмѣливаюсь, хотя и не имѣю на то вашего дозволенія, замѣтить, что, при всей ревности по вѣрѣ, и разума, и дара словеснаго, руководившихъ перомъ сочинителя, нѣкоторыя выраженія и мѣста кажутся для меня такъ смѣлы, что для боязливаго моего разсудка невмѣстимы, таковы, напр., что икона бываетъ Богомъ для непросвѣщенныхъ крестьянъ, и что они кланяются собственно иконамъ. — Странно изреченіе сіе, обвиняющее въ идолопоклонствѣ многое множество простѣйшихъ чадъ нашей святой церкви. Что молитва ихъ бездушна: ибо кто вѣсть яже въ человѣцѣ, точию духъ человѣка, живущій въ немъ, а духъ человѣка можетъ молиться, хотя умъ его и безъ плода есть. Совершеннѣе молитва съ яснымъ разумѣніемъ, ибо тогда и умъ не безъ плода; однакоже и первая отнюдь кажется не бездушна. Что невѣдующіе суть и не пріемлющіе ученія вѣры, въ томъ нельзя никакъ согласиться, о чемъ я и прежде писалъ, а сіе положеніе положено въ число основныхъ камней разсужденія. Не смѣя распространяться замѣчаніями, прошу позволенія сказать только, что разсужденіе нерѣдко измѣняется въ осужденіе, въ осужденіе двухъ главныхъ сословій, а паче духовнаго, и сіе отъ лица, не облеченнаго свыше властію сужденія и обличенія, которыя далеко отстоятъ отъ позволеннаго каждому совѣта съ предложеніемъ средствъ дѣйствительныхъ. Осмѣлившись на изложеніе сего моего дерзкаго мнѣнія, прошу великодушнаго прощенія; дерзость сія есть плодъ искренности и можетъ быть поводомъ любоудрему писателю прочесть съ хладнокровнымъ вниманіемъ то, что писано въ пылу ревности, и поумѣрить пылкость мыслей и словъ, дабы, осуждая, не подпасть осужденію.

Письмо братьевъ князей Алексѣя и Павла къ о. Анникитѣ ¹²⁾, отъ 18 апрѣля 1830 года.

Грубое невѣжество, повидимому, любовно всей вашей системѣ, а съ нимъ все то множество грѣховныхъ порожденій невѣровъ, которыя оковываютъ духъ отъ дѣятельнаго прославленія имени Божія и отъ упражненія въ душеполезныхъ и общественныхъ добродѣтеляхъ... Раскрой исторію ересей прошедшихъ; въ какомъ государствѣ не найдешь ты гибельныхъ слѣдовъ... И въ нашемъ отечествѣ довольно имѣемъ примѣровъ, до какого остервенѣнія можетъ довести суевѣрный фанатизмъ черни, которая, благодаря тупости и снисхожденію вашихъ правилъ, и по сіе время не подалась ни на волосъ въ истинномъ просвѣщеніи противъ прошедшаго вѣка и многихъ ему предшествовавшихъ. Ужели ты

все еще не видишь и не чувствуешь, въ какой ты заведенъ лабиринтъ? Намъ же сіе ясно.

Относительно до того, какъ большая часть крестьянъ нашихъ принимаетъ иконы, я списывалъ съ подлинника, т. е. писалъ то, что своими ушами слышалъ самъ отъ нашихъ крестьянъ, слѣдовательно, имѣю на чемъ основывать мое положеніе, а ты, отрицающій положеніе, отрицаешь по одному умозрѣнію, которое нерѣдко бывало несогласно съ опытомъ. Опытъ самъ по себѣ уже есть единое и вѣрное и надежное основаніе для умозаключенія, а умозрѣніе тогда только можетъ служить непогрѣшимымъ основаніемъ умозаключеніямъ, когда само основывается на опытѣ.

Относительно до основного положенія моей тетради, на которомъ я располагалъ дальнѣйшія мои сужденія, а именно, что тѣ, которымъ не сообщена вѣра ученіемъ, ее въ себѣ и имѣть не могутъ, это безъ всякой логики такъ ясно и очевидно, какъ ясно и очевидно то, что если я не положилъ въ карманъ моего платка, то вѣрно его тамъ и не находится. Ты, по своему образу сужденія, по заключеніямъ безъ посылкъ, думаешь иначе.

Что принадлежитъ до послѣдняго изъ трехъ, замѣченныхъ мною, мѣстъ твоего письма, а именно: что не слѣдующее и не принадлежащее мнѣ дѣло есть обличеніе церковно-служебныхъ неприличностей. Сперва надобно тебя спросить, согласенъ ли ты въ томъ, что существуютъ такія неприличности, такія важныя и такія вопіющія, и въ той ли степени ты видишь важность ихъ, въ какой я оную полагаю. Буде ты вовсе не видишь оныхъ, или, видя, не называешь неприличностями, или называешь малыми и незначущими, то, вотъ, съ перваго шага мы съ тобой несогласны. Невниманіе твое къ изображеннымъ въ рукописи моей обстоятельствамъ невѣжественнаго состоянія нашихъ крестьянъ; и не только недопущеніе никакого имъ душевнаго вреда отъ настоящаго ихъ положенія, но еще и провозглашеніе оного безопаснымъ и всенадежнымъ, поразительны. Описываемыя мною неприличности такъ новосѣстны, такъ всемъ очевидны, что ты не можешь не быть увѣреннымъ отъ самаго опыта въ истинѣ всего упомянутого мною о нихъ. Безъ сомнѣнія, ты вѣдаешь, что это есть изъ всѣхъ дѣлъ нашихъ первѣйшее, такъ превосходящее важностію своею самоважнѣйшее человѣческое дѣло, какъ безконечное пространство одну геометрическую точку. Но этого свѣтъ не досматриваешь, что по мѣрѣ важности вещи есть и важность злоупотребленія оною. Посмотри на сіи неприличности въ семъ видѣ. Важность вышеописаннаго злоупотребленія ясно изображена въ рукописи. Ты не довольствуешься симъ изображеніемъ, ибо все обращаешься къ тому праву обличать сіе злоупотребленіе, котораго, по словамъ твоимъ,

я не имѣю. Я опять и здѣсь отвѣтствую: первое и главное право мое есть общее право любви христіанской, съ исчисленіемъ всѣхъ причинъ, побуждающихъ каждаго въ семь случаѣ дѣйствовать всѣми силами своей любви. За сямъ, второе есть право помѣщика крестьянъ, по связи господина съ рабами, которая, по ученію закона Божія, есть то же, что и «связь отца съ дѣтьми: ибо онъ также долженъ пецись о нихъ, какъ о чадахъ своихъ чадолюбивый родитель, долженъ обучать ихъ и закону Божию и добронравію. Возьми за основаніе сію мою связь—сей домъ помѣщика и на немъ потомъ разсуждай, имѣю ли я право дѣйствовать къ душевной пользѣ ввѣренныхъ мнѣ людей, изыскивая всевозможныя мѣры, чтобы ученіе мое имъ было не одно форменное отправление моего дѣла, а дѣйствительно приносило бы имъ всѣ тѣ выгоды, какія они, при катихизическомъ познаніи, могутъ надѣяться получить тогда, когда богослуженіе въ храмѣ и въ домахъ ихъ будетъ совершаемо по надлежащему. Если любовь должна одушевлять отправление сего моего долга, чтобы сдѣлать долгъ сей пріятной Богу жертвой; то сообразно ли будетъ съ сей цѣлію не содѣйствовать, сколько можно, къ тому, чтобы изученіе сіе не встрѣчало ни съ какой стороны препятствій къ произведенію желаемыхъ плодовъ вѣры? Если церковь призываетъ меня просвѣщать ввѣренныхъ мнѣ людей въ законѣ Божіи, то она же, безъ сомнѣнія, повелѣваетъ мнѣ простирать свое попеченіе о томъ до нельзя. А извѣстно, что ежели не взять особенныхъ мѣръ, то не малой помѣхою къ возвращенію силъ новонасажденныхъ лѣторослей и плодотворенію ихъ послужитъ служба Божія, какъ означено въ рукописи и какъ то есть на самомъ дѣлѣ. Ибо, что изъ такой службы, изъ такой молитвы, въ которую непосредственно втекаютъ и невразумительность, и поспѣшность, и невниманіе, и нерадѣніе, что изъ нея достанется простолюдину, чѣмъ бы нанитать алчущій свой духъ? Конечно, ничего. Между тѣмъ къ пропитанію блуждающаго воображенія его, и безъ того не охотно на молитву обращающагося, лукавый, съ своей стороны, въ сіе время разставляетъ цѣлый рынокъ сластей. Умъ, не питающій душеполезнымъ брашномъ, во храмѣ Божіи предлагаемомъ, непремѣнно ясть и піеть сей судъ. Извѣстно еще и то, что помѣщики у насъ, по нѣкоторому вліанію, которое даетъ имъ надъ пастырями помѣщичья власть надъ тѣми крестьянами, отъ которыхъ пастыри имѣютъ свое довольство, могутъ очень много и въ нерадѣвѣйшаго изъ нихъ вселить, и прилежаніе въ службѣ Божіей, и благоговѣніе въ отправленіи оной; а чего нельзя ожидать отъ пастыря, лишь по неопытности и общимъ примѣромъ увлеченнаго, когда помѣщикъ, у котораго онъ, такимъ образомъ, находится въ нѣкоторой зависимости, въ дружелюбномъ своемъ съ нимъ обращеніи, будетъ, по христіанской обязанности, подавать ему такіе совѣты,

которыми общее ихъ дѣло поддерживается и имя Божіе прославляется. Замѣтить тебѣ надобно еще, что статья рукописи моея о неприличномъ отправленіи службы Божіей есть ничто иное, какъ бесѣда моя съ тѣми изъ пастырей, которыхъ я пользуюсь любовію и довѣренностію; вотъ къ какомъ видѣ представляй ты себѣ сіи мои строки, когда хочешь имѣть настоящее о нихъ понятіе. Съ сей то точки зрѣнія смотря, скажи, что ты видишь въ бесѣдѣ сей предосудительнаго? Не съ пріятностію ли, не съ умилительностію ли долженъ ты смотрѣть на дружественный кругъ, въ которомъ члены двухъ первыхъ въ государствѣ сословій, въ откровенной христіанской бесѣдѣ, говорятъ о своихъ общихъ обязанностяхъ, и каждый пріемлетъ съ отверстымъ сердцемъ тѣ замѣчанія, какія христіанская любовь внушаетъ или для остереженія или для назиданія своего собесѣдника. Христіанская любовь не терпитъ поставленныхъ ей тѣсныхъ границъ. Она, видя пользу отъ такого искренняго сердце-изліанія между помѣщиками и пастырями, тщится, сколько возможно, ввести такіа бесѣды въ обычай—тщится сама посѣщать оныя въ сихъ, на бумагу изложенныхъ, разсужденіяхъ, которыхъ единая цѣль есть пользоваться всѣмъ, кому нужно. Цѣль сія, слава Богу Всемогущему, нѣсколько оправдала рѣшительность писателя. Ибо, читавшіе мою рукопись пастыри приняли оную въ томъ духѣ братолюбія, съ которыми она была писана, а нѣкоторые кое-что и почеркнули къ выщему пользованію своего стада. Ни одинъ не сдѣлалъ подобныхъ твоимъ замѣчаній: по крайней мѣрѣ, не доходило сіе до моихъ ушей. Я полагаю сіе отъ того, что читатели вошли въ духъ писателя, и видя ясно его чистое намѣреніе, не находили за что его укорять.

Я думаю такъ, любезный другъ, что довѣренность, которую имѣютъ къ намъ другіе, есть одинъ изъ нашихъ *таламтовъ*, и мы нѣкогда должны будемъ дать отчетъ, какъ воздѣланъ нами и сей. Равно, и зависимость другихъ отъ насъ, по которой они, иногда и нехотя, готовы внимать нашимъ совѣтамъ, есть также не послѣдній таламтъ нашъ. Любовь христіанская не пропускаетъ ни малѣйшей возможности къ прославленію Бога и пользованію ближнему. Апостоль говоритъ: *быль всьмъ еся, да еся приобряшу* (1 Коринѣ. IX, 20—22). Не мало зависитъ—то чувство и понятіе, какое мы получаемъ о обозрѣваемомъ предметѣ, есть око какимъ мы его разсматриваемъ. Это бываетъ съ человѣкомъ: иной въ самомъ мрачномъ предметѣ ищетъ яснаго и свѣтлаго, а иной, напротивъ, и въ свѣтломъ ищетъ мрака. Иногда мы съ тѣмъ и смотримъ на вещи—не найдемъ ли пятна, а иногда само по себѣ представляющееся пятно проскакиваетъ незамѣченнымъ. Свѣтильникъ тѣлу есть око. Аще око твое чисто, то и все тѣло твое свѣтло будетъ (Мат. VI, 22—23) и проч.

Письмо и статью сію заключаю тебѣ вопросомъ, на который отвѣтъ

твой (очевидно какой) покажетъ вполне удовлетворительнымъ сей мой тебѣ отзывъ: каковъ тотъ отецъ, который, посылая дѣтей своихъ въ крестовую за столъ, не позаботится о томъ, чѣмъ ихъ тамъ кормить, достаточно ли имъ даютъ пищи, до сыта ли они наѣдаются, и не голодны ли оттуда возвращаются?

Письмо о. Аникиты къ братьямъ, отъ 1 мая 1830 года

Извѣщаю васъ, что ни въ какія состязанія съ вами о православіи входить я не намѣренъ, но благодарю любовь вашу за обличенія; признавая себя, кромѣ ереси и раскола, во всемъ по обличеніямъ вашимъ виновнымъ, ни мало не помышляю о томъ, что тѣмъ доставляю перевѣсъ вашей сторонѣ, ежели доставляю:..

Вы удивляетесь, возлюбленные о Господѣ братіе, что я пребываю въ молчаніи на вопіянія ваши въ свиткахъ до меня достигающихъ, но я вамъ скажу откровенно, что мнѣ приходитъ иногда на мысль и себѣмъ, по крайней мѣрѣ, на время, для вашего спокойствія, запечатлѣть безмолвіемъ къ вамъ скверныя и нечистыя уста мои. Сію мысль я открытъ вамъ дерзнулъ въ отвѣтъ на удивленіе ваше о моемъ молчаніи, но слѣдовать оной не рѣшусь, а напротивъ готовъ съ благодарностію слушать новыя и многократно повторенныя обличенія ваши, хотя и съ болѣзнованіемъ сердечнымъ, но съ упованіемъ на Господа, что допускающій мнѣ и помогающій терпѣть, не лишитъ и милости своей за терпѣніе.

Письмо братьевъ князей Алексѣя и Павла къ о. Аникитѣ, отъ 26 августа 1830 года.

Въ продолженіи нашей переписки, я не разъ показывалъ тебѣ, кака уродливая система бываетъ всякая та, при составленіи которой хотя мало отступлено отъ вѣры евангельской. Теперь считаю нужнымъ распространиться о ней въ другомъ отношеніи. Самъ я слышалъ изъ устъ твоихъ изшедшее правило сіе, что для спасенія достаточно такъ вѣровать, какъ вѣруетъ церковь, хотя бы, впрочемъ, *отрующій* сей и не вѣдаетъ, какъ вѣруетъ церковь,—о которомъ правилѣ въ *богословіи* ¹³⁾ сказано слѣдующее: «Весьма несправедливо нѣкоторые нерадѣтельные и хладные до Бога, кои, ничего нужнаго для прославленія и любовнаго хваленія величества Божія не зная, къ прикрытію своего, безбожникамъ единымъ свойственнаго, невѣжества, говорятъ: я такъ вѣрую, какъ церковь вѣруетъ, а сами притомъ не вѣдаютъ, какъ церковь вѣруетъ. Ибо сіе есть незнаніе и невѣріе, а не богопознаніе и вѣра. Да притомъ и ко спасенію ничего не пользуютъ, что другіе право вѣруютъ, или признаютъ Бога; когда праведный отъ своей, а не отъ

чужой вѣры живъ будетъ». Нравственный вредъ, происходящій отъ системы, утверждающей на правахъ, вопреки сего богословскаго ученія держимомъ, — великій. Что держать народъ въ этой нравственной тьмѣ, которая не допускаетъ различать добро отъ зла? Что питаетъ грубѣйшіе народные пороки? Что искореняетъ всякую честь и честность, и праводушіе, и прочія нравственныя добродѣтели, общественныя и частныя!? Что вкореняетъ и поддерживаетъ суевѣріе? Что не допускаетъ истиннаго богослуженія *разумнаго*? Что противится очищенію нравовъ? Что питаетъ врожденное въ человѣкѣ развращеніе? Что не допускаетъ талантамъ расти и созрѣвать?.. Всѣми сими злыми и еще множайшими обязаны мы противо-евангельскому сему правилу. Ибо, *по оному*, не нужно просвѣщенія въ вѣрѣ; а безъ познанія откровенія зло непременно уже пріемлетъ добромъ, а добро зломъ. Безъ откровенія грубѣйшіе пороки не токмо могутъ быть допускаемы, но и превозносимы, какъ добродѣтели. Ты скажешь, что, при всемъ народномъ невѣжествѣ, въ классѣ семъ проскакиваютъ многія добродѣтели. Согласенъ, — но не системѣ сей, не евангельской онѣ тѣмъ обязаны, а Божію милосердію особенному, которое не допускаетъ природѣ человѣческой развратиться до той степени, къ которой ее влекутъ объятія лжеучителей, суевѣріе, или невѣріе поддерживающихъ и распространяющихъ. Здѣсь то намъ чаще видится всеблагій промыслъ Божій, воздерживающій наше зло, которое, если бы не встрѣтился предѣлъ отъ Его всемогущества, то давно бы человѣкъ буквально приложился къ безсловеснымъ, подобно *Насуходоносору*, и не токмо угодился бы имъ, но и превзошелъ бы ихъ звѣрствомъ своимъ. Не столько христіанству нашему обязаны мы за сія, тамъ и сямъ въ невѣжественной тьмѣ просіявающія добродѣтели, сколько, вообще въ людяхъ врожденному, нѣкоторому человѣколюбію и нѣкоторому чувству возмездія настоящаго и будущаго отъ всеназирающей силы. Вслѣдствіе сего встрѣчаемъ мы нѣкоторыя добродѣтели и въ тѣхъ земляхъ, куда свѣтъ христіанства еще не проникалъ: въ кибиткахъ *калмыковъ*, въ юртахъ *якутовъ* и каравансараяхъ *магометанъ*, гдѣ (въ сихъ послѣднихъ), по сказанію путешественниковъ, всякій путникъ безденежно снабжается ночлегомъ и всѣмъ нужнымъ. А потому однѣ сія, общія всѣмъ народамъ, тамъ и сямъ появляющіяся, добродѣтели недостаточны, чтобы судить о состояніи христіанства въ народѣ. Высочайшая степень сихъ добродѣтелей языческихъ *встрѣчается* только съ первымъ начальнымъ градусомъ оныхъ по христіанскому размѣру. *Что*, по сужденію непросвѣщеннаго свѣтомъ евангельскимъ, есть дѣло доброе, единственное, крайняя степень, совершенство добродѣтели, то между начальными христіанами есть самое обыкновенное, общее. Ибо крайняя сія степень, совершенство первыхъ, есть лишь первый шагъ послѣд-

нихъ, которыхъ крайняя степень есть... совершенство Божіе»: Будите совершенни, якоже и Отець вашъ небесный совершенъ есть» (Мѣ. V, 48). Сознаніе низкой степени добродѣтелей, или одного по названію христіанства недорослага, или въ незрѣлости своей поблекшаго, напрасно младенствующаго, заставляетъ насъ въ сужденіи о добродѣтеляхъ прибѣгать къ размѣру сихъ непросвѣщенныхъ евангеліемъ народовъ: отъ сего то и вся цѣль, все домогательство наше не высокой мѣты, индѣ же такъ не высокой, что одна непрічастность къ грубымъ порокамъ почитается уже добродѣтелью. *Но такою ли размѣра истинное христіанство?* Истинный христіанинъ мѣряетъ свое приращеніе въ добродѣтеляхъ по вышесказанному евангельскому изреченію: будите совершенни и пр. Для сего надобно быть знакому съ евангеліемъ, надобно умѣть не томо читать оное, но и понимать — понимать умомъ такъ, чтобы быть въ состояніи передавать сердцу. Для сего потребна благодать Божія: слѣдовательно, надобно знать и о ней—что она такое и какъ получается, кѣмъ и какъ пріобрѣтена намъ, подъ гнѣвомъ Божиимъ бывшимъ, благодати и милости Его лишившимся, лишившимся, по какому случаю, и когда—какой заповѣди преступленіемъ, отъ кого она дана, кому и проч. и проч. необходимое, какъ видимъ, чтобы быть христіанами не по названію только, а по способности расти и приближаться въ совершенствѣ къ самому Богу. Безъ таковыхъ же познаній пребывающіе христіане не могутъ восходить понятіемъ своимъ къ высотѣ добродѣтелей христіанскихъ; а потому, по необходимости, остаются пресмыкаться внизу и питать духъ свой, вмѣсто небесной манны, *землею производимыми рожцами*. Евангеліе *одмо* указываетъ христіанскій размѣръ, указываетъ лѣствицу добродѣтелей, отъ земли на небо насъ возводящую, и доставляетъ способъ шествовать по ней, восходя отъ силы въ силу: «Будте всѣ единомышленны, сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны, смиренномудры» (1 Петр. III, 8).—И пакъ: «соединяйте съ вѣрою вашею добродѣтель, съ добродѣтелію благоразуміе, съ благоразуміемъ воздержаніе, съ воздержаніемъ терпѣніе, съ терпѣніемъ благочестіе, съ благочестіемъ братолюбіе, съ братолюбіемъ любовь» (2 Петр. I, 5—7). Христіанство вообще, или вѣра евангельская, есть не *тѣмизма* какой, который бы, подобно нѣкоторымъ магическимъ, баснословнымъ *тѣмизамъ*, дѣйствовалъ на тѣхъ, которымъ прикасается. Таковымъ однакоже почитаетъ его всякъ, кто въ однихъ наружностяхъ полагаетъ свое спасеніе, кто приписываетъ *оному* благотворное дѣйствіе, безъ всякаго къ тому содѣйствія отъ того лица, на которое оно обращено. Не забываемъ никогда, что христіанская вѣра есть *разумное служеніе*. О самомъ Спасителѣ сказано въ евангеліи, что не могъ сотворить никакихъ силъ за невѣрствіе предстоящихъ (Мѣ.

XII, 38—39; XIII, 58; Марк. VI, 5) и нуждающихся—не могъ, то есть, не благоволилъ потому, что сердца ихъ не расположены были къ брянятiю Его даровъ. Да и мри всякомъ почти чудотворенiи своемъ надъ болящими Онъ требовалъ *вѣры личной* и почиталъ ее тояко существовавшей въ дѣлахъ сихъ, что ей приписывалъ произведенное Имъ исцѣленiе. Невидимое дѣйствiе благодати Божiей сообразно съ видимымъ дѣйствiемъ силы Его въ природѣ. Самое лучшее зерно не принесетъ плода на худой, невоздѣланной землѣ, самое дѣйствительное врачество не излечитъ болѣзни въ тѣлѣ, лишившемся силъ, необходимыхъ къ содѣйствiю съ онымъ въ исцѣленiи; равномерно, брашно не напитаетъ, вода не напоитъ, когда нуждающiйся не протянеть рукъ своихъ къ своему удовлетворенiю. Такъ и благодать Божiя, чтобы дѣйствовать въ насъ, *чрезъ любовь* должна быть приобрѣтена, *чрезъ вѣру*, вѣру живую, живущую въ насъ, а не въ иномъ комъ, или въ церкви. Но излишне далѣе распространяться къ объясненiю истины, такъ очевидной—истины, съ отягченiемъ которой, отъемлетса, или дѣлается ненужнымъ, все предписанное къ нашему спасенiю—все евангелiе. У мѣста, однакоже, замѣтить еще здѣсь о семъ предметѣ то, что мнѣ такъ разительнао кидается въ глаза. Для чего вы такъ явно противъ заповѣди церковной и евангельской, какъ показано выше, освобождаете христіанъ отъ обязанностей христіанскихъ дозволенiемъ имъ не знать оныхъ, слѣдовательно, и не исполнять, а только допускаете считаться въ церкви, или вѣровать, какъ церковь вѣруетъ?.. Для чего? Не для того ли, смотрите, что если они ознакомятся съ евангелiемъ и познаютъ изъ онаго догматическую свою вѣру, то гораздо не тотъ уже жаръ и ревность будутъ обращать къ вѣншнимъ обрядамъ и обычаямъ, которые теперь одни составляютъ вѣру премногихъ невѣжествующихъ. Ибо весь пылъ сего жара обращенъ будетъ къ слову Божію, къ вѣрѣ евангельской, которые премногимъ теперь, почитаемымъ на высотѣ совершенства, такъ чужды, какъ и самимъ язычникамъ.

Истинное богопознаніе, приобрѣтенное ученiемъ катихизическимъ, подобное тому, какъ въ древней церкви оглашенны были готовящіеся къ св. крещенiю, есть путь спасенiя, указуемый церковію всякому, такимъ образомъ въ ней отраждаемому. Познаніе средствъ ко спасенiю умственное есть тоже, что обзорѣніе глазами путника пути ему предлежащаго; а содѣлываніе спасенiя есть шествіе по сему пути. Но обѣ стороны лежатъ обѣ крайности, обѣ пропасти, равно опасныя: *суевѣріе* и *неувѣріе*. Блаженъ, кого Господь, поставивъ, утвердитъ на семъ царскомъ пути. Большая часть званыхъ отвлекаются, болѣе или менѣе, къ симъ крайностямъ. Не можетъ быть больше той любви, которая посвящаетъ свои труды и способности къ отысканiю и исправленiю на

путь заблуждающихся такимъ образомъ. Но, и не можетъ быть болѣе той нелюбности, которая гонитъ ближнихъ къ той или другой изъ-обѣихъ пронастей. Подобно тому, какъ богопознаніе и богопочтеніе истинное есть источникъ всѣхъ добродѣтелей, такъ и богоневѣдѣніе—источникъ всѣхъ пороковъ, всѣхъ золъ, безъ изъятія. Каково же поступаетъ тотъ, кто старается поддерживать сіе послѣднее? О придерживающихся вышенисанной системѣ и распространяющихъ оную можно сказать, что они, вмѣсто того, чтобы невѣжествующій суевѣрный народъ, научивъ, чрезъ пастырей и учителей, вѣрѣ евангельской, стараться облечь во Христа, въ евангельскую ризу спасенія, чтобы сдѣлать ихъ, такимъ образомъ, сообразными евангельскому образцу, облачаютъ вѣру евангельскую въ народные предрасудки и суевѣрія; располагаютъ ее по народному характеру; вмѣсто того, чтобы характеръ народный переобразовать по образцу евангельскому. Или, яснѣе сказать, вмѣсто того, чтобы возвести понятіе народное къ высокимъ истинамъ вѣры,—они низводятъ вѣру въ уровень съ невѣжественной народной толпой, и ихъ, не трогавшихся съ мѣста, увѣряютъ быть прошедшими все многотрудное поприще, между невѣжествомъ развращеннаго природы и христіанскимъ благодатнымъ богопознаніемъ лежащее, и достигшими вѣры правой, спасительной, за которую слѣпо держась, они, также не двигаясь съ мѣста, перенесены будутъ въ вѣчное блаженство. Изъ сего нельзя не заключать, что они, не расположивъ сердца евангельскими способами къ наслажденію всеми благами евангельскаго блаженства, не воливъ въ нихъ желанія къ симъ духовнымъ добротамъ, въ наслажденіи Богомъ возрожденнаго сердца состоящимъ,—даютъ имъ поводъ и самыя блага сіи представлять себѣ сообразно съ благами природы невозрожденной.

Ты, въ одномъ изъ отвѣтныхъ писемъ твоихъ на наши представленія о невозможности быть таимъ вѣрѣ, гдѣ она не сообщена,—разсуждаешь относительно къ невѣжествующему нашему народу такъ. Многіе изъ нихъ, [при всемъ ихъ невѣжествѣ, въ болѣзняхъ и въ другихъ нуждахъ прибѣгаютъ къ мощамъ св. угодниковъ и получаютъ просимое. Здѣсь, по твоему, дѣйствуетъ вѣра ихъ. Какъ же такъ? При невѣжествѣ о вѣрѣ можетъ находиться вѣра! Да что же ты называешь вѣрою: дай ей опредѣленіе, и тогда увидимъ о чемъ ты говоришь. Но ты, послѣ послѣдовавшей съ тобою перемѣны въ сихъ важныхъ мнѣніяхъ, какъ заключенія обыкъ дѣлать безъ положеній, такъ и понятія о вещахъ составлять безъ опредѣленій. *Опредѣленіе* у насъ вѣрѣ одно. Если опредѣленіе это есть одна изъ статей, на которыхъ разборъ твой не простирается, то ты не иначе долженъ составлять твое понятіе о вѣрѣ, какъ по церковному опредѣленію. *Вѣра*, по катихизису, есть сердечное принятіе евангелія. Слѣдовательно, тотъ только не-

жетъ имѣть вѣру, кто изъ евангелія оную, или изъ катихизиса, сокращеннаго евангельскаго ученія, почерпаетъ. Кто же не знакомъ съ евангелиемъ, или съ катихизическимъ онаго о вѣрѣ ученіемъ, тотъ ни уможь ни сердцемъ евангелія не приеметъ, потому и вѣры имѣть не можетъ... Не ясно ли это? Слѣдовательно, ясно и то, что невѣжествующіе о вѣрѣ не причастны вѣрѣ, и что получающіе исцѣленіе или иное какое желаній своихъ исполненіе, получаютъ оныя не по вѣрѣ, второй они не имѣютъ, а по одной неизреченной милости Того, Который солнце свое сіяетъ и дождитъ на злыя и благія (Мф. V, 45) на праведныя и неправедныя, на вѣрующія и невѣрующія. Исполненіе желанія такового, слѣдовательно, показываетъ не вѣру, которой онъ не имѣетъ, а милость Божию, тѣмъ вѣщую, чѣмъ болѣе получившій оную удаленъ отъ вѣры, — показываетъ одно изъ сильнѣйшихъ средствъ къ приведенію его къ истинной вѣрѣ, — показываетъ, что и взыскательность строже будетъ съ такового, когда онъ не воспользуется и симъ призываніемъ Божиимъ. Посему не къ вѣрѣ, какъ бы имѣющейя, относя оное, удалять таковыхъ отъ спасенія есть дѣло христіанской любви къ ближнему, а напротивъ, указаніемъ сей великой къ нему милости Божіей тревожить его, нерадящаго о спасеніи своемъ, чрезъ вѣру во Христа, и всѣми иѣрами стараться расположить его къ скорѣйшему, къ немедленному оглашенію себя евангельскимъ ученіемъ: да не послужитъ сія милость Божія къ вѣщему его осужденію. Видишь, любезный другъ, какъ превратно сіе приежется въ системѣ вашей. Вы, въ сей милости Божіей, съ нѣкоторымъ *уирожаніемъ* посылаемой, видите милость Божию съ *одобреніемъ*; и, вмѣсто пробужденія спящаго своимъ грѣховнаго невѣжества, громогласно повторяя ему въ уши исцѣленіемъ его призывающей его къ вѣрѣ сей гласъ Божій: *востани спяй, воскресни изъ мертвыхъ, и освятитъ тя Христосъ* (Еф. V, 14.), — вы, чеза слухъ его пріятнымъ себѣлюбію его превознесеніемъ вѣры не существующей, болѣе лишь усыпаете; и, можетъ быть, сонъ, отъ котораго онъ могъ бы проснуться, въ предсмертную летаргію обращаете. Сочти, сколько разъ могъ ты самъ, при теперешнихъ твоихъ мнѣніяхъ, послужить соблазномъ такъ вредительнымъ твоему ближнему, — подумай, сколько можешь, впредь, и... осмотрись.

Самыя сія святая *могщи угодниковъ*, къ которымъ *невозможны въ вѣрѣ прибѣгаютъ съ своими просьбами, не столько чествуются отъ нихъ, сколько безчествуются*. Ибо, суди самъ, не имѣющій евангельскаго понятія ни о Богѣ, ни о вѣрѣ, ни о молитвѣ, ни о прочемъ катихизическомъ ученія, можетъ ли чествовать святыню сію, возсылать молитву къ святымъ Божиимъ, имѣть понятіе о предстательствѣ ихъ, уповать на ходатайство ихъ, точно такъ, какъ то предписано въ церковно учебныхъ книгахъ? Конечно, не можетъ. Слѣдовательно, очень вѣ-

роятно, что многие из них, если не божескою, то почти божескою честью почитают угодниковъ, особенно въ тѣхъ храмахъ, которые сооружены во имя угодниковъ, ибо они буквально называютъ и почитаютъ оныя ихъ храмами. А допустивъ сіе, нельзя не заключать, что и поклоненіе ихъ святымъ мощамъ гораздо превосходить ту степень, въ которой сіе церковію предписывается. Слѣдовательно, не чтятся онѣ отъ таковыхъ, а, какъ я сказалъ выше, безчествуются. Если бы, въ минуту такого поклоненія ихъ, огласился сердечный слухъ ихъ оглашеніемъ церковно-учебныхъ книгъ, то они, въ семъ церковномъ остороженіи, чаяли бы слышать и самого угодника, изъ гроба своего выговаривающаго ихъ за оскорбленіе ему такое, котораго больше не могутъ они ему нанести: и вопль сей изъ св. раки еще громче бы отозвался въ сердцахъ ихъ, если бы сія минута ихъ невѣжественнаго поклоненія была самая та, въ которую всей церкви слѣдовало падать ницъ предъ выносимой святѣйшей евхаристіей, отъ которой они, по невѣжеству своему, отвращались и тѣломъ и душой, чтобы, такимъ образомъ, и то и другое съ чрезмѣрнымъ служеніемъ преклонить предъ его остатками. Не есть ли *ограниченіе* такого неограниченнаго народнаго поклоненія, такого чествованія, ограниченіе въ учебныхъ церковныхъ книгахъ предписываемое, одна изъ причинъ *ограниченнаго, разборчиваго* принятія сихъ книгъ? Пусть спросятъ о семъ у совѣсти защищающіе систему вашу—защищающіе вмѣстѣ съ ней и вышесказанное погрѣшительное внѣшней святости чествованіе. Ибо, съ допущеніемъ *необходимости* народнаго просвѣщенія въ вѣрѣ, неминуемо допускаются вышесказанныя и прочія народныя въ вѣрѣ злоупотребленія, особенно тамъ, гдѣ, съ небреженіемъ катихизическаго въ народѣ ученія, поддерживается одно обрядовое служеніе. Исслѣдованіемъ разглашаемыхъ чудесныхъ слуховъ отгоняется легковѣріе въ дѣлѣ вѣры; но исслѣдованіе, сіе необходимое обстоятельство въ разсудительному принятію слуховъ, особенно въ народѣ, суевѣріемъ зараженномъ, исслѣдованіе, христіанскимъ благоразуміемъ повелѣваемое — тотчасъ почтется у насъ за... невѣріе. Слѣпо, неизслѣдуемо воѣмъ разглашеніямъ вѣряющіе, — слѣпо, безъ исслѣдованія *должны* принимать всякой слухъ, въ дѣлахъ вѣры распространяемый. Здѣсь также нельзя ожидать разбирательства слуховъ сего рода, какъ нельзя допускать видѣнія сомкнутымъ глазамъ. Не забываемъ и того, что чудеса не для вѣрующихъ, а для невѣрующихъ. Требующій чуда для вѣрованія показываетъ недостатокъ вѣры. Распространяемое чудо для подтвержденія мнѣній своихъ *скликается* къ своей сторонѣ не вѣрующихъ, а невѣрующихъ, которые, услышавъ что-ли бы подобное отъ противной стороны, готовы предаться и къ ней. Величайшее чудо (почеловѣческому сужденію) послѣ того, что оставилъ намъ

Спаситель въ евангеліи о семь предметъ, не служить еще само по себѣ достаточнымъ знакомъ вѣры, благочестія, потому что въ послѣдніе дни будутъ такіа великія чудеса, которыми могли бы прельститься даже и избранные. Если же чудо можетъ прельстить, то зыбкое оно основаніе для вѣры.

Еслибы и обширныя отъ простаго народа требовались познанія въ вѣрѣ, для спасенія каждому своей души, то и тогда безотговорочно надлежало бы имъ, первѣе всѣхъ другихъ умомъ своимъ пріобрѣтений, заняться симъ ученіемъ и продолжать безъ отлагательства, доколѣ не получатъ надлежащаго свѣдѣнія. Всѣхъ же, имѣющихъ надъ ними власть, или какое вліяніе, обязанность была бы поощрять, принуждать ихъ къ такому ученію, толковать, объяснять имъ оное, чтобы какъ можно болѣе поселить *въ нихъ внутренняго христіанства*, истинной духовности. Ибо не тотъ іудей, кто таковъ по наружности, и не то обрѣзаніе, которое наружно на плоти; не тотъ іудей, кто внутренне таковъ, и то обрѣзаніе, которое въ сердцѣ по духу, а не по буквѣ: ему и похвала не отъ людей, но отъ Бога (Римл. II, 29). Ибо это есть единое на потребу (Лук. X, 42). Это есть то единое познаніе, которое за гробомъ понадобится. Слѣдовательно, тѣмъ безотвѣтнѣе будутъ, какъ сами они, родившіеся и живущіе въ христіанской странѣ, такъ и всякій изъ тѣхъ, которые или должны, или имѣютъ возможность просвѣтить ихъ въ семь необходимомъ знаніи:—тѣмъ, говорю, безотвѣтнѣе будутъ все сіи въ настоящемъ положеніи вещей, когда требуется отъ простаго не книжнаго народа познаніе вѣры весьма непространное и даже очень краткое, такое, то есть, которое объясняло бы имъ главнѣйшіе члены вѣры, заповѣди десятословія и краткое ученіе о молитвѣ, — требуется, говорю, познаніе еще кратче, нежели сокращенный катихизисъ, для народныхъ училищъ издаваемый: а и сей заключаетъ лишь десята полтора листовъ, и есть все катихизическое ученіе о вѣрѣ и самыхъ книжныхъ изъ народа. Такъ не велико сіе ученіе для простаго народа, что не найдется ни одного изъ нихъ, который бы не зналъ болѣе онаго наизусть *нѣсенъ, сказокъ, пословицъ* вмѣстѣ взятыхъ: и сіе ли почитаютъ затруднительнымъ? Христіанину надобно быть вполнѣ увѣреннымъ, что если Господь требуетъ пріобрѣтенія умомъ какихъ познаній, то достаточно подаетъ и способностей къ тому. Не потребуетъ Онъ кирпичей, не отпустивъ соломы.

Смотри, я покажу тебѣ, какая существенная разность между знающимъ краткій свой катихизисъ и незнающимъ онаго вовсе, между провѣщеніемъ въ вѣрѣ и тѣмъ состояніемъ, въ которомъ, къ несчастію, находится у насъ такое множество, и которое непосредственно поддерживается вышеписанной системой вашей. Когда первый мыслить о Богѣ,

онъ видитъ въ Немъ Существо духовное, вѣчное, вседѣющее, всемогущее и прочія совершенства Божіи, видитъ Святую Троицу, единую и нераздѣльную—Отца, Сына и Святаго Духа, Отца-Создателя, Сына—Искупителя и Ходатая, Духа Святаго—освящающаго и оживляющаго благодатию своею, благодатию всеѣмъ вѣрующимъ посылаемою, искореняющею въ нихъ всякое зло и насаждающею всякое добро, и возраждающею ихъ изъ ветхаго человѣка по Адаму въ новаго по Христу, и тѣмъ приспособляющею къ наслажденію благами небесными, ниже око не видѣ (1 Коринѣ. II, 9). Когда, потомъ, помыслить о себѣ самомъ, видитъ въ себѣ не одно тѣло, день ото дня старѣющее, немощающее и къ смерти приближающееся, но ощущаетъ и душу бессмертную, по кратковременной смерти разлукѣ съ тѣломъ, опять соединенною съ онымъ жить имѣющую, или вѣчно блаженствуя, или вѣчно стражда, смотря по тому, какого состоянія она сдѣлаетъ себя достойной въ сей временной жизни. Когда, потомъ, входитъ онъ въ свое сердце съ свѣтильникомъ евангельской вѣры, тотчасъ видитъ живущій въ себѣ грѣхъ сильный предать его вѣчному мученію, если какая-либо посторонняя сила не изменитъ его изъ подъ его владычества, ослѣждаетъ грѣхъ сей и обрѣтаетъ, что во грѣхѣ онъ и зачатъ и родился, что отъ перваго человѣка, прельщеннаго діаволомъ во грѣхѣ, послѣдовательно простирается до него грѣховное развращеніе, котораго корень есть сей первородный грѣхъ—грѣхъ человѣка противъ Бога, твари противъ Творца своего,—грѣхъ противъ Существа безконечнаго и вѣчнаго, слѣдовательно, грѣхъ безконечный и вѣчный—грѣхъ на вѣчное мученіе осуждающій... Но вотъ видитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и правосудіе Божіе за грѣхъ удовлетвореннымъ, и власть діавола поправленной, и жало грѣха притупленнымъ: видитъ все сіе совершившееся на Голгофѣ крестною смертію Сына Божія, Богочеловѣка, Который, по неизреченному милосердію Своему, искупивъ грѣшника, приѣмлетъ его въ церковь свою, въ число членовъ своего тѣла: и, вмѣсто положительнаго осужденія, вступаетъ уже съ нимъ въ завѣтъ, которымъ обѣщаетъ грѣшнику не только избавленіе отъ вѣчнаго мученія, но и царствіе небесное, если только сей съ вѣрою живою сохранить Его заповѣди, которыя вѣра евангельская все предъ нимъ раскрываетъ въ катихизическомъ ученіи, внушая ему также, что завѣтъ сей совершенъ и обѣтъ сей данъ имъ въ таинствѣ крещенія, въ которомъ впервые излилась на него заслуженная Сыномъ Божіимъ благодать, отъ первороднаго грѣха его смывающая и положена печать дара Духа святаго. Далѣе, вѣра указываетъ ему, какъ оставшіяся въ немъ грѣховныя склонности, увлекающія его опять во грѣхъ и лишая благодати, угрожаютъ тѣми же адскими муками, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ и способъ опять избав-

леться отъ нихъ—посредствомъ покаянія, сего втораго таинства, имѣющаго силу, подобно первому, омыватъ грѣхи. Потому, вѣра указываетъ въ немъ недостатокъ силъ духовныхъ, по которому онъ, при всемъ покаяніи и обѣщаніи исправиться, часто падаетъ во грѣхъ и, такимъ образомъ, явче прогнѣваетъ Бога; но отрываетъ ему и средство къ укрѣпленію себя въ духовномъ своемъ поприщѣ, — средство преудивительное! Она предлагаетъ ему въ снѣдь истинное тѣло и истинную кровь искупившаго его Богочеловѣка, которыя, бывъ достойно приняты, то есть, въ очищенный сосудъ сердца, и переходя (подобно тому, какъ брашно тѣлесное въ составъ тѣла) въ составъ души, придаютъ ей здравіе и силы, и крѣпость, и мужество. Все сіе дѣйствіе—внушаетъ вѣра (т. е. расположеніе сердца къ покаянію и укрѣпленіе внутренняго человѣка причащеніемъ), есть дѣло вседѣйствующей Божіей благодати, Сыномъ Божіимъ заслуженной и чрезъ Духа Святаго низпосылаемой тѣмъ, которые испрашиваютъ оную усердной молитвою. Благодать сія, говоритъ вѣра, есть жизнь души, которая безъ благодати также мертва, какъ безъ души тѣло. Молитва, таинства и слово Божіе питаютъ ее и, такимъ образомъ, возвращаютъ христіанина въ мужа совершенна, въ мѣру возраста Христова. Исполненія заповѣдей, присовокупляетъ вѣра, также не можно ожидать безъ благодати, какъ исполненія дѣлъ житійскихъ отъ мертваго тѣла, и что, наконецъ, съ благодатию отходящій изъ жизни сей не умираетъ, а засыпаетъ лишь, переходя смертію въ вѣчную жизнь преблаженную. Вотъ краткое начертаніе вѣроисповѣданія просвѣщенныхъ евангельскимъ ученіемъ; вотъ единственный способъ спасенія грѣшниковъ. Что принадлежитъ до обрядовъ и обычаевъ людскихъ, присоединенныхъ къ вѣрѣ, одна евангельская вѣра же можетъ въ точности опредѣлить тотъ вѣсъ, который долженствуетъ имѣть въ умѣ христіанина внутреннее богослуженіе и внѣшнее. Безъ нея, какъ сказано выше, отправленіе обрядовой вѣры всегда преступаетъ свои границы.

Теперь обрати взоръ твой на тѣхъ, которымъ законъ Божій и вѣра евангельская никогда преподаваемы не были. Все, что составляетъ вѣру таковыхъ, есть одно обрядовое служеніе. Желаешь ли знать ихъ понятіе о Богѣ? Вопросы сію толпу. Мудрѣйшіе въ ней скажутъ тебѣ чистосердечно: мы люди темные, не книжные, а потому ничего о семъ не вѣдаемъ. Но не мало найдется и такихъ, которые, подобно малымъ дѣтямъ—несмысленнымъ, вопрошаемымъ о Богѣ, отвѣтствуютъ тебѣ указаніемъ на образъ. За симъ, что и спрашивать о св. Троицѣ, о искупленіи, о благодати: объ этомъ они, навѣрное, не имѣютъ никакого понятія, какъ, равно, и о таинствахъ, которымъ, слѣдовательно, приобщаются изъ одного обычая. Что составляетъ ихъ нравственный законъ? Также обы-

чай одинъ, или страхъ временнаго наказанія. Вслѣдствіе сего, видимъ ихъ отъ *того* изъ запрещеннаго закономъ Божиимъ наипаче воздерживающимися, за что взыскиваетъ законъ гражданскій, подвергающей преступника строгому взысканію. При такомъ невѣжествѣ, могутъ ли они имѣть надлежащее понятіе о богослуженіи и молитвѣ? Могутъ ли они поклоняться Богу духомъ и истиною (Іоан. IV, 23), тогда какъ духовная ихъ часть оставляется въ природной невоздѣланности: и малый лучъ природнаго свѣта погребенъ подъ грудю обычаевъ и предразсудковъ? Безъ вѣры, безъ сего сѣмени добродѣтелей, отъ чего рости любви, надеждъ, страху Божию и прочимъ? Отъ того то плевелы всякаго рода заросли сію пустопорожнюю землю. Здѣсь уже, не какъ въ первомъ описаніи, гдѣ евангельская вѣра, занявъ въ умѣ и сердцѣ человѣка принадлежащую ей главную часть, оставляетъ обрядовой вѣрѣ лишь слѣдующее ей мѣсто, но весь умъ наполненъ одними обрядами.

Предложивъ тебѣ сіи два образца, вопрошаю: который изъ нихъ избралъ бы ты для своего сына (если бы у тебя онъ былъ), котораго бы ты горячо любилъ?.. Конечно, первый.—Гдѣ же у тебя христіанская любовь, основаніе всего закона, повелѣвающаго желать ближнимъ то же добро, какое и себѣ? Спроси себя — готовъ ли ты перейти изъ перваго состоянія въ послѣднее? Конечно, скорѣе захочешь разстаться съ жизнью, нежели съ вѣрою евангельскою, которая есть вся твоя надежда. Какъ же теперь это твое чувство сочетать съ тѣмъ равнодушіемъ, съ которымъ ты видишь твоихъ ближнихъ, во мракѣ грѣховнаго невѣжества заблуждающихся—и большее, нежели равнодушіемъ; ибо ты имъ сулишь безопасность, не смотря на то, что мракъ сей такъ густъ, что можетъ быть *ослаема*. Поставь себя на мѣстѣ одного изъ нихъ и посуди, какъ бы ты заключалъ о томъ, который могъ бы тебя вывести изъ такого опаснаго состоянія и не хотѣлъ; или еще, съ равнодушіемъ нехристіанскимъ говорилъ тебѣ: ты въ самомъ безопасномъ находишься состояніи, ты «богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣешь нужды».—Всѣ нуждающіеся въ духовной милостычѣ несравненно большаго заслуживаютъ сожалѣнія, нежели лишеныя дневнаго пропитанія. Богопротивно отсылать нуждающихся безъ подаванія имъ, когда мы въ состояніи подать. Но еще богопротивнѣе удерживать другихъ отъ подаванія, особенно тѣхъ, которыхъ это есть прямая обязанность: или, имѣя надъ ними какое вліяніе, не склонять ихъ къ тому воѣми силами.

Здѣсь нельзя не вспомнить о моемъ тебѣ письмѣ, насчетъ графини ¹⁴⁾ писанномъ, которое исполнено причинъ, побуждающихъ тебя *замолчать*, съ твоей стороны, о десяткахъ тысячъ братій нашихъ, величайшій недостатокъ въ духовной нищѣ имѣющихъ: и, однакоже, ты не внялъ оному огню. И хотя вся операція такъ расположена (по моемъ заклю-

ченіямъ), что достаточно одной твоей руки положенія, чтобы пустить въ ходъ всю машину; однако же ты не хотѣлъ и пальцемъ однимъ прикоснуться. А какое величайшее тебѣ предстояло приобрѣтеніе духовное, и за какую малую цѣну!

Тебѣ, вѣроятно, покажется странно, почему я такъ необходимымъ почитаю твое о вышеписанномъ графинѣ представленіе. Глянь на обстоятельство сіе духовными очами. Видишь ли, что доколѣ ты *не полтыцалъ себя* добровольно подъ ея покровительство,—ты также мало имѣлъ на совѣсти представленіе сіе ей, какъ теперь и мы. Но однажды приблизивъ себя къ ея благодѣніямъ такъ, что почитаешь ее изъ первѣйшихъ твоихъ благодѣтелей,—ты обязался ей долгомъ,—долгомъ несравненно уже значительнѣе, выше того, которымъ апостолъ повелѣваетъ намъ быть должными другъ другу—долгомъ, въ такой же соразмѣрности на тебѣ лежащимъ, въ какой благодѣнія ея тебѣ превосходятъ благодѣнія тебѣ отъ *простаю* ближняго, и *близость* твоя къ ней *сторонность* твою къ оному. Поелику же живая дѣятельная евангельская вѣра есть та, которая споспѣшествуема любовью къ ближнимъ (Галат. V, 6), то есть, изъясляемая благотвореніемъ имъ, и предпочтительно, благотвореніемъ духовнымъ: того ради, и твоя вѣра дѣятельная не можетъ не напоминать тебѣ о возвращеніи сего долга графинѣ—о возвращеніи такомъ, которое тебѣ стоить такъ мало, такъ велико, такъ многоцѣнно для нея, что уже она должна бы была почитать тебя своимъ благодѣтелемъ,—а благодѣніе твое такъ важнымъ, что ни всѣ десяти тысячъ ея дохода, ни даже все ея изъ десятокъ тысячъ рабовъ состоящее имѣніе уравнивать не можетъ. Вотъ какъ драгоценны отъ тебя ей сіи двѣ *ленты*... Подлинно, драгоценны: ибо ты, оставивъ и все имущество, съ *ними* растаться не можешь. Изъ сего заключай, какъ не трудно и величайшее самоотверженіе внѣшнее, сравниваемое съ внутреннимъ, сердечнымъ. Подлинно,—гдѣ степень совершенства человѣческаго, по внѣшнему, не евангельскому сужденію, кончается, то есть, до—нельзя возвышается, тамъ, по размѣру истинной духовности, сіе поприще въ совершенству лишь только начинается.—*Иное* дѣло находить вещь необходимой, желать ее, молиться о ней и готову быть къ дѣйствию, если Господь призоветъ, хотя самымъ дѣломъ и не дѣйствовать, опять *иное*—не дѣйствовать самому, не совѣтовать другимъ, не желать того и не молиться о томъ, потому собственно, что не почитается нужнымъ.

Въ заключеніе сего моего разсужденія, слагаю съ себя всѣ виды препирателя и обличителя и облакаюсь въ свойственное мнѣ грѣшнику смиреніе, грѣшнику во многомъ тебя и многогрѣшнѣйшему. Отлагаю и гласъ мой громкой, а подъ часъ грубой и колкой, и принимаю гласъ брата, искренно тебя любящаго.

На длинное письмо братьевъ, отъ 26 августа 1830 года, іеромонахъ о. Аникита 30 сентября отвѣчалъ имъ краткою припискою на ихъ же письмѣ слѣдующаго содержанія: «Суди ми, Господи, яко азъ не злобою моею ходихъ: и на Господа уповаю не мнемому».

Испуки ми Боже, и увѣждь сердце мое, истязи мя, и разумнѣй стези мои.

Псаломъ XXV, 1—2.

И вниждь, аще путь беззаконія во мнѣ, и настави ми на путь вѣченъ.

Псаломъ CXXXVIII, 24.

Ей, Господи Царю! Даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего.

Письмо князя Алексѣя о. Аникитѣ, отъ 26 іюля 1882 года.

Невѣжество въ вѣрѣ о Богѣ, по необходимости, сопровождается суевѣріемъ, указываетъ всякому мало-мальски просвѣщенному какъ на происхожденіе свое, такъ и на тѣ подпоры, которыми его, съ нѣкотораго времени низлагаемаго помощію возрастаемаго духовнаго просвѣщенія, усилленно поддерживаютъ. Въ числѣ сихъ подпорокъ я чзю видѣть и тебя, твое несогласованіе съ принятымъ церковнымъ книгамъ ученіемъ обнаруживавшаго. Всякому явны здѣсь двѣ силы, одна другой противящіяся. Цѣль одной,—испровергнувъ съ невѣжествомъ суевѣріе, водворить вѣру, другой цѣль—діаметрально сему противоположная. Разсмотри по признакамъ, кто такіе должны быть сіи послѣдніе? Не тѣ ли, которые, при однихъ внѣшнихъ обрядахъ, вѣры отправленіяхъ, допускаютъ и заповѣдей исполненіе и таинствами освященіе? Очевидно, что такое состояніе невѣжества кажется вовсе неопасно и спасенію не препятственно. Очевидно; такую обрядовую вѣру почитаютъ такой достаточной, что не находятъ нужды разгонять невѣжества глубочайшій мракъ, оставляя оный и съ суевѣріемъ всегдашнимъ, непремѣннымъ его спутникомъ. Ты себя, по всему тому, что я отъ тебя слышалъ и читалъ, показываешь въ числѣ сихъ послѣднихъ. Суди же самъ, какъ мнѣ, видя тебя въ такомъ увлеченіи, не горевать, какъ не продолжать до—нельзя сихъ тебѣ представленій? Можетъ ли быть не богопротивно дѣйствіе той силы, которая, отвлекая отъ познанія необходимыхъ ко спасенію догматическихъ ученій, отвлекаетъ отъ богопознанія, отъ познанія Бога во Христѣ, сего единаго вѣдѣнія Его по надлежащему?

Письмо кн. Алексѣя къ о. Анниктѣ въ январѣ 1833 года.

Просвѣщеніе невѣжествующихъ это, мнѣ кажется, такой великой важности дѣло, что требуетъ содѣйствія всѣхъ и каждаго, и никто не изъемлется. кто только приѣмлетъ законъ Божій, на любви висящій. всякъ по своимъ силамъ и способностямъ. Гдѣ невѣдомъ Богъ, какихъ тамъ ожидать добродѣтелей, гражданскихъ, семейственныхъ, честныхъ. Духъ, питающій невѣжество въ вѣрѣ, есть духъ лукавый. Онъ былъ первый противникъ Божіей волѣ, первѣйшій противникъ боговѣдѣнія. Его то намъ нужно побѣждать, и это есть дѣйствительно труднѣйшій подвигъ, но за то и вѣнецъ любви. Противно сіе дѣло и тѣмъ, которые должны учить и тѣмъ, которыхъ должны учить, противно до крайности, такъ что и тѣ и другіе скорѣе согласятся на дѣло во сто разъ труднѣйшее. Мы нынѣ такъ умудрились мірскою мудростію, что допускаемъ всѣ добродѣтели и даже добродѣтели христіанскія совмѣстимыми съ глубочайшимъ богоневѣдѣніемъ. Побѣда надъ врагомъ не только не одержана и къ одержанію надежды нѣтъ, но къ побѣдѣ сей нѣтъ и домогательства... Пора смотреть намъ на вещи очами будущаго вѣка. Тамъшняя стихія есть любовь, а потому она должна быть и здѣсь не обманчивою. У насъ, при вышеописанномъ состояніи вѣры, любовь имѣетъ пищи много и преизобильно. Не нужно ей, подобно древнимъ раздражителямъ Христа и апостоловъ, идти на край свѣта и въ непроходимые лѣса и пустыни за пищею себѣ. Она падаетъ на каждомъ шагу. Какъ далеки мы отъ тѣхъ преблаженныхъ душъ которыя, какъ бы безтѣлесныя, переходили просто на крыльяхъ любви всѣ немощныя препятствія и, для чего? Для просвѣщенія откровеніемъ хотя единыя души. О, съ какою радостію приносили они ее къ подножію креста. Они думали, что на дѣлѣ не возможно было такъ возблагодарить Искупителя своему, какъ распространеніемъ Его искупленія на подобныхъ себѣ грѣшниковъ. Горе, горе великое! Нынѣ слова: искупленіе, спасеніе, освященіе, Богъ въ Троицѣ, покаяніе, таинственное благодатное преображеніе, завѣтъ, обѣтъ, крещеніе, слово Божіе, откровеніе и всѣ прочія, которыя такъ произносились и произносятся оглашенными и просвѣщенными, что каждое слово впечатлѣвалось на сердцѣ, речено было не языкомъ токмо, но всѣми тѣми движеніями челоука, которыя хотя нѣсколько могутъ послужить къ выраженію чувствъ сердечныхъ, нынѣ, говорю, слова сіи многому множеству даже не вразумительны. Горе сіе великое, безъ сомнѣнія. Но хочешь ли ты слышать еще большее? Посмотри, послушай, вотъ другое множество и знающихъ и вѣдущихъ откровеніе, какъ и мы, не токмо не болѣзнуютъ о семъ, но изъ всѣхъ силъ увѣряють ихъ... изъ всей мощи спорять съ защитниками ихъ, что они находятся на прямомъ пути ко спасенію.

Признакъ истинной живой вѣры есть тотъ же, что и живущаго растенія, а именно, что она на землѣ растеть, растеть все выше и выше, доколѣ не достигнетъ неба. Тогда какъ мертвая, изъ однихъ бездушныхъ вѣтвистей и обрядовъ состоящая, вѣра также не можетъ расти, какъ и дерево, которое, лишаась силы въ корнѣ, держится, не столько самымъ корнемъ своимъ, сколько приросшими къ нему чуждыми растеніями, близъ его мѣсто свое избравшими и прицѣпившимися. Что можетъ быть растительно въ такой вѣрѣ, которая чужда истоку божественныхъ откровенія словесъ, но и дальнѣйшаго понятія объ откровеніи и о самомъ Богѣ.

Богопознаніе и любовь къ Богу суть два первѣйшія орудія въ системѣ духовнаго человѣка, приводящія въ движеніе всю машину. Они, какъ свѣтъ и теплота солнечная естественной природы, необходимы для его жизни духовной. Они другъ друга подкрѣпляютъ въ томъ сердцѣ, гдѣ имѣютъ свое пребываніе. Богопознаніе увеличиваетъ любовь къ Богу; ибо чѣмъ больше мы познаемъ Его, тѣмъ болѣе любимъ Его. Да и нельзя Его не любить познавающимъ Его. Истинное познаніе Бога въ состояніи преклонить къ любленію Его и самое ожесточенное сердце. Равнымъ образомъ и невѣдѣніе о Немъ лишаетъ возможности любить Его самыхъ мягкосердыхъ. Здѣсь истокно слово Божіе, но и самый разумъ говоритъ каждому убѣдительно, что нельзя того любить, кого не знаешь. Любовь тоже съ своей стороны взаимно подкрѣпляетъ познаніе Бога, ибо что любимъ, то стараемся знать близко. А потому, какъ богопознаніе есть первѣйшее дѣло человѣка и первѣйшая добродѣтель, то и богоневѣдѣніе, по словамъ Василія Великаго, есть тягчайшій грѣхъ. Слѣдовательно, тяжкій грѣхъ суть и всѣ тѣ дѣйствія наши, которыми мы себя и ближнихъ отдаляемъ отъ богопознанія, утверждаемъ въ богоневѣдѣніи, хотя бы это, по обычаямъ людскимъ, считалось препохвальнымъ... Нынѣ постунокъ только что небезнравственный уже нарицается благочестивымъ... Низкая степень нынѣшней нашей нравственности и названіе добродѣтелью того, что только не порокъ, непосредственно происходитъ отъ того погрѣшительнаго порядка, въ которомъ мы нынѣ изображаемъ христіанскую вѣру, измѣнивъ много-много евангельскую истину и многое изъ того, что въ ней божественнаго, переименовавъ на человѣческой лады. Но слово Божіе не вѣжеться (2 Тимое. II, 9). Вѣра наша долженствуетъ быть служеніемъ разума. Богъ нашъ поклоняемъ въ духѣ и истинѣ (Юанн. IV, 24).

Письмо князя Алексѣя о. Аникитѣ, отъ 10 апрѣля 1833 года.

Допускаемое вами мнѣніе препятствуетъ евангельской вѣрѣ распространяться во всемъ невѣжественномъ многолюдствѣ и имѣеть то дѣй-

ствіе, которыми, вмѣсто возведенія умовъ и сердець въ высокія истинамъ святѣйшаго христіанства, высокія истины сія низводятся и унижаются до низкаго о нихъ понятія суевѣрныхъ и обычаями опутанныхъ умовъ и такимъ образомъ переимчиваются въ однѣ бездушныя формы и обряды, безъ всякаго понятія о вѣрѣ и церкви, то грубое грѣховное невѣжество въ вѣрѣ, по которому о догматической вѣрѣ не имѣется никакого, а объ обрядовой самое уродливое, самое не позволительное христіанамъ мнѣніе. Что тутъ сказать? Назовешь ли ты описаніе преувеличеннымъ? Пусть бы было сіе такъ. Все горе было бы въ одномъ умѣ и воображеніи. Но ты самъ не можешь не видѣть онаго, видишь и равнодушествуешь, видишь и такъ спокойно пребываешь, какъ бы читалъ въ умѣ и сердцѣ каждаго богопознаніе и благочестіе.

Что, по твоему, невѣжиа въ догматической вѣрѣ и слѣпой исполнитель одной обрядовъ не подвергаетъ никакой опасности спасенія своей души? Помѣнялся ли бы ты съ нимъ въ вѣрѣ, т. е. отдалъ ли ему свои познанія катихизическія и богословскія, и отъ него получалъ ли бы равнодушное исполненіе обрядовъ и обычаевъ?... Что же, отчего же такое нехотѣніе? Отчего вдругъ всѣ тексты, необходимость евангельскаго богопознанія утверждающіе, всплываютъ въ твоей памяти? Отчего опускается рука, поднятая для положенія креста? Оттого, что чувствуетъ, что крестъ внѣшній бесполезенъ безъ креста внутренняго, безъ ученія о крестѣ. Отчего дрожатъ твои колѣна? Ты съ такою ревностію преклоняешь ихъ и днемъ и ноцію. Оттого, что боятся преклониться вещественному чтящу. Отчего твое, такъ обыкшее падать въ прахъ предъ твоимъ Спасителемъ, лице отказывается склониться? Боятся поклониться древу. Всѣ сіи члены такого требуютъ поклоненія Богу истинному, что готовы тебѣ не повиноваться, коль скоро воля твоя просвѣщенная сдѣлается отъ сей мѣны мрачной. Итакъ, если я не совсѣмъ ошибаюсь въ сихъ твоихъ чувствахъ, если ты дѣйствительно ни за что не согласишься помѣняться состояніемъ твоей вѣры просвѣщенной и вмѣщающей въ себѣ богословіе глубокое, поимѣняться съ состояніемъ того простолюдина, котораго вѣроисповѣданіе ограничивается однимъ отправленіемъ нѣкоторыхъ нужныхъ обрядовъ-обычаевъ, которые безъ вѣры догматической не могутъ не быть суевѣриемъ; если, говорю, ты ни за что не рѣшишься промѣнять твое познаніе вѣры на одну внѣшность, на одно суевѣріе невѣжествующаго, такъ не говори же, что оно есть безопасное для души, не желай же ближнему ничего того, чего самому себѣ не желаешь (Дѣян. XV, 29), а желай и старайся всѣми силами, и домогайся доставлять ему всѣ тѣ средства ко спасенію, которыя тебѣ самому такъ дороги, что ты съ ними ни за что не разстанешься, иначе уязвляешь любовь въ самомъ сердцѣ.

Ты скажешь, что ты не переставалъ учить другихъ, а потому мнѣніе сіе ограничивается однимъ тобою. Хотя бы оно ограничивалось однимъ тобою, то и тогда небезопасно тебѣ держать такое мнѣніе, которое чревато вредными для ближняго ученіями. Твоя строго монашеская жизнь даетъ тебѣ возможность во многихъ выладывать твое мнѣніе. Но хотя бы сего не было, то уже болѣзненно моему сердцу то, что ты держишься той партіи, которой вышеписанныя погрѣшительныя мнѣнія о вѣрѣ суть отличительныя черты, и которая, слѣдовательно, напряжена противъ догматическаго ученія о вѣрѣ и почитаетъ настоящее грѣховное невѣжество многихъ и многихъ не опаснымъ.

На послѣднія три письма братьевъ о. Анкита не давалъ отвѣта.

Свещ. В. Жмакинъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ГЛАВА II.

¹⁾ Здѣсь рѣчь идетъ о Богословіи іеромонаха Ювеналія

²⁾ Братья говорятъ здѣсь о своихъ многолѣтнихъ занятіяхъ въ основанныхъ ими же самими двухъ школахъ: одна была для крестьянскихъ дѣтей, находившаяся въ завѣдываніи князя Алексѣя, другая — для дѣтей священно и церковно служителей, въ которой занимался князь Павелъ. Дѣйствительно, оба брата много потрудились для религіознаго просвѣщенія своихъ крестьянъ. У нихъ составлены были, примѣнительно къ пониманію крестьянъ, особые катихизисы, которые имѣли два вида: одинъ катихизисъ предназначался для взрослыхъ крестьянъ, другой — для крестьянскихъ дѣтей.

³⁾ Подъ этими инициалами разумѣется служитель князя Сергія, ѣкто Иванъ Петровичъ Красовскій, находившійся при немъ многіе годы, бывший ѣкоторое время и въ селѣ Архангельскомъ, гдѣ онъ помогалъ князьямъ Алексѣю и Павлу въ ихъ школьныхъ занятіяхъ съ крестьянами. По переѣздѣ князя Сергія въ Юрьевъ монастырь, Иванъ Петровичъ переселился съ нимъ также въ монастырь и здѣсь, по примѣру своего господина, черезъ ѣкоторое время постригся въ монахи.

⁴⁾ Здѣсь указывается на катихизисъ митрополита Платона, который имѣетъ слѣдующее полное заглавіе: «Пространный катихизисъ для обученія юношества православному закону христіанскому, изданный при учрежденіи народныхъ училищъ въ Россійской имперіи». И. Керсунскій. Судьбы катихизисовъ. «Русскій Вѣстникъ» 1883 годъ, январь. 378.

⁵⁾ Благодѣтелемъ князя Сергія, на котораго въ данномъ случаѣ слѣдуетъ указать, былъ известный русскій дѣятель *А. С. Шишковъ*. Въ 1813 году Шишковъ поднесъ императору Александру I сочиненіе

князя Сергія Шихматова: «Ночь на гробахъ», за что послѣдній, состоя еще на службѣ, получалъ пенсію въ полторы тысячи рублей въ годъ. Въ 1824 году, по ходатайству того же Шишкова, занимавшаго въ то время постъ министра народнаго просвѣщенія, князь Шихматовъ удостоился Высочайшаго назначенія въ члены главнаго правленія училищъ. О жизни и трудахъ князя Сергія Александровича Шихматова. Спб. 1838. 12. Шишковъ въ 1829 г. нарочно пріѣзжалъ въ Юрьевъ монастырь для того, чтобы посѣтить князя Сергія Александровича Шихматова.

6) Митрополитъ *Михаилъ Десницкій*, бывший въ началѣ своей служебной карьеры приходскимъ священникомъ въ Москвѣ, при церкви св. Іоанна Воина, и здѣсь еще заявившій себя замѣчательнымъ проповѣдникомъ, по принятіи монашества рукоположенъ былъ въ 1802 г. во епископа старорусскаго, въ 1804 году получилъ самостоятельную кафедру въ Черниговѣ, а отсюда въ мартѣ 1818 г. состоялось назначеніе его на кафедру петербургскаго митрополита; † 24 марта 1824 г. Проповѣдническіе труды м. Михаила изданы были въ 1817—1824 г. въ девяти томахъ, при денежномъ пособіи императора Александра I.

7) Викаріемъ новгородскимъ въ 1829 году былъ Тимоѣей, епископъ старорусскій, хиротонисанный 7 октября 1828 года. До своего епископства преосвященный Тимоѣей былъ нѣкоторое время архимандритомъ Троицкаго третья-класснаго монастыря въ Смоленскѣ; въ томъ же самомъ Смоленскѣ, въ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ, подвизались двѣ сестры князя Сергія, которыхъ онъ посѣщалъ неоднократно и здѣсь имѣлъ случай познакомиться съ архимандритомъ Тимоѣеемъ. 24 февраля 1834 года Тимоѣей былъ переведенъ епископомъ въ Смоленскъ, 26 августа 1856 г. пожалованъ въ архіепископа; 16 мая 1859 г. уволенъ на покой; † 24 іюля 1862 г. въ Ордынской пустыни. Строевъ. Списки іерарховъ. 41, 592, 596.

8) У насъ нѣтъ подъ руками точныхъ данныхъ, для опредѣленія того, кто былъ ректоромъ новгородской семинаріи въ 1829 году. Объ этомъ можно только догадываться. Какъ и вѣстно, новгородская семинарія издавна помѣщалась, какъ и теперь помѣщается, въ Антоніевомъ монастырѣ, и до послѣдняго времени званіе ректора новгородской семинаріи соединялось съ настоятельствомъ въ этомъ самомъ монастырѣ. Если, для опредѣленія личности ректора новгородской семинаріи, взять эту исходную точку зрѣнія, то въ 1829 г. настоятелемъ Антоніева монастыря, а слѣдовательно и ректоромъ новгородской семинаріи, былъ архимандритъ Иліодоръ (Частяковъ), въ 1828 г. переведенный сюда изъ рязанскаго Спасскаго монастыря. 13 марта 1832 г. Иліодоръ былъ хиротонисанъ во епископа курскаго, въ 1844 г. получилъ званіе архіепископа, 5 ноября 1860 г. уволенъ по прошенію на покой, † 2 февраля 1861 г. въ Бѣлгородскомъ монастырѣ. Строевъ 635.

9) Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, извѣстная своимъ рѣдкимъ богатствомъ и благочестіемъ, не одинъ милліонъ потратила на благосостояніе Юрьева монастыря, куда она переселилась на постоянное жительство, гдѣ и скончалась, и погребена. Жизнь графини Орловой. Влагинъ. Спб.

10) Эта рукопись будетъ помѣщена въ приложеніяхъ къ матеріаламъ,

¹¹⁾ Архимандритъ Юрьевскаго монастыря Фотій Спасскій (съ 20 августа 1822 г. † 26 февраля 1838 года) въ первый разъ познакомился съ графиней А. А. Орловой чрезъ преосвященнаго Иннокентія, епископа пензенскаго. Проѣзжая въ 1819 г. въ Пензу, преосвященный Иннокентій, известный графинѣ по Петербургу, остановился, по причинѣ болѣзни, въ Москвѣ. Графиня приняла въ немъ живое участіе и такъ увлеклась его благочестіемъ, что просила его указать ей наставника духовной жизни. Иннокентій указалъ на Фотія. Елагинъ Живанъ графини Орловой.

¹²⁾ Князь Сергій Александровичъ Ш.-Шихматовъ 25 марта 1830 года былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Аникиты, 30 марта былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 3 апрѣля того же года—въ іеромонаха. О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты. Изд. I, Спб. стр. 31.

¹³⁾ Рѣчь идетъ о Богословіи іеромонаха Ювеналія.

¹⁴⁾ Указаніе на графиню А. А. Орлову-Чесменскую.

III

Въ перепискѣ братьевъ князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ обозначилось между ними различіе также во взглядахъ на слѣдующіе предметы: а) на значеніе западной богословской литературы, б) по вопросу объ отношеніи къ протестанству и в) по вопросу о степени важности церковныхъ обрядовъ. Между этими тремя пунктами находится довольно тѣсная связь.

Князь Сергій Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ держался болѣе отрицательнаго взгляда на значеніе западной богословской литературы и почти отказывался пользоваться ею, тогда какъ другіе его братья, князья Павелъ и Алексѣй Александровичи, придавали большую цѣну произведеніямъ западной богословской литературы и предоставляли себѣ широкую свободу въ пользованіи ею. Это различіе взглядовъ братьевъ зависѣло отъ различія общественныхъ условій, въ которыхъ находились тотъ и другіе. Время жизни князя Сергія Александровича въ столицѣ падаетъ на царствованіе императора Александра I, вторая половина котораго отличалась крайнимъ развитіемъ у насъ въ Россіи мистицизма, занесеннаго къ намъ съ протестантскаго запада. Самъ императоръ окружилъ себя всякаго рода мистиками; пріятелю императора слѣдовали, искренно или неискренно, многія высокопоставленныя лица. Ближайшій совѣтникъ и другъ императора, занимавшій два важные поста въ госу-

дарствѣ, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ также увлекся мистицизмомъ и покровительствовалъ ему всѣми мѣрами. Въ тонъ охватившему русское общество мистическому настроенію, дѣйствовала и тогдашняя литература. Явился даже особый мистическій журналъ, издававшійся А. Ѳ. Лабзинимъ, подъ названіемъ „Сіонскій Вѣстникъ“. Произошелъ большой наплывъ мистической литературы съ запада. Явились переводы мистическихъ произведеній: Эккартсгаузена („облако надъ святилищемъ“ „ключъ къ тайнамъ природы и пр.) Юнга Штудлинга („побѣдная повѣсть“, „приключенія къ смерти“) Дю-Туа „Божественная философія“) и многихъ другихъ. Проникнутыя мистицизмомъ произведенія издавались безпрепятственно и расходились во многихъ тысячахъ экземпляровъ, причѣмъ употреблялся даже „начальственный“ способъ ихъ разсылки, исходившій отъ министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, рекомендація котораго имѣла обязательное значеніе для всѣхъ подвѣдомыхъ ему учреждений. До какой безцеремонности доходило министерство духовныхъ дѣлъ, въ разсылкѣ мистическихъ книгъ, видно изъ того, что книги, явно противныя православной церкви, рассылались по епархіямъ, съ требованіемъ распространять ихъ въ народѣ. Князь Сергій Александровичъ, жившій въ столицѣ и всегда внимательно относившійся къ церковнымъ вопросамъ, зорко слѣдилъ за развитіемъ мистицизма и даже принималъ нѣкоторое участіе въ борьбѣ съ нимъ. Такъ, онъ обратился къ А. С. Стурдзѣ и поручилъ ему написать разборъ вышедшихъ мистическихъ книгъ, послѣдствіемъ чего была сначала передача „Сіонскаго Вѣстника“ изъ вѣдѣнія свѣтской цензуры въ вѣдѣніе духовной, а затѣмъ совершенное прекращеніе этого мистическаго изданія. (См. Иннокентій еп. цензенскій и саратовскій. Сиб. 1885, 96).

Послѣ всего сказаннаго, совершенно понятно будетъ, почему князь Сергій Александровичъ высказывалъ отрицательный взглядъ на западную богословскую литературу, отказывался пользоваться ею, хотя, при всемъ томъ, онъ признавалъ, что и въ ней „можно было найти каплю безвредную.“

Совершенно при другихъ условіяхъ находились князь Павелъ

и Алексѣй Александровичи. Они оставили Петербургъ и поселились въ деревнѣ тогда еще, когда мистическое направленіе не вошло въ немъ въ моду. И въ послѣдствіи времени они хотя и получали свѣдѣнія о мистическихъ движеніяхъ въ столицѣ, но, болѣе или менѣе, отрывочныя, и получали ихъ чаще всего отъ кн. Сергія, который сообщалъ имъ отъ времени до времени о выдающихся событіяхъ изъ области церковной жизни столицы. Но эти свѣдѣнія, какъ получавшіяся разновременно и отрывочно, не могли дать братьямъ возможности составить, болѣе или менѣе, обстоятельное представленіе о томъ вредѣ, какой наносилъ православной церкви распространившійся тогда мистицизмъ. А потому они болѣе снисходительно относились ко всѣмъ западнымъ богословскимъ произведеніямъ и пользовались ими безъ особеннаго опасенія. „Благодареніе Богу, писали они къ Сергію, что Онъ благоволилъ наставлять насъ въ божественной своемъ словѣ, и, посредствомъ *единоземцевъ нашихъ* и *иноземцевъ*, церковь ваша благословляетъ премногія изъ ихъ сочиненій“.

Князя Павелъ и Алексѣй Александровичи приписываютъ князю Сергію Александровичу крайнее нерасположеніе къ протестантскому вѣроисповѣданію. Князь Сергій, въ своихъ письмахъ къ братьямъ, оставляетъ безъ всякаго отвѣта это обвиненіе, и потому трудно съ положительностію сказать, на сколько дѣйствительно отличался враждебностію взглядъ Сергія на протестантовъ. О причинѣ его нерасположенія къ протестантамъ можно только догадываться. Во время пребыванія на службѣ въ званіи воспитателя морского корпуса кн. Сергію большею частію приходилось состоять подъ командою начальниковъ-лютеранъ, которые не только не поддерживали и не поощряли усиленія его заботы о религіозно-нравственномъ воспитаніи кадетъ, но иногда прямо противодействовали ему въ этомъ случаѣ. Затѣмъ, кн. Сергій холодно и осторожно относился къ протестантству и отъ того, что послѣднее имѣло тѣсную связь съ распространившимся тогда мистическимъ направленіемъ, возродившимся, какъ извѣстно, на протестантской почвѣ. Но и на основаніи словъ самихъ братьевъ можно заключить, что кн. Сергій не отличался нетерпимостію къ протестан-

тамъ: по свидѣтельству братьевъ, онъ, по принятіи монашества и священства, напримѣръ, при совершеніи литургіи, вмѣстѣ съ православными поминалъ и протестантовъ.

Переписка между братьями по вопросу о значеніи церковной обрядности была вызвана не столько дѣйствительными разногласіями во взглядахъ ихъ на указанный предметъ, сколько вкравшимся недоувѣріемъ братьевъ къ Сергію, которые нерѣдко брали отдѣльныя выраженія его писемъ и, расширяя ихъ смыслъ, давали имъ произвольное толкованіе. Впрочемъ, кн. Сергій имѣлъ серьезныя основанія защищать церковную обрядность. Онъ жилъ въ столицѣ въ періодъ распространенія въ ней мистицизма и господства мистической литературы, въ которой встрѣчалось не мало оскорбительнаго для православной церкви—и особенно по отношенію ко внѣшней практикѣ церкви, когда, напримѣръ, въ ней храмы православные приравнивались къ языческимъ капищамъ, отрицалось почитаніе иконъ (Иннокентій, еп. пензенскій и саратовскій, Спб. 1885, 80 стр.). Приписываемыя братьями кн. Сергію одностороннія понятія о постѣ, молитвѣ, поклонахъ и пр. не находятъ себѣ полного подтвержденія ни въ его письмахъ, ни въ его нравственной дѣятельности. Да и сами братья обнаруживаютъ нѣкоторую неувѣренность въ самыхъ своихъ обвиненіяхъ, когда сопровождаютъ ихъ оговорками, въ родѣ: „по всей вѣроятности“, „повидимому“, „кажется“. Съ другой стороны, излагая свой личный взглядъ на церковную обрядность, братья иногда сами не бьются чужды другой крайности—рѣзкости по отношенію къ обрядамъ церковнымъ, которые они сравниваютъ, напримѣръ, съ шелухою орѣха и скорлупой яйца. Главный источникъ и корень всѣхъ обвиненій братьевъ, князей Павла и Алексѣя, не какіянибудь дѣйствительныя доказанныя разномѣнія князя Сергія объ обрядахъ церковныхъ, а крайнее недоувѣріе и подозрительность ихъ къ той новой средѣ (Юрьевъ монастырь), въ которую попалъ кн. Сергій, и которую его братья прямо называли раскольниковскою или старообрядческою *partіей*.

Письмо князя Сергія Александровича Ш.-Шихматова къ братьямъ князьямъ Павлу и Алексѣю Александровичамъ, отъ 11-го апрѣля 1823 года.

Осмѣливаюсь замѣтить, что я сомнѣваюсь, полезно ли учить совершенству вѣры изъ книгъ, писанныхъ ересію, которой Духъ Божій тайнъ своихъ отереть не можетъ, поколѣ существуетъ между имъ и ею преграда ложнаго въ вѣрѣ мудрованія, еже есть хула на Духа Божія. Глубокія и, повидимому, свѣтлыя наставленія еретиковъ, съ которой либудь стороны, непременно окажутся быть внушеніями духа лести, преобразующагося во ангела свѣта, и ощутительнѣйшій онаго признакъ есть то, что, уничтожая все внѣшнее, подъ благовиднымъ предлогомъ усовершенствованія духовнаго, они заставляють духъ мечтать о выспреннихъ, оставляя въ то же время тѣло увязать въ плотоугодіи, ибо ученіе о умерщвленіи тѣла постомъ и другими извуреніями для нихъ весною и ими не пріемлется, а безъ него стремиться въ высоту совершенства есть то же, какъ, по слову Златоуста, птицѣ, держимой сѣтїю за ноги, махать по пустому крыльями.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 7-го апрѣля 1826 г.

Здравствуйте любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья!

Жизнь моя протекаетъ теперь въ безпрестанныхъ почти занятіяхъ по службѣ, пользы ради ввѣренныхъ мнѣ свыше, птенцовъ, такъ что весьма рѣдко могу упраздниться для собственнаго занятія—самаго для меня пріятнѣйшаго, для чтенія книгъ богодухновенныхъ и отеческихъ (отцами церкви писанныхъ), къ которымъ прилѣпляюсь я нынѣ всѣмъ сердцемъ, отторгаясь отъ чужеземныхъ проповѣдниковъ неправославныхъ, жалѣя крайне, что столько лѣтъ сими блажными струями поилъ жаждущую мою душу, нынѣ возможность оживлять ее спасительнымъ питіемъ изъ чистыхъ и всякой отступнической примѣси чуждыхъ источниковъ израилевыхъ.

Письмо князя Сергія Александровича Ш.-Шихматова къ братьямъ князьямъ Алексѣю и Павлу отъ 17-го января 1828 года.

Со времени разлученія нашего Господь посѣтилъ меня тою величайшею милостію, что обращеніемъ съ мужами духовными и истинно-православными утвердился я въ догматѣ самомъ основномъ нашего православія, что нѣтъ спасенія внѣ церкви православной, и еще, что бесѣдами благими и собственнымъ опытомъ приведенъ былъ въ прилежнѣйшему

чтенію церковныхъ нашихъ книгъ, и обрѣлъ въ нихъ такое сокровище духовное, что почувствовалъ отвращеніе ко всемъ инославнымъ учителямъ духовнаго житія и крайне сожалѣлъ и нынѣ жалѣю, что въ теченіе долгаго времени, оставивъ источники воды живы, искалъ напоеній въ студенцахъ сокрушенныхъ, не отрицая, впрочемъ, чтобы и въ нихъ, кое—гдѣ, не можно было найти каплю безвредную, но и та, конечно, заимствованная. О семъ благодарю Господа моего и молю, да утвердитъ во мнѣ ревность внимать истиннымъ стада Его пастырямъ и о семъ уповаю, что и вы за меня возблагодарите Господа, вразумившаго мя въ семъ спасительномъ по превосходству догматѣ вѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ вдохнувшаго въ меня благоговѣйную ревность ко всякой видимой, а паче чудотворной, святынѣ, ею же православная наша церковь украшается, и отъ нея же исходитъ вѣрующимъ цѣлебная душамъ и тѣламъ ихъ благодать и сила, ея же и я, окаяннѣйшій, взыскалъ усердствую.

Письмо братьевъ къ Сергію, писанное между 18—28 числами января 1828 года.

Мы изложимъ перемѣнившіяся твои мнѣнія, каковыя мы изъ твоего послѣдняго и изъ многихъ предыдущихъ твоихъ писемъ усматриваемъ, помѣстивъ въ ономъ и наше мнѣніе какъ о сей перемѣнѣ твоей, такъ и о томъ, въ какомъ видѣ мы представляемъ себѣ истинное христіанство, о которомъ понятіе наше вѣще утвердилось въ послѣдніе сіи годы отъ продолжительнаго обученія катихизическаго ученія и отъ внимательнаго чтенія русскихъ и иностранныхъ духовныхъ и нравственныхъ писателей. Благодареніе Господу, что Онъ благоволилъ наставлять насъ въ Божественномъ Своемъ словѣ и посредствомъ единомысленцевъ нашихъ и иноземцевъ. Церковь наша благословляетъ премногія изъ нихъ (т. е. иноземцевъ) сочиненій, снимаетъ съ нихъ всякое о нихъ подозрѣніе тѣмъ, что многія изъ иностранныхъ классическихъ богословскихъ сочиненій, съ ея разрѣшенія, преподаются не только въ свѣтскихъ, но и въ духовныхъ нашихъ училищахъ. Достойное похвалы не оставляютъ всегда воздавать знаменитымъ иностранцамъ многія великія свѣтила нашей церкви. Нѣкоторые почерпали изъ нихъ мысли, а нѣкоторые переводили ихъ. Таковъ былъ между прочими недавно угасшій († 1824 г.) для времени, но еще свѣтлѣе горящій въ вѣчности, свѣтильникъ нашъ, преосвященный *Михаилъ* ¹⁾, который, при всей строгости исполненія и содержанія православныхъ нашей церкви догматовъ и преданій, много заимствовалъ отъ писателей иностранныхъ, которыхъ онъ хорошо зналъ языкъ, зналъ же, безъ сомнѣнія, для того только,

чтобы читать ихъ, а не для иного чего. Съ тою же цѣлю, и нынѣ и всегда, продолжаютъ учить въ духовныхъ нашихъ училищахъ, кромѣ древнихъ, и новѣйшимъ иностраннымъ языкамъ. А что ученіе такое бесполезно, того не можемъ мы не признать, вида на опытѣ въ выпущенныхъ прежде и нынѣ выходящихъ изъ сихъ училищъ духовныхъ лицахъ. Не говорю о высшихъ пастыряхъ, и жизни, и дѣлами, и писаніями своими сіяющихъ, но и священниковъ много въ послѣдніе годы, упражняющихся въ переводахъ съ иностраннаго. Изъ сихъ мы имѣемъ одного въ Москвѣ знакомаго протоіерея *Н. П. Друзова* ²⁾, знакомаго и лично, и по его трудамъ, которые онъ намъ доставляетъ, и которые мы читаемъ съ большимъ удовольствіемъ. Да и не знаемъ, чѣмъ можно оправдать совершенное изгнаніе духовной иностранной словесности. Сіе также бы было неблагоразумно, какъ и безразборчивое оной принятіе. Крайности и здѣсь, какъ и во всякихъ другихъ отношеніяхъ, показываютъ слабость человѣческаго ума и равно отстоятъ отъ непогрѣшимой середины. Нельзя не благословлять признательнымъ читателямъ память *Воссюэта, Николая, Массильена* ³⁾, *Бурдалу, Саси* и прочихъ французскихъ, тебѣ и намъ извѣстныхъ, многихъ англійскихъ и нѣмецкихъ, переведенныхъ и не переведенныхъ. *Воссенскій* учитель, *Василій Великій* не воспрещаетъ читать юношеству и языческія книги, находя и въ нихъ много полезнаго, въ доказательство чего приводятъ мѣста изъ сихъ сочиненій.

Письмо братьевъ князей Алексѣя и Павла къ Сергію, отъ 26 августа 1830 года.

Лѣтъ пять тому назадъ обнаружилось въ тебѣ мнѣніе о неопозволительности чтенія иностранныхъ духовныхъ книгъ, противъ которыхъ ты ополчился всѣми силами, не смотря на то, что ты самъ премного обязанъ сѣмъ книгамъ за объясненіе тебѣ многихъ евангельскихъ истинъ и заповѣдей христіанскихъ, удержавшихъ тебя, какъ вѣроятно, отъ многихъ грѣховъ. Ты не хотѣлъ и слышать о пользѣ чтенія и такихъ иностранныхъ книгъ, въ которыхъ всѣ или большая часть заключеній извлекаются изъ однихъ и тѣхъ же съ нами положеній, и въ которыхъ свѣтъ христіанской нравственности сіяетъ съ особеннымъ блескомъ.

Письмо братьевъ князей Алексѣя и Павла къ Сергію, отъ 5-го апрѣля 1829 года.

Скаждуетъ тебѣ, любезный другъ, замѣтять, что ополчающіеся противъ иновѣрцевъ-протестантовъ съ ревностію не по разуму, ревностію неосвященною, впадаютъ въ такую крайность, которая изъ ревности

сей не по разуму можетъ произвести вредъ гораздо тягчайшій. Начавъ опроверженіемъ дѣльныхъ нововведеній и упущеній, впоследствии до того воспаляются гнѣвомъ и недоброжелательствомъ, что все кажется уже недостаточнымъ, нестерпимымъ въ ихъ церкви и самое то, что они имѣли и имѣютъ общее съ нами, такъ что даже и въ семь нежелательно уже быть съ ними единомысленными. Получивши однажды такое чувство, все, чѣмъ можно отклоняться отъ нихъ, охотно пріемлется, и все, что сближаетъ съ нами, охотно опускается. Отсюда тѣ вѣщности вѣры, которыя ими опускаются, обращаютъ наибольшее вниманіе, и отправляющіе оныя, хотя бы съ опущеніемъ важнѣйшихъ догматовъ, защищаются, какъ православные.

Письмо братьевъ къ Сергію, отъ 11-го іюня 1829 года.

Съ нѣкотораго времени намъ начала отрываться причина твоей существенной переменѣ въ мнѣніяхъ твоихъ о вѣрѣ и такого чрезмѣрнаго прилѣпленія къ вѣщностямъ. Причина сія есть слѣдующая. Ты такъ устрашенъ былъ *протестантствомъ*, такъ ополченъ противъ него, что не желалъ бы ничего имѣть съ нимъ общаго въ вѣрѣ. А потому все то въ вѣрѣ, что не обще съ ними, для отличенія себя отъ нихъ, особенное твое обращаетъ на себя вниманіе и даже за черту переходящее прилѣпленіе, какъ показываютъ твои неправославныя выраженія о постѣ, молитвѣ и др. Любезный другъ, зачѣмъ вдаваться въ крайности? Не причисляй себя къ протестантамъ, но да не уменьшается въ умѣ твоемъ важность тѣхъ истинъ, которыя у насъ общи съ протестантами потому лишь, что онѣ у нихъ пріемлются.

Письмо братьевъ къ о. Анikitѣ, отъ 26-го августа 1830 года.

Теперешніе единомысленники твои успѣли вселить въ тебя сильную антипатію ко всему вѣроисповѣданію протестантовъ для того, чтобы отвлечь твое довѣріе отъ всего того, что протестанты не неосновательно въ народѣ нашемъ порицаютъ, — а именно — неразсудительное ко вѣщностямъ прилѣпленіе, простирающееся до того въ нѣкоторыхъ, что составляетъ всю сущность вѣры и богослуженія ихъ. Они не довольствовались тѣмъ, чтобы предрасположить тебя противъ тѣхъ изъ ученій протестантовъ, съ которыми церковь наша не согласуется, вѣтъ, сего было для нихъ недостаточно. Они, чтобы не имѣть въ нихъ никакихъ порицателей, рѣшили тебѣ все вѣроисповѣданіе ихъ представить въ превратномъ видѣ. Для того же, чтобы почли ихъ не исповѣдающими по надлежащему ни одного и изъ тѣхъ догматовъ, въ которыхъ они съ

нами не разнствуютъ, опредѣлили считать недостаточнымъ сіе изъ принятіе догматовъ, по несогласованію съ нами въ обрядахъ и обычаяхъ. Отсега возникло новое правило во мнѣніяхъ вашихъ, по которому какъ догматы вѣры, такъ второстепенныя постановленія церкви и людскіе обычаи, втекающіе въ отправленіе богослуженія, почитаются въ одинаковой важности. Сіе явствуетъ изъ собственныхъ твоихъ словъ, которыми ты увѣрялъ насъ, что сдѣлавшій не во-время земной поклонъ такъ же погрѣшалъ, какъ и преступившій противъ заповѣди десяти-словія.

Ты возсталъ съ жаромъ противъ иныхъ вѣроисповѣданій христіанскихъ (которыхъ терпимость допускаетъ церковь и всё духовно-нравственные наши писатели и учителя, допускаетъ вѣра, любовью споспѣшествуемая Гал. V, 6), возсталъ и на насъ за неосужденіе, за отказываніе наше вмѣстѣ съ тобою произносить осужденіе на протестантовъ и всѣхъ прочіихъ христіанъ—иновѣрцевъ, за отказываніе такимъ образомъ мѣрять съ тобою составленнымъ тебѣ неевангельскимъ масштабомъ, и единомыслить съ тобою въ такомъ мнѣніи, къ которому приложиться никакъ не смѣемъ. Да рѣшительнаго къ той или другой сторонѣ мнѣній приложенія церковь ни отъ кого и не требуетъ. Она сама въ нѣкоторыхъ случаяхъ показываетъ намъ не вовсе осудительныя ея мнѣнія о протестантахъ. Ибо при всякой литургіи ежедневно вынимаетъ за протестантовъ частицы. Сіе ты и самъ совершаешь при служеніи всякой обѣдни, опускаешь ихъ съ прочими православными въ кровь Спасителя и воспоминаешь о нихъ въ молитвахъ своихъ съ прочими православными христіанами. Сіе творишь и въ великомъ выходѣ, въ которомъ заключительнымъ ея поминовеніемъ показывается она, что молитъ здѣсь лишь о православныхъ, а между тѣмъ поминаются и протестанты. Если же бы, по твоему, они положительно обречены были церковію конечному осужденію, никогда бы и ни въ какомъ случаѣ и никакія лица не поименовала бы она въ числѣ православныхъ. Любовь христіанская, видя такое материнское снисхожденіе церкви и ея непочитаніе ихъ вовсе погибшими, подобно тому какъ ты умствуешь, не можетъ не прижаться крѣпче къ сему снисхожденію и моленію церкви и сильнѣе ухватиться, дабы не допустить чрезъ мѣру умствующимъ лишить ее се величайшей отрады. Противное сему чувство, изысканіе причинъ или увеличеніе обстоятельствъ къ осужденію ихъ, настойчивость въ своемъ мнѣніи, не взирая ни на какіе резоны и на самую склонность церкви, упорное въ такомъ мнѣніи пребываніе и сильное домогательство вовлекать въ оное и другихъ, и вообще духъ, показывающій нежеланіе, нерасположеніе къ рѣшенію вопроса, нѣсколько и на сторону ближнихъ сихъ не совсѣмъ осудительное, не показываетъ той высокой любви

христіанской, которая обнаруживается въ истинно-вѣрующихъ, если не благотвореніемъ ближнихъ самымъ дѣломъ, по невозможности, то желаніемъ благодѣтельствовать при всякой возможности, желаніемъ всякаго блага, а паче душевнаго.

Письмо братьевъ князей Павла и Алексѣя къ князю Сергію, писанное въ концѣ января или въ февралѣ 1828 года.

Любезный другъ! Болѣе года во всѣхъ письмахъ твоихъ, гдѣ ты, касаясь о вѣрѣ, доказываешь больше преданіями церковными и обрядовою вѣрою, нежели догматическими истинами изъ евангельскаго источника и христіанскими нравственными сужденіями. Ты воспламенилъ воображеніе и прилѣпилъ духъ къ такимъ предметамъ, которые, хотя и входятъ во всеобщій составъ вѣры, но суть лишь отдаленныя оной принадлежности, кои не всегда бываютъ знакомъ горячей вѣры.

Цѣль евангельскаго откровенія есть искоренить ветхаго человѣка и насадить новаго. Христіанство есть единственное дѣйствительное средство къ тому возрожденію и рожденію въ немъ, безъ котораго не входятъ въ царство небесное. Итакъ, тотъ есть лишь прямой христіанинъ и старается быть таковымъ, кто заботится о семъ сердечномъ измѣненіи. Тотъ и ближе къ царствію небесному, кто болѣе сдѣлалъ приращенія въ духовномъ своемъ обновленіи. Церковь есть то училище, въ которомъ мы научаемся производить сіе великое дѣло, важнѣйшее изъ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ, и всѣ постановленія церковныя суть тѣ способы, которыми мы лишь можемъ достигать предназначенной вѣрующимъ цѣли.

Виѣшнее и обрядовое христіанство заключаетъ въ себѣ сіи способы, приспособленные попочетельною матерію нашею къ душевному нашему врачеванію. Кто ихъ пріемлетъ въ такомъ видѣ и отношеніи, давая въ своемъ сердцѣ первое мѣсто тѣмъ достопокланяемымъ святѣйшимъ, божественнымъ и страшнымъ для брѣннаго нашего естества словамъ живота вѣчнаго, словамъ евангельскимъ, произносимымъ гласомъ Самого Бога, поставляетъ сіи служебныя догматамъ евангельскимъ церковныя постановленія и благочестивыя людскіе обычаи также въ приличествующемъ мѣстѣ, обращая на тѣ и другіе соотвѣтствующее вниманіе, тотъ, по нашему мнѣнію и по общему мнѣнію церкви и богословскому и катихизическому нашему ученію, есть прямой послушный сынъ церкви.

Напротивъ, не внимающій ея гласу и ученію, не обращающій вовсе никакого вниманія на ея премудрыя установленія, а предпочитающій руководству ея одни мірскіе обычаи и прилѣпляющійся, по выбору своему,

къ той части ея ученія, которая ему по праву, а тѣмъ паче предпочи таюцій низшее, второстепенное высочайшимъ догматамъ, что большею частію происходитъ отъ вольнаго невѣжества и отъ другихъ причинъ, которыя за краткостію здѣсь не упоминаются, тотъ, по мнѣнію церкви, не можетъ назваться ея сыномъ послушнымъ.

Вышеупомянутый путь есть сей царскій путь, по ученію церкви. Крайность въ одну сторону, по нашему мнѣнію, есть та, которой держатся, такъ сказать, плотскіе духи, которые, живучи еще въ плоти, желаютъ, подобно духамъ, одно духовное въ служеніи своемъ Богу воздавать поклоненіе. Для того они отменяютъ все постановленія человѣческія, поставленныя церковію, съ которою Господь нашъ І. Христосъ обѣщанъ быть неразлучнымъ до скончанія вѣка, отменяютъ не разсуждая, что, по нераздѣльному до самой смерти соединенію плоти съ душою, должно быть нераздѣльное служеніе Богу по духу и по плоти.

Въ другую сторону подавшіеся суть противоположные первымъ. Бакъ тѣ чаютъ угодить Богу и спастись однимъ духовнымъ служеніемъ, такъ и сіи также несбыточно думаютъ, что все сдѣлали ко спасенію и къ духовному возрожденію, когда еще онаго не начинали, думаютъ угодить церкви, когда низпровергая ея порядокъ и вовсе отступая отъ онаго, пріемлютъ часть за цѣлое, потому что прилѣпляются къ единымъ ея постановленіямъ, полагаютъ быть ненаказанными за то, что не простираютъ умственныхъ своихъ способностей далѣе — къ пріятію тѣхъ истинъ, которыя сама церковь не токмо уважаетъ и благословляетъ, но для которыхъ существуетъ и міръ, и церковь, и человѣкъ, думаютъ церковь обратить къ себѣ такимъ же лицепріятіемъ, какимъ иногда удобно можно преклонить противящагося намъ слабого человѣка.

Письмо братьевъ къ Сергію, отъ 28-го марта 1828 года.

Любезный другъ! Духовная чистота или просвѣщеніе духовныхъ отецъ есть прямо то состояніе, котораго надобно намъ здѣсь добиваться, и которое доставляетъ истинное благочестіе. Духовное просвѣщеніе показываетъ чистоту сердечную, а лишь чистые сердцемъ узрятъ Бога (Мѡ. V, 8). Внутреннее есть сіе изложеніе, внутренняго требуетъ и дѣлопроизводства. Наружнаго дѣйствія и служенія въ вѣрѣ потребно здѣсь столько, сколько нужно примѣси къ золоту, чтобы составить изъ онаго какую вещь. Безъ примѣси сей, безъ лигатуры вещи не составится, но золото и одно все остается золотомъ, а лигатура одна все лигатурою. Молитва одна виѣшняя, тѣлесная безъ внутренней не токмо не богоугодна, но и грѣховна. Молитва, по ученію церкви, есть возношеніе мысли и сердца къ Богу. Виѣшняя и тѣлесная молитва тогда полезна, когда

проникаетъ отъ внутренней и показываетъ сію, какъ дымъ показываетъ огонь. Ты, любезный другъ (*если мы такъ тебя понимаемъ*), умствуешь совсѣмъ противно съ нами какъ о молитвѣ, такъ и о постѣ и вопреки катехизическому ученію нашей церкви, ибо церковь говоритъ: постимся, братіе, тѣлесне, постимся и духовнѣ. Ужели ты до того увлекся чело-вѣческимъ ученіемъ, что оставляешь сей образецъ ученія церкви для всѣхъ вѣрующихъ? — У тебя замѣчается необращеніе вниманія на дѣятельное христіанство, но чрезмѣрному прилѣпленію къ умозрительному, или паче, по приращенію ко внѣшностямъ и изъ оныхъ большею частью къ однимъ людскимъ обычаямъ.

Письмо братьевъ къ Сергію, отъ 25-го августа 1828 года.

Ты, любезный другъ, содержишь, что не позволено молиться Богу, не имѣя предъ собою иконы. Ты возишь съ собою свои иконы и, выставляя ихъ, молишься предъ ними.—Ты называешь всецѣлымъ подвигомъ христіанскаго поста и *одна внѣшній и тѣлесный постъ*, т. е. воздержаніе отъ брашенъ, ясно и вразумительно отдѣляя оный отъ внутреннего, духовнаго поста, т. е. воздержанія отъ страстей. Ты содержишь, что ни въ какомъ случаѣ не дозволяется ѣсть мясо въ посты, ниже по болѣзни, и никакая церковная власть, по мнѣнію твоему, не можетъ сего разрѣшить. По мнѣнію твоему, *одна внѣшняя тѣлесная молитва* безъ внутренней духовной *пріемлется*, хотя бы даже молящійся и не понималъ того, что онъ читаетъ, или о чемъ просить. Сверхъ того, ты еще *такого мнѣнія о молитвѣ, что она въ одномъ мнѣтѣ дѣйствительнае, нежели въ другомъ*. Ты приѣмляешь, что *преданія и обряды церковныя суть одинаковой важности съ членами и догматами христіанской вѣры*, т. е. съ письменнымъ ученіемъ священнаго Писанія, такъ что за одно считаешь нарушенія чиноположенія церковнаго о томъ, когда дозволяются и когда воспре-щуются земные поклоны (мало кому извѣстнаго, и еще менѣе исполняемаго, ежели оно и существуетъ) и нарушеніе евангельской заповѣди.

По мнѣнію нашему, ты поставленъ на путь противленія церкви, которое, какъ не прикрываютъ совѣтники твои ревностію по православію, не можетъ не обнаруживаться въ словахъ и дѣлахъ. Ревность по православію есть самый тотъ покровъ, которымъ прикрываютъ свои бредни всѣ *старообрядцы, и даже тѣ раскольники*, которые, стараясь соорудить церковь свою на образецъ старинной церкви, до того изуродовали ее, что не имѣютъ и тѣни христіанства. Имѣй терпѣніе еще разъ пересмотрѣть обнажаемыя предъ тобою немаловажныя несогласозанія *вашей партіи* съ духомъ церкви, всѣ искаженія съ катехи-

зическаго ученія въ перелаживаніи оныхъ на старинный ладъ. Молитва,—важнѣйшій догматъ христіанскій, отъ которой совершенно зависитъ спасеніе наше,—прісмется у васъ дѣйствительной и въ такомъ видѣ, въ которомъ катихизическое ученіе называетъ ее молитвою грѣховной и строго запрещаетъ вѣрующимъ молиться такой молитвой, т. е. одной обрядовой, почитая ея также мертвой, какъ бездушное тѣло.—Таково есть чтеніе молитвъ языкомъ, не понимая оныхъ умомъ, и не чувствуя сердцемъ, или одно машинальное въ молитвѣ преклоненіе чела и всего тѣла. Непонятно, какимъ образомъ могъ ты увлечься до такой степени, могъ ты принять такое мнѣніе о первѣйшей обязанности чело-вѣка?—И это называете вы разумнымъ служеніемъ?

Если измѣрять отъ протопаннаго вами пути, съ одной стороны, до оставленнаго пути церковнаго, а съ другой, до той стези, по которой блуждаютъ явно отложившіеся старообрядцы, то, *вѣроятно*, окажется, что вы гораздо ближе къ послѣдней, нежели къ первому. Послѣ сего можно, *кажется*, непогрѣшительно заключать, что, если сторонѣ вашей дать нѣсколько усилиться и умножиться послѣдователями, особенно людьми побогаче, то, того и смотри, что всыхнетъ расколъ. Въ какой безопасности, съ одной стороны, находятся всѣ свято повинующіеся церкви, т. е. приѣмлющіе ея уставы и почитающіе духовныхъ пастырей ея, которыхъ ученіе можетъ выстоять всѣ нападенія непріязненныя, не имѣя въ себѣ ничего такого, изъ котораго можно бы было вывести подобныя вышесказаннымъ слѣдствія: ибо основано на истомъ словѣ Божіемъ, томъ словѣ, по которому всѣ принять судъ; съ другой же стороны, невозможно быть спокойну въ совѣсти пререкающему ученію церкви въ главнѣйшихъ частяхъ онаго, которыя, будучи всѣ тѣсно между собою соединены, распространяютъ пререканіе и на все прочее. Ты поработился духу партіи—партіи, чувствительно уязвляющей истинную вѣру принятіемъ несущественныхъ истинъ ея, противоположныхъ евангельскому ученію. Таково ученіе о вѣнностяхъ вѣры, къ которымъ вы наче мѣры пригнѣбляетесь, и въ которыхъ однѣхъ чаете видѣть истинную набожность,—а именно—о *поклонахъ*, хотя бы молитвеннымъ духомъ неодушевленныхъ и мертвыхъ,—о *постахъ*,—хотя бы на одно тѣло простирающихся, а потому также бездушныхъ и мало различествующихъ отъ постовъ индѣйцевъ и нѣкоторыхъ другихъ идолопоклонниковъ, которые, какъ сказываютъ, до невѣроятной степени воздержанія простираютъ свои посты,—о странствованіяхъ къ святымъ мощамъ, при невѣжествѣ въ вѣрѣ, которое вы не оуждаете, нерѣдко отъ непросвѣщеннаго народа Божескою, а отъ полупросвѣщенныхъ почти Божескою честію почитаемыхъ; и о прочихъ обрядахъ церковныхъ и обычаяхъ людскихъ, съ ограниченностію отъ церкви допускаемыхъ.

Нельзя не замѣтить и того, что всѣ наши расколы при появленіи своемъ отличались такимъ же прилѣпленіемъ чрезмѣрнымъ къ наружности и недовѣріемъ къ издаваемымъ отъ церкви книгамъ. Внѣшняя, недуховная набожность, прилѣпленіе къ обрядовой вѣрѣ столь чрезмѣрное, что въ нѣкоторыхъ рождало готовность скорѣе положить животь, нежели допустить поправленіе описокъ и погрѣшительно переведенныхъ словъ въ церковныхъ книгахъ; невѣжество, терпимое и одобряемое, были сначала, а теперь стали отличительными свойствами и поповщины и безпоповщины.

Мы ясно показали уже тебѣ, что не евангельскія, не церковныя твои мнѣнія о молитвѣ, о постѣ, о незнаніи догматовъ вѣры и о внѣшностяхъ, изъ предѣловъ церковію поставленныхъ, вами выводимыхъ, показываютъ противленіе закону Божію, а будучи такими должны необходимо въ послѣдователяхъ производить душевную порчу. Всѣ сіи внѣшности, служація много къ украшенію и прочности всего зданія вѣры, принятыя отдѣльно, не могутъ составить ничего сомнутаго, благоустроеннаго, а суть лишь груда обломковъ, заставляющая зрителя отгадывать ихъ принадлежность и, отгадавъ, жалѣть, что они, обрушась съ своей высоты, бесполезно обременяютъ землю... бесполезно! Нѣтъ, не сіе токмо. Сія груда заваливаетъ совершенно входъ ко внутреннему христіанству многимъ и многимъ, которые, останавливаясь при ней, вовсе не видятъ того чудеснаго устройства, которое представляетъ христіанство въ систематическомъ своемъ порядкѣ. Наученный однимъ внѣшностямъ богослуженія и отправляющій оныя, хотя бы онъ не имѣлъ никакого понятія о догматической вѣрѣ, по мнѣнію вашему, есть уже христіанинъ православный. Но самое названіе православный обличаетъ неправость вашего мнѣнія. Ибо во всѣ вѣка у всѣхъ правовѣрныхъ народовъ названіе сіе означало православно-исповѣдующихъ святую вѣру, а не невѣжествующихъ въ существенныхъ догматахъ оной.

Письмо братьевъ къ Сергію, отъ 20 января 1829 года.

Любезный другъ! Весь твой споръ, *повидимому*, былъ и есть на внѣшностяхъ вѣры, которыя ты потому и стараешься соблюдать съ точностію и строгостію. Ты до того погрузился во внѣшность религій, что несогласованія наши съ тобою тебя вовсе не беспокоятъ. Ты, сосредоточивъ набожность твою въ строгомъ отправленіи обрядовъ и обычаевъ людскихъ, со времени самаго твоего разномыслія съ нами не о томъ уже заботился, чтобы тѣснѣе соединиться съ церковію посредствомъ истинной духовной набожности, но, завербовавшись въ число ея разномышленниковъ, только то и имѣлъ въ виду, какъ бы боаѣе уве-

личить число вашихъ прозелитовъ, которыхъ лишь во внѣшностяхъ стараетесь вы сдѣлать искусными и неупустительными, что же принадлежать до сущности вѣры, то только на тѣ пункты и упираете, въ которыхъ вы съ церковію разнствуете.

Тебя премного обманываютъ и затмѣваютъ отъ тебя важнѣйшую часть церковныхъ ученій внѣшности, къ которымъ ты прилѣпился гораздо наче мѣры. Когда ты вступалъ и продолжалъ съ нами разговоры о вѣрѣ, то это было большею частію о вѣрѣ обрядовой, объ однѣхъ внѣшностяхъ вѣры, объ обычаяхъ людскихъ въ вѣрѣ, къ которымъ прилѣпленіе твое, какъ съ самаго начала, мы замѣтили, такъ и при прощаніи, оставалось въ тебѣ чрезмѣрнымъ, неподобающее мѣсто въ умѣ и сердцѣ твоемъ занимающимъ, и дѣйствительно въ такой же степени чрезмѣрнымъ прилѣпленіемъ къ обрядамъ и обычаямъ людскимъ, какое мы, руководствуясь церковно-учебными книгами, тебѣ показали. У тебя такая беспорядочная смѣсь существенныхъ догматовъ и обычаевъ людскихъ, вовсе до вѣры непринлежащихъ, такое не по гласу оглашенія церковнаго сихъ различныхъ по важности своей ученій ея размѣщеніе, а рукою слѣплаго предубѣжденія безъ всякой системы расположенное, которое какъ въ отсутствіи твоемъ, такъ и въ присутствіи твоемъ съ нами не оставляли въ тебѣ порицать. Такой твой взглядъ ведетъ къ поддержанію невѣжества и суевѣрія, непронускающаго умы многихъ, савозъ внѣшность богослуженія и обычай людскіе, пробраться къ сущности вѣры.

Прилѣпленіе твое ко внѣшностямъ вѣры, церковію допускаемымъ, тебя много обманываетъ. Полагая въ оныхъ важность въ такой степени, которая гораздо превосходитъ степень, церковію же опредѣленную, ты считаешь себя не просто вѣрнымъ ея чадомъ, но и еще ревностнѣйшимъ. Между тѣмъ какъ, по самому твоему признанію, въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя составляютъ сущность вѣры, ты погрѣшилъ и признаешься въ томъ безболѣзненно, такъ безболѣзненно, что ты несравненно болѣе бы сокрушался, если бы обличили тебя въ упущеніи одной изъ внѣшностей богослуженія, такъ высоко тобою поставляемыхъ.

Если спросить тебя: *что ты любишь въ церкви болѣе прочаю?* то не явно ли, что сію внѣшность, къ которой ты прилѣпился такъ чрезмѣрно, ибо прилѣпленіе сердца и есть любовь онаго. Немного нужно проникательности, чтобы видѣть сію твою сердечную склонность. Отъ сего сущность вѣры такъ мало обращаетъ на себя твое вниманіе, что ты разномысліе съ церковію принимаешь за неважное. Будучи къ оному неприлѣпленъ, ты далеко не любишь онаго по надлежащему, не любишь церкви въ самой ея сущности; ибо сію внѣшность также не можно называть церковію, какъ *шелуху орехомъ* и *скорлупу яйцомъ*.

Послѣ этого можешь ли, не краснѣя, сказать, что ты ее любишь и что, пребывая въ тѣхъ же мѣстностяхъ, продолжаешь ее любить? — Если можно твое неумѣстное и безмѣрное прилѣпленіе назвать любовію, то ты любишь *одну служебную внимательность*. Вспомни, съ какими противленіемъ, съ самаго начала твоего сюда прѣзда, встрѣтилъ ты наши поправленія твоихъ неправыхъ умиствованій, какъ противно казалось тебѣ наше мнѣніе, т. е. ученіе церкви, какамъ ты и самъ оное напоследокъ не могъ не признать. Сіе такое неизбежное противленіе, такое нерасположеніе противъ ученія церковнаго не можетъ имѣть мѣста съ любовію къ церкви, которую мы обязаны почитать духовно отродившею насъ матерію. Доколѣ ты держалъ и держишь тотъ *толкъ*, отъ котораго, повидимому, отрекся, доколѣ имѣется между тобою и нами вышеописанная разность, ты можешь говорить, что любишь церковь такъ же, какъ ты говоришь, что ты отъ ея ученія не отступалъ, но чувствовать, т. е. имѣть любовь сердечную, любовь надлежащую къ церкви или къ тому обществу, которое мнѣніями тебѣ противно, есть противъ порядка вещей. Духъ такой весьма близко подходитъ къ духу несчастныхъ нашихъ старообрядцевъ, явно отъ церкви отщепеншихся, а сія вовсе не любятъ, даже ненавидятъ церковь. При посѣщеніи тобою многихъ церквей въ послѣднее сіе время ты, вѣроятно, такого чувства не ощущалъ, но это потому, что ты, по невниманію твоему на вышеписанную разность между церковными и твоими мнѣніями и по особенному прилѣпленію твоему *ко внимательностямъ* и обычаямъ людскимъ, которые вездѣ одинаково отправляются, не видѣлъ ничего такого, чтобы пробравшись сквозь внѣшность твоего богослуженія, коснулось и возбудило твое подозрѣніе къ церкви, твое несогласіе съ нею. Всѣ слышанныя тобою по церквамъ проповѣди касались истинъ вѣры и ученія церкви вообще, не выставляя каждую порознь. Но если бы тебѣ удалось гдѣ-либо слышать, подобно тому, какъ ты слышалъ, въ какомъ видѣ читанный общій катихизисъ церковный и мѣсто изъ ея богословій, которыми мы обличали твою погрѣшительность, и о которыхъ ты объявлялъ намъ, что не принимаешь всего, какъ мы, а съ разборомъ, т. е. иное принимаешь, а иное не принимаешь, то непременно дремлющая въ умѣ твоёмъ антипатія тотчасъ бы встрепенулась, ты во мгновеніе ока увидѣлъ бы себя судьей церкви противникомъ не только всего собранія и управляющаго пастыря, но и всѣхъ право правящихъ слово божественной истины.

Ты, путешествуя по разнымъ церквамъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и приобщался св. тайнъ, патая между тѣмъ въ умѣ и сердцѣ вышеописанную разность. Поскольку несогласіе твое съ церковію было тайное, а не явное, то ты былъ допускаемъ къ страшнымъ тайнамъ.

До такой степени простирается прилѣпленіе твое ко внѣшностямъ,

что самые слова: *внутреннее христіанство, 'внутренній человекъ, духовный постъ, духовная молитва, духовное возрожденіе*, какъ чужеземцы, съ видомъ незнакомства, пріемяются тобою, тогда какъ сіе-то, по ученію церкви, и составляетъ сущность вѣры. Мы ничего тебѣ такъ не желаемъ, какъ *набожности истинной, сердечной, духовной*. Ибо духъ животворятъ, плоть же не пользуется ничесоже. (Іоанн. VI, 63).

Ты нѣсколько лѣтъ считаешь себя членомъ какой-то идеальной церкви, которая имѣла и, можетъ быть, теперь имѣетъ существованіе свое въ подобно твоему расположенныхъ умахъ... Не стыдись подтвердить и вновь принять церковное ученіе, ниспровергнуть зданіе, созданное тобою въ продолженіи многихъ лѣтъ по образцу какой-то идеальной церкви, которой ты считаешь себя членомъ, и воздвигнуть новое по плану той видимой нами церкви, которая создана и основана апостолами и пророками, сущу краугольну Самому Іисусу Христу (Ефес. II, 19—20).

Письмо князя Сергія Александровича къ братьямъ князьямъ Алексѣю и Павлу Александровичамъ, отъ 11 февраля 1829 года.

Миръ вамъ, любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья! Скрѣпясь скорбящимъ моимъ сердцемъ, трижды прочелъ строгое ваше писаніе (письмо братьевъ отъ 20 января 1829 года), въ которомъ утверждается рѣшительно, что я, завербовавшись въ число противниковъ церкви, слѣпотствующій умомъ, подъ игомъ внѣшностей богослуженія и обычаевъ людскихъ, подхожу къ раскольникамъ, ненавидящимъ церковь, причисляюсь къ протестантамъ, вѣруя въ церковь идеальную, т. е. не сущую, что мнѣнія овѣрѣ имѣю такіа, которыя отерываютъ убѣжище всякимъ ересямъ, и что, наконецъ, содержу такую вѣру, при которой полученіе благодати, а слѣдовательно, и спасенія душевнаго, для меня невозможно. Скрѣпясь сердцемъ, прочитывалъ я сіи обвиненія и прещенія и предъ Свидѣтелемъ на небесахъ вѣрнымъ испытывалъ свою, ложною объявленную, совѣсть, и покоящую истина въ совѣсти моей можетъ имѣть хотя самаглѣйшее мѣсто, не могу, по истинѣ, признать себя виновнымъ въ столь тяжелыхъ предъ Богомъ винахъ, въ столь тяжелыхъ, что превосходятъ все возможныя въ дѣлахъ человѣческихъ преступленія. Но благодарю отъ всего сердца моего наказующаго меня Господа за премногіа мои беззаконія и тѣмъ болѣзненнѣйшимъ наказаніемъ, что я не отъ презрителей вѣры, но отъ ревнителей ея православныхъ, за вѣру и добродѣтели почтенныхъ, провозглашенъ еретикомъ и жертвою гибели вѣчной. Вжели, по слову Дѣствичника, иному пить должно безчестіе какъ воду, то при вступленіи моемъ въ иночество, принимая отъ Промысла чашу горькаго

сего питія, молю Господа всемілосердаго, да будетъ оное мнѣ во спасеніе.

Слѣдуетъ сказать нѣчто и объ обличеніи меня въ казіишемъ прилѣпленіи ко вѣишностямъ богослуженія, или же къ обычаямъ людскимъ, къ обрядамъ, церковію повелѣннымъ и даже не повелѣннымъ, что вы называете въ посланіи вашеѣ шелухою и скорлупою. *Скорлупа* для яйца и *шелуха* для плода необходимо нужны, дабы послѣдній не замаялся, а первое не протухло. Когда же и то и другое представляется на трапезу для вкушенія, тогда они обнажаются отъ своихъ обвертокъ. Подобно сему и намъ въ семъ мірѣ нужна необходимо *внѣшность богослуженія для сохраненія внутренняго благочестія*, когда же мы перейдемъ въ иной міръ—духовный, тогда сія необходимость пройдетъ. *И нѣтъ скорпѣйшаго средства къ исврежденію внутренности плода или яйца, какъ отгятіе отъ нихъ шелухи и скорлупы* и оставленіе ихъ на воздухъ, или на солнцѣ, или на дождѣ. Такъ точно безъ вѣишностей богослуженія растлѣвается внутреннее благочестіе. Или, лучше сказать, нельзя совершенно отдѣлить вѣишняго отъ внутренняго; и кое къ первому прилѣпленіе единственно стремится къ сохраненію послѣдняго, или, лучше сказать, то и другое никогда во мнѣ не раздѣляются; и помнится мнѣ, довольно было о семъ говорено, а здѣсь развѣ присоветовать можно, что въ строгомъ храненіи самихъ вѣишностей, церковію, впрочемъ, установленныхъ, а не по обычаямъ людскимъ введенныхъ, свидѣтельствуется, конечно, не неугодное Богу покореніе Его святой церкви, которая ничего не постановила, какъ только нужное къ нашему спасенію, ибо наблюденіе сихъ малыхъ ея заповѣдей внушаетъ вѣищую ревность къ сохраненію великихъ, по слову: *отрныи въ малѣ, и во мнози отреныи есть, а неотрныи въ малѣ, и во мнози неотреныи есть* (Лук. XVI, 10).

На вопросъ, что я въ церкви люблю, отвѣтъ не тотъ, который вы предполагаете. Люблю божественную благодать въ ней неисходно пребывающую, и меня таинствами и ученіемъ спасающую; люблю Тѣло и Кровь Бога моего, въ моемъ брennomъ ествѣ за меня пострадавшаго, и меня съ собою соединяющаго до единства съ намъ по духу и тѣлу. Люблю все прочія святѣйшія таинства, которыми я возрождаюсь, укрѣпляюсь, питаюсь, очищаюсь, овящаюсь во внутреннемъ человекѣ, не безъ участія и вѣишняго. Люблю истину богопознанія и богоугожденія, люблю истины, отрываемаыя мнѣ о моемъ предназначеніи ко вкушенію жизни вѣчнаго, съ показаніемъ средствъ, какъ оной достигнуть; люблю самыя вренія, вѣчною казнію которыхъ благодать Божія отъ всякаго зла меня отвлекаетъ; люблю братій моихъ, дѣтей общаго небснаго Отца, связанныхъ со мною тремя священнѣйшими союзами вѣры, надежды и

любви, съ которыми вкушѣ долженъ я стараться достигнуть спасенія, самъ для себя труждаясь и имъ споспѣшествуя. — Люблю священныя обряды богослуженія, возводище чрезъ чувства душу мою къ Богу; люблю самую внѣшность сего богослуженія, умудряющаго меня въ спасеніе; люблю благолѣпіе иконное во храмахъ, для назиданія душевнаго сильное; люблю чудотворныя останки праведниковъ; люблю цѣлительныя иконы Царицы небесной и святыхъ угодниковъ; люблю пѣнія богослуженія; люблю свѣщи горящія, въ знаменіе сердець пылающихъ предъ Богомъ; люблю дымъ кадиальный, знаменующій моленій нашихъ и благодати Божіей еямасть; люблю самую стѣну, святыню Божію въ себѣ вмѣщающія; люблю и почитаю священною и самую переть церковную, по сему слову, «яко благоволиша раби твои каменіе духовнаго Сіона, переть его ущедрають» (Пс. СІ, 14—15). Столько люблю церковь и все, что въ ней, что совершенно оживаю, когда въ ней изливаю предъ Богомъ мою душу, или паче тогда только и живу, когда въ ней предстою предъ Богомъ моимъ, исповѣдунъ Ему свои немощи, благодаря Его неизреченное милосердіе и испрашивая Его всеильную помощь къ довершенію пути жизни сей временной, съ достиженіемъ вѣчнаго упокоенія.

Ежели хотя малѣйшее словцо въ семъ писаніи моемъ окажется для васъ прискорбнымъ, то простите снисходительнѣйше, ибо, исписавъ столько листовъ за одинъ присѣвъ, легко весьма могъ погрѣшить словомъ, оставаясь въ сердцѣ исполненъ искренняго братскаго къ вамъ усердія и глубокаго уваженія.

Письмо князя Алексѣя къ Сергію, отъ 26 іюня 1829 года.

Любезный братъ! съ эпохи нашихъ разногласій, всё тѣ, въ которыхъ ты замѣчалъ строгое отправление внѣшностей религій, обращаютъ особенное твое вниманіе, и до того, что ты между всеми одной и той-же церкви членами началъ отличать нѣкоторыхъ, которыхъ ты именовалъ *православными*, какъ бы намекая, что и неправославіе имѣетъ мѣсто между ея членами, а въ сіе православное сборище включалъ ты, по замѣчанію нашему, безъ изъятія всехъ отправляющихъ отличительно отъ прочихъ внѣшнее богослуженіе, не мало, какъ кажется, не заботясь, какъ вѣруютъ и слышали-ли вовсе о вѣрѣ христіанской сіи православныя христіане.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 28 декабря 1829 года.

Прошу васъ униженнѣйше, удержитесь навсегда отъ всякаго возстанія самомаалѣйшаго противъ обрядоваго богослуженія (вовлекающаго иногда ревнителей внутренняго совершенства даже до сатирическихъ

изображеній ви́шнія святыни, несовмѣстимыхъ съ духомъ благочестія), ибо богослуженіе сіе есть церковію, т. е. Духомъ Святымъ, установлено, и есть свято и освящающее присутствующихъ при ономъ съ простотою сердца и съ молитвеннымъ усердіемъ, а паче при совершеніи страшной безкровной жертвы. Святые отцы, дѣломъ и словомъ, призываютъ всѣхъ, и мудрыхъ и невѣждъ учащать къ олтарямъ Господа сязъ и молитвами оттолѣ почерпнуть благодать, вразумляющую мысли и споспѣшествующую дѣламъ богоугоднымъ.

Письмо братьевъ князей Алексѣя и Павла къ Сергію, отъ
26 августа 1830 года.

Любезный братъ! Дѣтъ пять тому назадъ начали мы замѣчать въ тебѣ нѣкоторую перемѣну мнѣній на счетъ церковно-классическаго ученія. Съ сего времени во всѣхъ почти письмахъ твоихъ встрѣчали мы нѣсколько строкъ, выставляющихъ не токмо пользу и приличность ви́шняго богослуженія, но и такое чрезмѣрное къ оному прилѣпленіе, которое не могло не кидаться намъ въ глаза. Нельзя было не замѣтить, какое чрезъ мѣру опасное видѣрено было въ тебѣ чувство насчетъ ученія христіанъ—протестантовъ. Противленіе твое мало или совсѣмъ не имѣло въ виду существенной разности между нами и ими, а все обращалось лишь на ви́шнее богослуженіе и обычаи людскіе. Въ сіе то время замѣтили мы въ тебѣ и особенное влеченіе къ монашеству. Ты неограниченно называлъ въ письмахъ твоихъ путемъ спасенія всякій путь, предпринимаемый къ святымъ мѣстамъ, тогда какъ о внутренней евангельской вѣрѣ ты въ нихъ совершенно молчалъ.

Ты, повидимому, такъ прилѣпился ко ви́шнимъ обрядамъ и обычаямъ людскимъ, что едва ли не выренилъ изъ твоего ума разность въ опредѣленіяхъ между вѣрою и суевѣріемъ. Ибо отправление одиѣхъ сихъ ви́шностей даже и тѣми, которые не имѣли ни малѣйшаго понятія о вѣщомъ законѣ, ты необиновенно называлъ вѣрою спасительною, какъ будто давалъ ей преимущество предъ ищущими вѣровать евангельски.

Князь Сергіій отвѣчалъ на вышеприведенное письмо братьевъ только одною припискою слѣдующаго стиха изъ СXXXVIII псалма:
„И видѣдъ, аще путь беззаконія во мнѣ, и настави мя на путь вѣчевъ (ст. 24)*.“

ПРИМѢЧАНІЯ.

ГЛАВА III.

¹⁾ Митрополитъ Михаилъ (Десницкій) изучилъ французскій и нѣмецкій языки во время обученія своего въ московскомъ университетѣ. Обзоръ духовной литературы Филарета, архіеп. Черниговскаго, изд. третье, стр. 426.

²⁾ Николай Петровичъ Друговъ, протоіерей трехсвятительской церкви въ Москвѣ, изъ воспитанниковъ московской духовной академіи. Частію переводы, частію оригинальныя его сочиненія: «нравственное изъясненіе евангельскихъ блаженствъ» М. 1818 года, «Вѣрный путь ко спасенію», въ трехъ частяхъ, М. 1816 и 1822 годовъ, «Христіанствъ, поучающійся истины и добродѣтели», М. 1820 года, «Духъ утѣшитель на каждый день» М. 1824 г., «Наставленіе о смиреніи» М. 1825 г. «О христіанскомъ воспитаніи дѣтей» М. 1827 года; «Чтеніе на пользу скорбящимъ» М. 1829 года, «Христіанское нравоученіе» М. 1831 г. Обзоръ русской духовной литературы архіеп. Филарета Черниговскаго, изд. третье, Сиб. 1884 года, 440.

³⁾ Въ то время въ Россіи извѣстно было сочиненіе Массильена и на русскомъ языкѣ, въ переводѣ священника А. Ив. Вѣликова, подъ заглавіемъ: «Духъ Массильена». М. 1808 и 1822 г. Филаретъ Черниговскій. Обзоръ духовной литературы, 428 стр.

IV.

Князь Сергій Александрович Ширенскій-Шихматовъ разошелся съ своими братьями, князьями Павломъ и Алексѣемъ Александровичами, во взглядѣ на монашество. Ближайшій поводъ къ разногласію во взглядѣ на монашество подалъ самъ князь Сергій своимъ образомъ дѣйствій. За вѣсколько лѣтъ ранѣе полученія увольненія отъ службы, онъ предполагалъ остатокъ жизни своей провести вмѣстѣ со своими братьями. Тамъ братья для него уже устроили особый флигель и развели для него садикъ въ ихъ родовомъ имѣніи въ с. Архангельскомъ. Но въ послѣднее время Сергій сразу измѣнилъ свой взглядъ и рѣшился посвятить себя монашескому уединенію. Такая рѣзкая переѣна во взглядахъ князя Сергія крайне поразила его братьевъ, чрезвычайно его любившихъ и крожѣ того дорожившихъ имъ, какъ человѣкомъ ученымъ и образованнымъ, который могъ оказать имъ великую помощь въ дѣлѣ религіознаго просвѣщенія ихъ крестьянъ и родныхъ. А этому дѣлу оба брата отдались всей душой. Они увидѣли въ образѣ дѣйствій кн. Сергія холодность, нѣкоторое недовѣріе къ себѣ, что, конечно, отзывалось сильною болью въ ихъ любящихъ сердцахъ. Отсюда и то новое внѣшнее положеніе — монашество, къ

которому сталъ приготавливать себя Сергій, какъ-то невольно вызвало въ его братьяхъ нѣкоторое нерасположеніе или несочувствіе къ себѣ. Это первая и ближайшая причина, послужившая и толчкомъ къ обсужденію самаго вопроса о монашествѣ. Кромя ея, особенный, отличный отъ князя Сергія взглядъ братьевъ на иночество вытекалъ изъ общей системы ихъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній. Они всегда на первомъ планѣ ставили внутреннюю, духовную сторону нравственной дѣятельности чловѣка и только съ точки зрѣнія духовно-нравственныхъ требованій оцѣнивали и всѣ внѣшнія дѣйствія и все внѣшнее поведеніе чловѣка. Въ началѣ января 1828 года князь Сергій сообщилъ своимъ братьямъ въ село Архангельское, что онъ избираетъ для себя „удаленіе отъ міра на совершенное безмолвіе въ одной изъ обителей иночествующихъ“, и что въ этомъ избраніи онъ видитъ для себя „персть Вожій“. Что же касается до самаго монастыря, въ которомъ онъ хотѣлъ принять монашество, то Сергій писалъ братьямъ, что объ этомъ ему еще неизвѣстно. — Для того, чтобы провѣрить себя и опредѣлить насколько онъ расположенъ къ монашеству, кн. Сергій рѣшился предпринять странствованіе по святымъ мѣстамъ русскимъ, которое онъ называетъ „приступомъ“ къ исполненію своего желанія о принятіи монашества.

Сергій Александровичъ на путешествіе по святымъ мѣстамъ смотритъ, какъ на „священный православный обычай, примѣрами святыхъ утвержденный и церковію похваляемый“, а самое предпріятіе свое о путешествіи называетъ „надежнѣйшимъ средствомъ“ ко спасенію своей души. Иначе взглянули на вопросъ его братья. Они странствованіе по святымъ мѣстамъ называютъ хотя и благочестивымъ, однакоже *людскимъ* обычаемъ, который по самому характеру своему открываетъ обширное поле для праздности, никогда не приносящей, по словамъ братьевъ, спасенія. Странствованіе по святымъ мѣстамъ тогда только имѣетъ, по взгляду братьевъ нравственное значеніе и цѣну, когда лица, его предпринимающія, проникнуты истинно-христіанскою любовію къ ближнему.

Точно такая же противоположность между княземъ Сергіемъ и его братьями замѣчается въ ихъ взглядѣ на монашество. Князь

Сергій Александровичъ съ величайшимъ благоговѣніемъ относился къ монашеству и называлъ его „надежнѣйшимъ средствомъ ко спасенію“ и останавливался только на однихъ привлекательныхъ сторонахъ современной ему иноческой жизни въ Россіи. Онъ усвоилъ себѣ такой высокій чисто идеальнѣйшій взглядъ на монашескую жизнь, изъ за котораго изъ его вниманія ускользали нѣкоторыя стороны современной жизни въ монашествѣ, не вполне отвѣчавшія усвоенному имъ идеальному взгляду на монашество. Что же касается братьевъ князей Павла и Алексѣя Александровичей, то они, напротивъ, рассматривали вопросъ о монашествѣ съ его современной, *бытовой* стороны и потому относились къ нѣкоторымъ особенностямъ современнаго монастырскаго быта болѣе или менѣе критически. Братья указываютъ кн. Сергію, что онъ, начитавшись твореній *древнихъ* отшельниковъ и пустынножителей, на основаніи ихъ, а не дѣйствительной жизни, составилъ понятіе о современномъ монашествѣ. Рассматривая монашество по его сущности братья находятъ, что сущность иночества и сущность христіанства вообще одна и та же—это дѣятельная любовь къ ближнему, съ тою лишь разностию, что любовь къ ближнему у монаха должна быть сильнѣе, чѣмъ у мірянина. „Безиольніе же, черная одежда, келейная жизнь и прочія внѣшности суть такія, по словамъ князей Павла и Алексѣя, принадлежности монашества, *которыя сами по себѣ ничего не придаютъ*“.

По воззрѣніямъ братьевъ, дѣйствительное положеніе современнаго русскаго монашества заключало въ себѣ не мало такихъ чертъ, которыя значительно отличали его отъ древняго пустынножительства. Древніе монастыри, по словамъ братьевъ, были, въ полномъ, смыслѣ слова жилищами отшельниковъ, и по наружности и по внутренности, тогда какъ внѣшніе монахи живутъ также посреди міра какъ и міряне, кромѣ того въ жизнь современныхъ монастырей вкрались многія принадлежности чисто мірскаго житія. Братья находили отличіе между древними и современными монастырями и по отношенію къ нравственной пользѣ, какую приносили и приносятъ христіанскому обществу тѣ и другіе монастыри. Древніе отшельники, поучившись въ безиольніи истинному христіан-

ству, исходили просвѣщать міръ и свѣтомъ истиннаго богопознанія и дѣятельной вѣры озаряли концы языческаго міра; нынѣшніе же монашествующіе, отходя въ монастырь отъ міра, порывають всѣ сношенія съ нимъ и не возвращаются въ него для служенія ему. Въ своемъ критическомъ отношеніи къ современному монашеству, братья шли далѣе и утверждали, что если монашествующіе удаляются въ монастырь не для того, чтобы тамъ въ тиши уединенія приготовить себя на служеніе духовному благу ближнихъ, то этого рода монашествующіе своимъ удаленіемъ въ монастырь напоминають, по выраженію „братьевъ, мизантропическое бѣгство лѣниваго раба отъ законныхъ дѣлъ и работъ своего господина“. Князь Сергій Александровичъ, при всемъ своемъ благоговѣніи къ иночеству, отчасти соглашался съ братьями въ томъ, что современное отшельничество монашеское не то, что было древнее, но въ то же время утверждалъ, что и нынѣ благодать Божія не оскудѣваетъ въ монастыряхъ.

Вопросъ о значеніи монашества получалъ большой интересъ въ перепискѣ между братьями еще по слѣдующему обстоятельству. Около 1817 года двѣ сестры полемизирующихъ братьевъ, княжны Александра и Анна, ушли въ смоленскій женскій Вознесенскій монастырь и тамъ постриглись въ монахини. Онѣ удалились въ монастырь тогда еще, когда жива была ихъ мать, лежавшая очень долго въ параличѣ. Князья Павелъ и Алексѣй Александровичи взглянули на уходъ сестеръ въ монастырь, какъ на явное нарушеніе пятой заповѣди. Они находили, что уходъ за разбитой параличемъ матерью несравненно выше и богоугоднѣе всякаго монашества. Совершенно иначе относился къ поступку сестеръ кн. Сергій Александровичъ, который удаленіе ихъ въ монастырь называлъ вступленіемъ ихъ *на отрывшійся путь ко спасенію*. Кн. Сергій въ нежеланіи братьевъ видѣть его въ монашескомъ одѣянніи предполагалъ несочувствіе ихъ къ монашеству вообще и даже это несочувствіе называлъ, при всей своей сдержанности и мягкости характера, „несогласнымъ съ церковію неуваженіемъ иноческаго ангельскаго чина, котораго на землѣ высшаго нѣтъ и быть не можетъ“.

Въ подтвержденіе своего намѣренія принять монашество, кн. Сергій въ своихъ письмахъ неоднократно ссыался на Промыслъ Божій, влекущій его, и на званіе Божіе, указывающее ему путь спасенія именно въ монашествѣ. Братья не видѣли и не находили въ его письмахъ доказательствъ этого званія Божія, вмѣсто монашества приглашали его къ себѣ, какъ помощника въ своихъ трудахъ по религіозному просвѣщенію крестьянъ и церковническихъ дѣтей. При чемъ братья нарисовали предъ Сергіемъ замѣчательно симпатичную картину своей трудовой подвижнической жизни у себя въ имѣніи, которая во многомъ напоминаетъ собою жизнь древнихъ отшельниковъ и монашествующихъ и даже въ нѣкоторыхъ чертахъ и превосходитъ ее.

Письмо князей Алексѣя и Павла Александровичей къ князю Сергію, писанное въ началѣ января (1—15 числа) 1828 года.

Надобно тебѣ сказать, любезнѣйшій другъ, что мы, отпуская сіе письмо, остаемся въ немаломъ безпокойствѣ, которое уже нѣсколько времени продолжается, и проясненія котораго ожидали мы отъ твоихъ писемъ, особенно твоего отвѣта на затрудненія наши, но тщетно. Ты и въ послѣднемъ письмѣ также мало и въ такихъ же темныхъ выраженіяхъ пишешь намъ о основаніи союза и образѣ твоей жизни въ отставкѣ, какъ и въ предыдущихъ. Можно лишь видѣть то, что ты не положишь, по прежнему нашему условію, житье съ нами и какъ будто пускаешься искать другой Итаки. Отчего такая перемѣна, любезнѣйшій? Это всегда была такой радіусъ, въ которомъ сосредоточивались всѣ твои будущія предположенія. Какая сила отвлекаетъ тебя отъ того мѣста, къ которому столько неразрывныхъ узъ тебя привязываютъ? Нельзя не думать, что архангельскій магнитъ, привлекавшій тебя до оставленія службы, потерялъ теперь для тебя свою силу. Ибо, отрѣшившись отъ службы, ты не только не приближаешься, но еще и отдаляешься. — Мы ожидали, что, недержимому тебѣ теперь ничѣмъ, ты, послѣдуя давнему твоему желанію, привьешься къ Архангельскому, соединишься къ намъ и тѣломъ, съ которымъ давно—давно соединенъ ты духомъ. Ожидали послѣ семилѣтней разлуки, которая противъ порядка вещей въ обратной надъ тобою дѣйствуетъ пропорціи. Сіе безпокойство наше родилось уже съ нѣкотораго времени, когда мы стали замѣчать въ тебѣ къ намъ недовѣрчивость, холодность и невниманіе, ибо съ нѣкотораго уже времени отвѣты твои

на письма наши стали не только кратки, но и вовсе неудовлетворительныя, вовсе не соответствовавшія ни нашему порученію, и просьбы убѣдительнѣйшія, двукратно и тоекратно подтвержденныя и вовсе безъ отвѣта оставленныя. Такихъ тебѣ прошеній, на которыя мы не имѣли отъ тебя ни да, ни нѣтъ въ продолженіи года или двухъ, можно насчитать болѣе десяти.

Ты до послѣдняго времени, безъ совѣта, безъ благословенія нашего, не предпринималъ никакого дѣла, и только теперь избираешь или уже избралъ себѣ родъ жизни въ такой періодъ оной, когда каждый шагъ есть величина важная, не только не посовѣтовавшись съ нами, но ниже извѣстивъ ясно и подробно, давая лишь догадываться о томъ, что не Архангельское, гдѣ давно готовился тебѣ теплый уголокъ, гдѣ въ сердцахъ нашихъ ты занималъ присущее мѣсто, будетъ вмѣщать въ себѣ своего хозяина и не съ родными кровными, не съ друзьями, не въ лонѣ любви, которой ты конечно не найдешь нигдѣ, опредѣлил ты провести остатокъ дней твоихъ.

Замѣть еще, любезный братъ, что твое отложеніе свиданія съ нами почти на годъ безъ всякой причины, послѣ столь продолжительной разлуки, есть одинъ изъ достовѣрнѣйшихъ знаковъ твоего къ намъ охлажденія, слѣдовательно и недостаточность любви, безъ которой, по апостолу, не только посѣщеніе святыхъ мѣстъ, но и самое мученичество ничтоже есть (1 Кор. XIII, 3). Казалось, надлежало бы тебѣ летѣть къ намъ, получивши увольненіе отъ службы, не смотря ни на какія знакомства, и прежде и въ послѣдній годъ составленныя. Здѣсь въ совѣтѣ истинныхъ друзей, на лонѣ братства, здѣсь надлежало бы быть опредѣленію твоего будущаго состоянія жизни, ежели бы твое отбытіе изъ Архангельскаго нашлось званіемъ Божіимъ. Ибо, по мнѣнію нашему, да безъ сомнѣнія и твоему, не иначе надлежитъ предпринимать какое дѣло, особенно при избраніи пути жизни, какъ удостовѣрившись сперва о званіи Божіемъ. О званіи же семь только тѣ могутъ быть судьями необманчивыми, которые не откажутся взвѣшивать всѣ твои обстоятельства и внутреннее твое состояніе и внѣшнее, и способности твои и таланты, особенно тѣ, въ которыхъ Господь отъ cadaго потребуетъ отчета.

Ежели мы не ошибаемся, то кажется намъ, что мы видимъ въ тебѣ духъ твой упавшимъ до такой степени, что преданіе себя необмышляемому тобою руководству другого, т. е. слѣпому повиновенію, есть вещь очень не несбыточная. Признаемся, любезнѣйшій, мы видимъ въ тебѣ совсемъ иной духъ. Надобно, чтобы ты много, много отступилъ отъ истины, чтобы нечисленныя нами тебѣ выше недостатки любви къ ближнимъ, ближайшимъ, можно было въ какомъ либо отношеніи почестъ добродѣтелями. Ежели бы одно чистое христіанское смиреніе преклонило такъ

твоей духъ, то оно отнюдь не дало бы ему часть ниже всякой разсудительной способности и не допустило бы тебя противодѣйствовать первѣйшей добродѣтели христіанской вѣры. А потому осмотришь, есть ли уныніе твое точно смиреніе. Слѣдное повиновеніе или порабощеніе себя иному въ дѣлѣ вѣры и совѣсти можетъ быть и отъ иного источника, а потому прежде, нежели дѣлать сей вѣрный шагъ, надобно хорошо и хорошо обдумать и также обстоятельно осмотрѣть со всѣхъ сторонъ, по званію ли Божію такое начинаніе предпріемлется. Сіе тѣмъ паче требуетъ большей осторожности и совѣтовъ искренней любви, что однажды вручивъ себя распоряженіямъ другого въ такихъ важныхъ отношеніяхъ каковы суть вѣра и совѣсть, нелегко себя изъять изъ такого порабощенія, хотя бы и обнаружилась впоследствии несостоятельность дѣла.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 17-го января 1828 года.

Признаюсь чистосердечно, что при всей моей къ вамъ приверженности (ибо не смѣю сказать любви), при всемъ удовольствіи съ вами, присными моими, въ нѣдрахъ братства и дружбы сожитія и собесѣдованія, удовольствіи духовномъ и душеполезномъ, почитаю, что *не въ Архангельскомъ указываетъ мнѣ Господь пристанище жотнія Своею*, а сильнымъ влеченіемъ внутреннимъ призываетъ меня ввуду, призываетъ на покаяніе дѣятельное, для очищенія благодатію Своею въ послѣдніе мои годы многихъ и безчисленныхъ грѣховъ какъ юности моей, такъ и всей окаянной моей жизни. Внутреннее влеченіе не могу я почесть обманчивымъ; ибо оно согласуется совершенно съ симъ словомъ божественнымъ: *Едино просихъ отъ Господа, то възму: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, и посѣщати ми храмъ святыи Его и зрѣти ми красоту Господню* (Псаломъ. XXVI, 4—5): ибо оно согласуется совершенно съ ученіемъ святыхъ отцевъ, непрелестныхъ наставниковъ къ спасенію; ибо оно, яко желаніе въ благихъ, исполняется дивно явнымъ споспѣшествованіемъ Промысла Божія о мнѣ окаяннѣйшемъ изъ человѣковъ. То единое, о чемъ я прошу Господа, и чего всемирно възысую, и къ чему зовуть трубы богогласныя одушевленные, и къ чему, по неизреченному милосердію, приводитъ меня, окаяннѣйшаго, Господь милости, *есть удаленіе отъ міра на совершенное безмолвіе и даже молчаніе въ мѣстѣ святомъ, въ одной изъ обителей имочествующихъ*, гдѣ бы могъ я, окаяннѣйшій, претягченную беззаконіями главу мою преклонить на лоно чадолюбивѣйшей нашей общей матери, церкви православної, гдѣ бы могъ, пользуясь примѣрами облагодатствованныхъ на пути къ совершенству чадъ ея и богодухновенными ихъ наставленіями, попецись, при помощи свыше, о искорененіи тернія страстей, кми же обросло

мое сердце, гдѣ бы могъ вечеръ, утро и полудне изливать предъ Господомъ при святыхъ Его алтаряхъ скорбящую о множествѣ содѣянныхъ мною лютыхъ душу мою, и небесною пищею поста и молитвъ возстановлять мало по малу ея изнеможенные силы, гдѣ бы, наконецъ, могъ хотя нѣсколько уготовиться къ приближающемуся быстро концу своего теченія, да не имать тебѣ смутиться смущеніемъ отчаянія, окаяннѣйшая душа, писано бо есть: *уготовился и не смутился* (СХVIII Псал. 60 ст.). Сіе предъ очами Господними положивъ намѣреніе, долго я молился Его благоутробію, принадлеаь къ стенамъ Пречистой Его Матери и прибѣгалъ къ помощи святыхъ Его угодниковъ, да укажется мнѣ воля Божія къ оставленію прежняго моего званія, я Господь пренемощный и Матерь Его всеблагая и святыя мои заступники не презрѣли деннонощнаго моего къ нимъ воая молятвеннаго. Всѣ обстоятельства, внутреннія и внѣшнія, малыя и великія, такъ чудно стеклись воедино къ тому, чтобы побудить меня оставить службу, что не токмо я, но и всѣ ко мнѣ приближенные *вижу и видятъ въ нихъ персть Божій*, указующій мнѣ путь къ изшествію по желанію моему отъ міра, для взисканія душѣ моея желаннаго ею мѣста упокоенія, еже отъ милости Господней уготався ей, *а гдѣ? еще мнѣ неизвѣстно*.

Приступъ къ исполненію онаго намѣренія къ моему спасенію есть предпринимавое мною *странствіе по мѣстамъ святымъ*, дабы, по примѣру многихъ святыхъ Богу угодившихъ, и мнѣ окаяннѣйшему излививъ благоговѣніе къ силѣ Божіей, дѣйствующей въ святыяъ Его видимой, призвать силу сію на свою немощь и укрѣпиться во внутреннемъ чловѣкѣ къ подвигу уединенной и безмолвной о Господѣ жизни. Признаю совершенно справедливымъ, что безъ любви ничтоже пользуется посѣщеніе мѣсть святыхъ; но для того то и спѣшу я посѣтить святыя мѣста, дабы умолить Пречистую Матерь Еммануилеву предъ чудотворными Ея препрославленными иконами, и упросить святыхъ угодниковъ при нетлѣнныхъ и многоцѣлебныхъ ихъ останцахъ, извести изъ истлѣнія грѣховнаго духовный животъ мой, исцѣлти безчисленныя гнойныя струны моей души, и въ хладномъ на всякую добродѣтель сердецъ моемъ возродитъ хотя одну искру божественной любви, дабы отъ ней при дуновеніи благодати Божіей сердце мое какъ уголь черное и безжизненное возгорѣлось любовію къ Богу и ближнему.

Если вы меня спросите, совершенно ли рѣшился я идти въ монахи, на сіе утвердительно отвѣчать не смѣю; а скажу, что имѣю намѣреніе то, о коемъ уже вамъ открылся, чтобы, посѣтивъ святыя мѣста отнюдь не изъ любопытства, но единственно послѣдуя *православному обычаю, примтрами святыхъ утвержденному и церковію похваляемому*, испросить отъ Господа ходатайствомъ Пречистой Его Матери и молит-

вами святыхъ Его угодниковъ, да укажетъ мнѣ путь, въ оныя же пойду, и покажетъ мнѣ мѣсто ко спасенію удобное, одну изъ святыхъ Его обителей, гдѣ бы могъ я водвориться какъ въ пустынѣ, чая Бога спасающаго мя отъ малодушія, житія по плоти, въ немъ же до сихъ поръ пребываю, и отъ бури страстей, ею же донныѣ бѣдственно обуреваюся; и аще услышу гласъ Его божественный, призывающій на путь иноческаго самоотверженія, то, да не ожесточится сердце мое, а паче съ радостію да преклонится подъ иго Его благое и бремя Его легкое (Мѡ. XI, 30). О семъ Господа молю и молить не престану. Такимъ образомъ изложивъ вамъ, что судьба моя исходитъ отъ Лица Господня, уповаю, что признаваемое мною во всей силѣ право любви вашей надо мною не будетъ уже осуждать меня, да не преречетъ явному суду Господа, въ Его же руку жребіи мои; ибо право сіе есть право оберегать мнѣ путь спасенія, а какой же иной путь спасительный, какъ не тотъ, на который призываетъ слово Божіе, которымъ шествовали избранные Божіи, ихъ же житія святая церковь предлагаетъ чадамъ своимъ въ примѣръ подражанія и который воинству есть путь узкій и прискорбный, ведущій въ отраду жизни вѣчныя.—Почему же я по сіе время предварительно о семъ, во благомъ намѣреніи моемъ, съ вами не посовѣтовался? Въ семъ признаю себя совершенно предъ вами виновнымъ и прошу помилованія. Однако же это случилось отнюдь не по уменьшенію моей къ вамъ довѣренности, да не будетъ! А потому, во-первыхъ, что, зная ко мнѣ недостойнѣйшему велию любовь, не хотѣлъ оскорбить ее преждевременнымъ извѣстіемъ о нашемъ разлученіи, а, во-вторыхъ, признаюсь, что опасался, дабы при всемъ безпристрастномъ вашемъ о вещахъ сужденіи, любовь ваша ко мнѣ не преклонилась на свою сторону выи праведнаго вашего суда, и я получилъ бы отъ васъ совѣтъ не по желанію и влеченію души моей, который, хотя и невольно, нарушить было бы для меня крайне прискорбно. Но какъ въ томъ и другомъ случаѣ открывается недостатокъ братской искренности, то грѣха моего не покрываю, а прошу, да прикроется оный вашимъ великодушнымъ прощеніемъ. Впрочемъ, преднамѣреваемый мною путь, въ который прошу вашего напутственнаго благословенія, предприимается мною съ разрѣшенія отца духовнаго и съ одобренія благочестивыхъ душъ изъ священныхъ и мірскихъ, лицъ, любящихъ мое спасеніе.

Меня же, возлюбленнѣйшіе, не лишите вашего благословенія въ предлагаемое мнѣ душеполезное странствованіе, на которое вы въ одномъ изъ вашихъ писемъ, помнитса мнѣ, уже меня благословили и тѣмъ крайне меня тогда обрадовали.

Замѣчаемый вами во мнѣ до низкайшей степени упадокъ духа моего признаю я дѣйствительно существующимъ; ибо, полагая не восхожденія

въ сердцѣ моемъ, а развѣ нисхожденіа, чувствую, что падаю безире-
станно изъ слабости въ слабость, изъ страсти въ страсть и крайне о
томъ болѣзную и для сей еще причины нахожу необходимымъ посѣ-
шнить на источники спасенія при святыхъ Господней, во святыхъ мѣ-
стахъ протекающіе, дабы, омывъ въ нихъ, сколько возможно, черноту
души моея, предстать чистымъ вашимъ взорамъ, въ нѣсколько (но, ко-
нечно, весьма мало) меньшемъ безобразіи. Прискорбно гордому духу мо-
ему видѣть себя упавшимъ; но по крайней мѣрѣ въ прискорбіи моемъ
утѣшаюсь надеждою помилованія и возстановленія свыше; ибо наказуя
наказа мя Господь, попустивъ поникнуть подъ бременемъ моихъ без-
законій, смерти же не предаде мя, ибо оставилъ во мнѣ духъ вѣры,
вѣры православной, составляющей всю жизнь человѣка.

Собирая не совсѣмъ еще (и за то, что не совсѣмъ, слава и слава
Господу) ослабѣвшія силы ума моего къ разсмотрѣнію сего важнаго мо-
его предпріятія, не только не вижу, чтобы оно было не богоугодно, но
напротивъ, приѣмля въ разсужденіе всѣ внутреннія и виѣшнія свои об-
стоятельства и обращая особенное вниманіе на явныя указанія Промы-
сла, вѣще еще убѣждаюсь, что *предпріятіе мое есть надежнѣйшее
средство ко спасенію многогрѣшной души моея*, о избавленіи коей
въ день судный сказано: братъ не избавитъ, когда каждый воздастъ
отвѣтъ самъ о себѣ.

Нетомно убо не останавливайте, не удерживайте, но паче понуждайте,
гоните меня на путь покаянія, да яко ближайшіе мои изъ ближнихъ
усерднѣйшіе явитесь споспѣшники моему спасенію и истинные мои бла-
годѣтели, за благодареніе имѣющие получить награду отъ Бога кающихся
и Спаса согрѣшающихъ. Вѣрую, что вы сіе сотворите по ревностной
вашей ко мнѣ любви, и что смиреніе ваше, памятуя, что должны суть
сильніа немощи немощныхъ нести и не себѣ угождати (Римл. XV, II)
отложить настоятельное требованіе личнаго моего и притомъ самоско-
рѣйшаго съ вами въ проступкахъ моихъ объясненія.

Письмо братьевъ къ Сергію, между 18—28 ч. января 1828 года.

Любезный братъ!

Съ нѣкотораго времени чтеніе твое, кажется намъ, да и самъ ты
не скрываешь, составляютъ большую часть писанія *отшельниковъ и
пустынножителей*, а обращеніе и знакомство твое съ людьми подоб-
ными тебѣ и съ самими избравшими такое же житіе. Мысль твоя услаж-
дается прелестями жизни древнихъ анахоретовъ, воображеніе исполнено
видами пустынь и вертепесъ, въ которыхъ древніе подвижники, уда-
ляясь отъ изыческаго міра, гдѣ христіанство было посмѣшищемъ и

предметомъ гоненія, часть отъ часу болѣе прилѣпляють тебя къ богомыслию и упражненіямъ отшельниковъ вдали финндскихъ пустынь. То, что въ началѣ вошло въ тебѣ чтеніемъ, глубже еще врѣзалось разговоромъ о томъ же, такъ и самымъ зрѣніемъ лицъ, по наружности подобныхъ тѣмъ, которыхъ отшельничество и богоугодное житіе память твоя представляетъ тебѣ съ особеннымъ удовольствіемъ. По мѣрѣ такого прилѣпленія твоего къ предметамъ мрачно духовнымъ, происходитъ въ умѣ твоёмъ охлажденіе къ міру, къ міру же, говоря вообще, не только къ мирскимъ богопротивнымъ обычаямъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и къ такимъ связямъ и упражненіямъ, которыя составляютъ сущность дѣятельнаго христіанства. Все, что не имѣло на себѣ вида пустыннаго въ какомъ либо отношеніи, не обращало твоего вниманія, и самыя первѣйшія добродѣтели христіанскія, дѣятельностію своею составляющія душу христіанства, стали примѣтно терять свою цѣну въ твоёмъ умѣ.

Видимъ въ твоихъ письмахъ, что ты называешь путемъ спасенія *путь странствованія*, разумѣя подъ онымъ не переносный смыслъ, но буквальный, какъ то показываютъ всѣ направленія твоего духа. *Странствованія сіи есть лишь одинъ, хотя благочестивый, однакоже людскій обычай.* Какъ же дѣло спасенія, въ которое входятъ первѣе всего догматы евангельскіе, затѣмъ преданія церковныя, ты не именуешь ни по одному изъ сихъ, а преимущественно предъ всѣмъ называешь по одному людскому обычаю, тоже недоумѣваемъ? Таковое опредѣленіе твое намъ кажется необычайнымъ, что мы, уча катихизису юншество столько лѣтъ, обyklи о семъ важномъ пути слышать церковное ученіе, что оно, получивъ сильное впечатлѣніе въ умѣ, возмущаетъ оный, слыша то странное влагаемое во уста наша. Мы не можемъ не удивляться, видя тебя *избирающимъ сей путь, повидимому, не на кратковременный переѣздъ, но, гадательно, на большую по Россіи ѣзду, и зная притомъ какую особенно богоугодную жизнь могъ бы ты вести вездѣ, гдѣ бы ты ни расположился, при твоихъ талантахъ и при твоёмъ состояніи, и имѣя возможность отъ времени до времени оставлять себя и сей духовной отрады, т. е. посѣщенія святыхъ. Положимъ, что все время твоей бытности въ обителяхъ, ты тамъ занятъ будешь молитвословіемъ и богомыслиемъ, что душа твоя не будетъ тамъ алкать. Но чѣмъ займешься ты во время переѣздовъ, иногда долговременныхъ и съ немалыми трудностями сопряженныхъ, трудностями и неудобствами такого рода, что, вмѣсто приготовленія себя дорогою къ святому посѣщенію святаго мѣста, можешь смутиться духомъ, можешь погрѣшить. Все это время, которое составитъ значущую часть всего странствованія твоего, будешь ты въ праздности, которая никогда не приноситъ спасенія. Любезнѣйшій другъ! не надѣйся на непрерывное*

твое богомыслие. Духъ можетъ мечтать, что можетъ забыть бросить плоть, но ни того, ни другого не можно и не должно дѣлать, а, напротивъ, беречь и почитать ее, когда она не выходитъ изъ своихъ границъ.

Въ самыхъ монастыряхъ нинѣ не встрѣдишь древнюю Фивиду, которую ищеть твое воображеніе. Въ нихъ, какъ мы слышали отъ достовѣрныхъ лицъ, есть своя политика и еще *тончае*, нежели въ мірѣ. Но ежели и положить, что воздухъ ихъ на тебя не подѣйствуетъ, то все-таки нельзя же не согласиться съ тѣмъ, что ты сею жизнію отнимаешь у себя много пищи дѣятельнымъ христіанскимъ твоимъ добродѣтелямъ, которыхъ всякій просвѣщеннагонабожный не оставитъ предпочтительнѣе указать тебѣ спасительный путь.

Возьми въ разсужденіе и слабое твое здоровье, которое *странствующая жизнь* не можетъ не разстроить. Напротивъ, въ постоянной жизни и слабое здоровье не препятствовало бы исполненію многихъ добродѣтелей, которыя сильно укрѣпятъ духовный твой составъ...

А что скажешь ты о издержкахъ на переѣзды, на жителство, на леченіе, ежели захвораетъ, и другія необходимыя при посѣщеніи монастырей издержки. Они будутъ довольно значущи. Въ постоянной же твоей деревенской жизни, при твоей уиѣренности во всеиъ, издержки твои составили бы самую бездѣлицу.

Но есть еще обстоятельство, относящееся къ предпринятому тобою намѣренію... Когда ты недугуешь, по замѣчанію не насъ однихъ, не вѣроу умозрительною, которую питаетъ посѣщеніе святыхъ мѣстъ, а недостаткомъ дѣятельныхъ добродѣтелей, той любви къ ближнимъ, на которой виситъ весь законъ христіанскій, то, не говоря, что вѣра повелѣваетъ, но и самое благоразуміе заставляетъ предпочтительно обратить вниманіе не на полныхъ тучныхъ коровъ, но на тощихъ и сухихъ, дабы послѣдніе не пожрали первыхъ. Надобно лечиться отъ болѣзни, а не отъ здоровья, надобно избирать мѣста, пользующія отъ видимой своей немощи и врачеваніе предписывать по качеству болѣзни. Что ежели ты вознерадишь о ней и вышесказанный недостатокъ любви еще усилится?

Ты располагаешь странствованіе свое кончить водвореніемъ себя въ которую либо изъ обителей, и именно такую, которую найдешь болѣе соответствующею твоему выбору. О семъ также любовь наша напоминаетъ намъ дать тебѣ дружескій совѣтъ. Состояніе обителей во время первоначальнаго ихъ учрежденія святыми мужами и теперешнее весьма, весьма различно. Ты большею частію имѣешь понятіе о нихъ въ первоначальномъ ихъ видѣ, который ты получилъ изъ чтенія житій древнихъ отшельниковъ, но оно во многихъ отношеніяхъ измѣнилось..

Тогдашнюю времени монастыри были въ полномъ смыслѣ словъ жилищами отшельниковъ отъ міра, отшельниковъ и по наружности и по внутренности, и по плоти и по духу, и они болшею частію имѣли мѣсто въ пустыняхъ, и всегда въ отдаленіи отъ шума мірскаго, что доказываютъ оставшіяся еще названія, ибо и нынѣ отдаленные монастыри называются пустынями. Теперь же, напротивъ, они болшею частію въ столицѣ и въ большихъ городахъ, слѣдовательно и по наружности отнюдь не составляютъ жилища отшельниковъ. *Монашествующіе наши живутъ также посреди міра, какъ и міряне*, особенно если взять въ разсужденіе, что политика и другія принадлежности мірскаго обращенія, мірскаго житія вкрались и вкоренились въ монастыри. Политика сія въ монастыряхъ, не имѣя на себѣ того вліянія просвѣщенія, которое имѣетъ мѣсто въ нашемъ классѣ людей, будетъ весьма явственно скоро обнаруживать грубыя страсти человѣка, которыя одно лишь истинное просвѣщеніе въ состояніи и искоренить и держать въ границахъ. Далѣе, изъ примѣровъ древности видимъ, что *многіе отцы, поучившись въ безмолвіи истинному христіанству* и утвердившись въ добродѣтеляхъ, составляющихъ сущность онаго, *исходили прощать міръ, и свѣтомъ истиннаго богопознанія и дѣятельной тры озаряли концъ языческаго міра*, обращая ко Христу, и ученіемъ и примѣромъ, многое множество изъ сидящихъ во тьмѣ и сѣни смертной. Нынѣ это вовсе вывелось, и отходящій въ монастырь отъ міра не въ переносномъ смыслѣ отходить, а въ буквальномъ. Ибо всѣ сношенія ихъ съ міромъ прерваны. Въ тѣ чудесныя времена Промыслъ Божій, повидимому, съ намѣреніемъ наполнялъ пустыни цвѣтами добродѣтелей христіанскихъ, чтобы изъ нихъ потомъ, когда оныя прозабынутъ и подрастутъ, какъ изъ рассадниковъ пересаживать въ вертоградъ свой, въ міръ согражденный для облагодуханія всѣхъ концовъ онаго. Теперь вертоградъ сей наполненъ зеленью добродѣтелей, которыя тогда только въ отшельничествѣ могли цвѣсти и плодотворить, теперь безпрепятственно и съ похвалою могутъ быть въ мірѣ отправляемы и отправляются избранными Божіими, которыхъ у него много и гораздо больше, нежели нѣкоторыя себѣ те представляютъ. Въ заключеніе скажемъ, ежели бы случилось, что ты опытомъ извѣдалъ справедливость нашихъ тебѣ дружескихъ замѣчаній, ояты обратись къ нашей Флэдельфін, къ нашей пустыни.

Обозрѣвъ въ главныхъ отношеніяхъ странствующую жизнь, обратимся теперь къ той жизни, которую бы ты могъ вести безпрепятственно въ селѣ Архангельскомъ. Посмотри на жизнь, которую мы тебѣ вести предлагаемъ и которую, хотя не безъ грѣха, однако и не безъ отрады, продолжамъ. Служба Божія въ нашей церкви, лишь шаговъ пятьдесятъ

отстоящей отъ нашего дома, производится по всѣмъ воскреснымъ, по всѣмъ дванадесятымъ и нѣкоторымъ другимъ церковнымъ праздникамъ, и сверхъ того по одной бываетъ въ недѣлю обѣднѣ по усопшимъ нашимъ роднымъ, такъ что кругомъ выйдетъ въ недѣлю три, а иногда и четыре обѣдни. Въ великій постъ служба ежедневная. Въ зимнее время служба въ церкви теплой. Вотъ какъ часто наше хожденіе въ храмъ Божій. Въ домѣ нашемъ, какъ тебѣ извѣстно, общая молитва бываетъ четыре раза въ день со всѣми домочадцами нашими. По окончаніи церковной службы и домашней молитвы, каждый изъ насъ принимается за свое дѣло; братъ въ одномъ концѣ дома занимается съ питомцами, которыхъ у него пять, а въ другомъ я съ моими учениками, которыхъ у меня, слава Богу, довольно. Но хотя у меня и гораздо больше, нежели у брата, ему однако же трудовъ гораздо больше, нежели мнѣ, ибо я учу крестьянскихъ дѣтей предметахъ неизногимъ, а онъ готовить и церковныхъ и государственныхъ служителей, слѣдовательно учить всѣмъ нужнымъ для того предметамъ не только такимъ, которыми самъ учился, но даже и которыми не учился, и усилъ, благодаря Бога, очень хорошо. Сіи упражненія наши идутъ вплоть до обѣда. Въ предѣлахъ же сего времени иногда приходятъ въ нашу страннопріимницу бѣдные больные, которыхъ мы, по возможности, снабжаемъ лекарствомъ и совѣтами. По окончаніи обѣда съ нашими четырьмя питомцами, который въ большинствѣ случаевъ состоитъ изъ трехъ и въ праздники изъ четырехъ блюдъ, питомцы наши съ часъ играютъ, а мы съ братомъ, ходя по нашему залу, который передѣланъ въ одинъ изъ двухъ покоевъ, сдѣлавшись довольно обширнымъ, разговариваемъ, стараясь вести бесѣду ежели не о духовномъ, то о нравственномъ, о воспитаніи, о сесѣдяхъ нашихъ, которые, благодаря Бога, имѣютъ къ намъ нехолодное вниманіе за совѣты наши; говоримъ иногда и о суетѣ мірской, о пропажѣ Времени, о настоящемъ ходѣ помѣщичьихъ дѣлъ, о знакомыхъ, о родственникахъ нашихъ и проч. Можетъ случиться, привезутъ изъ города книгу, которой чтеніе продолжится также не болѣе часа. За сѣмъ опять каждый изъ насъ обращается къ своимъ ученикамъ, которые не оставляютъ продолжать свое ученіе и безъ насъ подъ надзоромъ старшихъ. Сіе окончательное ученіе продолжается до пяти или до шести часовъ дня. Въ сіе время мои ученики всѣ расходятся по домамъ, а ученики брата садятся за столъ, который поставляется имъ съ однимъ какимъ либо кушаньемъ. А мы съ братомъ, помолившись Богу, садимся за чайный столъ, въ продолженіе котораго занимаемся опять чтеніемъ или историческимъ или нравственнымъ. По окончаніи стола воспитанники наши опять имѣютъ позволеніе часъ времени играть въ глазахъ нашихъ, а мы въ продолженіи онаго опять ходимъ по залу и разгова-

риваемъ. По прошествіи часа, то есть около осьми часовъ вечера, братья начинаютъ опять заниматься со своими воспитанниками, а я сажусь писать или отвѣты на письма или кое-что для пользы ближнихъ и родныхъ нашихъ. Сія занятія наши продолжаются опять одинъ часъ, послѣ онаго воспитанники садятся ужинать и потомъ, помолвившись Богу, ложатся спать, а мы опять съ часокъ передъ отшествіемъ ко сну ходимъ по залу, разговаривая. Часовъ въ десять и мы, помолвившись Богу и простившись, отходимъ каждый въ свою спальню и вскорѣ потомъ предаемъ сну. Въ праздничные дни, когда ученія не бываетъ, свободное время наше отъ службъ Божіихъ и ученія закону домашнихъ проводимъ мы въ чтеніи въ частномъ или общемъ: сіе послѣднее бываетъ всегда послѣ обѣда и послѣ чая. Въ лѣтнее время, когда погода позволяетъ выходить изъ дома, мы большую часть того времени, которое остается отъ занятій для отдохновенія, проводимъ въ саду, расхаживая по нашей теперь уже густой аллеѣ, а дѣти тутъ же въ саду играютъ и бѣгаютъ. Иногда выходимъ мы съ ними прогуливаться и въ поле какъ лѣтомъ, такъ и зимою, но зимою рѣдко, а чаще лѣтомъ. Гости у насъ изрѣдка на часокъ приходятъ послѣ обѣда; никого почти не бываетъ. Сами мы также, кромѣ какъ въ Верею за покупки и на почту, нигуда не ѣздимъ. Вотъ тебѣ, любезный другъ, вкратцѣ, какъ мы, съ Божією помощію, проводимъ здѣсь наше время, девять лѣтъ живемъ съ братомъ. Вотъ какъ бы и ты могъ проводить остатокъ дней жизни твоей. Но видно, не такъ тому быть должно. Изъ сихъ описаній, какъ предположенной тобою жизни (страннической), такъ и той, которой мы тебѣ желаемъ, ты видишь, какой мы тебѣ предлагаемъ монастырь въ покоѣ деревенской жизни, какое занятіе любви въ дѣятельности христіанской, какое чистое удовольствіе въ бесѣдахъ дружескихъ, какое благочестіе въ молитвахъ частыхъ, въ поученіяхъ взаимныхъ, какое невинное и пріятное упражненіе въ отдохновеніяхъ, какую умѣренность въ необходимыхъ удовлетвореніяхъ плоти, какое удаленіе отъ мірскаго шума, какое уединеніе, несебялюбивое и бесполезное, но во всемъ пользою ближнихъ растворенное. Но ты не нашими глазами смотришь на всѣ сіи предметы, всѣ занятія, которыя заставляютъ насъ непрестанно благодарить Бога какъ за великое благодѣланіе послѣ просвѣщенія насъ христіанствомъ, что Онъ на закатѣ дней нашихъ благоволилъ намъ укрыться въ сіе мирное убѣжище, въ сіе тихое пристанище послѣ сильныхъ и продолжительныхъ бурь въ житейскомъ морѣ.

Надобно тебѣ сказать еще, что на дняхъ мы, по обыкновенію, разсуждая о тебѣ и о твоёмъ предпріятіи основаться въ такомъ мѣстѣ, которое бы совсѣмъ соотвѣтствовало твоему предназначенію уединенной безмолвной жизни, поражены были мыслию, которая, не знаемъ, приходила

ли и тебѣ, когда ты рѣшался удалиться отъ шума мірскаго. Намъ кажется, что ты нигдѣ не можешь найти столь сообразнаго съ твоею цѣлю уединенія и удаленія отъ развлеченій всякаго рода, какъ здѣсь, въ Архангельскомъ, въ особо выстроенномъ небольшомъ флигелькѣ, изъ котораго ты уходилъ бы лишь въ домъ Божій и къ своимъ кровнымъ, когда тебѣ заблагоразсудилось. Безмолвіе и уединеніе наше здѣсь такое, которое едва ли какая обитель представить можетъ. Упражненія твои въ богомыслии ничѣмъ бы совершенно не прерывались. Ты могъ бы также посвящать время твое въ своей здѣсь кельѣ на молитвословіе, чтеніе и размысленіе, какъ и въ пустынѣ отшельниковъ, съ тою только разницею, что дѣятельность твоя не имѣла бы случая и возможности страдать отъ лишенія предметовъ къ дѣйствию ее возбуждающихъ и упражняющихъ.

Въ вышеописанномъ тебѣ совѣтѣ мы указывали лишь причины, по которымъ предпріятія твои намъ кажутся неудобносполнимыми, и не представляли тебѣ никакого способа къ удовлетворенію оныхъ въ такомъ видѣ, въ которомъ приведеніе ихъ въ дѣйство сообразовалось и съ нашимъ образомъ мыслей. Описанная тебѣ выше наша жизнь, хотя также не шумная и уединенная, но, повидимому, не въ той мѣрѣ безмолвія и удаленія отъ міра, въ какой ты для себя быть желалъ. Ничто не препятствуетъ на своей странѣ, посреди своихъ родныхъ и домашнихъ, препровождать ее со всею точностію твоего предначертанія. Буде же сіе предложеніе не укрѣпитъ твоего одобренія теперь, когда ты не извѣдалъ еще опытомъ, какая трудная вещь въ нынѣшнемъ вѣкѣ сыскать миръ и доброе согласіе между людьми всякаго званія и состоянія, то просимъ тебя, не забрасывать его совершенно изъ вида твоей памяти. Быть можетъ, оно тебѣ впоследствии пригодится. А твой теплый уголокъ здѣсь дотолѣ не простынетъ, доколѣ не остынетъ совершенно текущая въ жилахъ нашихъ единая съ твоею кровь.

Мы съ братомъ, при благословеніи Божіемъ, обрелись вмѣстѣ жить и умереть, другъ друга называя, другъ друга поддерживая, другъ другу уступаая, другъ друга ставя выше себя. Почему и ты не съ нами? Любовь есть стихія христіанства, по нашему, нигдѣ бы тебѣ не предвидѣлась столь обильная жатва, какъ здѣсь. *Званія Божія въ твоемъ предпріятіи, по которому ты избираешь себѣ жизнь предпочтительно нашимъ совѣтамъ и не спрося насъ, мы не видимъ изъ твоего письма.* Кромѣ подданныхъ, мы имѣемъ племянниковъ, племянницъ, которыхъ родные обращаютъ намъ взоры свои для воспитанія и утвержденія ихъ въ добродѣтели, кое ученіемъ, кое совѣтами. Доколѣ человекъ не лишился вовсе способности быть полезнымъ другимъ, и по закону естественному и гражданскому и по закону Божію долженъ под-

взяться, подобно Начальнику и Совершителю нашей вѣры, Которыѣ ходилъ благотворя. Онъ оставилъ намъ образъ, да послѣдуемъ Ему.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 28 января 1828 года.

Любезнѣйшимъ и почтеннѣйшимъ братьямъ и друзьямъ о Господѣ радоваться.

Вы полагаете меня уже пустившимся въ преднамѣренный путь, но я еще не тронулся съ мѣста. Еще дѣло мое о пенсіонѣ не получило своего рѣшенія. Какъ скоро получу конецъ ожидаемаго мною рѣшенія, не замедляю, съ помощію Божіею, удалиться отсель и начать мое странствованіе по извѣстному уже вамъ предначертанію. Ожидая, ожидаю благосклоннаго вашего отвѣта на прекословное мое посланіе, которое, ежели чѣмъ либо окажется вамъ негоднымъ, прошу въ томъ великодушно простить мою искренность, обнаружившую предъ вами чувствованія мои сердечныя, во избѣжаніе двоедушія, достойно порицаемаго свѣше и долу. Еще приношляю вамъ, что, имѣя теперь болѣе времени обращать вниманіе свое на самого себя, болѣе и болѣе вижу сердце свое играющимъ всякихъ страстей, волнуемое ими непрестанно, вижу стужу мой и поношеніе, вижу, се срамота покрываетъ лице мое, и болѣе и болѣе убѣждаюсь, что *необходимо для меня богомысленное уединеніе*, въ которомъ бы призывающая меня въ оное божественная благодать мятежныя мои страсти утишила, усыпила, связала и, о, дабы истанла, и, наконецъ, болѣе и болѣе желаю примѣтаться къ храмамъ святымъ дивнаго во святыхъ своихъ Бога нашего Испуспителя. *Мнѣ же зѣло чести быша друзи твои, Боже* (Псал. СХХVIII, 17), зѣло утвердишася владычествія ихъ честною славою своею на небесахъ и на земли, и зѣло утвердишася владычествія ихъ надъ силами вражними, надъ всякою напастію, внутреннею и внѣшнею, находящею на человѣковъ, во еже отгоняти отъ насъ всякое зло и наставляти насъ на путь спасенія.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 4 марта 1828 года изъ С.-Петербурга.

Поучительнѣйшее ваше посланіе я получилъ и прочиталъ со вниманіемъ, многія мѣста съ назиданіемъ, а нѣкоторыя, признаюсь, съ прискорбіемъ. Всякая вещь имѣетъ двѣ стороны и всегда одну неблагопріятную. Признаю совершенно справедливымъ, что *нынѣ вообще отшельничество монашеское не то, что было въ древности*, однакоже, по опыту знакомства моего съ нѣкоторыми изъ священныхъ нашихъ отшельниковъ, вижу, что и нынѣ благодать Божія не оскудѣваетъ, но, превозблжно изливаясь на души простыхъ, ищущія умирненія свѣше

спасенія ради, преисполняютъ ихъ всякою силою духовною, такъ что отъ сердца ихъ чистаго, по слову Спасителя, истекають рѣки воды живыя, напаяющія въ жизнь вѣчную (Іоан. VII, 38) сердца смиренныя, и такъ что они дѣйствительно въ себѣ являютъ всю высоту христіанства истинно-внутренняго. Они его знаютъ совершенно, а я, признаюсь, еще не коснулся сего ученія, разумію подъ внутреннимъ христіанствомъ не иное что, какъ Самого Христа Спасителя, живущаго внутри сердца человѣческаго, по слову Его невозможному: *царствіе Божіе внутри васъ есть* (Лук. XVII, 20, 21), *и аще кто Мя любитъ и Отецъ Мой возлюбитъ его и къ нему придетъ и обитель у него сотворитъ* (Іоан. XIV, 23). Сіе внутреннее христіанство дѣйствительно есть самая возжеленнѣйшая вещь и должна быть единственною цѣлію стремленія душевнаго нашего подвига противъ трехъ сильнѣйшихъ нашихъ враговъ. Но отцы святые, въ Бозѣ почивающіе, и отцы святые живые по Бозѣ живущіе, начинали подвиги свои со вниманію человека и чрезъ внѣшнюю тѣлесную молитву, и чрезъ внѣшній тѣлесный путь и чрезъ посѣщенія частыя, елико возможно, видимыхъ святилицъ Божіихъ, и чрезъ прибѣганіе къ помощи и заступленію святыхъ угодниковъ Божіихъ, прославляя ихъ и молясь имъ, по возможности, на самыхъ мѣстахъ, гдѣ они прославлялись свыше и гдѣ, по волю Божіей, охотнѣе пріемлютъ возносимыя имъ молитвы, чрезъ все сіи средства и другія многія, о коихъ я грубый еще и понятія не имѣю, доходили и доходятъ до того, что научали внутренней духовной молитвѣ, не престающей въ сердцахъ ихъ день и ночь, что получали внутренней посты, сирѣчь воздержаніе отъ страстей, и даже надъ ними власть совершенную, что содѣлывали сердца свои внутренними святилицами Пресвятыя Троицы, что, наконецъ, и сами удостоились упокоиться со святыми идѣже вѣсть печаль, ни болѣзнь, ни воздыханіе, но жизнь безконечная. А первое таковаго ихъ блаженства начало было и есть совершенное отъ молвъ мірскихъ удаленіе или въ пустыни, или въ обители пустынныхъ, гдѣ премудрость Божія младенцамъ симъ открывалась (Мф. XI, 25; Лук. X, 21) и, яко чадолюбивѣйшая мати, питала ихъ млекою божественнаго и спасительнаго своего ученія. Многіе, изъ нихъ и почти все, много терѣли и страдали отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ и отъ самихъ своихъ сподвижниковъ, ибо люди во все времена были не ангелы, и во все времена росли и будутъ расти вмѣстѣ съ пшеницею и плевелы на селѣ Господа нашего небснаго. Все они помнили и намъ оставили урокъ помнить сіи слова: *чадо, аще приступаши работати Господеву, уготови душу твою во искушеніи*. Жизнь, вамъ проводимая, благословенна и богоугодна, и путемъ симъ спасительнымъ да управитъ васъ Господь (отъ всего сердца молю) въ обители небсныя,

сущія во множествѣ въ дому Его нерукотворенномъ, но *мекя грѣшнѣй-шю*, очищенія ради грѣховъ моихъ безчисленныхъ, по неизреченной Его милости, *призываетъ къ другой тропинкѣ на томъ же пути спасенія*, дабы внагль ею разлучась съ вами, на вѣки съ вами соединиться предъ лицемъ Божиимъ. Я разлученіе сіе почитаю только мѣстнымъ я огнюдъ, Боже избави, не сердечнымъ. Ибо, можно ли разлучить сердца, въ вѣрѣ единствующія и къ единому на потребу стремящіяся? Такъ, по истинѣ, сердцемъ своимъ я отъ васъ не отсталъ и, при помощи свыше не отстану. Увѣренъ, что и вы меня отъ себя не отринули, но только въ праведномъ вашемъ на мое самовольство негодованіи изрекли мнѣ грозное и до глубины сердца моего проникающее съ болѣзненнымъ чувствованіемъ прещеніе.

Письмо братьевъ къ Сергію, отъ 28 марта 1828 года.

Намъ представляется, любезный другъ, что ты въ чтеніи книгъ отшельниковъ и пустынножителей избиралъ изъ нихъ, такъ сказать, тѣ нити, которыя тебѣ казались особенно по нраву; изъ нихъ сотканная твоєю рукою странническая мантия, лежа безпрестанно твоему взору, закрываетъ отъ тебя вмѣстѣ съ вредными мірскими вещами и дѣла любви. Ты такъ полюбилъ въ ней составленную твоими руками ткань сію, что для охладовенія твоего взора отъ утомительныхъ по дѣятельности своей между вредныхъ и не вредныхъ мірскихъ видовъ ты надолго останавливаешь свое зрѣніе, не видя уже ничего изъ окружающихъ тебя предметовъ и содѣйствій твоего требующихъ. Всякое вложенное въ сіе время въ руки твои дѣло полагается подъ мантию до времени, подобно тому, какъ въ старину судьи клали подаваемые имъ челобятныя подъ сукно, за которымъ засѣдали, съ тѣмъ, чтобы ихъ послѣ извлечь оттуда, но никогда однакоже не извлекали.

Опасайся наче бѣды оттуда, гдѣ въ залогъ твоея вѣрности требуютъ отъ тебя того, что, будучи единожды отдано (въ монашествѣ), поставляетъ человека уже не въ состояніе судить право ли или неправо онъ умствуетъ и дѣйствуетъ; а потому, по необходимости, долженъ похвалать и оправдывать то, о чемъ судить ему не дозволяется.

Самая униженность твоя неумѣстна и производитъ въ насъ совсѣмъ отиѣнное чувство отъ того, которое ты имѣлъ въ виду, посылая намъ сіе, по мнѣнію твоему, смиреніе. Истинное христіанское смиреніе благородно, величественно. Последнее ты прежде имѣлъ въ высокой степени, но, повидимому, забылъ въ новой твоей школѣ. Всѣ древніе святые особенно отличались высокою добродѣтелью смиренія, какъ то показываютъ назидательнѣйшія ихъ жизнеописанія. Истинное смиреніе

такъ же необходимо для истиннаго христіанина, какъ для жизни тѣлесной атмосферный воздухъ. Но пріобрѣтеніе онаго нелегко потому уже, что оно такъ высоко возноситъ человѣка. *Смирненіе сердца* совершенно отлично отъ того *внѣшняго преклоненія* и униженія, которое ничего не стоитъ. Какъ, съ одной стороны, легко преклонить поклономъ, такъ, съ другой, трудно и претрудно преклонить чело сердца въ поясъ и тѣмъ паче до лица земли. Между внутреннимъ и внѣшнимъ смиреніемъ такая же разность, какъ между душою и облакающимъ оное тѣломъ. Но чтобы имѣть нѣкое понятіе о сей первѣйшей добродѣтели христіанской, надобно учиться оной не видомъ только или подражаніемъ, но истиннымъ сердца просвѣщеніемъ, безъ котораго истинное смиреніе имѣть мѣста не можетъ.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 25 апрѣля 1828 года.

Я полагаю, любезные братья и друзья, что путь нашъ нравственный есть одинъ, т. е. стремленіе къ спасенію души своей, только съ тою разницею, что васъ Господь укрѣпляетъ проходить оный безпреткновенно, а меня грѣшнаго за многіе грѣхи мои попускаетъ падать, смиренія ради гордости моея и да научуся оправданіемъ Его. Ибо вѣрю, что нехотящій смерти грѣшника, по милосердію своему, паче и наказуетъ меня, но не оставляетъ до конца погибнуть; посѣщающій жезломъ наказанія посѣщаетъ и милостію утѣшенія. Не почитаю себя довольнымъ помыслить что-либо благое о себѣ, но признавая довольство сіе протекающимъ отъ Бога, воздаю Ему изъ глубины кающейся души моея благодареніе о томъ, что желаніе удалиться совершенно отъ міра паче и паче возрастаетъ и укореняется въ моемъ сердцѣ, желаніе обнищать и поработить себя по внѣшнему человѣку ради обнищавшаго для насъ и зракъ раба приняшаго Господа, дабы получить участіе въ богатствѣ Его благодати и въ истинной, Имъ Однѣмъ даруемой, свободѣ, желаніе провести остальные дни своей жизни при алтаряхъ Его святыхъ въ сѣтованіи о всѣхъ какъ недавнихъ, такъ и давнихъ своихъ прегрѣшеніяхъ, въ надеждѣ помилованія, желаніе спасти свою душу, взявъ на себя, при помощи Божіей, крестъ кноческаго житія и нося оный съ безропотнымъ покореніемъ судьбамъ Всещедраго и Всеблагаго неоставляющаго насъ Искупителя, паче еже можемъ. — Сей есть путь, въ который стремится душа моя, путемъ предначатаго во славу Божію странствованія моего, путемъ, церковію похваляемымъ, и отцами святыми указуемымъ, и мною избраннымъ, по благоволенію Господа и Пречистой Его Матери, съ котораго соступить не смѣю и для продолженія котораго надѣюсь, по милости Господа и Пречистой Его Матери, получить и отъ васъ соизволеніе и благословеніе, когда предстану лицу вашему для принятія вашихъ братскихъ и дружескихъ со-

вѣтовъ. Тогда и о прочемъ всемъ, о чемъ угодно будетъ Господу, надѣюсь съ вами побесѣдовать, и, можетъ быть, проступки мои покажутся вамъ не самыми преступными. Дабы на пути въ вамъ сколько возможно боаѣе воспользоваться случаями почтить тѣлеснымъ и духовнымъ поклоненіемъ святую Божию и для принесенія молитвъ многъ Царицъ небесной и прославленнымъ святымъ угодицамъ Божиимъ, намѣренъ я ѣхать отсюда къ Москву чрезъ Ярославъ, дабы какъ въ семь городъ поклониться святынь, такъ и на пути изъ него въ Москву посѣтить много и пренного чтимы мною святыхъ обители, въ коихъ почиваютъ нетлѣнными своими останками святитель Дмитрій ростовскій и преподобный Сергій, также и въ другія нѣкоторыя славныя святостию обители заѣхать и помолиться и управиться ко спасенію.

Письмо братьевъ къ князю Сергію 25-го августа 1828 года.

Любезный братъ!

*Самый порывъ твой къ монашеской жизни обнаруживаетъ въ тебѣ не послѣ зрѣлаго разсужденія и совѣтовъ предпринятое обдуманное намѣреніе, а дѣйствіе страсти или пристрастія, не къ монашеству во всѣхъ его отношеніяхъ, ибо тогда любовь къ Богу и богомыслию не токмо не препятствовала бы любви къ ближнему, не токмо не охлаждала дѣятельнаго христіанства, но вяще и вяще раздувала бы сіе пламя, а дѣйствіе, говорю, страсти — страсти къ одному или нѣкоторымъ лишь видамъ монашества, которыми, наиболѣе пораженное, плѣнилось твое *воображеніе*. А великая, величайшая разность, любезнѣйшій, принимать сей санъ собственно по любви къ Богу, или *по страсти къ монашеству лишь въ нѣкоторыхъ онаго видахъ*. Неразсудительность твоя въ такомъ дѣлѣ, которое требуетъ наиболѣе услугъ отъ разсудка, оправдываетъ сіе положеніе наше. Пріемля, такимъ образомъ, часть за цѣлое, ты относишь къ себѣ, въ нѣкоторыхъ лишь пунктахъ къ монашеству прилѣпившемуся, всѣ духовныя выгоды, преимущества и вознедія облакающихъ въ санъ сей всесовершенно. *Безмолвіе наиболѣе тебя, повидимому, плѣкнившее, черная одежда, келейная жизнь и прочія внѣшности суть такія принадлежности монашества, которыя сами по себѣ ничего не придаютъ*. Буде же приняты будутъ за сущность онаго отъ вступившаго въ сей санъ, такъ, что онъ на нихъ остановится, то весьма еще могутъ обмануть его въ его ожиданіяхъ. *Сущность иночества и сущность христіанства вообще есть одна и та же, съ тою лишь разницею, что въ первой требуется совершеннѣйшей жизни, то есть совершеннѣйшаго исполненія закона Божія, который весь виситъ на любви къ Богу и ближнему.**

Степень послѣдней показываетъ и степень первой. Монахъ долженъ быть совершеннѣе мирянина, слѣдовательно и *любовь* въ немъ должна быть сильнѣе, любовь дѣятельная, ибо любовь къ ближнему умозрительная, или умозрѣнiемъ однимъ ограничивающаяся, есть *парадоксъ*, есть такое выраженiе, которое лишь иронически употребляемо быть можетъ. — Любовь къ ближнему лишь умозрительную, безъ готовности, безъ исканiя случаевъ къ благодѣянию, также не можно себя представить, какъ птицу безъ крыль, или коня безъ ногъ. *Любовь дѣятельная есть та принадлежность духовнаго человека, монаха и мирянина*, которая, какъ ртуть въ термометръ, вѣрнѣе всего показываетъ степень его святости. Любовь и въ будущемъ вѣкѣ имѣетъ составлять все блаженство праведныхъ. Высшая степень любви есть одна истинная цѣль христіанскаго совершенства — монашества. Но если, съ удаленiемъ отъ міра, удаляемся отъ человѣчества, удаляемся въ монастырь, не какъ въ пограничную крѣпость, или цитадель церкви, то есть, согражданъ нашихъ по духу, для охраненiя и защищенiя ихъ отъ вражескихъ вторженiй и нападений, для выдерживанiя перваго непріятельскаго огня, имѣя съ одной стороны непрестанную почти съ непріателемъ перестрѣлку и бдительную стражу, а съ другой, то есть, со стороны своихъ и ближнихъ, всегда отверстыя имъ врата — имѣя въ одной рукѣ духовный мечъ на пораженiе враговъ, а другой — врачую немощныхъ, возставляя падшихъ, поддерживая слабыхъ и, такимъ образомъ, созидая градъ Божій, не смотря на все препоны отъ враговъ: — *если, говорю, удаляемся отъ монастырь, какъ отъ укрѣпленiе, не доступное и чужимъ и своимъ, удаляемся для одного своего спокойствiя и безопасности, запирая все входы и челолюбiю, и состраданiю, и христіанской общительности; то не будетъ ли это болѣе похоже на мизантропическое бѣгство лживаго раба отъ законныхъ долъ и работъ своего господина*, нежели на дозволенное Господомъ устраненiе братолюбиваго христіанина отъ міра грѣховнаго, для удобнѣйшаго служенiя церкви, — устраненiе христіанина-монаха, который, въ самоотверженiи своемъ, болѣе мирянь подражая Спасителю въ несенiи креста своего, болѣе же ихъ ищетъ служить ближнимъ, шествуя за Спасителемъ, и даже положить душу свою за ближнiя свои. Одна христіанская любовь, то есть, любовь къ Богу и ближнему, дѣлаетъ различiе между обими. Любовь къ Богу и ближнему такъ тѣсно между собою соединены, что также невозможно отдѣлить ихъ одну отъ другой, какъ невозможно разсѣчь на двое солнечнаго луча. — Еслии все христіане суть воины Христовы, то монахи суть *ветераны* въ семь войскъ крестоносцевъ. А потому въ первыхъ рядахъ должно быть ихъ мѣсто, въ первомъ огнѣ, въ сшибкахъ военныхъ

Христовыхъ съ княземъ міра и его полчищами. Они наиболѣе должны участвовать къ поддержанію сообщенія войскъ между собою, по всей операціонной линіи. Бѣда, когда непріятель, хитрыми своими маневрами, успѣеть отрѣзать ихъ отъ *своихъ!* Защитники сіи требуютъ тогда сами защитниковъ.

Многіе избираютъ отшельничество и пустынное житіе, не столько съ цѣлю, славу Божію и пользу ближнимъ имѣющею, сколько изъ одного слѣпого неразумительнаго подражанія древнимъ христіанскимъ инокамъ и пустынножителямъ, думая, что, поелику сіи путемъ сямъ обрѣли свое спасеніе, то и они непременно обрящутъ оное. Это заключеніе ложное. Чтобы пути сіи древнихъ отшельниковъ, и теперь предпринимаемые, приводили къ тому же концу, надобно, чтобы было совершенное сходство въ главнѣйшихъ обстоятельствахъ, сопровождающихъ такія предпріятія. Ибо, по правиламъ логики, сходныя лишь причины производятъ сходныя дѣйствія. Какимъ бы образомъ сей путь отшельничества древними святыми проходимъ ни былъ, но непременно христіанское братолюбіе было въ ономъ первѣйшимъ руководителемъ: ибо безъ сей добродѣтели не могли бы они спастись. Подражать святымъ въ добродѣтеляхъ ихъ обязаны мы не токмо въ *качествѣ*, но и въ *количествѣ*, тѣ наиболѣе уважать и къ тѣмъ наиболѣе прилѣпяться, къ которымъ они прилѣплялись. Многіе, шествуя во слѣдъ святымъ прославляемымъ, подражаютъ наипаче тѣмъ добродѣтелямъ ихъ, которыя имъ *по нраву*, а которыя не по нраву, тѣмъ поверхностно, хотя бы сіи обращали на себя все вниманіе древнихъ оригиналовъ ихъ. Не прелесть ли это? Копирующихъ вообще очень много, а копирующихъ сходно очень мало. Чтобы копія подобилась во всемъ оригиналу, надобно долго надъ ней сидѣть, и не малое потребно искусство и терпѣніе: тогда какъ изобразить нѣсколько округлостей можно и скоро, и безъ затрудненія. *Любовь къ ближнимъ* непременно была въ заглавіи всехъ тѣхъ добродѣтелей христіанскихъ, которыми *ознаменованъ путь древнихъ отшельниковъ*: ибо безъ нея, какъ безъ атмосферы плотской, не можетъ имѣть мѣста духовная жизнь. А потому въ подражаніяхъ должны мы ей, то есть, любви, наиболѣе держаться, хотя бы они не оставили намъ примѣры оной, хотя бы Господу угодно было сокрыть отъ насъ главные ихъ подвиги. Не странно ли будетъ, когда кто, свѣдавъ изъ житія святаго, что онъ, въ продолженіи своей жизни отшельнической, пилъ плоды, пилъ воду изъ ручья, трудился въ плетеніи корзинъ или въ иномъ какомъ рукодѣліи безмолствовалъ—возьметъ въ подражаніе одни сіи его дѣйствія, *не принимая во все въ разсужденіе духовныхъ его подвиговъ, подвиговъ любви*, которые непременно имѣли мѣсто, и которые должно предполагать, ежели

не видить ихъ описанными: и будетъ также надѣяться спастись? Кто не видитъ въ такомъ подражателѣ точную копію индѣйскаго пустычника, или дервиша магометанскаго? Всѣ сіи внѣшности безъ сомнѣнія входили въ богоугодное житіе праведника; но составляютъ вовсе незначущую часть спасительнаго его поприща. — Любовь или самолюбіе: вотъ двѣ побудительныя причины, управляющія всѣми человѣческими дѣйствіями. О, какъ часто послѣдняя такъ подражаетъ первой, что лишь весьма очищенный духовный взоръ можетъ безошибочно дѣлать сіе различіе, да и то въ продолженіи немалого времени, когда со всѣхъ сторонъ успѣетъ осмотрѣть и испытать внутренняго человѣка. Съ обыкновенными же мрачными духовными очами надобно очень, очень долго обозрѣвать, чтобы безошибочно усмотрѣть путь званія Божія въ такомъ предпріятіи, гдѣ много можно сказать въ пользу онаго и мало очень вопреки. Поспѣшность въ дѣйствованіи не токмо не общаетъ такому дѣлу никакой прочности, но и есть непогрѣшительный законъ, что не разсудокъ, медлительный въ выборахъ своихъ, располагаетъ, а страсть, слѣпая страсть, которой нетерпѣливость есть всегдашній спутникъ. Что препятствуетъ тебѣ, любезный другъ, прежде нежели послушничествомъ монастырскимъ приуготовляться къ монашеству, послушничествомъ домашнимъ приуготовляться къ монастырскому послушничеству.

Письмо братьевъ къ Сергію, отъ 20 января 1829 года.

Любезный братъ! Можно ли было предвидѣть, чтобы изъ насъ трехъ, съ юнаго почти возраста вмѣстѣ шествовавшихъ и утверждавшихся на одномъ пути спасенія, подъ старость, ослабляющимся душевнымъ и тѣлеснымъ силамъ, послѣдуетъ такое разногласіе, такое упорное мнѣніе своихъ защищеніе, какого, къ величайшему нашему соболѣзнованію, мы были прошедшия лѣтомъ въ домѣ нашемъ свидѣтелями? Если бы ты искренно присоединился къ нашимъ мнѣніямъ о вѣрѣ, тогда не токмо холодность, не долженствовавшая имѣть мѣста въ христіанскомъ обращеніи и между чужими, развивавшая нѣкоторое оцѣпенѣніе въ обращеніи между нами родными братьями во всѣ дни твоего здѣсь ¹⁾ пребыванія, въ которое ты гораздо большую часть отъ насъ уклонялся, не токмо, говорю, холодность сія не имѣла бы мѣста, но и сама малѣйшее чувство неискренности было бы чуждо намъ, не лязвомъ только бесѣдующимъ, но и сердцемъ въ бесѣдахъ тавихъ соединяющимся. Тогда ты не искалъ бы политически прикрывать въ твоихъ поступкахъ то, что истинная душевность обнажаетъ.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 11 февраля 1829 года.

Миръ вамъ, любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья!

Холодность моего съ вами обращенія (впрочемъ, развѣ внѣшняя, а не внутренняя) можетъ представлена быть любви вашей въ видѣ не столь виновной, какъ съ перваго взгляда кажется. Сердце мое къ вамъ не холодно, а паче чувствуетъ оно сіе въ то время, когда предъ Господомъ воспоминаетъ ваши почтенныя имена, ибо воспоминаніе сіе пламенно. А что я особился отъ васъ, живучи съ вами, то, ежели могъ тѣмъ оскорбить васъ, признаю себя виновнымъ, впрочемъ неумышленно, и испрашиваю отъ васъ великодушнаго прощенія. Причина же тому есть самая ваша снисходительность, ибо при самомъ началѣ моего къ вамъ возвращенія, получивъ я отъ васъ братское позволеніе въ образѣ жизни моей не принуждать себя нисколько, но жить и съ вами такъ, какъ жилъ одинъ. Имѣя же преднамѣреніе посвятить дни свои богомысленному иноческому уединенію, я поспѣшилъ воспользоваться пребываніемъ у васъ къ испытанію себя и къ положенію начала такового богоугоднаго житія, въ которомъ все время проводится въ безмолвіи, уединеніи, воздержаніи и молитвахъ дневныхъ и ночныхъ и, при помощи Божіей, получая успѣхъ въ изученіи перваго сего урока, весьма благодарилъ и вашу снисходительность. Въ семъ поученіи не приходило мнѣ и въ голову мірское приличіе, тѣмъ болѣе, что міру незнакомо было намѣреніе мое отказаться отъ него вовсе. Къ тому же, вида, что и вы сами всегда заняты дѣломъ богоугоднымъ, я остерегался отвлекать васъ отъ него, и бесѣдою вашею пользовался только въ то время, когда вы отъ занятій вашихъ были свободны. Впрочемъ, жизнь богомысленная, безмолвная можетъ легко сама по себѣ показаться холодною въ отношеніи къ ближнему (въ чемъ и великіе угодники Божіи, въ пустыняхъ просіявшіе, не избѣгали обвиненія), ибо человекъ, жизнь всю ведущій уединенно, удаляется отъ людей и тщится всегда хранить безмолвіе и молчаніе. Къ уменьшенію сей моей влны смѣю снисходительной вашей любви представить и немощь мою, ибо частыя ваши обличенія, письменныя и устныя, не всегда во всемъ любовныя, нѣкоторую отъ скорби оставили во мнѣ робость, которая также имѣетъ видъ холодности.

Письмо братьевъ къ князю Сергію, отъ 4 іюля 1829 года.

Тринадцать лѣтъ тому назадъ, мы, то есть четыре насъ старшихъ брата ¹⁾, въ неблагословенный часъ дерзнули отпустить въ монастырь двухъ сестеръ своихъ ²⁾, противъ воли въ Бозѣ почивающей нашей матушки ³⁾, которая незлобивою душою, въ кроткомъ духѣ пріяла опре-

дѣленіе насъ недостойныхъ ея сыновъ, которыхъ не подвинула къ страданію ни самая ея тяжкая болѣзнь (параличъ), къ одру ея пригвоздившая и потомъ во гробъ низведшая. Намъ ли смѣть было взять на себя званіе судей? Намъ надлежало бы не давать сестрамъ отверзать устъ противъ матери и, если бы мы замѣтили нѣкоторое ихъ малодушіе, то слѣдовало бы укрѣплять ихъ братски дружескими совѣтами не только о терпѣливомъ перенесеніи всѣхъ безъ изыатія требованій матери, и матери болящей, но и доставить всевозможные случаи угождать ей, утѣшать ее, услужать ей послѣдѣйшимъ служеніемъ, ежели бы то было нужно. Вотъ это былъ бы истинно-христіанскій ихъ подвигъ, къ которому онѣ, по всѣмъ признакамъ, были призваны, и, безъ сомнѣнія, это была бы отъ нихъ угоднѣйшая Богу жертва. Но совсѣмъ не такъ мы поступили. Намъ достаточно было услышать лишь, что онѣ хотятъ въ монастырь, чтобы уже и видѣть въ томъ званіе Божіе. Если бы и подлинно искренно желаніе ихъ было посвятить себя монастырской жизни, то и чистое желаніе сіе, если бы оно было произведено въ дѣло при жизни матушки, оно было бы противъ званія Божія. *Ибо какую монашескую и наиболееудобнѣйшую жизнь можно неосужденно предпочесть служенію разбитой параличемъ, безъ ногъ, матери, которая безъ нихъ должна оставаться на рукахъ рабынь, не токмо нерадивыхъ, но и грубыхъ и непослушныхъ, какъ то и случилось? Успѣли бы онѣ удалиться въ монастырь, пріявъ послѣдній вздохъ ея и закрывъ ея глаза.* Нечего было бы быть намъ ослѣпленнымъ, чтобы не видѣть здѣсь поступка богопротивнаго. Точно такое же преступленіе, въ которомъ виновны мы и сестры, явно перичается въ іудеяхъ, злоупотреблявшихъ закономъ, прикрывая онымъ богопротивное свое намѣреніе. Ибо іудеи думали, что они властны были оставлять безъ пропитанія своихъ родителей, когда отдавали въ корванку (Марк. VII, 11—12) сумну, на сіе издерживаемую. Не то ли допустяли и сестры, отнеся въ монастырь тѣ труды и попеченія, которыми онѣ обязаны были матушкѣ, прикрывая такимъ образомъ расположеніемъ къ монастырю нерасположеніе ихъ къ матушкѣ.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 11 сентября 1829 года.

Добровольное пожертвованіе любезнѣйшею родительницею нашею своимъ спокойствіемъ, при отправленіи дочерей своихъ на *вѣрнѣйшій ко спасенію путь имоческаго житія*, конечно не осталось безъ награжденія преизбыточнаго всещедрого Господа. Себя обвиняя, любезнѣйшихъ сестеръ отнюдь не смѣю обвинить, ибо *нахожусь тысящи примѣровъ въ житіяхъ святыхъ мужей, прославленныхъ Бо-*

гомъ, въ жизни и по смерти, что ревностію къ Богу воспламененные оставляли они родителей, ближайшихъ родственниковъ, отърванныхъ спрочемъ, а не невтрныхъ, и удалялись спасенія ради во святыхъ обителяхъ, и за то не токмо не были осуждаемы свыше, но и награждаемы дарованіями благодати, и святостію своею содѣлались какъ современникамъ, такъ и потомкамъ примѣрами къ подражанію богоугоднѣйшему. Вжели же кто скажетъ, что тамъ видна была одна чистая приверженность къ Богу, а здѣсь примѣшалась скорбь нетерпѣливости въ скорби, то, во первыхъ, кто знаетъ сердце ближняго, крокъ Сердцевѣдца? а, во вторыхъ, по наученію св. отецъ, бываетъ, что сѣмя, и неумышленно мольбѣнное, но вѣтромъ занесенное, приноситъ плодъ, и тѣмъ свидѣтельствуется, что не чуждо оно благословенія свыше. Когда я получилъ ваше о семъ предметѣ писаніе, тогда читалъ въ Четыр-Мясеи (прилежно мною читаемой), 21 іюля, житіе св. Симеона, Христа ради юродаваго, и многія енаго обстоятельства весьма сходствуютъ съ тѣми, о которыхъ идетъ рѣчь, и потому прошу васъ всепокорнѣйше въ одно изъ послѣобъденныхъ вашихъ чтеній заняться упоминаемымъ жизнеописаніемъ святаго мужа съ надлежащимъ вниманіемъ: оно будетъ для васъ и пріятно и полезно. Пребываніе въ монастырѣ, съ сохраненіемъ должной монастырской строгости, близъ девяти лѣтъ, и потомъ вотъ уже почти три года въ ангельскомъ образѣ, въ которомъ и житіе проводится ангельское, въ совершенной чистотѣ, непрестанныхъ и неусыпныхъ во дни и въ нощи молитвахъ, въ постѣ строжайшемъ, въ услуженіи Господу пожертвованіемъ славы святыхи Его послѣдними лентами своими и въ пользованіи ближнихъ богоугоднѣйшаго житія примѣромъ и духовныя премудрости бесѣдами свидѣтельствуется ясно и громко всякому видящему и слышащему о любезнѣйшихъ и почтеннѣйшихъ нашихъ сестрахъ-матеряхъ, что онѣ отъ Господа призваны изъ міра въ недра святыхъ обителей, въ образъ ангельскаго иноческаго чина, и что благословеніе Господа почи- ваетъ на нихъ, и что есть имъ отъ Господа благо, и потому я никакъ сказать не могу, чтобы заповѣдь Божія о почитаніи родителей оледѣнѣла въ сердцахъ ихъ, пылающихъ божественною любовію. Также, по тѣмъ же причинамъ, никакъ не дерзаю назвать корваномъ удаленіе ихъ отъ матери къ ближайшему съ Господомъ соединенію, ибо такимъ образомъ укорилъ бы я и многихъ святыхъ Божіихъ, какъ выше сказано. Бывшее имъ во свѣ видѣніе почитаю я не просто сномъ или мечтою, но откровеніемъ свыше, и тѣмъ паче увѣряюсь, что благопріятна Господу жертва дочерей, отрекшихся міра для угожденія ему и жертва матери, отдавшей ихъ Господу отъ лишенія своего спокойствія. Не вѣдно вѣрить снамъ, но какъ и какому и кому? Иначе въ самомъ священномъ Писаніи найдемъ мы достаточное осужденіе, не говоря уже о житіяхъ святыхъ, церковію

предлагаемыхъ вѣрнымъ чадамъ ея, да вѣрують и послѣдуютъ писанному. Въ томъ же прологѣ, гдѣ заключается поученіе о невѣрованіи снамъ, находится многія повѣсти, въ которыхъ сновидѣнія утверждаются достовѣрными. И потому я думаю, что всякій человѣкъ всякому сну своему не долженъ вѣрить, но что долговременное пребываніе человѣка въ чистотѣ, постѣ и молитвѣ содѣлываетъ сердце его чистымъ къ узрѣнію Бога въ явленіи открываемыхъ имъ судьбъ Его: между плодами пришествія Св. Духа на землю ичисляется и таинственное сновидѣніе: *и сторцы ваши соня видятъ* (Юль II, 28—32). По симъ соображеніямъ я увѣряюсь несомнѣнно, что бывшее во снѣ явленіе въ Бозѣ почивающей матушки любезнѣйшимъ сестрамъ и пророчественныя и духовнѣйшія ея съ ними бесѣды не есть мечта воображенія, но откровеніе свыше, и, вѣроятно, въ утѣшеніе сердецъ ихъ, конечно, не нескорбѣвшихъ о своемъ отъ матери отлученіи, о которомъ нельзя было не дойти до нихъ неблагопріятнымъ слухамъ.

Наконецъ, вы, любезнѣйшіе братья, *наки укоряете меня, что я тайно вздумалъ идти въ монастырь и уже его исполнилъ, жалѣете, что меня отпустили, и отсовѣтываете отъ вступленія въ подвигъ иночества*, къ которому я предобучаюсь. На сіе скажу вамъ, что многіе святые мужи для сей важной цѣли христіанскаго совершенства тайно оставляли дома родительскіе, и безъ благословенія родительскаго вступали въ святія обители, и сподоблялись благословенія Божія за свою ревность оставить міръ и вся яже въ немъ. Подражаніе, хотя впрочемъ слабое, угодникамъ Божиимъ не можетъ быть сочтено преступнымъ. Я же не скрылъ отъ васъ своего намѣренія, а ежели не съ самаго начала, объявилъ о немъ, то потому, что предвидѣлъ ваше противленіе, которое и теперь еще не прекратилось. Но я прошу васъ не отсовѣтывать дѣла спасительнѣйшаго, ибо мнѣ противъ воли моей въ отсовѣтываніяхъ таковыхъ слышится несогласное съ церковію неуваженіе иноческаго амальскаго чина, которая на земли высшаго нѣтъ и быть не можетъ. Не жалѣйте и о томъ, что отпустили меня съ миромъ, дабы послѣ не пожалѣть о лашеніи свыше награды за спасеніе грѣшника къ вамъ ближайшаго, котораго вамъ удержать отъ теченія на путь покаянія было впрочемъ невозможно.

Письмо братьевъ къ Сергію, отъ 23 сентября 1829 года.

Ты, любезный другъ, не дорожишь, повидимому, нашимъ согласіемъ или несогласіемъ на принятіе тобою монашества. Ты опираешься на примѣры нѣкоторыхъ святыхъ, оставившихъ родителей своихъ и родныхъ. Дѣйствительно нѣкоторые святые оставляли родину и родныхъ, но въ какомъ

случай? — Тогда, — когда ихъ удерживали дома *безъ особенной причины*, но ты, какъ ни говори, безъ сомнѣнiя не сыщешь примѣра оставленiя своихъ родныхъ, не смотря на такія положительныя обстоятельства удерживавшихъ ихъ по той же самой причинѣ, по которой мы теперь удерживаемъ тебя.

Любезный другъ, куда ты зашелъ? Куда ты зашелъ? Не видишь ли ты, какъ ты насъ терзаешь? Не видишь ли ты, любезный другъ, какія безпрестанно обнаруживаются послѣдствiя за отверженiемъ тобою нашихъ остереженiй? Вернись, любезный другъ, доколь еще простираемыя наши въ тебѣ объятiя, охладѣвъ смертнымъ хладомъ, на вѣки не опустились.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 16 октября 1829 года.

Почтеннѣйшіе братья! Престаньте, молю васъ усерднѣйше, отзывать меня изъ тихаго пристанища въ житейское море. Куда я зашелъ — совѣтуете вы мнѣ, опомившись, рассмотреть. Куда же я зашелъ? Зашелъ я на *путь покаянiя* во грѣхахъ безчисленныхъ и безмѣрныхъ, зашелъ я на *тѣсную стезю* богоугоднаго иноческаго житiя, ведущую въ пространство жизни вѣчной. Зашелъ я въ *училище дѣятельнаго обученiя всякой добродѣтели*, а паче всего смиренiя, безъ котораго всѣ прочiя, яко на песокъ, а не на камени, основанныя, подвергаются скорому и бѣдственному паденiю. Зашелъ я во *святилище Божiе*, въ немъ же выву до вся дни, по уставу святыхъ церквей, приносится Ему моленiе и славословіе отъ слугъ Его, оставившихъ яремъ рабства мірскаго и Ему единому работающихъ. Зашелъ я въ *ограду спасенiя* отъ звѣрей лютыхъ, каковъ есть міръ и діаволъ. Все сіе соображая, не могу почестъ себя виновнымъ, что зашелъ туда, куда зашелъ. Но не самъ я зашелъ, а заведенъ благодатию Божіею, чудесно о мнѣ промышляющею, за которую не имѣю я словъ въ умѣ и устахъ благодарять великаго и всещедрата моего Благодѣтеля. Успокойтесь, еще въ заключенiе повторяю, относительно жребiя, свыше мнѣ назначеннаго, но не представляйте молиться, дабы Господь благодатию Своею не преставалъ оживлять корень для принесенiя плодовъ, дабы, сподобивъ меня взятъ за орапо воздѣлыванiя нивы душевной въ униженномъ, по мірскому мнѣнiю, званiи, воспретилъ бы озираться назадъ, управилъ въ царство свое небесное вмѣстѣ со всѣми Ему благословенными...

Всякое малѣйшее даже противъ васъ возраженiе для меня тягостно, и потому я всегда, сколько могъ, избѣгалъ онаго въ моей съ вами перепискѣ, а теперь уже не рѣшусь отнюдь продолжать горестнаго для меня о вѣрѣ словопренiя.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ГЛАВА IV.

1) Здѣсь разумѣется пребываніе князя Сергія въ селѣ Архангельскомъ лѣтомъ 1828 года. Князь Сергій предполагалъ, было, провести великій постъ въ Юрьевѣ монастырѣ, весною 1828 года отправиться на богомолье въ Кіевъ, а отсюда уже въ село Архангельское. Но братья потребовали отъ него немедленнаго прибытія къ себѣ на родину, что онъ и исполнилъ. Въ началѣ іюня 1828 года князь Сергій прибылъ въ Архангельское и оставилъ его въ концѣ іюля мѣсяца, предпринявъ отсюда путешествіе въ Кіевъ и другія святыя мѣста.

2) Здѣсь разумѣются слѣдующіе четыре брата: князь Павелъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, умершій въ г. Можайскѣ 25-го апрѣля 1844 года, князь Алексѣй Александровичъ, скончавшійся въ селѣ Архангельскомъ 2-го августа 1849 года, князь Сергій Александровичъ (въ монашествѣ о. Аникита) и князь Василій Александровичъ, умершій 20-го сентября 1834 года въ своемъ имѣніи въ селѣ Пахомовѣ, Рославскаго уѣзда, Смоленской губерніи, гдѣ онъ провелъ большую часть своей жизни.

3) Двѣ сестры, княжны Александра Александровна и Анна Александровна Ширинскія Шихматовы, въ концѣ 1816 года поступили въ смоленскій женскій Вознесенскій монастырь, гдѣ и приняли монашество, первая подъ именемъ Агаеоклія, а вторая—Августы. Въ 1833 году монахиня Августа одѣлана была игуменіею вяземскаго Аркадьевскаго монастыря, съ нею переѣхала въ Вязьму и сестра ея Агаеоклія, которая въ томъ же 1833 году и скончалась здѣсь. Игуменія Августа въ свое продолжительное управленіе привела Аркадьевскій монастырь въ самое цвѣтущее состояніе. Она скончалась 20-го августа 1859 года, 69 лѣтъ отъ роду. Памятная записка объ усопшихъ родственникахъ кн. Ширинскихъ-Шихматовыхъ.

4) Мать братьевъ князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ, княгиня Ольга Васильевна Ширинская-Шихматова, осталась тридцатисемилѣтнею вдовою съ двѣнадцатью дѣтьми на рукахъ, изъ которыхъ старшему было не болѣе двадцати лѣтъ, и никто изъ нихъ не былъ устроенъ. Благодаря необыкновенной энергіи княгини-матери, всѣ ея дѣти получили хорошее образованіе и заявили себя выдающеюся дѣятельностью на разныхъ ступеняхъ государственной службы. Княгиня Ольга Васильевна скончалась 10-го ноября 1820 года. Она одиннадцать лѣтъ была одержима параличемъ и послѣдніе два съ половиною года лишена была употребленія ногъ. Памятная записка объ усопшихъ родственникахъ кн. Ширинскихъ-Шихматовыхъ.

V.

Князь Сергій Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, въ концѣ 1827 года, подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы при Морскомъ корпусѣ. Дѣло объ отставкѣ почему-то затянулось на долго. Въ мартѣ слѣдующаго 1828 года, князь Сергій, не дождавшись указа объ отставкѣ, уѣхалъ изъ Петербурга и, въ концѣ великаго поста, прибылъ въ Юрьевъ монастырь. Отсюда, при наступленіи лѣта, онъ предполагалъ предпринять путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ и прежде всего отправиться въ Кіевъ. Но братья, князя Павелъ и Алексѣй Александровичи, настойчиво требовали, чтобы князь Сергій поскорѣе прибылъ къ нимъ въ село Архангельское, для разясненія возникшихъ между ними релігіозныхъ разношійнй. Князь Сергій уступилъ требованіямъ своихъ старшихъ братьевъ и, лѣтомъ 1828 года, прибылъ на свою родину, въ село Архангельское. Здѣсь между братьями происходили продолжительныя и горячія пренія по извѣстнымъ уже спорнымъ богословскимъ вопросамъ.

Князь Сергій Александровичъ, между прочимъ, объявилъ братьямъ о своемъ желаніи принять монашество и поселиться въ Юрь-

своём монастырѣ и просилъ ихъ, какъ старшихъ братьевъ, благословить его на предпринимаемый имъ иноческій подвигъ. Братья, и раньше не одобрявшіе намѣренія Сергія о принятіи имъ монашества, высказались и теперь противъ этого его намѣренія вообще, а также и противъ поступленія его въ Юрьевъ монастырь въ особенности. Для того, чтобы подѣйствовать на своихъ братьевъ въ пользу своихъ намѣреній и отклонить ихъ возраженія какъ противъ монашества, такъ и противъ Юрьева монастыря, князь Сергій сообщилъ братьямъ какое-то особое откровеніе свыше, бывшее относительно его одному изъ братій Юрьева монастыря, которымъ онъ, князь Сергій, признавался къ монашескому постриженію и подвигамъ именно въ Юрьевомъ монастырѣ. Это откровеніе изложено было въ письмѣ, запечатанномъ семью печатами, съ англійскою надписью релігіознаго содержанія. Писателемъ письма съ откровеніемъ, да и изобрѣтателемъ послѣдняго¹⁾ былъ о. архимандритъ Фотій, который, по предположенію братьевъ, воспользовался печатью съ англійскою надписью отъ графини А. А. Орловой, пояснившей писателю письма и самый смыслъ англійской надписи. Къ сожалѣнію, въ перепискѣ братьевъ не встрѣчается никакихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о характерѣ и содержаніи откровенія. Такъ какъ князь Сергій подробно сообщалъ о немъ своимъ братьямъ устно, при личномъ свиданіи, то въ дальнѣйшей перепискѣ

¹⁾ Архимандритъ Фотій вообще любилъ окружать свои дѣянія особенною таинственностію. Разъ прибылъ въ Юрьевъ монастырь съ мѣста родины о. Фотія одинъ молодой парень, страдавшій какою-то болѣзнію. Архимандритъ-землякъ пріютилъ больного парня у себя въ монастырѣ, и тотъ здѣсь скоро оправился отъ своей болѣзни. Разъ о. Фотій пригласилъ его къ себѣ въ келлію и далъ ему большую просфору, съ тѣмъ, чтобы тотъ ѣлъ просфору, отламывая отъ нея по маленькому кусочку, и въ то-же время читалъ молитву: «Богородице, Дѣво радуяся». Сдѣлавъ такого рода указаніе, о. Фотій тотчасъ-же вышелъ изъ келліи. Парень сталъ ѣсть просфору, вдругъ слышитъ, что у него во рту что-то заавѣяло. Оказалось—золотой. Въ это самое время Фотій возвратился въ свою келлію и, на рассказъ удивленнаго земляка о находкѣ въ просфорѣ, сказалъ: «возьми золотой себѣ, это тебѣ Богородица дала.» Свѣдѣнія объ о. Фотіи, собранныя на мѣстѣ его родины, въ с. Ямъ-Тесовѣ, Новгородской губ. и уѣзда. Сообщилъ И. П. Можайскій. «Историч.» Вѣстникъ 1888 года, т. XXXII, стр. 148.

между полемизирующими братьями и не представлялось надобности распространяться о подробностях факта, который хорошо известенъ былъ обѣимъ сторонамъ.

Разсказъ князя Сергія объ откровеніи не произвелъ особеннаго дѣйствія на братьевъ. Онъ заслоненъ былъ другими разсужденіями. Предъ отъѣздомъ князя Сергія изъ села Архангельскаго, между нимъ и его братьями установилось видимое согласіе по всѣмъ спорнымъ богословскимъ вопросамъ. Братья свое единеніе въ религиозныхъ взглядахъ засвидѣтельствовали въ особомъ писанномъ такъ называемомъ ими „примирительномъ актѣ“. Князья Павелъ и Алексѣй Александровичи дозволили, подъ условіемъ единенія и согласія въ религиозныхъ мнѣніяхъ, князю Сергію какъ принятіе монашества, такъ и поступленіе въ число братіи Юрьева монастыря.

По отъѣздѣ князя Сергія изъ села Архангельскаго, оставшіеся въ немъ братья стали вдумываться въ смыслъ происходившихъ между ними богословскихъ разсужденій. Неизвѣстно почему, у нихъ скоро закралось подозрѣніе относительно искренности состоявшагося единенія въ спорныхъ вопросахъ и особенно сильно стало развиваться у нихъ недовѣріе къ направленію, господствовавшему въ Юрьевомъ монастырѣ. У братьевъ составился взглядъ на Юрьевъ монастырь какъ на такое мѣсто, гдѣ „нѣвѣютъ пріютъ противныя церкви мнѣнія“. Выходя изъ такого взгляда на Юрьевъ монастырь, братья стали высказываться самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ поступленія Сергія въ этотъ монастырь. „Скорѣе мы“, писали братья Сергію, „согласимся видѣть тебя, любезный другъ, на концѣ свѣта отъ насъ, нежели въ Юрьевомъ монастырѣ; кромѣ Юрьева монастыря не держимъ тебя ни въ какой другой“. Кромѣ того, братья совѣтовали Сергію поступить въ какойнибудь другой монастырь, но „только не богатствомъ, а бѣдностію знаменитый“.

Князь Сергій Александровичъ догадывался, что причина нерасположенія его братьевъ къ Юрьеву монастырю кроется въ сильномъ недовѣрїи ихъ къ настоятелю этого монастыря архимандриту Фотію и потому поставилъ своею задачею выставить предъ ними

въ надлежащемъ видѣ великую и свѣтлую личность о. Фотія. Самъ онъ съ величайшимъ благоговѣніемъ относился къ о. Фотію, который, по его словамъ, явился „свыше избраннымъ благодатію Божією защитникомъ церкви Божіей отъ сильнаго нападенія враговъ ея“, а управляемый имъ монастырь не былъ „гнѣздомъ какого нибудь раскола или еретичества, какъ представляли братья, а, напротивъ, представлялъ изъ себя хранилище церковнаго православія“. Князь Сергій смотрѣлъ на своего архимандрита, какъ на вполне святаго мужа, обладавшаго даромъ чудесъ и исцѣленій. Онъ называлъ Фотія „избраннымъ орудіемъ благодати Божіей“. Въ доказательство высоты нравственнаго характера своего настоятеля, князь Сергій отправилъ къ своимъ братьямъ рукопись съ подробнымъ описаніемъ одного чуда, совершеннаго Фотіемъ. Это чудо было — изгнаніе бѣса изъ одной бѣсноватой женщины. Одна искательница приключеній явилась въ Юрьевъ монастырь и объявила архимандриту, что въ ней бѣсъ. Архимандритъ Фотій сталъ ее отчитывать, и бѣсъ, по словамъ больной, оставилъ ее. Фотій, нисколько не подозрѣвая здѣсь обмана, помѣстилъ исцѣленную по близости монастыря и самъ сталъ относиться къ ней, какъ къ личности святой и богоугодной. По ея совѣту, Фотій сталъ созывать въ монастырь, для слушанія вечерняго правила, дѣвушекъ окрестныхъ деревень, изъ коихъ нѣкоторыя, подъ разными предлогами, оставались въ монастырѣ и на ночь. Отсюда пошли неблаговидные толки и сплетни. Дѣло дошло до высшаго начальства. Мнимоисцѣленную велѣно было выслать изъ Юрьева монастыря, а архимандриту Фотію послѣдовалъ строгій выговоръ. Если главный виновникъ мнимаго чуда сдѣлался жертвою обмана, то такою же жертвою былъ, въ данномъ случаѣ, и князь Сергій, въ простотѣ сердечной видѣвшій въ мнимобѣсноватой женщинѣ дѣйствительно исцѣленную. Въ подтвержденіе своего взгляда на о. Фотія, какъ на угодника Божія, одареннаго силою чудотворной, князь Сергій сообщалъ своимъ братьямъ о новомъ чудѣ, совершенномъ о. Фотіемъ. Въ Юрьевъ монастырь жилъ одинъ схимникъ, два года страдавшій водяною болѣзнію, которую, по ея безнадежности, отказались лечить всѣ врачи, предсказывавшіе больному близкую

кончину. О. Фотій взялъ больного къ себѣ въ келлію, и умиравшій схимникъ чрезъ недѣлю совершенно выздоровѣлъ.

Князья Павелъ и Алексѣй Александровичи не убѣдились доводами своего брата. Они съ большою разборчивостію отнеслись ко всѣмъ его сообщеніямъ и остались при прежнихъ своихъ взглядахъ на Юрьевъ монастырь и на его настоятеля. Братья всесторонне разсмотрѣли сообщенное имъ Сергіемъ откровеніе и нашли его плодомъ не божественнаго внушенія, а грѣховнаго человѣческаго измышленія. Точно также въ исцѣленіи бѣсноватой, съ которымъ они познакомились изъ присланной княземъ Сергіемъ рукописи, они не хотѣли видѣть чуда, а бѣсноватую женщину называли не болѣе какъ притворной кликушей. Братья никогда не переставали вооружаться противъ вступленія князя Сергія въ Юрьевъ монастырь.

Точно также непреклоннымъ въ своемъ намѣреніи остался и князь Сергій Александровичъ. Онъ, не смотря на всѣ настоянія братьевъ, по принятіи монашества вступилъ именно въ число братіи Юрьева монастыря и сдѣлался однимъ изъ самыхъ преданнѣйшихъ учениковъ (по монашеству) архимандрита Фотія.

Не смотря на разность во взглядахъ, и на независимость своихъ дѣйствій, и особенности образа жизни, между князьями Павломъ и Алексѣемъ Александровичами съ одной стороны и княземъ Сергіемъ Александровичемъ съ другой никогда не прекращались, даже нисколько не охлаждались взаимныя родственныя чувства. Это замѣчательная черта всѣхъ братьевъ, возможная только среди такихъ высокихъ религіозно-нравственныхъ характеровъ, какіе составляли принадлежность всѣхъ членовъ семейства князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ.

Письмо князя Сергія Александровича Ш.-Шихматова къ братьямъ Павлу и Алексѣю Александровичамъ, отъ 17 января 1828 года, изъ С.-Петербурга.

Миръ вамъ отъ Господа, любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья! Извѣщаю васъ, что я не получалъ еще указа объ отставкѣ, такъ что опасаясь, чтобы замедленіе сіе не заставило меня дожидаться здѣсь

и великаго поста, а святое время четьредесятницы, время покаянія и очищенія, и по сему отношенію для меня многогрѣшнѣйшаго особенно-важное и драгоцѣнное, имѣю я ревностнѣйшее желаніе провести все въ обители святой св. великомученика Георгія ¹⁾, у почтеннѣйшаго отца Фотія, дабы тамъ, такъ сказать, взять первый урокъ высокаго ученія жить во святомъ по Божѣ уединеніи, и дабы, чувствуя совѣсть свою изъязвленную, испросить не моими недостойными молитвами, но молитвами подвижниковъ Божіихъ, себѣ отъ Господа прощеніе и благословеніе на путь странствія къ святымъ мѣстамъ и къ вѣчности, послѣ же четьредесятницы (всѣ сіи предположенія утверждая на ономъ словѣ—аще Господь повелитъ, и живъ буду), дождавшись въ ожиданіи просушки 23-апрѣля, памяти святаго великомученика, покровителя обители и моего великаго заступника, помолитъсѣ ему усерднѣйше и испроситъ напутствованіе его защищенія отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. По сей причинѣ, теперь никакъ нельзя мнѣ пуститься въ Архангельское, да и послѣ еще не прямо туда стезя мнѣ указывается. Ибо, почитая по совѣсти жребій званія моего рѣшеннымъ уже на высшемъ судилищѣ, въ чемъ и вашего подтвержденія не отчаиваюсь, долженъ, не говоря уже о издержкахъ, дорожить удобствомъ лѣтняго пути и времени для совершенія предначинаемаго путешествія, никто же возложъ руку на рало, и зря вспять, управлевъ есть въ царствіи Божіи (Лук. X, 62); и путь предлежитъ великій и не безтрудный, а именно въ Кіевъ (куда по бѣлорусскому тракту четьреста верстъ выкинется противъ московскаго), гдѣ и пожить надобно будетъ, дабы воспользоваться святынею онаго, въ Ахтырку, въ Курскъ на поклоненіе Царицѣ небесной предъ Ея чудотворящими иконами; потомъ для сей причины желаю отъ всего сердца припасть къ стопамъ Ея и въ Казани, имѣя по Ея дару особенное благоговѣніе къ тамошнему чудотворному Ея образу, предъ подножіемъ котораго и нынѣ припадаю, прозяноса сердцемъ и устами тропарь, для сего образа сочиненный, тропарь, удивительную силу въ себѣ заключающій, который да произнесется и умиращими моими устами. Притомъ же, усердствуя помолитъсѣ и на всякомъ мѣстѣ владычествія Господни въ обителяхъ святыхъ, на пути странствованія моего, или близъ онаго находящихся, долженъ не малое употребить на сіе время, такъ что по сему обстоятельству, при всемъ сердечномъ желаніи, едва ли удастся мнѣ достигнуть Казани. Ежели же сямъ благополучіемъ благословитъ меня Царица небесная, то оттуда угазается мнѣ путь чрезъ Нижній Новгородъ, Кострому, Ярославль и Ростовъ къ великому угоднику Божію Дмитрію, усерднѣйше мною чтимому и подъ покровомъ коего и теперь нахожу я упокоеніе, ибо въ церкви нашей теплый придѣлъ, въ которомъ совершается теперь служба, посвященъ во имя его, а оттуда къ великому въ-

святыхъ, заступнику моему усердѣйшему, съ душевнымъ глубокимъ благоговѣніемъ мною призываемому, Сергію чудотворцу, а отъ него же къ московскимъ нашимъ чудотворцамъ и всероссійскимъ. Исполненіе всѣхъ предположеній, къ спасенію души моея клонящихся, отъ любящихъ меня, конечно, не будетъ затруднено; и я, изложивъ вамъ планъ первой половины моего странничества на югъ (ибо вторая простирается къ сѣверу), до пріятнѣйшаго съ вами свиданія, прошу убѣдительнѣйше вашу любовь утвердить оный вашимъ соизволеніемъ, дабы я какъ не бѣглець отъ васъ, но какъ посланный вами молиться о себѣ и о васъ, ревностнѣе могъ исполнить сіе священнѣйшее дѣло. Не будетъ сіе книга распустная, но торжественное свидѣтельство вашего къ Богу усердія, по которому вы жертвуете собственнымъ удовольствіемъ во славу Божию и для спасенія ближняго, къ которому, хотя и недостойному, ревностную любовь въ душѣ своей питаете. Притомъ же, братія возлюбленная, помнить надобно, что всѣ наши здѣшнія и самыя долголѣтнія сожитія суть только минутныя свиданія, и что пещись должно всемѣрно о томъ только, чтобы тамъ свидѣться намъ предъ престоломъ Божиимъ, гдѣ уже чрезъ цѣлую вѣчность не будетъ разлученія; и такъ какъ я по совѣсти почитаю подлежащее мнѣ странствованіе и уединеніе по Божѣ вѣрною стезею, къ сему неразлучному съ вами свиданію ведущую, то уповаю, что и ваша любовь отъ сей стези нелукавой не возбранитъ ногамъ моимъ, и тѣмъ возвеселите душу мою, сѣтующую нынѣ о вашемъ на меня огорченіи и возрадуете сердце мое сокрушенное своимъ оказанствомъ. *Имъ же образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице возжада душа моя къ Богу крѣпкому, живому*, (Псал. XLI, 2—3), въ безмолвіе священнаго во святыхъ обителяхъ уединенія, да утолитсѣ убо сія жажда моя чашею студены воды вашего согласія и благословенія, и востыяну въ дни воздаянія не погубите вы изды своя (Мф. X, 42).

Отецъ Фотій, по милости своей, уже приуготовилъ мнѣ грѣшнику уголь во святой своей обители, и я духомъ порываюсь вселиться въ оный на святую четырѣдесятницу.

Послѣднее письмо князя Сергія къ братьямъ изъ С.-Петербурга отъ 4 марта 1828 года.

Миръ вамъ отъ Господа, и отъ Пречистой Матери, и отъ всѣхъ силъ небесныхъ, и отъ всѣхъ святыхъ.

Черезъ нѣсколько часовъ, ежели Господь благословитъ, отправляюсь въ путь, и потому прошу не взыскать съ меня, ежели нѣсколько сокращенно буду писать, ибо Господь вдругъ рѣшилъ отъѣздъ мой... Дѣло мое еще не кончено, и я рѣшилъ оставить все на волю Божию, убоясь, что путь земной скоро исчезнетъ. Прощайте любезные братья и друзья, помилуйте. Весь вашъ братъ и слуга С. Шахматовъ.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 26 марта 1828 года, изъ Юрьевскаго монастыря.

Христосъ воскресъ,

Любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья!

Наконецъ, какъ уже вамъ по моему послѣдному письму извѣстно, я, можно сказать, изторгся, или лучше сказать, изторженъ Промысломъ Божиимъ и Божіей Матери изъ среды шумныя столицы и вступилъ въ путь желаемый и, благодареніе Господу и Пречистой Его Матери, вижу по сіе время дивныя Ихъ милости, напутствующія грѣшника-странника помощію во спасеніе. Оставивъ дѣло свое нерѣшеннымъ на волю пекущагося о непотребномъ рабѣ Господа-Промыслителя, дабы не упустить земнаго пути, а еще паче драгоцѣннаго великопостнаго времени, разставшись со слезами съ добрыми ближними и съ дражайшими добрѣйшими кровными, пустился, по влеченію сердечному, къ Царицѣ небесной въ Тихвинъ и сподобился предстоять Ея чудотворной иконѣ и поклоняться Ей, и лобызать Ее отъ сердца умиленнаго... ²⁾. Вечеромъ семнадцатаго марта, хотя поздно, прибылъ въ Юрьевъ монастырь, подъ защиту св. великомученика Георгія и подъ гостепріимный кровъ стараго моего, ежели смѣю сказать, друга или паче наставника отца Фотія. Только св. Великомученику угодно было, чтобы я въ обитель его не пріѣхалъ, а пришелъ пѣшъ; ибо, съ версту не доѣзжая до монастыря, извозчикъ мой свернулъ не болѣе сажени съ дороги въ сторону и увязилъ повозку въ таломъ снѣгу такъ, что никакъ лошади вытащить ее не могли, доколѣ не приспѣла помощь изъ монастыря. Почтеннѣйшій мой страннопріемецъ, спаси его Господи, не только меня упокоеваетъ, но какъ отецъ малое чадо свое дѣлаетъ. Кельи мои не монашескія, а княжескія, ибо состоятъ изъ трехъ чистыхъ и теплыхъ покоевъ на углу ограды, подъ башнею, одною стороною обращенныя на Волковъ, а другою на озеро ³⁾; въ нихъ жилъ нѣкогда на покой многія лѣта одинъ святитель Божій, уже скончавшійся ⁴⁾. Во всемъ имѣя совершенное довольство, имѣю паче всего ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе душевное вечеръ, утро и полудне ежедневно приметаться въ дому Бога моего (Псал. LXXXIII, ст. 11), присутствуя во храмахъ благолѣпныхъ, или паче великолѣпныхъ, при богослуженіи, совершаемомъ, во истинну, благолѣпно. Бесѣды отца архимандрита и любовное согласіе братіи, примѣръ достойный подражанія, назидаль душа грѣшника, по благодати Божіей, не вовсе еще ожесточеннаго. Уединеніе (ибо монастырь въ трехъ слишкомъ верстахъ отстоитъ отъ города) и почти безпрестанная молитва, особенно на страстной недѣлѣ (въ которую Господь всемилостивый и пса нечистаго подтранезнаго не лишилъ крупницы хлѣба животнаго), признаться, крайне для меня сладостны, и чувствую,

что для души не бесполезны. Сегодня только въ первый еще раз собрался я въ городъ и то для причинъ болѣе духовныхъ, нежели тѣлесныхъ, и, по благословенію отца настоятеля, Господь утѣшилъ меня исполненіемъ моего желанія. Отслушавъ литургію въ монастырѣ, засталъ еще часть литургіи, совершаемой здѣшнимъ *сикаріемъ* ⁵⁾ въ Софійскомъ соборѣ, потомъ отпѣлъ молебень Премудрости Божіей Софіи великоименитой и всѣмъ новгородскимъ чудотворцамъ, и сподобясь приложиться къ мощамъ шести угодниковъ Божіихъ ⁶⁾ нетлѣннымъ и на вскрытіи лежащихъ, а седьмого подъ спудомъ ⁷⁾, благословился у пресвященнаго въ его дому, помолился еще Царицѣ небесной предъ чудотворною Ея иконою, известною подъ именемъ Знаменья... ⁸⁾, наконецъ возвратился съ миромъ душевнымъ въ мирную обитель, въ ней же Господь и пречистая Его Матерь и св. великомученикъ Георгій и св. святитель Θεоктистъ чудотворецъ (котораго мощи здѣсь почиваютъ подъ спудомъ) дали убѣжище грѣшному страннику. Обитель сія есть одна изъ самыхъ древнихъ въ Россіи, ибо болѣе осьми сотъ лѣтъ какъ построена, состоящая въ числѣ первоклассныхъ монастырей (въ которыхъ настоятели архимандриты, архіерейски священнодѣйствующіе), совсѣмъ уже приходила въ разрушеніе, какъ Господу угодно было и великомученику избрать отца Фотія настоятелемъ. При помощи Божіей, при щедромъ вспоможеніи духовной своей дочери Анны Алексѣевны Графини Орловой-Чесменской и при собственномъ своемъ неусыпномъ трудѣ и многолѣтнемъ, онъ не только обитель возобновлялъ, но и возвеличилъ ее славою чудною. Ибо великолѣпіе грама соборнаго такъ поразительно и велико, что, я думаю, едвали гдѣ въ Россіи есть что подобное. Утварь и ризница драгоценностію составляютъ сокровище. Внутреннее устройство братіи приходитъ къ совершенству, по составленному отцемъ Фотіемъ уставу общежитія строгаго, уже введеннаго въ обитель. Здѣсь прошу я Господа потерпѣть грѣхамъ моимъ и сподобить меня участвовать въ празднествѣ духовномъ всенародномъ въ день праздника великомученика святаго (23 апрѣля), а потомъ, съ

а) Св. Θεоктистъ былъ хиротонисанъ въ архіепископа Новгородскаго въ 1300 году изъ игуменовъ Благовѣщенскаго Новгородскаго монастыря; въ исходѣ 1308 года удалился на покой въ тотъ же монастырь, гдѣ и почилъ 23 декабря 1310 года. Послѣ упраздненія въ 1764 году Благовѣщенскаго монастыря мощи святителя Θεоктиста св. синаодъ, по ходатайству митрополита Новгородскаго Гавріила, разрѣшилъ перенести въ Юрьевъ монастырь, въ которомъ они покоятся подъ спудомъ, въ серебряной рацѣ, по лѣвую сторону олтара церкви св. Великомученика Георгія. Архимандритъ Фотій устроилъ по близости малый придѣлъ во имя св. Θεоктиста. Строевъ. Списки іерарховъ. 34. 111. X. Н. Муравьевъ. Путешествіе по св. мѣстамъ русскимъ. Спб. 1888 года ч. 1 изд. 6, 343—344.

напутствованіемъ Его заступленія и съ благословеніемъ отца и молитвами братіи святой, по просушкѣ уже, пуститься въ путь къ Кіеву. Но прежде помолюсь Господу, да сподобитъ посѣтить еще здѣсь монастыря три, въ которыхъ и прежде еще я не бывалъ. Письма ваши ко мнѣ, дабы не беспокоить о. архимандрита, прошу васъ надписать на имя казначея обители іеромонаха отца Георгія, моего духовнаго отца. Простите, любезнѣйшіе друзья и братья. Буди на васъ благословеніе свыше во всемъ и всегда. Весь вашъ нижайшій слуга и усерднѣйшій братъ С. Шихматовъ.

Письмо братьевъ къ князю Сергію. С. Архангельское. Марта 28, 1828 г.

Христосъ воскрес!

Любезнѣйшій братъ и другъ.

Со днемъ пресвѣтлымъ, днемъ великимъ, съ праздникомъ праздниковъ тебя, любезнѣйшій братъ, усердно поздравляемъ. Да воскреснетъ въ тебѣ Богъ всесовершенно и да расточатся враги Его, враги, непрестанно, повсеминутно насъ облегающіе! Да ограждаетъ всемогущій Своєю благодатію и входы и исходы твои, и бесѣды твои, и товарищества твои, и предпріятія; а паче, да ограждаетъ тотъ путь, который ведетъ ко спасенію. Молитесь о семъ почитаемъ мы всегдашней нашей обязанностію, но наипаче теперь ищемъ мы себѣ пособія въ молитвѣ—теперь, когда продолжаются сіи необыкновенныя наши съ тобою письменныя сношенія. Не полагали мы отнюдь съ тобою бесѣдовать сими святыми днями; ниже имѣли намѣреніе вовсе приниматься за перо. Но одно обстоятельство послѣдняго твоего письма заставило насъ премѣнить прежній нашъ обычай: обстоятельство вовсе нечаянное и для самого тебя невѣдомое. Необычайный такой случай понуждаетъ насъ необычайно прервать седмидневное субботствованіе и по истеченіи трехъ дней святыя седмицы поспѣшить нашимъ тебѣ отвѣтомъ, чтобы онъ могъ застать тебя въ монастырѣ св. Георгія, гдѣ ты, по прежнему своему письму, располагалъ дожидаться и провести праздникъ сей обители. Изъ послѣдняго твоего письма не видать, куда ты намѣреваешься направить дальнѣйшій путь твой: слѣдовательно, выпустивъ тебя изъ онаго, не знали бы мы потомъ, гдѣ тебя искать. Самые поиски заставили бы насъ терять много времени, хотя бы мы тебя наконецъ и отыскали. А могло и то случиться, что ты, предпринявъ предполагаемые тобою изъ мѣста въ мѣсто переѣзды, разѣхался бы съ нашимъ письмомъ, которое, такимъ образомъ, могло вовсе затеряться и никогда тебя не достигнуть. Намъ же весьма желательно, чтобы ты какъ можно скорѣе извѣстился о той перемѣнѣ, которую ты самъ, хотя безъ твоего вѣдома, произвелъ въ нашихъ съ тобою сношеніяхъ. Съ сего намекаемаго тебѣ обстоятельства твоего послѣдняго письма нач-

немъ нашу бесѣду. Подлинно, нельзя безъ слезъ, безъ плача, безъ сжатія сердца видѣть разрывъ такого соединенія, каково было наше. А какое же? Братское и дружеское, духовное и христіанское, подобное тому, какое видно было въ тѣ блаженные времена, когда соединяющихся вѣрующихъ и сердце и душа были едины (Дѣян. IV, 32.) Такъ ли? Согласенъ-ли ты въ семь?—Такъ точно, потому что мы во время соединенія точно одною вѣрою и едиными правилами христіанства были одушевляемы: доказательствомъ тому служить и самое сіе намѣреніе наше такого соединенія, которое не составилось бы, если-бы не духомъ любви и вѣры были къ тому побуждаемы. Никакая корысть въ соединеніе наше не входила, какъ тебѣ очень извѣстно. Обратимся теперь къ первой твоей совѣсти, основанной на вѣрѣ твердой и прочной, и не только не противурѣчащей любви, съ лишеніемъ которой и самое сожженіе тѣла, не говоря о другихъ тѣлесныхъ подвигахъ, бесполезно,—но ею лишь руководуемой, какъ мы то можемъ тебѣ доказать премногими примѣрами, поставляя и самихъ себя свидѣтельствами твоего подлинно христіанскаго братолюбія; ибо, не говоря даже, отъ тебя заимствовали мы свѣтъ, или паче тебя угодно было Господу употребить, дабы озарить нашъ духовный мракъ: отъ тебя я особенно видѣлъ и въ другихъ отношеніяхъ великій знакъ великой къ себѣ любви. Тогда ты бы не мало удивился, если бы кто въ духовномъ человѣкѣ изчислялъ тебѣ тѣ недостатки любви, какіе мы тебѣ въ тебѣ самомъ поименовали — удивился и пожалѣлъ, если бы это былъ посторонній; а ежели бы свой, то всѣми мѣрами старался увѣрить его, чтобы всему предпочитать дѣла любви, безъ коихъ вѣра обманчива, бесплодна. Какія же суть заключенія изъ вышеописанныхъ замѣчаній? онѣ суть слѣдующія: первое, что *ты не въ правѣ былъ положить самъ собою, безъ нашего согласія, рѣшенія не оситъ тебѣ въ Архангельскомъ*: ибо вспомни или прочти выше, каковъ былъ союзъ нашъ—христіанской, духовной, единой души и единого сердца требующій. А тѣмъ менѣе въ правѣ былъ предпринимать новую жизнь, и такую, о которой тебѣ наше мнѣніе было неизвѣстно,—а тѣмъ еще менѣе отказываться отъ нашихъ (въ справедливости на весь міръ отдаваемыхъ) требованій пріѣхать къ намъ послѣ семилѣтней разлуки, пріѣхать объясниться въ подозрѣніяхъ, относящихся къ душевному твоему состоянію. Ибо, когда трое одно и сердцемъ и душою, то есть, суть лишь три части одного цѣлаго, то не только каждая знаетъ все, но и каждая къ одному и тому же стремится концу. Когда-же каждая изъ нихъ что скрываетъ отъ другихъ, или безъ согласія другихъ въ чемъ либо поступаетъ, то сама самымъ дѣйствіемъ она отдѣляется уже отъ цѣлаго. Мы, по праву завѣта нашего, по власти старѣйшихъ тебѣ братій, занимающихъ теперь мѣсто родителей твоихъ,

не по крови токмо, но паче по любви, связующей насъ союзомъ, нитѣмъ не уступающимъ союзу нѣжнѣйшихъ родителей и дѣтей:—требуемъ твоего сюда прїѣзда, безъ всякихъ отговорокъ, представляющихъ удобства иного тракта, который потому кажется удобнѣе тебѣ, физически отъ Архангельскаго тебя отдаляющій, что нравственный твой путь совсѣмъ иное отъ нашего прїялъ направленіе. Любезнѣйшій другъ, мы теперь по совѣсти не можемъ и не должны принимать никакихъ твоихъ отговорокъ, а всякій отказъ твой почитать обнаруживаніемъ той разпутной твоей съ нами книги, которую ты имѣлъ неосторожность давно уже въ дѣлѣ твоёмъ подписать. Повторяемъ, что доколѣ мы съ тобою не увидимся и не переговоримъ объ всемъ обстоятельно, не можемъ мы дать тебѣ на приемлемый тобою образъ жизни и на устраненіе себя отъ насъ ни согласія нашего, ни благословенія. Мы теперь, имѣя въ рукахъ нашихъ документъ или явное подтвержденіе бывшаго и существующаго между нами вышеупомянутаго завѣта, смѣло обращаемся къ тебѣ съ нашими требованіями; ежели ты и теперь рѣшаешься вмѣсто себя прислать намъ отказъ, коего извиненія, какія бы онѣ ни были, въ теперешнемъ нашемъ съ тобою положеніи не дѣльны, не основательны, не оправдывающіе. — Далѣе, ты не обращаешь вниманія на то, что, пускаясь на подвигъ, по мнѣнію твоему, на величайшій подвигъ христіанскій и особенно тобою уважаемый, пускаешься, не поклонившись праху родителей и не испросивъ такимъ образомъ благословенія отъ нихъ въ твоёмъ предпріятіи, пускаешься, рѣшившись миновать оный, лишь стахъ въ двухъ верстахъ отъ пути твоего отстоящій. Можно ли сказать, что ты здѣсь любовію руководишься? Нѣтъ, нѣтъ любезнѣйшій, явной нелюбовію къ намъ, которыхъ ты желая объѣхать, объѣзжаешь и родительскій гробъ.

Новгородъ. Юрьевъ монастырь. 1828 года, апрѣля 25 дня.

Христось Воскресе!

Любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья!

Радуйтесь о Господѣ, подающемъ вамъ преспѣяніе въ добродѣтеляхъ христіанскихъ и, полагаая восхожденіе въ сердцѣхъ вашихъ, восходить отъ силы въ силу духовную, дабы явилася вамъ слава лица Божія въ Сіонѣ небесномъ.—Волѣ вашей покоряюсь и требованіе ваше исполнить намѣреваюсь, сокративъ для сего предначертанное мною путешествіе и предначинавъ оному иное направленіе. Мысль о поклоненіи священнѣйшему для меня праху родительскому, признаюсь, и прежде обращалась всегда въ головѣ моей, и долгъ сыну молиться о упокоеніи душъ родительскихъ есть для меня не токмо священнѣйшій, но и пріятнѣйшій. Воздать почивающимъ въ Бозѣ родителямъ сыновнее рабодѣнное поклоненіе и нагробѣ.

как повергнуть о душах ихъ молитвы усердѣйшія вмѣстѣ съ церковною, я предполагалъ на возвратномъ моемъ пути, намѣреваясь расположить оный такъ, чтобы къ 30-му сентября (къ дню кончины отца) быть въ Соловцахъ, о каковомъ предположеніи и намѣреніи моемъ я писалъ и къ брату князю Прохору Александровичу. Но нынѣ радуюсь душевно, что, по вашему убѣжденію, удостоюсь ранѣе получить душевную отраду, изліяніемъ предъ Господомъ души моею окаянной о упокоеніи въ Бозѣ преставшихся надъ самимъ прахомъ ихъ, къ которому благоговѣю и испросить ихъ благословенія на пути странствованія къ святымъ мѣстамъ и къ святѣйшему мѣсту селенія славы Божіей, бранными очами невидимой. По искренности, опять повторяю вамъ, что одно только разчисленіе времени лѣтняго, краткаго, для пути удобнѣйшаго, было причиною предположеннаго мною прежде минованія мѣсть, воспоминаніями для меня драгоцѣннѣйшихъ, а отнюдь не удаленіе отъ васъ, по уклоненію нравственнаго моего пути отъ вашего.

Теперь ожидаю повозки для дороги и чаю въ началѣ будущаго мѣсяца, какъ и путь между тѣмъ еще попросохнетъ, отправиться изъ сей святой обители съ благословеніемъ отъ великомученика, великаго моего заступника, котораго праздникъ я удостоился, недостойный, праздновать духовно съ святыми мужами, имъ руководимыми къ царствію небесному, и надѣюсь въ началѣ предбудущаго мѣсяца (основывая все сіи предположенія на словахъ; аще Господь благоволитъ и здоровъ буду) достигнуть мирнаго и благословеннаго Архангельскаго, дабы оттуда съ благословеніемъ архистратига Господня и съ напутствованіемъ мира отъ васъ итти далѣе въ путь свой къ Києву, радуясь. Здѣшнее-же мое пребываніе есть для меня величайшая милость Господня. Удаленіе отъ суеты міра, миръ и тишина, господствующія въ святой обители не токмо въ стѣнахъ, но и въ братіи, молитвословія частыя ежедневны, бесѣды поучительныя отца архимандрита и его истинно дружеское, опытами доказуемое, ко мнѣ недостойному расположеніе и нечувствительную мою душу приводятъ иногда въ умиленіе и *желаніе провести дни мои въ таковомъ богомысленномъ уединеніи*, не отрицаясь впрочемъ, при помощи свыше, къ понесенію тяготы, какая всеблагимъ промысломъ на немощь мою возложится, для загладненія многихъ моихъ отъ юности и доселѣ согрѣшеній, глубже и глубже вкореняется въ мое сердце, и гласъ милосердія Божія вопіетъ ко мнѣ окаянному, да къ Нему прибѣгну, оставивъ міръ и все, яже въ мірѣ (1 Іоанн. II, 15). Только теперь желаю, вседушно помолившись Господу и Пречистой Его Матери и святымъ прославленнымъ въ отечественной нашей церкви угодникамъ, повидѣть знатнѣйшія общежительныя обители, гдѣ святыя отшельники проводятъ жизнь богомысленную въ отверженіи міра и своей воли, въ нищетѣ, постѣ и молитвѣ, дабы

хоти издали, по благодати Господней, дерзнуть имъ въ слѣдъ, научаясь ихъ примѣрамъ и ободряясь въ малодушныхъ своихъ помыслахъ. Прощайте, любезнѣйшіе братья и друзья, Господь да укрѣпляетъ васъ вѣще и вѣще въ теченіи вашемъ богоугодномъ. Надѣюсь до радостнаго свиданія, ежели Господь благоволитъ, писать къ вамъ изъ Москвы. Передаю себѣ вашимъ святымъ молитвамъ и съ искренностію братскаго усердія остаюсь весь вашъ братъ и слуга С. Шихматовъ.

С. Архангельское. Августа 25, 1828 года.

Любезный другъ!

Предметъ, о которомъ мы съ тобою сперва переписывались, потомъ личное имѣли *разлагодствіе, по отбытіи твоемъ*, непрестанно приходитъ намъ на мысль, и тѣмъ большее обращаетъ на себя теперь вниманіе наше, чѣмъ разсудокъ болѣе приобрѣлъ причинъ къ настойчивости, къ *сопротивленію тебѣ въ твоемъ предпріятіи—вступленію твоему въ Юрьевъ монастырь*. Если съ одной стороны, мы, для сохраненія взаимной любви братской и мира, всегдашняго спутника любви, находимся принужденными уступить твоему сильному желанію принятія *на себя монашества*, и дать на то наше согласіе: то съ другой, обозрѣвъ теперь хорошенько всѣ обстоятельства, склоняющія тебя избрать именно *Юрьевъ Новгородскій монастырь*, находимъ въ себѣ сильное *сопротивленіе* противъ сего твоего избранія такъ, что почитаемъ нужнымъ отклонять тебя отъ того веѣми силами. Сіе заставило насъ опять взяться за перо и сообщить тебѣ на бумагѣ все, что по дѣлу сему находится въ нашемъ сердцѣ.—Но прежде, нежели вступимъ въ дальнѣйшее бесѣдованіе, надобно предварительно сказать слова два о предпринимасемъ нами испытаніи *сообщеннаго тебѣ якобы откровенія свыше*, бывшаго на счетъ тебя *одному изъ братій сего монастыря*, а именно, что мы, приступая теперь разсматривать истину онаго, не имѣемъ причины опасаться чрезъ то подпасть осужденію тѣхъ, которые не приемаютъ какого либо явнаго и свѣтомъ принятаго воли Божіей извѣщенія. Ибо оно отнюдь не таково, а, напротивъ, находится въ самомъ томъ видѣ, въ которомъ изслѣдованіе необходимо, для принятія или непринятія онаго. И такъ приступимъ благословясь, и призвавъ въ помощь немощныя укрѣпляющаго Всесвятаго Духа Божія, *приступимъ къ разсмотрѣнію съ семью печатями, съ семью англійскими стражами доставленнаго тебѣ письма*. Сперва разсудимъ, какъ бы поступилъ ты самъ и всякій въ Бозѣ живущій мужъ, получивъ откровеніе для другого, и какъ поступлено *по семъ выдаваемомъ откровеніи*. Разсмотримъ мѣры, какія свойственны послѣ *истиннаго откровенія*, дабы сличивъ оныя съ мѣрами послѣ выдаваемаго, можно было судить,

подлинное ли оно, или нѣтъ. Получивъ несомнительное откровеніе воли Божіей, для сообщенія иному, для сообщенія твоему другу, твоему искреннему, ты не почелъ бы нужнымъ, ты не дерзнулъ бы искать утвержденія оному *съ какихъ либо таинственныхъ вѣщностей*: прямо бы открылъ оное ему изустно, или, если, по какимъ либо обстоятельствамъ, нужно было оное написать, то не иное что имѣлъ бы въ виду, какъ токмо то, какъ бы точнѣе изложить твое порученіе свыше, будучи совершенно увѣренъ, что начавшій сіе дѣло, самъ и совершить. Тебѣ бы и на умъ не пришло искать пособія отъ *нѣкоторыхъ таинственныхъ вѣщностей*. Обратимся къ настоящему случаю. Тебѣ сообщено откровеніе воли Божіей, сообщено такъ, что, по самому твоему замѣчанію, обнаруживается здѣсь ложь тѣмъ, что писавшій письмо ложно отрекается отъ онаго. Для чего? Для того, повидимому, чтобы и самый способъ доставленія тебѣ онаго сдѣлать *чуднымъ, необычайнымъ*. Далѣе, видимъ сіе письмо запечатаннымъ семью печатями, — *печатями съ англійской надписью*. Спрашиваемъ: по откровенію ли же, по повелѣнію ли свыше писатель письма употреблялъ сіе подражаніе видѣнію возлюбленнаго ученика Христова, Духомъ Святымъ намъ сообщенному, или самъ о себѣ? Ежели самъ о себѣ, то не дерзновенно ли наче мѣры такое самовольное таинственной вѣщности занятіе, такое копированіе оной для облеченія дѣла сего, хотя бы оно дѣйствительно было отъ Бога. Не будетъ ли это, и въ такомъ случаѣ, одинакое преступленіе съ тѣмъ, за которое величайшій угодникъ Божій и боговидецъ Моисей наказанъ былъ преждевременной смертію? Не подобится ли это даже преступленію Озы, преступленію дерзнувшихъ употребить свой огонь для кажденія хотя священнымъ оиміамомъ и освященнаго мѣста? Полагать же внушеніемъ Божиимъ сіе таинственное облеченіе письма воспрещаетъ то, что печати сіи *съ иноземной надписью*; то есть, не греческой, единовѣрскаго намъ народа, а англійской, народа, почитаемаго нами еретическимъ. Ибо возможно ли полагать, чтобы такой ревнитель ко православію, каковъ, по словамъ твоимъ, о. Фотій обращенъ былъ, въ семь дѣлѣ, къ такимъ словамъ печати, которыя вырѣзаны были для протестантовъ, монашество, о которомъ идетъ все дѣло, отмещущихъ? Такимъ образомъ, сія заятая таинственность, не придавая ничего къ важности дѣла, ежели оно и и отъ Бога, но давая оному еще видъ дѣла отъ человѣковъ, весьма уже умножаетъ вину *изобрѣтателя*, когда оно дѣйствительно есть не иное что какъ *человѣческій вымыселъ*. — А что все дѣло сіе носить на себѣ видъ изобрѣтеннаго отъ человѣковъ, то явствуетъ изъ слѣдующаго. Самое уже употребленіе въ такомъ дѣлѣ, которое выдають за дѣло Божіе, не можетъ не остановить всякаго безпристрастно испытующаго, истинно набожнаго христіанина: оно, съ перваго взгляда, умень-

шаетъ довѣренность къ оному и такую возбуждаетъ осмотрительность. Ибо, не говоря о учителяхъ церкви нашей, которыхъ большая часть ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ употребленія жи, которая есть отъ діавола (1 Иоан. III, 8), мы находимъ оную строго запрещенной въ катихизическомъ ученіи нашемъ, то есть, въ такой книгѣ, которая вручается церковію всякому вѣрующему, всякому воину Христову, подобно тому, какъ вручается всякому вступающему въ службу земного царя его инструкція, и по-которой лишь одной мы можемъ содѣлывать наше спасеніе. Отъ діавола ли заимствовать средства къ оправданію путей Божіихъ? Но далѣе, откуда взялась у о. Фотія, который, по весьма вѣроятнымъ твоимъ замѣчаніямъ, есть писатель письма, печать съ англійской надписью? Какъ она могла къ нему попасть? Купить ему оную, не предположительно; да и продаютъ ли гдѣ въ лавкахъ такія печати кромѣ англійской лавки? а въ ней онъ, вѣроятно, никогда не бывалъ и ничего не покупывалъ, тѣмъ менѣе эмблематической англійской печати. Подарить ему оную, никому и въ голову не придетъ: да и самъ бы онъ ее не взялъ, если бъ кто и дарилъ. Имѣть ее отъ кого изъ монашествующихъ также невозможно; ибо по той же причинѣ не могла она обрѣтись ни у кого изъ нихъ, по какой и у него самого. *Итакъ, явствуетъ, что печать сія занята отъ кого либо изъ свѣтскихъ, и притомъ такихъ, у которыхъ, по многимъ стекшимся разнымъ обстоятельствамъ, можно предположить имѣніе сей печати, и такихъ еще, съ которыми бы отецъ Фотій былъ фамиліарно знакомъ; ибо всякій иной могъ бы нѣсколько соблазниться требованіемъ отъ него печати сей. Скажемъ больше, надобно даже предполагать, что лице сіе само предложило отцу печать свою къ его услугамъ. Ибо, не вѣроятно, чтобы онъ самъ собою вздумалъ приложить къ письму своему протестантскую иностранную печать—и къ какому еще письму!.. Онъ не понималъ бы вырѣзанныхъ на печати словъ, если бы кто не объяснилъ ему оныхъ. Необходимо предполагать въ дѣлѣ семъ и предложившее и объяснившее сію печать съ надписью, хорошо знакомое отцу, лицу, а притомъ знакомое и тебѣ, и вѣдущее, что ты знаешь англійскій языкъ.—Такое точно лицо и открывается въ дѣлѣ семъ, по снятіи съ него таинственнаго покрыва. Мы, вѣроятно, не успѣли намекнуть, какъ ты уже и узналъ оное. Вотъ, любезнѣйшій, сколько сказывается человѣческаго въ семъ дѣлѣ, выдаваемомъ за истое дѣло Божіе: сказывается преднамѣренность, сказывается участіе свѣтскаго лица, изъ *подъ руки* тутъ же дѣйствующаго, съ которымъ, вѣроятно, начертанъ и планъ операціи, и по влиянію котораго преосвященный а), совѣтовавшій тебѣ лично избрать монастырь въ полуденной*

а) Вѣроятно же всего, новгородскій викарій, преосвященный Игнатій

Россіи, вдругъ повлекъ тебя къ полунощной... Ты, вѣроятно, не смѣешь и подумать, чтобы отецъ Фотій рѣшился на такую мѣру: и намъ не хотѣлось бы такъ полагать. Но дѣла говорятъ и говорятъ такъ ясно, что ежели не совершенное объясненіе, то, по крайней мѣрѣ, сильное подозрѣніе не можетъ не имѣть мѣста. Допускающіе позволительность лжи неограниченно, для пользы ближняго, невольно допускаютъ всякую степень оной. О іезуитахъ пишетъ преосвященный Платонъ въ Исторіи Россійской церкви, что нѣтъ такого зла, на которое они, по правиламъ своего ордена, не должны отваживаться для пользы церкви. А іезуиты почитались и почитаются людьми особенно набожными и стражами латинской церкви. Сколько и наша исторія представляетъ примѣровъ фанатизма! Употребленная таинственность въ дѣлѣ семъ (въ дѣлѣ, которое не требуетъ никакого особеннаго чуда къ совершенію онаго; ибо вступленіе въ монашество и самыхъ благонамѣреннѣйшихъ было и бываетъ по общему порядку) даетъ ему совсѣмъ иной видъ. *Ступай ты путемъ общины, никто бы тогда не могъ открыть, какія были употреблены пружины, какая дѣйствовала политика, для избранія тобою, предпочтительно, сей обители.* Таинственность, употребленная, повидимому, для приданія важности дѣлу сему, вовсе лишаетъ оное всякаго вѣса. Таинственность обратила особенное вниманіе наше; и опасавшихся уже много на твой счетъ, по подозрѣніямъ весьма правдоподобнымъ, заставила насъ пристально разсмотрѣть то обстоятельство, которому она служила дерзновеннымъ покровомъ. При первомъ твоёмъ обнаруженіи намъ таинственнаго письма, не могли мы не сомнѣваться въ содержаніи онаго, не токмо по смѣлому копированію такихъ вещей, предъ коими надлежитъ благоговѣть ничтожеству нашему, но и по тѣмъ многимъ причинамъ, въ письмахъ нашихъ тебѣ упомянутымъ, которыя отнюдь не показывали намъ намѣренія твоего, какъ ты себѣ представляешь, званіемъ Божіимъ. Видя твою упорность въ оставленіи насъ и торжественное объявленіе намъ, что ты не хочешь и не можешь *пособлять намъ въ занятіяхъ нашихъ по учебному нашему заведенію*, мы, для сохраненія мира и любви, разсудили за благо не противиться долѣе твоей склонности къ монашеству. Что же принадлежитъ до твоихъ мнѣній о вѣрѣ и церкви, съ нѣкотораго времени въ тебѣ превозмогающихъ, несообразныхъ съ катихизическимъ ученіемъ, мы не могли ни читать ихъ въ твоихъ письмахъ, ни изустно слышать отъ тебя безъ сердечнаго сокрушенія. Приема теперь въ разсужденіе, что мнѣнія сіи поселились въ тебѣ съ самаго твоего сближенія съ держащимися онаго мірянами и монашествующими, которые и рѣшили тебя, наконецъ, воспріять твердое намѣреніе вступить въ монастырь и именно Юрьевъ монастырь, мы не можемъ не предполагать, что сіи противныя церкви

жизни въ немъ имѣють свое убѣжище, и по онымъ то монастырь сей привлечь на себя отличительное твое предъ прочими одобреніе и избраніе. Если къ неправости сихъ мнѣній—мнѣній катихизическихъ, а потому великой важности—присоединить подозрѣніе наше о выдаваемомъ откровеніи, присоединять и то, что съ самаго сближенія твоего съ сей партіей, примѣтно, чувствительно перемѣнился не только образъ твоихъ мыслей, но и самая дѣятельность христіанская охладѣла до такой степени, что мы принужденными напхлись указывать тебѣ холодность сію многими важными, по любви къ ближнему, упущеніями, то невольнымъ образомъ рождается сильное желаніе, *чтобы ты не вступалъ въ Юрьевъ монастырь*, и мы теперь почитаемъ за необходимую обязанность истиннаго братства противиться тому всеми силами. По мнѣнію нашему, ты поставленъ на широкой путь противленія церкви, которое, какъ ни прикрываютъ совѣтники твои ревностію по православію, не можетъ не обнаруживаться въ словахъ и дѣлахъ. Ревность по православію есть самый тотъ покровъ, которымъ прикрываютъ свои бредни всѣ старообрядцы и даже тѣ раскольники, которые, стараясь соорудить церковь свою на образецъ *старинной церкви*, до того изуродовали ее, что не имѣють и тѣни христіанства, и терпять у себя, даже уважають, сверности и пороки наигнуснѣйшіе. Вотъ какъ опасно прилагаться къ *стариннымъ толкамъ и партіямъ*.

Нѣтъ, другъ любезнѣйшій, скорѣе мы согласимся видѣть тебя на концѣ свѣта отъ насъ, нежели въ Юрьевомъ монастырѣ. Причины наши тебѣ описаны подробно, и онѣ такъ важны, что разумъ и вѣра понуждаютъ тебя дѣйствовать по внушенію оныхъ. Обдуманность наша въ дѣлѣ семъ тебѣ очень явственна. Дѣйствительно, можно сказать, что мы зрѣло о семъ размышляли, со всѣхъ сторонъ обозрѣвая твое предпріятіе; а ты никакъ не можешь сказать того намъ, чѣмъ мы упрекаемъ тебя, а именно, что мы поступаемъ опрометчиво.—Повторяемъ еще нашу просьбу, не откажи strokeмъ симъ часоваго твоего вниманія, и внявъ уму, передай на судъ совѣсти—совѣсти же *не плынной, не порабощенной, не опутанной, но свободной*, какъ она была прежде у тебя и какъ долженствуетъ быть въ человѣкѣ сему гласу Божию.—Если склонность твоя къ монашеству такъ сильна, что ты не волея и на нѣкоторое время себѣ въ томъ отказывать, то, *кромя Юрьева монастыря, не держимъ мы тебя ни въ какой*. Гряди съ благословеніемъ нашимъ и всѣхъ родныхъ въ особую обитель, нашей ли губерніи, или иную. Избери такъ, какъ ты предполагалъ, прежде нежели побывалъ въ Новѣ-городѣ, избери монастырь не богатствомъ, а бѣдностью знаменитый: да подвиги твои вѣдомы будутъ Богу Единому и раздаются не долу на земли, а горѣ на небеси. Согласись, любезнѣйшій другъ, что убогая едва отъ земли види-

мая пустынька болѣе удобна вмѣщать *ничимъ духомъ*, нежели обители богатствомъ, великолѣпиемъ, покровительствомъ властей и проч. и проч. отличающіяся. Сокрытыя батареи дѣйствительнѣе открытыя и такъ выставленныя, что представляютъ мѣткую цѣль неприятелю. Въ семъ случаѣ мы надѣемся, съ помощію Божіею, возстановить прежній между нами миръ и доброе согласіе, которое теперь прерываетъ твое прилежаніе къ старообрядческимъ мнѣніямъ, надѣемся видѣть тебя совершенно приемлющимъ все ученіе того катихизиса, которому ты, будучи оглашенъ отъ дѣтства, до позднихъ лѣтъ слѣдовалъ неотступно, держащимъ всѣ тѣ догматы, которые держитъ святая наша церковь, и называющимъ церковію все собраніе христіанъ, съ духовными ихъ пастырями и святѣйшимъ Синодомъ, а не горсть тайно подрывающихъ ея благословенныя основанія: видѣть тебя одобряющимъ всѣ книги, ею одобряемыя, и вѣрнымъ сынамъ своимъ для душевной пользы предлагаемыя, и отмечающимъ тѣ, на которыя она налагаетъ свое запрещеніе. Еще ты не вступилъ въ Юрьевъ монастырь,—еще ты воленъ располагать собою,—еще можетъ совѣсть твоя внимать нашимъ просьбамъ. Отрѣшишь, отторгнешь, оторвись. Наше упорное несогласіе на вступленіе твое въ сей монастырь, наше даже заклинаніе тебя всѣмъ, что только есть важнѣйшаго въ нашемъ съ тобою союзѣ, достаточно перевѣситъ те обнадешиваніе, которое ты далъ о твоёмъ туда вступленіи, и тебя, какъ по совѣсти, такъ и по міру, можетъ вывести изъ затрудненія.—Если же ты, презрѣвъ сіи наши, истымъ усердіемъ внушаемыя, представленія, и, не смотря ни на что, рѣшишься удовлетворить твоей страсти, ступай, любезнѣйшій другъ. Но знай, что ты идешь отъ насъ, неточно не оправдавшись во всѣхъ нашихъ обличеніяхъ, но и утвердивши насъ въ мнѣніи, что всѣ твои небратолюбивые поступки суть плоды того неправого догматовъ нашихъ исповѣданія, которое прежде мы въ тебѣ подозревали, а теперь явно извѣдали.

**Ирвинска братьевъ къ предыдущему письму, отъ сентября 10 дня
1828 года.**

Хотя много уже тебѣ сказано выше причинъ, понуждающихъ тебя *перемѣнить твое направленіе отъ Юрьева монастыря* (ещели домъ нашъ тебя держать никакъ не можетъ) къ иному, общающему тебѣ истинное спокойствіе въ лонѣ церкви, причинъ сильныхъ, которыя, будучи присоединены къ твоему великодушію, многіе годы всѣ твои поступки осіявавшему, и теперь, ожидаемымъ отъ тебя подвигомъ, новый блескъ побѣды благочестію твоему уготовляющему, подають намъ надежду, что не совсѣмъ развязанный узелъ нашего тѣснѣйшаго союза опять ерѣвно на ерѣвно затянется, неразрывно завяжется,—однакоже не можемъ

не дать мѣста, самимъ собою присоединяющимся къ вышеписаннымъ, слѣдующимъ двумъ новымъ обстоятельствамъ. 1-е. Секретарь смоленской консисторіи г. *Даламановъ*, пользующійся въ Смоленскѣ добрымъ мнѣніемъ и уваженіемъ людей благомыслящихъ, въ числѣ которыхъ суть и обѣ наши сестры, и отъ духовенства заслужившій почтеніе за свое правдошное и безкорыстное, узнавъ, что ты (онъ знаетъ тебя по Петербургу, гдѣ онъ, служа въ Синодѣ, жительствоваешь, и откуда недавно присланъ въ Смоленскъ) располагаешь вступить въ Юрьевъ монастырь, сказалъ брату Василю Александровичу⁹⁾, пришедшему въ консисторію (въ бытность его въ Смоленскѣ для свиданія съ тобою) за свидѣтельствомъ нашему Евгению, что онъ, имѣя основательныя причины, совѣтуетъ ему стараться, какъ можно, удерживать тебя отъ сего твоего предпріятія: и ежели есть твое непремѣнное желаніе постричься, то склонить тебя къ избранію другого монастыря, а не *Юрјева, подъ управленіемъ о. Фотія состоящаго*. Краткое сіе дружелюбное остереженіе запечатлѣлъ онъ тѣмъ, что какъ христіанинъ почитаетъ онъ нужнымъ сообщить ему оное. Братъ Василій Александровичъ, имѣя надобность быть въ Боровскѣ на ярмаркѣ, 8-го числа сего мѣсяца, и желая повидаться съ нами на единѣ, чтобы поговорить о бывшемъ ему вышеписанномъ извѣщеніи, пріѣзжалъ къ намъ ранѣе ожидаемаго времени и пробылъ у насъ трое сутокъ, въ продолженіи которыхъ, какъ ты то себѣ легко представить можешь, много и много было говорено о тебѣ. Мнѣнія его узнаешь ты отъ него лично.—Второе обстоятельство есть слѣдующее. На другой же день по пріѣздѣ брата, пріѣзжалъ къ намъ знакомый нашъ архимандритъ сосѣднаго монастыря¹⁰⁾, бывшій не очень давно въ Петербургѣ и знакомый со всѣми пребывающими тамъ важными духовными лицами и съ синодалами. Онъ брату и намъ говорилъ много такого на счетъ Юрјева монастыря и настоятеля онаго, которое вышеписаннымъ причинами нашимъ придаетъ много вѣсу.

Изложенныя тебѣ причины нашего сопротивленія противъ твоего вступленія въ Юрьевъ монастырь, (какъ въ сей тетради, такъ и въ прежнихъ письмахъ и разсужденіяхъ тебѣ читанныхъ и на словахъ представленныхъ) такъ вѣски, что не требуютъ усиленія отъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, а потому мы ихъ и не искали. Добавленныя же здѣсь, какъ ты видишь, сами собою пришли къ намъ и, такъ сказать, сами собою прицѣпились къ нашимъ разсужденіямъ, предстать тебѣ уже готовымъ бывшимъ. Не лишн и сихъ твоего безпристрастнаго обозрѣнія.— Побѣда твоя надъ міромъ очень ошутительна. Но есть еще одо лицо, требующее дальнѣйшаго твоего усилія: лицо сіе есть самъ ты. Побѣди самого себя!

Письмо братьевъ къ Сергію, отъ 20 января 1829 года.

Любезный братъ.

Намъ часто приходитъ на мысль твое намѣреніе постриженія въ монашество. Сперва надобно быть истиннымъ сыномъ церкви, послушнѣйшимъ и покорнѣйшимъ, любящимъ ее и любимымъ отъ нея, чтобы потомъ получить въ ней избранное мѣсто. Когда бы мы совершенно единодушествовали насчетъ ученія церкви и видѣли въ тебѣ всѣ тѣ дѣйствія, которыя почитаемъ необходимыми послѣдствіями истиннаго отреченія вышенаписанной разности, то мало бы имѣли причинъ удерживать тебя отъ *монашества*. Однако же посовѣтовали бы тебѣ не поспѣшно къ тому приступить и хорошенько разсмотрѣть званіе Божіе, посовѣтовавшись искренно со всѣми тѣми, съ совѣта которыхъ по вѣрѣ и по любви надеяешь тебѣ предпринимать такое дѣло. Что же принадлежитъ до монастыря, въ который бы тебѣ удалиться, то отнюдь не посовѣтовали бы тебѣ, какъ и прежде уже у насъ о томъ была рѣчь, *богатствомъ, а паче бѣдностію знаменитый избрать монастырь*, и не лица отъ Бога особеннаго откровенія на избраніе онаго. Ибо не излишне-ли то будетъ, не дерзновенно ли, не искушеніемъ ли Бога будетъ просить откровенія въ томъ, что мы должны сами искать и въ чемъ мы имѣемъ довольно разсудка, чтобы различить доброе отъ злаго. О сообщенномъ намъ тобою *откровеніи* мы точно тѣхъ же мыслей, какихъ и были. А потому, по нашему мнѣнію, *вотъ другая сильная причина не оставаться тебѣ въ Юрьевомъ монастырѣ*, если бы Господь и помогъ намъ приобрести опять совершенное твое единоушіе. Кромѣ сихъ тебѣ извѣстны и другія причины, по которымъ какъ мы, такъ и прочіе здѣшніе члены нашего семейства, не совѣтуемъ, не благословляемъ тебя избрать сей монастырь. Но о семъ не время еще теперь распространяться. Если ты внемлешь гласу нашему въ первомъ важнѣйшемъ обстоятельстве, то въ семъ послѣднемъ, ты, безъ сомнѣнія, ничего не сдѣлаешь безъ нашего совѣта; когда же не слушаешь перваго представленія, то и въ послѣднемъ поступишь также самоправно, но да не будетъ сего, да не будетъ.

Говоря о семъ послѣднемъ обстоятельстве, мы не можемъ не замѣтить тебѣ нашего удивленія о распространяемомъ въ Петербургѣ чрезъ уста преосвященнаго Серафима ¹¹⁾ слухъ о намѣренія брата Павла Александровича вступить въ Юрьевъ монастырь, слухъ ложномъ и выдуманномъ, а для какой цѣли, сіе предоставляемъ судить каждому про себя. Нельзя однакоже не пожалѣть, что ложь и предъ лице первенствующаго святителя нашей церкви предстать не устыдилась.

Въ разговорахъ и сужденіяхъ нашихъ съ тобою слышали мы отъ тебя, что ты тогдашнимъ своимъ духовнымъ состояніемъ, которое ты печиталъ не токмо не погрѣшительнымъ, но и православнѣйшимъ, обязанъ нѣкоторымъ лицамъ, съ которыми ты имѣлъ продолжительныя о вѣрѣ конференціи, и отъ которыхъ выходилъ всегда внѣ себя отъ восхищенія. — Само собою разумѣется, что въ сихъ разсужденіяхъ невозможно было не касаться общихъ о вѣрѣ положеній, нами и тобою различно приемлемыхъ, ибо они, содержа въ себѣ существенную часть вѣры, а именно ученіе церкви, не могли не быть прикосновенными, о чемъ бы ни зашла рѣчь изъ принадлежности вѣры. А потому, если бы ты въ нихъ или они въ тебѣ замѣтили, не говорю столь существенную разность, но хотя и гораздо меньшую, то не токмо бесѣда ваша не могла быть назидательна другъ для друга, но была бы лишь спорной и столько духовности въ себѣ заключающей, сколько бываетъ оной въ состязаніи о предметахъ всякаго рода, или вовсе не духовныхъ. А изъ сего явствуется какъ то, что вышесказанные, восхищавшіе, умудрившіе тебя собесѣдники твои и тѣ были съ тобою совершенно единамысленны, такъ и то, что ежели и не отъ нихъ первоначально ты сталъ неправо мудрствовать, то, безъ сомнѣнія, они утверждали тебя въ томъ мудрствованіи, отъ котораго ты здѣсь отрёкся.

Письмо князя Сергія къ братьямъ изъ Юрьева монастыря, отъ 5 февраля 1829 года, по возвращеніи изъ путешествія по св. мѣстамъ.

По пріѣздѣ моемъ передъ праздниками сюда, я на другой день праздника успѣшнѣе увѣдомилъ васъ о совершеніи моего странствованія благополучнымъ прибытіемъ въ богохранимую св. великомученика и побѣдоносца обитель; но по сіе время еще не имѣю отъ васъ отвѣта и беспокоюсь относительно вашего здоровья, уповая впрочемъ, что Господь во всякомъ случаѣ не оставитъ васъ своею помощію, о чемъ и обязаннымъ себя считаю возсылать къ Нему недостойныя мои молитвы. Я же скажу вамъ о себѣ, что съ пріѣзда моего по сей часъ, благодареніе Господу, не имѣю никакой болѣзни, хотя и нѣтъ крѣпости, желаемой въ брэнномъ моемъ составѣ. Въ концѣ прошлаго мѣсяца, получивъ настоящій указъ о увольненіи моемъ отъ службы, я не замедлил пустить его въ дѣло и, помолившись усердно (поколикую усердіе совмѣстно съ моимъ окаянствомъ), наконецъ, 2-го сего мѣсяца, въ день Срѣтенія Господня, подписалъ рѣшительную для себя бумагу, въ которой срѣтаются извѣстіе мое отъ міра со вступленіемъ въ монастырь, а именно прошеніе къ преосвященнѣйшему Серафиму, съ приложеніемъ частнаго письма о томъ, чтобы опредѣленъ я былъ въ число братства съ надеждою поступленія, которое чѣмъ скорѣе можетъ совершиться, тѣмъ для меня

будеть радостиѣ, и того-же числа бумаги сіи съ нужными еще докумен-
тами отпавлены ко владыкѣ. Теперь ожидаю рѣшенія отъ него, для
совлеченія мірскихъ одеждъ и облеченія въ черныя монастырскія, и о!
дабы совлекся вкушѣ и ветхаго человекѣ, и облекся въ новаго! О семъ
прошу и васъ усерднѣйше помолиться ко Господу и къ Пречистой Его
Матери.

Вступая въ званіе произвольно нищихъ Господа ради, долгомъ не-
минуемымъ себѣ поставляю и священнымъ и радостнымъ, тѣмъ, что
остается у меня отъ богатаго дара царской ко мнѣ щедроты послужить
нуждающимся моимъ ближнимъ и преимущественно тѣмъ, которые паче
иныхъ имѣютъ ближайшее ко мнѣ отношеніе по разнымъ обстоятель-
ствамъ. И потому, прилагая при семъ четыреста рублей, прошу васъ усерд-
нѣйше взять на себя трудъ раздѣлить оныя (утаивая мое имя) по слѣ-
дующему назначенію... Приступивъ къ рѣшительному исполненію дав-
няго своего намѣренія, хотя и чувствую, что не достаѣтъ силъ моихъ
къ понесенію воспріемаема мною бремени, возлагаю всю свою надежду
на Господа и Пречистую Его Матерь, ибо повинуюсь Ихъ волѣ, и по-
слѣдую Ихъ званію, и чувствую необходимую нужду въ очищеніи скверны
сердца моего его провозженіемъ по тѣсной и безтернистой стезѣ иноче-
скаго житія. Отецъ настоятель и братія дышутъ ко мнѣ искреннѣйшею
любовію; въ обители царствуютъ миръ и благочиніе. Моленія соверша-
ются по чину церкви и по особенному при введеніи общежитія данному
уставу ¹²⁾). Кельи у меня въ монастырѣ и въ скиту ¹³⁾ весьма покойныя
и чистыя. Остается только, чтобы я самъ, оставивъ лукавый обычай
грѣховный, очистилъ свое сердце и упокоилъ душу, по реченному: *обра-
тись душе моя въ покой твой, яко Господь благодѣйствовати* (Псал.
СХІV, 6). О семъ подобаетъ молиться и тружdatся и не унывати въ
скорбѣхъ, имущихъ встрѣтиться на пути спасенія, ибо онѣ для спасае-
мыхъ неизбѣжны и необходимы. Прощайте, любезнѣйшіе братья и друзья.
Не забывайте грѣшнаго брата во святыхъ вашихъ молитвахъ. Господь
да пробавитъ вамъ великую свою и богатую милость и въ смертной и
въ вѣчной жизни. Съ искреннимъ чувствованіемъ братскаго усердія и
дружества и любви остаюсь братъ вашъ и слуга С. Шихиатовъ.

Письмо братьевъ къ Сергію, отъ 22 февраля 1829 года.

Письмо твое съ деньгами мы получали вчерашняго числа. Какъ ве-
лико было наше удивленіе, при чтеніи твоего увѣдомленія о подписаніи
тобою письма и прошенія къ митрополиту, то, по прочтеніи теперь по-
сланнаго тебѣ отъ насъ свѣтка, ты легко себѣ представить можешь. По-
раженный сямъ новымъ ударомъ бранный нашъ составъ потрясенъ былъ
до основанія. Господу угодно было сопречь насъ съ тобою такимъ тѣс-

нымъ союзомъ, что и самазлѣйшее твое движеніе отъ насъ такъ чувствительно. Вотъ уже больше года ты порываешься по такому направлению, отъ котораго мы по сіе время держали тебя напряженіемъ всѣхъ нашихъ силъ, и, повидимому, удержали было на нашемъ пути. Но кратковремененъ былъ сей нашъ отдыхъ. Въ продолженіи всего прошедшаго года ударъ за ударомъ слѣдовали намъ отъ тебя, и одинъ сильнѣе другого. Начались они усмотрѣніемъ нами въ тебѣ не братской вовсе (да не речемъ не христіанской) холодности, за симъ отдаленіе твое отъ насъ и отчужденіе, за симъ обнаруживаніе подозрѣнія твоего на святую церковь и мнѣній противу церковныхъ, за симъ упорное стояніе твое въ сихъ мнѣніяхъ, за симъ явное испроверженіе признанной было тобою неправости твоей и принятаго съ нами единомыслія, и есть теперешній еще толчекъ, искореняющій послѣднюю отраду, послѣдней лишающей насъ надежды.

Ты видишь ясно, какъ сильно, какъ настоятельно не желаемъ мы твоего вступленія въ Юрьевъ монастырь, и то знаешь, почему мы всѣми силами противъ сего упираемся. По нашему суду, ты ни подъ какимъ видомъ не можешь отказать намъ въ семъ настоятельномъ нашемъ требованіи. Ибо положи на вѣсы съ одной стороны наше о тебѣ радѣніе, наше безпокойство, наше много много стоящее намъ показаніе тебѣ твоей неправости въ важнѣйшемъ отношеніи для человѣка, сіи наши, смѣемъ сказать, предъ тобою не малыя заслуги, нашу болѣзнь сердечную, нашу неописанную скорбь... а съ другой—*лишь перемѣну твою Юрьева монастыря на какой тебѣ угодно другой*: для сей ли ничтожной причины пожертвуешь ты столько вѣскими обстоятельствами? Для сей ли одной причины, которая по большей мѣрѣ доставляетъ лишь спокойное тебѣ жилище, достойно и праведно есть пренебречь всѣми заслугами нашей къ тебѣ любви? Для сей ли одной причины ты истинный братъ и другъ въ продолженіе всѣхъ многихъ нашихъ лѣтъ, подъ старость рѣшаешься дать намъ некончаемую причину слезныхъ сѣтованій? За любовь ли нашу ты намъ платишь оскорбленіемъ наиблагодѣйшимъ? И сіе тогда, когда успокоить насъ совершенно стоитъ тебѣ перемѣнить лишь... мѣстное пребываніе. Мы уже больше ничего не требуемъ... *Не можемъ мы никогда примириться съ твоимъ вступленіемъ въ Юрьевъ монастырь, а потому никогда не успокоимся.* Съ печалію ли ты желаешь насъ видѣть нисходящихъ въ могилу? О! другъ любезнѣйшій, подумай, подумай, въ чемъ ты намъ отказываешь.

...Мы не должны и не можемъ отстать отъ тебя съ возобновленными нашими воззваніями. Доколѣ живемъ не престанемъ тебѣ по обязанности нашей напоминать то же и то же. Если бы ты рѣшился и вовсе запереть къ себѣ входъ любви нашей въ письмахъ нашихъ: то невозможно,

чтобы совѣсть твоя оставила тебя въ покоѣ, мы будемъ казаться, будемъ сниться тебѣ съ свитками въ рукахъ, будемъ слышаться тоже и тоже повторяющимися, когда вѣра одна безъ любви могла горы переставлять съ мѣста на мѣсто: то дивно ли, что съ любовью соединенная она пятьсотъ верстъ можетъ переносить тебѣ гласы наши. Безмолвная твоя велія для другихъ, для тебя стѣнами своими будетъ говорить. Домогательство наше о приобрѣтеніи твоего единомыслія всеми возможными способами почитаемъ мы уже прямо званіемъ Божиимъ. Если какая либо власть (по умертвіи родителей) закономъ Божиимъ предоставлена старшимъ братьямъ надъ младшими, то всю сію власть обращаемъ, пускаемъ теперь противъ тебя въ дѣйство, тебѣ формально воспрещаемъ вступать въ Юрьевъ монастырь. Протестуемъ симъ въ твоей совѣсти.

...Что, любезнѣйшій, ужели ты все еще не склоняешь на нашу сторону вѣсовъ, столь вѣскими обстоятельствами наполненную, ужели все держать тебя на противной сторонѣ сія мятежная былинка — *мъстное избраніе*? Если это дѣйствительно, если мы безсильны стали держать тебя, отрывайся же отъ насъ, ступай туда, куда давно устремлены твои тайные отъ насъ замыслы. Попирай все предосторожности нашей любви, совѣты нашей дружбы. Но знай, что, прежде нежели ты вступишь въ Юрьевъ монастырь, ты окончательно подпишешь *распутную* съ нами книгу.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 11 февраля 1829 года.
Юрьевъ монастырь.

Любезнѣйшіе братья и друзья!

Что вы отпустили меня отъ себя съ миромъ, въ томъ отнюдь себя не уверяйте, да не лишитесь мзды за поспѣшествованіе моему спасенію, но наче признайте со мною промыслъ Божій, полагающій намъ предѣлъ, котораго мы преступить не можемъ и всему свое время назначающій, котораго ни отсрочить, ни ускорить нельзя намъ браннымъ. Собесѣдники мои все были люди отличнаго благочестія по вѣрѣ и по дѣламъ, большею частію духовные пастыри стадъ иночествующихъ, и я только одного назову вамъ (ибо прочіе вамъ неизвѣстны), къ котораго имени вы благоговѣете, хотя лично его и не знаете, а именно, преосвященнѣйшаго *Филарета* ¹⁴⁾, нынѣ казанскаго архипастыря, съ которымъ я обращался самымъ простымъ и откровеннымъ образомъ, говоря ему все отъ сердца въ духовныхъ нашихъ бесѣдахъ и не встрѣчалъ отъ него пререканія и пользовался его искреннѣйшею любовью. да благословить его Господь и Пречистая Его Матерь въ семь міровъ и въ будущемъ. Отъ него и отъ

подобныхъ ему нельзя было мнѣ, чего да не будетъ во вѣкъ, развратиться въ вѣрѣ.

Что касается до слуха, дошедшаго, какъ вы пишете, и до преосвященнѣйшаго архипастыря нашего, что братъ Павелъ Александровичъ намѣревается оставить міръ для вступленія въ иночество, то слухъ сей невиннымъ образомъ могъ произойти отъ о. архим. Фотія, но виновенъ я, а не онъ. Прежде отъѣзда моего въ путь, онъ многократно спрашивалъ меня, что ежели я рѣшусь идти въ монастырь, не рѣшится ли и братъ, и я, не зная совершенно теперешнее положеніе и расположеніе брата, всегда отвѣчалъ ему, что сіе дѣло весьма возможно: такъ что нынѣ лѣтомъ, когда братъ кн. Владиміръ Александровичъ ¹⁵⁾ былъ въ монастырѣ и у о. архимандрита, то онъ, говоря о моемъ намѣреніи вступить въ обитель, шуткою сказалъ ему: мы и Павла перетащимъ. Легко можетъ быть, что нѣчто подобное и другой кто нибудь отъ него слышалъ. Могъ сей слухъ распространиться потому, что въ Петербургѣ насъ обихъ знали совершенно во всемъ согласными, а потому, услышавъ о моемъ монашествѣ, легко можетъ статься, что приложили оное и къ нему. Вина моя, и прошу прощенія. Напоследокъ повергалъ къ ногамъ вашимъ (хотя вы сего и не одобряете, но между монахами это есть дѣло обыкновенное и даже обязанность), умоляю васъ отъ всего сердца пощадить бѣдное мое сердце и не поражать его болѣе ударами подобныхъ обличительныхъ и истязательныхъ посланій, ибо, кромѣ болѣзни отъ нихъ происходящей, я опасуюсь еще вящаго недуга душевнаго, а именно уныніа, которое при теперешнемъ моемъ положеніи вступленія въ новое многотрудное житіе, при искушеніяхъ мысленныхъ отъ міра и врага, можетъ имѣть нагубныя слѣдствія, отъ которыхъ прошу побережь себя и меня, оставаясь навсегда въ несомнѣнномъ увѣреніи, что я подтверждая мое объявленіе, остаюсь въ лонѣхъ матеря нашей общей и не безъусерднымъ ея сыномъ и таковымъ желаю умереть.

Въ прошломъ письмѣ увѣдомлялъ я васъ о посланномъ мною ко владыкѣ Серафиму прошеніи, а теперь увѣдомляю, что уже послѣдовало и рѣшеніе опредѣлять меня въ число братства Юрьева монастыря, и владыка увѣдомилъ меня, что онъ весьма доволенъ тѣмъ, что, послушавъ его совѣта, избралъ я сію обитель. О. архимандритъ намѣренъ меня въ концѣ сей недѣли, ежели Богъ сподобитъ, облечь въ малый образъ, т. е. въ рясу и камилавку, и для того я теперь говѣлъ и готовлюсь къ причастію. Почему опять васъ умоляю, всѣ мои проступки простить до забвенія совершеннаго. Остаюсь преданный вамъ братъ С. Шихматовъ.

Письмо князя Сергія къ братьямъ отъ марта 11 дня 1829 года.
Скитъ Юрьева монастыря.

Миръ вамъ отъ Господа и отъ Пречистой Его Матери, любезнѣйшіе и поч.

теннѣйшіе братья и друзья! Письмо ваше (отъ 22 февраля), въ отвѣтъ на мое, съ деньгами посланное, я получилъ и вмѣстѣ получилъ глубокую язву скорби въ сердце мое. Но уповаю, что благодать Божія, немощная врачующи, не оставитъ и меня страждущаго безъ своего вседѣйственнаго врачеванія. Господь поразитъ и исцѣлитъ, мертвитъ и живитъ. Васъ же, любезнѣйшіе братья, паки благодарю за ревностную вашу ко мнѣ недостойному любовь, которая хотя и тяжкую нанесла мнѣ скорбь, однако же, по чистотѣ своихъ побужденій, достойна всякаго уваженія. Только усерднѣйше и убѣдительно прошу васъ пощадить мою немощь, которая отъ сильныхъ потрясеній вашего обличенія можетъ довести меня до совершеннаго изнеможенія. Одно только укрѣпленіе мое состоитъ въ томъ, что дерзаю и учащаю прибѣгать ко всеильной помощи Вышняго, и благодареніе Его всеблагости, не воще. Пощадите, любезнѣйшіе, и сами себя; и что сокрушаете самихъ себя по мнѣ, аки уже по умершемъ сѣтуя. Ежели бы не дали вы въ сердце ваше доступа подозрѣнію, то извѣщеніе мое о началѣ моего отъ міра удаленія въ Юрьевъ монастырь не могло бы не токмо поколебать брэннаго вашего состава (который для пользы многихъ да сохраняется въ возможной вѣрности до позднихъ дней), но даже ни мало не долженствовалъ бы вамъ показаться удивительнымъ. Ибо я вами отпущенъ былъ къ совершенію моего желанія воспріять на себя монашескій образъ, и въ не другой какой нибудь, а именно въ Юрьевъ монастырь. И потому я ничего не сдѣлалъ новаго и для васъ неожиданнаго, обратясь къ духовному начальству съ просьбою о помѣщеніи меня въ число братства Юрьева монастыря. Самое важнѣйшее для меня ваше согласіе есть на вступленіе въ иночество; и что вамъ Юрьевъ монастырь не нравится, поистинѣ, причины я тому не вижу. Въ монастырѣ семь господствуютъ порядокъ и спокойствіе, можно сказать, примѣрные для всѣхъ здѣшнихъ обителей (почему и настоятель онаго отъ владыки сдѣланъ благочиннымъ многихъ монастырей), миръ и тишина между братією, достойные всякой похвалы; богослуженіе совершается по уставу съ точностію. Ежели позволено мнѣ угадывать ваше къ обители сей святой неблаговоленіе, то *не остается сдѣлать иного заключенія, какъ того, что настоятель не имѣетъ вашей полной довѣренности и что вы опасаетесь, дабы, послѣдуя ему, не впалъ я въ неправославіе.* Со страхомъ осмѣливаюсь я изложить сіе мое заключеніе и, буде оно не вовсе несправедливо, то долгомъ поставляю остеречь васъ отъ великаго для духовныхъ людей несчастія, отъ опасности глаголатъ несправедное беззаконіе. Опытомъ или паче опытами доказанная *его ревность къ церкви Божіей, чрезъ него благодатію Божією защищенной отъ сильнаго нападенія, ¹⁶⁾ враговъ ея,* (по каковой ревности имя его останется въ лѣтописи церковной приснопамятнымъ), освобождаетъ меня

сть надобности защищать его предъ вами, ревностными же чадами церкви, которая его однимъ изъ наиблизнѣйшихъ сыновъ своихъ почитаетъ. Промысла Божія пути неизслѣдимы. Во врата Юрьева монастыря я уже вошелъ или наче введенъ торжественно церковно, ибо, когда получилъ ваше письмо, то уже около двухъ недѣль назадъ (а именно 16 февр.) сподобился воспріять на себя начатки ангельскаго образа постриженіемъ въ рясу и камлавку, которыя и составляютъ теперь мое вооруженіе и украшеніе. И какъ монахъ, хотя еще и новоначальный, вамъ, вѣдущимъ и почитающимъ уставы монашескаго житія, должно напомнить не обинуясь, что первая главнѣйшая въ настоящемъ званіи моемъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы настоятеля своего чтить и любить отъ всего сердца, благоговѣть къ его повелѣніямъ, исполняя ихъ охотно и во всякое могущее какимъ либо образомъ возбудиться во мнѣ къ нему недовѣріе или неуваженіе или сему подобное почитать для спасенія своего крайне опаснымъ; а, напротивъ, отнюдь не смѣть судить судію своего, но повиноваться ему, аки Господу, а не аки человѣку а). Братія возлюбленные, будьте совершенно спокойны. Жаждетъ душа моя спасенія и

а) О. Аникита дѣйствительно въ высшей степени свято исполнялъ монашескую заповѣдь о послушаніи своему настоятелю. Отъ близкихъ родственниковъ о. Аникиты намъ приходилось слышать слѣдующій разсказъ, въ достовѣрности котораго едва ли можно сомнѣваться. Архимандритъ Фотій, какъ извѣстно, былъ благочиннымъ многихъ новгородскихъ монастырей. О. Аникита состоялъ при немъ въ качествѣ секретаря или письмоводителя. Исполняя письменное послушаніе, о. Аникита часто сидѣлъ и переписывалъ разныя бумаги въ келліяхъ о. настоятеля. Разъ приходятъ къ о. Фотію двѣ монахини одного изъ новгородскихъ женскихъ монастырей и начинаютъ ему, какъ благочинному, излагать разныя жалобы на строгія мѣры и разныя притѣсненія своей настоятельницы и пр. Фотій выслушивалъ жалобы монахинь, сидя у себя въ залѣ на диванѣ. Въ сторонѣ отъ него за особымъ столомъ сидѣлъ и переписывалъ бумаги о. Аникита. Когда монахини начали перечислять неудовольствія на настоятельницу, о. Фотій, обращаясь къ о. Аникитѣ, сказалъ: «Святой (такъ Фотій называлъ всегда о. Аникиту) поди сюда»; о. Аникита тотчасъ же всталъ изъ-за своего стола, подошелъ къ настоятелю и, сдѣлавъ ему низкій поклонъ, сталъ передъ нимъ. Фотій всталъ съ дивана и ударилъ о. Аникиту по щекѣ, о. Аникита отвѣтилъ на это глубокимъ поклономъ, раздалась другая пощечина, и новый глубокий поклонъ о. Аникиты. «Полѣзай подъ диванъ», сказалъ ему Фотій, послѣ того какъ наградилъ его двумя пощечинами. О. Аникита безпрекословно повиновался и полѣзъ подъ диванъ. Сидя на томъ же самомъ диванѣ, о. Фотій продолжалъ выслушивать жалобы монахинь, но послѣднія, вида предъ собою такую оригинальную сцену, очень скоро поняли смыслъ ея и поторопились поскорѣе оставить въ покоѣ своего начальника.

не невѣдаеть, что православіе единственныйъ къ оному пути, и сего пути держатся всевозможнымъ образомъ, и лучше предать, при содѣйствіи благодати, тѣло свое на погибель, нежели отъ него совратится. Успокойтесь и не тревожьтесь нисколько мыслію, что яко бы я съ вами неединомысленъ. Едину исповѣдую вѣру, едину исповѣдую церковь, едину стараюсь соблюсти житіе христіанское: не единствуемъ ли мы сердцемъ и душою? Я несомнѣнно уповаю, что Господь во время благопотребно утѣшитъ ваши ко мнѣ скорбящія сердца тѣмъ утѣшеніемъ, что вы прославите Его дивный надо мною Промыслъ чудно совершающійся, ко спасенію грѣшника, который, для очищенія грѣховъ своихъ, а паче юности, долженъ понести крестъ житія строгаго иноческаго. Теперь, нѣсколько успокоясь скажу вамъ, что, не взирая на скорби, чувствуетъ сердце мое и отраду въ новомъ моемъ званіи, а паче спокойствіе отъ развязки съ міромъ и его прелестями. Здоровье мое хотя некрѣпко, но не болѣзненно. Теперь живу я въ скиту въ совершенномъ безмолвіи, проводя время въ исполненіи послушанія и молитвъ, приуготовляясь паки приступить къ безсмертной трапезѣ (ибо о. архимандритъ благословилъ меня каждую субботу обновляться великимъ таинствомъ). И для сего прошу васъ паки и паки простить меня многогрѣшнѣйшаго.

Письмо братьевъ князей Алексѣя и Павла къ Сергію, отъ 5 апрѣля 1829 года.

Последнее твое письмо извѣщаетъ насъ, что ты уже вошелъ во врата Юрьева монастыря и что сіе случилось прежде полученія нашего письма. Поздравляемъ тебя съ симъ вступленіемъ въ преддверіе монашескаго обѣта и житія. О семъ теперь почитаемъ невременнымъ съ тобою бесѣдовать. О семъ побесѣдуемъ, когда получимъ всей нашей любовью требуемое и ожидаемое отъ тебя безусловное, необращающееся всякъ согласіе съ нами и съ церковно-учебными посланіями.

Скажемъ тебѣ еще, въ отвѣтъ на твое последнее письмо, что мы дѣйствительно не можемъ не полагать всѣхъ прежнихъ единомышленниковъ твоихъ также погрѣшающихъ какъ и тебя противъ той точности, съ каковою ты самъ почиталъ неразлучной обязанностью всякаго православнаго христіанина. Когда мы, съ помощію Божіею, склонили было тебя принять церковно-учебныя книги, какъ мы и вся наша русская церковь принимаетъ оныя, то просили тебя вразумить и всѣхъ единомышленниковъ твоихъ, которыхъ неправильное мнѣніе, тобою оставленное, ты не можешь не знать, имѣя такое частое подробное съ ними о вѣрѣ разглагольствіе. О всѣхъ такихъ лицахъ, о всѣхъ безъ изыатія, мы не иначе можемъ переимѣнить свое мнѣніе, какъ удостовѣрившись также, какъ желаемъ удостовѣриться о тебѣ. Напротивъ, почли бы себя погрѣ-

нившими немало, когда бы поступили вопреки сей мѣрѣ христіанскаго благоразумія, которая предписываетъ, не оскорбляя впрочемъ никого, наблюдать всевозможную осторожность. Про себя всеѣмъ позволено судить и о всеѣхъ и, вслѣдствіе такого сужденія, располагать свои поступки; упущеніе въ семь есть самое то, что называется безразсудностію. Если бы кто и несправедливое имѣлъ мнѣніе о комъ либо, но ежели онъ составилъ оное изъ справедливаго заключенія по стеченію обстоятельствъ, по которымъ одинъ онъ можетъ о немъ судить, то такое погрѣшеніе, если его можно назвать таковымъ, безъ сомнѣнія причисляется къ невольному. Ограниченныя твари, мы не иначе можемъ судить о людяхъ, какъ по ихъ мнѣніямъ и правиламъ и по инымъ знакамъ, доходящимъ до насъ. Самая молва людская не должна быть принимаема... Итакъ, не простирай сего нашего съ тобою словопренія, ожидая, не оскорблена ли честь кого либо. Судить никого мы не предпринимаемъ, но намъ это предоставлено. Но разбирая дѣло о тебѣ и дѣло такой важности, не можемъ мы не брать въ разсужденіе лицъ въ ономъ прикосновенныхъ. Когда себѣ сего не дозволить, то самая способность сужденія, самый разсудокъ будетъ излишнимъ. Когда бы мы себѣ сего не дозволили, то не могли бы остеречь и тебя и за то вмѣсто благодарности, которую мы отъ тебя получили, заслужили бы праведное отъ тебя порицаніе.

Не излишнимъ будетъ еще, для умноженія вѣса нашей части вѣсовъ, увѣдомить тебя, что мы рѣшились на продолженіе, по отбытіи твоёмъ отъ насъ, нашего съ тобою словопренія, съ совѣта нашего духовнаго отца ¹⁵), котораго почли за нужное ввести въ тѣ обстоятельства, которыя можно было ему открыть; на сіе мы тѣмъ паче рѣшились, что онъ и твой духовный отецъ, и притомъ человекъ испытаннаго благочестія. Онъ не почелъ ничѣмъ обремененной совѣсть нашу, выслушавъ главныя причины нашего несогласія. Если ты рѣшишься на такое точное неоговоренное церковноучебныхъ преподаваемыхъ книгъ пріятіе, какого мы желаемъ всеѣмъ сердцемъ, то постриженіе въ монашество отъ тебя не уйдетъ. Буде же напишешь неудовлетворительное намъ посланіе, то воздержись вступить въ сей священный санъ въ несогласіи съ нами въ несогласіи о предметѣ столь важномъ, въ Юрьевъ монастырь или въ какой иной.

Но и самое безмолвное пріятіе твое ученій церковныхъ не достаточнымъ будетъ теперь, чтобы намъ подтверждать прежде согласіе на твое вступленіе въ монашество, т. е. въ такое состояніе, въ которомъ ты сѣдне обязываешься принимать мнѣнія другихъ въ вѣрѣ. Надобно, чтобы время утвердило твое съ нами и насъ бы удостовѣрило въ постоянномъ непоколебимомъ твоёмъ церковнаго ученія пріятіи. *Да и тогда не съ*

Юрьевъ монастырь тебѣ наше блазословеніе. Вотъ, что тебѣ говорить наша къ тебѣ любовь, родство и дружество. Не въ тебѣ давненько не встрѣчается искреннаго совѣтаиъ нашимъ вниманія. Прилѣпленіе твое къ Юрьеву монастырю и многія иныя обстоятельства показываютъ намъ, что въ умъ твоимъ не избраніе монастыря слѣдовало за избраніемъ монашества, а монастырь былъ послѣдствіемъ намѣренія жить въ Юрьевъ монастырь.

Замѣть далѣе, до какой степени перемѣнили ты къ намъ расположеніе, что ты въ самомъ томъ свободно искреннемъ нашихъ мыслей и сердечныхъ чувствъ изложеніи, которыми дышетъ истинная любовь, чуждая свѣтской политики, видишь не братьевъ, раздражающихся сердцемъ, а какъ бы судей, обличающихъ вовсе чуждаго имъ подсудимаго. Вспомни, какое близкое ты намъ лицо. По сей близости нашей лежитъ на насъ долгъ подвизаться... и не мало сѣтуемъ на самихъ себя, когда по немощи своей тяготимся бременемъ симъ, которое Господу угодно было присоединить къ нашему кресту.

Доколѣ ты еще не изрекъ, доколѣ еще не закрытъ входъ въ Юрьевъ монастырь нашимъ письмамъ, не престанемъ до конца сближать тебя съ нами въ твоимъ вѣроисповѣданіи.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 20 апрѣля 1829 года.
Юрьевъ монастырь.

Христосъ воскресъ!

Любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья!

Любовь ваша ко мнѣ, которую чувствую съ благодарностію, прие-летъ на себя трудъ назирать всѣ шаги мои, и, такъ сказать, какъ бы водить меня за руку мою. Но не утомителенъ ли и не излишенъ ли будетъ для нея трудъ сей? Не должно ли оставить мѣста благодати Господней дѣйствовать силою своею въ моей немощи, той благодати, которая извела меня изъ мірскаго житія и чрезъ церковь возложила на меня малый иноческій ангельскій образъ, и церкви, въ лицѣ служителей ея, а своихъ избранниковъ вручила меня для наставленія на подвигъ совершеннѣйшаго жительствова, на тѣсный и прискорбный путь ко спасенію. Симъ вождямъ долженъ я слѣдовать неуклонно и имъ покоряя свою волю, отъ нихъ получать спасительное вразумленіе. Сихъ вождей я судить не смѣю, и даже ни чьихъ сужденій объ нихъ, особенно же имъ неблагопріятныхъ, принимать не долженъ, дабы не возмутить должнаго къ нимъ сердечнаго своего покоренія. Осмѣливаюсь, прося убѣдительнонѣе засѣ съ вашей стороны къ тому же мнѣ споспѣшествовать своимъ совѣтами, просить васъ не допускать до себя, или

но крайней мѣрѣ не принимать молвы недоброй и ложной о томъ лицѣ, котораго дѣла его защищаютъ, какъ ревностнаго и свѣдѣнныя избраннаго защитника православія, въ ту страшную годину, когда оно боримо было сильными нападеніями богопротивныхъ писаній и сочиненій. Осмѣливаюсь также замѣтить, что поелику слово Божіе есть живо и дѣйственно, и проходящее до раздѣленія души же и тѣла, и судительно помышленіемъ сердечнымъ человѣческимъ, то кажется, что оное грозное изреченіе: не судите (Мѣ. VII, 1), относится не только ко вѣшнему, но и ко внутреннему въ тайнѣ сердца совершаемому сужденію ближнихъ, которое приводитъ къ осужденію. Ежели нѣтъ сѣмени терноваго, то и терніе вырости не можетъ; а ежели есть сѣмя, то и растеніе можетъ прозябнуть. Простите мнѣ мою дерзость невольную.

Ревность вашего о мнѣ попеченія, на мнѣ не останавливаясь, простирается и до другихъ, называемыхъ вами прежними моими единомышленниками. Позвольте, братіе любезнѣйшіе, изнести въ услышаніе вамъ вопль и стонъ сердца моего, болѣзнующаго при таковомъ названіи. Оно укоряетъ меня, что аки бы я, содѣлавшись самъ раскольникомъ, соблазнилъ и другихъ привлеченіемъ ихъ въ свой расколъ. Ни до того, ни до другого зла Господь меня не допустилъ и да не допустить. Единомышленники мои прежніе и нынѣшніе суть всѣ православные христіане. Называемые же отъ васъ прежними 'суть или пастыри церкви богомудрые, или мужи изъ мірскихъ, словомъ и дѣломъ благочестивыхъ, и потому успокойтесь относительно ихъ вѣрованія: таковыхъ чадъ церкви искреннѣйшихъ подобаетъ мнѣ быть ученикомъ (а можетъ быть и не одному мнѣ), а не учителемъ.

Что же касается до воспріятія мною монашескаго обѣта, увѣдомляю васъ, что, взявшись за рало не съ тѣмъ, чтобы зрѣть вспать, а усерднѣйше желаю придти скорѣе тому времени, когда кончится мое испытаніе, и отверзется мнѣ дверь во вступленіе въ совершенное иноческое званіе, дабы вступить въ оное съ благодареніемъ въ сердца и въ устахъ Господу, призвавшему меня недостойнѣйшаго въ ближайшее предъ лицемъ Кго предстояніе и служеніе. Болѣзненно мнѣ слышать, что вы поставяете препною сему намѣренію мое съ вами, любезнѣйшіе братья, аки бы несогласіе. Я сей препоны отнюдь не вижу; ибо, находясь въ совершенномъ согласіи съ церковію, съ вами ли ревностнѣйшими сынами церкви почти себя въ несогласіи? Дано православной святой нашей церкви, и васъ въ себѣ покоящее, и меня въ себѣ содержащее, одно и то же, а потому и мы по вѣрѣ нашей одно и то же. Братья и друзья, престаньтъ тревожиться подозрѣніемъ и оставайтесь въ совершенномъ увѣреніи, что и я, грѣшный, сынъ церкви православной, такъ, какъ и вы, и недо-

вѣрюмъ вашимъ не лишайте меня сего и вамъ и мнѣ общаго и досточтимаго нарицанія: и отнынѣ молю васъ убѣдительноше и униженнѣйше, да прекратятся прежнія обличенія для сердца моего тяжкія и неудобноносимыя, и для вашего горестныя и болѣзненныя. Отвѣчать на оныя я уже не въ силахъ, а и слышать робѣю.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 27 мая 1289 года. Скитъ Юрьева монастыря.

Здравствуйте любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья.

Приготовляясь, по благословенію настоятеля, въ безмолвіи скитскаго уединенія, къ принятію въ день пятидесятницы самаго Господа славы въ убогій домъ грѣшной души моей, и благодати Всесвятаго Духа, сошествіемъ Своимъ, въ день пятидесятницы празднуемымъ, весь міръ обновившаго, прошу, съ поклоненіемъ до земли, разрѣшать на мнѣ плѣницы грѣховъ, ния же когда либо и въ чемъ либо согрѣшилъ предъ вами, и по любви вашей ко мнѣ недостойному почитаю уже прошеніе мое исполненнымъ.

О себѣ. окаяннѣйшемъ рабѣ всемилосердаго Господа моего, много сказать мнѣ нечего, какъ токмо, повергаясь предъ Нимъ въ прахъ уничиженія, воззвать: Щедръ и милостивъ, и долготерпѣливъ и многомилостивъ (Псал. СІІ, ст. 8)! Толикое множество содѣянныхъ студныхъ преступленій не возбрачили Всемилостивому посѣтить преступника благодатію помилованія. Исполняя разнаго рода послушанія, видя въ настоятелѣ своемъ отца по духу попечительнѣйшаго, ревнующаго по Бозѣ Вседержителѣ ревностію святою спасти себя и дѣтей, яже даде ему Богъ, видя незлобіе и добродушіе и согласіе братіи, благодарю Промыслъ Всещедраго и меня грѣшнаго къ нимъ присоединившаго, именемъ Всеблагаго да утвердится до конца на мнѣ грѣшномъ илюсть Его, изведшая меня отъ суеты для удобнѣйшаго многихъ грѣховъ моихъ очищенія. Ваши святыя молитвы да пособствуютъ мнѣ въ испрошеніи желаемаго дара небеснаго. Здоровье мое, кажется, не уменьшается, и хотя многіе изъ братіи страдали и еще страдаютъ лихорадкою, которая есть въ Новгородѣ и въ окрестностяхъ нынѣ весьма обыкновенна, я, благодаря Господа, не испыталъ на себѣ ея лихости.

Въ монастырѣ у меня предъ кельями садъ новонасаженный, котораго часть принадлежитъ моему жительству¹⁾; а въ скитѣ я живу на берегу моря и слышу шумъ волнъ, разбивающихся о брегъ; ибо нельзя не назвать моремъ разлитіе озера и рѣки на нѣсколько верстъ. О если бы даровалъ Господь мирное убѣжище, въ благодати своей, сердцу моему, волнами страстей избитому и еще обуреваемому. Жду спасенія Господня.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 18 іюня 1829 года. Скитъ Юрьева монастыря.

Здравствуйте любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья.

Исполнивъ письменное послушаніе ²⁰⁾, которое нѣсколько времени заставило меня прожить въ монастырѣ, теперь опять уклонился я въ безмолвный свой уголъ почти пустыннаго уединенія и опять, по благословенію настоятеля, готовлюсь ко вкушенію хлѣба небеснаго, и опять всѣмъ до земли покланяюся, требующій прощенія. Хотя за исправленіемъ разныхъ послушаній и не имѣю я столько времени, сколько бы желалъ, для благомыслія, однакоже о семъ не скорблю, памятуя, что отреченіе отъ міра состоитъ навпаче въ совершенствѣ послушанія, до котораго отрекающемуся всемірно достигать должно.

Недавно поѣтилъ меня въ монастырскихъ моихъ кельяхъ почтеннѣйшій мой отецъ и благодѣтель Александръ Семеновичъ ²¹⁾. Огправляясь въ Москву, дабы путешествіемъ и леченіемъ искусственно-минеральными водами разслабленное свое здоровье подкрѣпить, онъ, проѣзжая Новгородъ, не обѣдился почтеннѣйшій, несмотря на слабость свою, пріѣхать въ нашу обитель, и я со слезами радости его встрѣтилъ и благодарилъ Господа и Пречистую Его Богоматерь, что еще единожды сподобился увидѣть и облобызать мужа и добродѣтелями и просвѣщеніемъ и заслугами великаго, и мнѣ, въ теченіе почти 30 лѣтъ, отеческія милости оказывавшаго. Храмина его тѣлесная весьма обветшала, но да дастъ ему Господь подкрѣпить оную или, ежели скоро уже ея раззореніе, обрѣсти храмину вѣчнаго упокоенія на небесѣхъ.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 3 іюля 1829 года. Скитъ Юрьева монастыря.

Миръ вамъ отъ Господа и отъ Пречистой Его Богоматери
Любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе друзья и братья.

Что принадлежитъ до извѣщенія вашего, чтобы я не страшился и оставилъ бы политику, скажу вамъ откровенно, хоть и явились предъ вами яко зла глаголы сердечной моей откровенности (а любви, любезнѣйшіе братья, не мыслить зла) о Господѣ вамъ сказанныя, скажу вамъ откровенно, что страха никакого не токмо въ сердцѣ, и въ мысли не имѣю, и что политики и въ мірѣ живучи я удалаясь, то тѣмъ наче теперь въ черныхъ ризахъ долженъ ею гнушаться. Пиша вамъ отъ сердца собственно самъ отъ себя, все это пишу вамъ изъ Юрьева монастыря, написалъ бы вамъ изъ всякаго другого. Притомъ же еще разъ прошу повѣрить мнѣ, что *Юрьевъ монастырь не есть мѣздо еретичества, а напротивъ хранилище православія церковнаго.*

Полагая конецъ вынужденному и тяжкому для меня (по причинамъ прежде объявленнымъ) состязанію съ вами, съ поклоненіемъ монашескимъ до земли, прошу не отрѣзать меня отъ вашего согласія и простить меня великодушно, ежели чѣмъ либо какъ въ семъ, такъ и въ прежнихъ письмахъ, оскорбилъ, хотя нѣсколько, вашу нѣжную ко мнѣ любовь, которая да не тревожится болѣе никакимъ отнюдь недоумѣріемъ къ моей искренности.

Надняхъ отыскалъ меня, бывший проѣздомъ въ Новгородѣ, почтенный старикъ послѣ Устина служившій мнѣ многіе годы, котораго благочестіемъ я крайне былъ доволенъ, и обнадежилъ меня, что опять преселится ко мнѣ въ монастырь, ибо онъ лишился жены; дѣтей всѣхъ устроилъ, и имѣетъ позволеніе отъ господъ своихъ жить у меня. Ежели его Господь ко мнѣ пошлетъ, то лучшаго не надобно...

**Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 11 сентября 1829 года.
Скитъ Юрѣва монастыря.**

Миръ вамъ отъ Господа и отъ Пречистой Его Богоматери
Любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья.

Учащая четырежды въ день на молитву общаго богослуженія (которое вы называете обрядовымъ служеніемъ и о которомъ—простите великодушно—пишете такъ рѣзко, что мнѣ грѣшному и читать больно) и въ великіи кой-какія молитвы, занимаясь и послушаніемъ письменнымъ и книжнымъ, не имѣю я времени и возможности также распростра- няться въ моихъ писаніяхъ въ отвѣтъ на ваши, которыя, признаюсь, и прочитывать долженъ иногда выскрывать свободнаго времени, лишая себя не тою душеполезнаго богомыслія, но и самаго нужнаго церковнаго чтенія. Сворблю сердечно, что любовь ваша ко мнѣ только для меня утрудяется; и за трудъ ея, въ пользу мою подъемлемый, хотя и тяжкій для меня, приношу искреннѣйшее благодареніе.

На слѣдующей почтѣ отправлю къ вамъ обратно тетради ваши, заключающія въ себѣ доказательства о истинѣ вѣры, которыми, по предположенію вашему, не могъ я воспользоваться. Съ сими тетрадями посылаю три книги Псалтири, вамъ двоимъ двѣ, да для брата князя Прохора ²³⁾ Александровича третію, новаго прекраснѣйшаго изданія, но не отъ себя, а яко благословеніе вамъ отъ почтеннѣйшаго моего настоятеля о. архимандрита Фотія, который подарилъ мнѣ таковую книжку, подарилъ еще по одной для каждаго изъ моихъ братьевъ, дабы я отправилъ къ нимъ оныя, яко его благословеніе. Приятно мнѣ сіе порученіе, и исполняя оное, желаю, да почиетъ на васъ благословеніе мужа благословеннаго Господу.

Письмо братьевъ къ князю Сергію, отъ 28 ноября 1829 года.

Послѣ всего того, что мы писали тебѣ, суди самъ, можемъ ли мы спокойно видѣть тебя за 600 верстъ отъ насъ въ Юрьевомъ монастырѣ. Ты тамъ имѣешь намѣреніе вступить въ тѣснѣйшій союзъ съ церковію, будучи имѣніямъ церковно-учебныхъ книгъ противлящимся. Если сію врачебницу избралъ ты для своего излеченія, то какъ надѣяться тебѣ въ ней отгнанія недуга, когда ни ты и никто не подозрѣваетъ въ тебѣ его существованія. Напротивъ, съ сей-то стороны почитаютъ тебя неиздоровѣйшимъ. Слѣдовательно, эта врачебница нимало насъ не успокоиваетъ. Твоя болѣзнь въ томъ и состоитъ наипаче, чтобы не видѣть болѣзни, а потому не тотъ врачъ тебѣ можетъ быть полезенъ, который пріемлетъ болѣзнь твою по твоимъ обманчивымъ чувствамъ, а который самъ своею прозорливостію вникаетъ въ твой составъ и доходитъ до корня болѣзни. Для сего надобно знать обстоятельно твою духовную натуру, твой образъ духовной жизни, твои склонности, привычки. Кто же можетъ знать ихъ лучше насъ? Мы такъ тебя хорошо знаемъ...

Вся бѣда отъ того, что ты безъ всякой причины съ нашей стороны лишилъ насъ своей довѣренности и въ встрѣчающихся недоумѣніяхъ прибѣгалъ уже къ инымъ совѣтникамъ, которые и успѣли всѣять въ тебя сѣмя недоувѣрчивости къ церковной вообще системѣ (проповѣди). Поздно мы о семъ хватились, поздно замѣтили, что ты увлеченъ за черту и подъ видомъ ревностнаго защищенія церкви сталъ удаляться отъ церковныхъ постановленій, защищая церковь идеальную насчетъ истинной, видимой, существующей.

Чрезмѣрное твое прилѣпаніе къ обрядамъ и обычаямъ даетъ знать, что ты завлеченъ за черту. Если бы ты не отступилъ въ такомъ существенномъ предметѣ отъ единоутробныхъ и нераздѣльныхъ съ тобою, то и самое недоумѣніе твое, которое теперь повлекло тебя искать новыхъ учителей, постарались бы мы совокупно рѣшить на основаніи церковно-учебныхъ книгъ, и ты бы обрѣлъ опять твой покой въ томъ же блаженномъ лонѣ нашей церкви, въ которомъ ты отъ многихъ лѣтъ находился. Ты увѣряешь, что ты въ теперешнемъ мѣстѣ (Юрьевомъ монастырѣ) обрѣлъ покой... Здѣсь въ Архангельскомъ ожидалъ тебя истинный покой, покой совѣсти, миръ съ собою и съ нами. Ибо невѣроятно, чтобы ты могъ быть въ мирѣ съ собою, пребывая въ разномысліи съ нами въ такомъ важномъ предметѣ. Вотъ твоя врачебница. На помощь Божию надѣясь, дерзаемъ увѣрить тебя, что ты дѣйствительно найдешь ее здѣсь, когда вступишь въ сіе общезнѣтіе наше, совершенно безусловно показывая повинновеніе церкви, проповѣди закона Божія. Архангельское во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствуетъ тому мѣсту твоего на землѣ.

покоя, который, зная твое духовное расположение, предписалъ бы тебѣ мудрѣйшій духовный врачъ.

Еще позволимъ тебѣ замѣтить, что кажется не должно бы тебѣ имѣть большее если неуваженіе къ старѣйшинству нашему въ избраніи мѣста и образа жизни, то по крайней мѣрѣ во имя сего старѣйшинства. Ибо спроси свой разумъ, свою совѣсть, дозволила бы тебѣ матушка на такое избраніе мѣста противъ постоянного неодобренія большей половины нашего семейства, полною ея довѣренностію пользовавшагося, и противъ нашего убѣдительнаго доказательствами сопровождаемаго ей слезнаго представленія? Нѣтъ, нѣтъ. Я совершенно увѣренъ, что она вняла бы нашему безпристрастному сужденію и едва ли бы она тебя благословила и на яву также, какъ ты видѣлъ во снѣ²³). И такъ ты смерть матушки долженъ почитать благопріятствующей твоихъ желаній исполненію.

Письмо братьевъ къ князю Сергію, писанное ими въ началѣ января 1830 года.

До насъ, любезный другъ, дошли слухи о томъ, что ты поступилъ въ іеромонахи... Не думаемъ, чтобы слухи эти были вѣрны, но отсюда заключаемъ, что ты дѣйствительно близокъ къ постриженію въ монашество и къ поступленію въ число братіи Юрьевскаго монастыря и, какъ мы подозрѣваемъ, что ты можешь рѣшиться произвести въ дѣйствіе сіе намѣреніе твое безъ всякаго съ нами о томъ сношенія, то и находимъ за нужное повторить здѣсь вкратцѣ еще разъ наше семейственное нежеланіе, чтобы тебѣ основаться въ семъ монастырѣ. Подѣйствуетъ оно или не подѣйствуетъ, но мы почитаемъ себя обязанными повторить здѣсь, по праву нашего старшинства, и братства, и дружества, наши резоны, удерживающіе тебя отъ предпріятія, въ которомъ званіе Божіе не токмо сомнительно, но и сильное имѣетъ на себѣ подозрѣніе, что оно не есть таковое, хотя нѣкоторое откровеніе, привязанное къ оному, и даетъ ему видъ званія Божія. — Если и самое сіе *откровеніе* не имѣетъ въ себѣ ничего подозрительнаго, то и тогда многія другія обстоятельства ведутъ не къ тому, а къ противному заключенію. Но мы видимъ напротивъ того, что и самое-то событіе, которое ты называешь чудеснымъ откровеніемъ, оказывается имѣть въ себѣ такіа обстоятельства, которыя ты предъ нами оправдать никакъ не можешь, т. е. не можешь удовлетворить насъ, какимъ образомъ это дѣло человеческое ввучено въ событіе, выдаваемое за истинное дѣло Божіе..... Положенныя на письмѣ къ тебѣ семь печатей съ англійскимъ девизомъ и употребленная по твоему собственному показанію ложь, доказываютъ, во-первыхъ, человеческое заимствованіе

таинственныхъ покрововъ печатями, которыя не иначе можно бы было законно употребить, какъ по чудесному же повелѣнію, котораго не было; ибо если бы было, то о немъ непремѣнно упомянуто было въ письмѣ, а слѣдовательно этимъ уничтожило тотъ покровъ и единаго, употребившаго таинственность. Во-вторыхъ, англійская печать съ англійскимъ же девизомъ ясно показываетъ, что кромѣ единаго изъ монашествующихъ, какъ утверждаетъ письмо, было тутъ и другое постороннее лицо, и уже изъ не монашествующихъ, изъ которыхъ, навѣрное, никто не знаетъ англійскаго языка, а стороннее, которое бы не только сообщило сію печать, но и въ состояніи было объяснить, что девизъ сей значить, ибо по невѣдѣнію можно бы было употребить одну изъ модныхъ, отъ монастыря направленныхъ, любовныхъ такихъ печатей. Если не допускать сего, то чѣмъ рѣшить вопросъ: какъ дошла печать съ англійскимъ девизомъ въ монастырь, и кто объяснилъ ея девизъ? Монашествующимъ нѣтъ ее никакъ не предположительно, и разумѣть девизъ, не разумѣя языка, невозможно. Въ третьихъ, слѣдуетъ тебѣ напомнить на счетъ жи, открывающейся, по твоимъ словамъ, тѣмъ, что писавшій отрицается и вмѣсто да говорить нѣтъ. Но прежде, нежели продолжить замѣчанія о вышеписанныхъ обнаруживающихся несообразностяхъ, спросимъ, нужно ли, по услышаніи отъ кого-либо о призваніи Божіемъ, рассмотреть все подробно прежде, нежели почитать оное таковымъ? Отвѣствуемъ устами церкви, устами евангелія: нужно непремѣнно и не только нужно, но и такъ необходимо, что за пріятіе безъ сего рассмотрѣнія подлежать будемъ отвѣту, ибо ясно такое изслѣдованіе повелѣвается въ законѣ Божіемъ. Сверхъ того, если такое пріятіе слѣдуетъ допустить, то допущеніе такое оправдываетъ всякую ложь и обманъ, который, по несчастію, много вредятъ, и легковѣрные умы, облакая благочестіемъ, стараются выдавать за истину эту ложь. Если же должны изслѣдовать, то въ нашемъ разбирательствѣ не только нѣтъ ничего богопротивнаго, но богоугодное заповѣдей Его исполненіе открывается. Вотъ почему мы такую смѣлою рукою раскрываемъ таинственный покровъ, надъ которымъ ты заняться не имѣешь, и, когда раскрываютъ предъ тобою, закрываешь глаза, раскрой ихъ теперь вотъ на эти наши обстоятельства, и наша совѣсть, не терпя укрывтія оныхъ покровомъ чудеснаго, открываетъ изложенное выше.....

Вотъ, любезный, наши резоны, по которымъ мы по совѣсти не можемъ не противиться твоему вступленію въ Юрьевъ монастырь, ибо откровеніе сіе обличено, и само по себѣ, и навлекло на себя сильное подозрѣніе и по сопровождающимъ его обстоятельствамъ.

Откровеніе сіе дѣлаетъ уже вступленіе твое туда (Юрьевъ монастырь

непозволительнымъ и насъ побуждаетъ всѣми силами не допускать тебя до того, что нынѣ торжественно тебѣ о семъ и объявляемъ.

Письмо кн. Сергія къ братьямъ, отъ 3-го февраля 1830 г. Скитъ Юрьева монастыря.

Миръ Вамъ отъ Господа и отъ Пречистыя Его Богоматери и отъ святыхъ и праведныхъ Симеона и Анны,

Любезнѣйшіе братья и друзья.

Слухи, дошедшіе до васъ о моемъ іеромонашествѣ и встревожившіе васъ и обратившіе васъ къ прежнимъ возраженіямъ, которыя не вовсе оставлены были безъ отвѣта, слухи сіи суть несправедливы. И прежде и теперь я вамъ писалъ и пишу, что поставленный Промысломъ на тѣсный путь иночества, я ублажаю мой жребій, и да не будетъ мнѣ отнюдь, возложивъ руку на разо спасенія, озираться вспять (Лук. IX, 62 ст.) на оставленныя суеты міра, дабы ни мыслию не увязнуть въ тонкихъ и исторазставленныхъ сихъ сѣтяхъ. Чувствуя себя посомъ нечистымъ, почитаю себя недостойнѣйшимъ впущену быть во святое святыхъ: — но не отчаиваюсь принять быть милосердіемъ Божиимъ, во время благопотребно, въ лицъ ангеловъ земныхъ (ибо таковыми почитаю я съ православною нашею церковію иночествующихъ подвижниковъ), дабы благодатію Божіею очистившись отъ сквернъ житія прешедшаго, прочее живота время посвятить покаянію и богоугожденію въ безмолвіи и богомыслии, получивъ въ воспріятіи иноческаго чина благодать возблагодарить къ богоугожденію. Ежели сіе предпріятіе кажется для васъ необдуманнѣмъ, прошу у васъ прощенія, но отъ предпріятія по моей слабой душѣ богоугоднаго отступить страшусь и не помышляю. *Да не смущается сердце ваше неправымъ сужденіемъ о святой обители св. великомученика и побѣдоносца, въ ней же я, грѣшный, водворяюсь, вступивъ въ оную съ надеждою постриженія и получивъ въ ней посему и начатки ангельскаго образа. Не прогнѣвайте святаго великомученика осужденіемъ чудесно покровительствуемой имъ обители: чудесно, ибо изъ совершенныхъ развалинъ возобновила оныя ея вдругъ въ самоблавольтннѣшемъ видѣ²¹), дабы возсылаемое въ ней славословіе Господу и прославленіе Его самого во славу Божію чрезъ семьсотъ лѣтъ на семь мѣстѣ продолжавшееся и бывшее многими душамъ виною спасенія, не умолкло, но съ вѣщшею силою продолжалось еще вѣки, доколѣ Господу угодно. Чудесно, ибо въ наши дни, воочію нашею явилъ оны въ ней великими благодѣяніями свое благодатное присутствіе, о чемъ я вамъ для прочтенія пришло тетрадь, когда перепишется и, можетъ быть, съ вашею рукописью, съ похернѣйшею просьбою, прочитавъ возвратитъ оную ко мнѣ немедленно.*

Изъ оной усмотрите вы, что *обитель святая наша паче многихъ другихъ*, въ которыхъ даже нетлѣнные открытые останки святыхъ прославляются, *имѣтъ свыше благодать спасительную челоукамъ и губительную вразамъ нашимъ невидимымъ*. Изъ оной утѣшится ревнующее по православной вѣрѣ нашей сердце ваше доказательствомъ несомнительнымъ, что и нынѣ *между чадами церкви есть такіа*, которыя имѣють въ себѣ знаменія истинной богоугодной вѣры, по реченному: знаменія же вѣрующимъ сіа послѣдуютъ, и проч.: Будьте спокойны, *не въ худое мѣсто привела меня божественная благодать* и ввела на путь смиренія, хотя и не безскорбный, но очистительный, и напояетъ меня чашею спасенія не негорькою для вѣшняго челоука, а особенно для гордости, имъ живущей, но сладкою для внутренняго, приводя его къ исцѣленію отъ немощей киченія и возношенія средствами униженія и умаленія. Оставивъ излишній трудъ и неполезный для вашей души и моея грѣшной убѣжденія къ извлеченію меня изъ нѣдръ святаго мѣста, пролейте усерднѣйшія ваши молитвы о моемъ окаянствѣ, да начный дѣло спасенія моего Господь Спаситель и совершитъ оное къ славѣ пресвятаго Своего имени, дабы разставшимся намъ здѣсь на краткое время уже не многихъ нашихъ дней, соединиться тамъ на вѣки, да любя другъ друга вѣчною любовію, единомысліемъ исповѣмы всесвятую Троицу: Отца Сотворителя, Сына Испушителя, Духа Освятителя, во всю вѣчность...

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 17 марта 1830 г. Юрьевъ монастырь.

Миръ вамъ, любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья.

Повергаясь предъ вами съ крайнимъ болѣзнованіемъ, прошу отпущенія всякой вины моея когда либо и въ чемъ либо предъ вами содѣянной. Сіе полное и совершенное ваше прощеніе и отпущеніе тѣмъ для меня нужнѣе, что уже время мое, о которомъ я нѣкогда вамъ писалъ, что оно близъ есть, не зная еще какое оно, нынѣ уже наступило, время отреченія отъ міра и воспріятія на себя ига Господня благаго, и шествованія за нямъ по тѣсному и прискорбному пути иноческаго подвижничества. Святѣйшій Синодъ, по представленію настоятеля моего, рѣшилъ сократить время искуса моего на основаніи законовъ и благословилъ мое въ иночество постриженіе, которое, какъ скоро ожидаемый о семъ указъ придетъ въ здѣшнюю консисторію, уповаешь въ самомъ непродолжительномъ времени совершиться. Приступаю къ сему духовному моему обновленію, въ которомъ, по наученію святой церкви, пріемлящему отъ искренняго сердца великій на себя обѣтъ иноческаго ангельскаго

образа, отпущаются всё содѣланные имъ грѣхи во вся дни живота его, и онъ творится новъ духомъ, аки вторично крещенный, почему и налагается ему новое имя; приступая къ сей великой благодати Божіей, прошу вашего напутствованія прощеніемъ, моленіемъ, благословеніемъ; прошу всеусердѣйше и да видеть прошеніе мое въ уши вашего сердца... И въ семъ случаѣ явилъ мнѣ Господь необычайную милость тѣмъ, что, призывая грѣшника на спасательнѣйшій путь благоугождѣншаго Ему покаянія, отвратилъ, можно сказать, чудеснымъ образомъ, всё препятствія, возбранявшія еще стопамъ моимъ вступленіе на путь сей желаемый. Буди слава святому Его имени и благодареніе Заступницѣ рода христіанскаго, святымъ Его о мнѣ грѣшномъ предъ благостію Его ходатаямъ. За сѣмъ *прошу покорнѣйше постыжись присылкою мнѣ обратно тетради моей*, отправленной къ вамъ съ вашимъ рукописнымъ сочиненіемъ, *содержащей въ себѣ явленіе силы Божіей въ немощи человеческой надъ силами присподней, явленіе дивное, назраждающее истинную богоугодную въру избраннаго орудія благодати Божіей* ²⁵⁾ и утверждающее оную въ видѣвшихъ и слышавшихъ. Пеславъ къ вамъ тетрадь свою собственно для вашего токмо прочтенія, всепокорнѣйше васъ прошу, ежели вамъ разсудилось списать оную или сдѣлать изъ нея выписки самимъ, или и другому кому сіе вы сдѣлать позволили, прошу васъ всеусердѣйше, подѣ отвѣтомъ совѣсти вашей предъ Господомъ, всё сія списки и выписки какъ ваши, такъ и чужія, переслать ко мнѣ немедленно, дабы вѣрнная вамъ тайна оставалась тайною въ вашемъ вѣдѣніи, дабы врагу отнять всякое средство порицаніемъ тщеславія оклеветать предъ Богомъ дѣло любви божественной, и тщетною славою человѣческою не удалить отъ славы Божіей побѣдившаго его силою Божіею. Остаюсь въ несомнѣнной увѣренности, что просьбу сію вы исполните безъ малѣйшаго упущенія и не допустите меня за нескромность мою подвергнуться запрещенію.

Вашъ слуга С. Шихматовъ.

Письмо братьевъ къ князю Сергію, отъ 18 апрѣля 1830 года.

Пиша намъ увѣдомленіе о скоромъ принятіи монашества, ты долженъ былъ ощущать, какое вѣсть сія произведетъ въ насъ чувство, ибо вѣдаешь, что *мы отнюдь не желаемъ видѣть тебя монашествующимъ въ Юрьевомъ монастырѣ* по причинамъ, давно тебѣ сообщеннымъ и не одинъ разъ повторяемымъ. Зная сіе наше нежеланіе, какъ ты просишь нашего благословенія? Напротивъ, посылаемъ тебѣ наше неблагословеніе на сіе твое предпріятіе... неблагословеніе насъ, старшихъ твоихъ братьевъ и замѣняющихъ мѣсто родителей твоихъ. Вотъ

что говорить Законъ Божій: «дѣтей должность есть родителей своихъ любить и почитать и безъ ихъ приказанія ничего не начинать. Въ сему отечеству принадлежать и большіе кровные, напр. родной дядя, тетя и братъ большой, и оныхъ должность и почести, которыя прямымъ родителямъ, хотя и не равную мѣрою, принадлежать». Знай, любезный другъ, что званіе сіе себѣ пріемаешь совершенно противъ нашего согласія, ты наносишь намъ обиду большую, какую только представить можно, больше чѣмъ кто-либо когда-либо намъ нанести могъ ударъ такой, какой производитъ великое несчастіе. Знай, что мы всѣми силами удерживаемъ тебя отъ Юрьева монастыря. Буде же поступленіе твое совершится до полученія сего письма, то все же еще остается тебѣ отвращеніе отъ насъ сего великаго удара намѣреніемъ выйти изъ сего монастыря и немедленнымъ исполненіемъ намѣренія сего. Ибо, повторяемъ еще, никакъ не желаемъ тебя видѣть въ числѣ братіи сего монастыря, тогда какъ во всякомъ другомъ пребываніи твоемъ сопровождаться будетъ не токмо благословеніемъ нашимъ, но и молитвами усердѣйшими. Разсмотри, что отъ тебя требуютъ братья, любящіе тебя больше, нежели кто-либо на свѣтѣ? Но скажутъ тебѣ: требованіе родителей, а не токмо братьевъ можетъ быть незаконно. Согласны, незаконное требованіе есть дѣйствительно такое, въ которомъ дозволено не внимать и родителямъ, т. е. причина, отвлекающая тебя отъ Бога или иное богопротивное, это есть едино обстоятельство, въ которомъ ты и безъ благословенія старѣйшихъ семейства можешь воспринять монашество. Спроси же своей совѣсти, достаточная ли наша причина тебя удерживаетъ? Причина сія не отъ Бога тебя отвлекаетъ, но отъ того исповѣданія, которое тебя отъ Бога отвлекаетъ, отъ исповѣданія не церковнаго, которое намъ извѣстно по собственному твоему признанію. Мы съ братомъ суть тѣ лица, которымъ допустилъ Господь имѣть въ тебѣ такую пламенную любовь, какъ будто собственно для того, чтобы указать тебѣ опасность, въ которую ты, подъ конецъ дней, ослабѣвающимъ умственнымъ способностямъ, сомкнувъ очи, свергнуться стремишься. Ибо кому тебя остеречь кромѣ насъ? Ибо какихъ пособій въ семъ случаѣ тебѣ ожидать отъ другихъ? Свѣтскіе твои друзья о тебѣ и думать забыли. Единомысленники твои духовные видятъ въ тебѣ сильнаго Геркулеса врагамъ ихъ, готовящагося возвеличить ихъ возносящуюся гордыню.

Друзья истинные у тебя есть, ты ихъ имѣлъ и имѣешь, могутъ и желаютъ тебѣ пособить, но лишены всѣхъ способовъ. Изъ сихъ послѣднихъ одинъ имѣется и въ нашихъ краяхъ, котораго ты невѣдомо обратилъ отъ міра къ Богу, который тебя за сіе первѣйшее ему благодареніе любить любовію истинною духовною христіанскою, хотя ты, можетъ быть, его вовсе не знаешь, и который также, какъ и мы, не желаетъ

твоего пребыванія въ Юрьевомъ монастырѣ, не желаетъ по причинамъ еще основательнѣйшимъ нашихъ, которыя онъ имѣлъ хорошій случай ослабить и, судя по его набожности и христіанской жизни, безъ сомнѣнія, ослабить подробно: ибо желаніе свое о невеступленіи твоёмъ въ сей монастырь выражалъ еще сильнѣе нашихъ вышеписанныхъ. Укажишь тебѣ сколько вреда по сіе время принесла тебѣ несчастная твоя система, сколько обнаруживается въ тебѣ такихъ странныхъ дѣйствій.

Прежде всего легковѣріе твое съ той поры простирается до того, что ты принимаешь за чудеса, за откровеніе собственно по однимъ словамъ сообщающаго оное, не давая ни мало дѣйствовать разсудку, который и не можетъ дѣйствовать тогда, когда изложенъ съ своего престола, приемишь за чудеса и то, что не неизмѣетъ въ себѣ слѣдовъ челоувѣческаго придуманнаго. Между прочими твоими непонятными намъ поступками нельзя умолчать и о семъ тоже немаловажномъ, что ты за всю нашу любовь не хочешь пожертвовать намъ, не оставляешь намѣренія поступить въ Юрьевъ монастырь, къ которому ты имѣешь склонность для пребыванія, ты не хочешь пожертвовать пребываніемъ въ одномъ монастырѣ вмѣсто другого, въ незначительномъ вмѣсто знатнаго, въ ближайшемъ къ намъ, вмѣсто отдаленнѣйшаго отъ насъ, въ бѣдномъ, вмѣсто богатаго. Вотъ тѣ изъ поступковъ твоихъ со времени твоего отъ насъ отчужденія, которые наиболѣе кидаются въ глаза, несообразныхъ вовсе съ прежними твоими правилами. Ты ихъ чаятельно не видишь. — Не забудь и сего слова Божія, ты, приступающій ближе прочихъ приносящихъ къ алтарю: аще принесеши даръ твой къ алтарю, и ты помянешь, яко братъ твой имать нѣчто на тя, остави ту даръ твой предъ алтаремъ и шедъ прежде смирился съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой (Мате. V, 23—24). Ты приносишь такой даръ, котораго пріятіе для тебя великой важности, ибо приносишь самого себя, а между тѣмъ знаешь, что братья твои, сосредоточивающіе въ себѣ почти все твое семейство и занимающіе мѣста твоихъ родителей, имѣютъ на тебя не нѣчто маловажное, но причину тяжелую, полновѣсную, по которой тебя въ Юрьевъ монастырь вступить не благословляемъ, воспрещаемъ, причину, которая, въ теченіе двухъ лѣтъ осматриваемая, не уменьшилась въ своей тяжести. Вернешь ли ты такъ явно противъ Евангелія несомый, неблагословенный свой даръ? Ибо опять торжественно тебѣ повторяемъ по всѣмъ твоимъ мнѣніямъ и дѣламъ и словамъ отнюдь не видимъ мы званія Божія на твое вступленіе въ Юрьевъ монастырь.

Слѣдуетъ теперь сказать тебѣ слова два о твоей рукописи, т. е. о внезапномъ твоёмъ ее отъ насъ требованіи и всѣхъ съ нее списковъ. Сія статья твоего письма не мало насъ изумила. Ты прислалъ намъ тетрадь свою для сдѣланія насъ участниками въ прославленіи

имени Божія о чудѣ, въ монастырь вашемъ совершившемся, прислать безъ всякихъ оговорокъ хранить ее тайно и не позволять никому читать или списывать. Да и странное бы это было условіе; прославленіе имени Божія есть первѣйшая наша обязанность и главною цѣль нашего бытія. Что же это значить, что ты теперь подъ отвѣтомъ совѣсти требуешь немедленнаго нашего возвращенія не только сей твоей тетради, но и копій, буде имѣются списаны, даже копій другихъ съ нея списавшихъ требуешь, проси насъ всеусерднѣйше, чтобы доставить тебѣ оную безъ малѣйшаго упущенія? Недоумѣваемъ о такой внезапной переměнѣ, о такомъ странномъ прошеніи, чтобы то дѣло, то чудо, описаніе котораго ты нарочно прислалъ къ намъ, чтобы сдѣлать явленнымъ особенное благословеніе Божіе надъ мѣстомъ, гдѣ оно совершилось, то чудо повелѣваешь теперь скрыть прямо вопреки заповѣди Христовой—свѣтильникъ со свѣщникомъ ставить подъ одрѣ? Причина, которую ты приписываешь даваемому тобою противоположному направленію твоему первому намѣренію, вовсе насъ не удовлетворяетъ. Если подлинно для того ты подъ кровать прячешь сію свѣчу, чтобы блескъ оной не возбудилъ тщеславіе въ совершителя, если для сего единственно ты прибѣгаешь къ утаенію дѣлъ Божіихъ и требуешь немедленнаго возвращенія рукописи, то зачѣмъ тебѣ наша копія, недостаточна ли для неподанія тѣмъ тщеславію заказать намъ не распространять сіе списываніе и списанныя уже копіи хранить въ тайнѣ, или по большей мѣрѣ истребить ихъ здѣсь. Нѣтъ, тебѣ непременно нужно, ты заклинаешь насъ, чтобы прислать къ тебѣ немедленно не токмо нашу копію, но и прочія и чужія. Какъ тебѣ пришло на умъ просить насъ о доставленіи тебѣ чужихъ копій? Какую мы можемъ имѣть власть надъ другими и надъ ихъ собственностію, которая для нихъ драгоценна? Сіе можетъ лишь управа благочинія. Такое странное порученіе твое намъ не можетъ не показывать намъ смущенный твой духъ. Если бы подлинно одно тщеславіе заставляло тебя принимать сію мѣру, то ты имѣлъ бы то одно попеченіе въ твоихъ отъ насъ требованіи, чтобы вообще не распространялась молва о семъ происшествіи, т. е. молва и словами передаваемая также, какъ и на письмѣ. Ты же не мало не запрещаешь передавать оное словами, а только заботишься объ однихъ спискахъ, заботишься даже гораздо чрезъ мѣру, ибо поручаешь намъ прислать тебѣ всѣ списки, т. е. сдѣлать то, чего мы сдѣлать не смѣемъ сами по себѣ. А если просьбою вздумалось бы намъ испрашивать у нихъ списки, то надлежало бы сказать имъ и то, что самъ ты, который прислалъ намъ тетрадь для прославленія вашего монастыря, теперь поспѣшно и подъ заклинаніемъ требуешь возвращенія не ее текно, но и всѣхъ списковъ. Суди самъ, какое бы дѣйствіе произ-

ведо надъ ними такое наше имъ объявленіе — необусловленіемъ ли послужилъ сей поступокъ твой вмѣсто прославленія? Что за протязности такія въ твоихъ поступкахъ?

Описываемая въ тетради твоей тобою бѣснующая во всемъ такъ соответствуетъ тѣмъ клякшамъ, о которыхъ прежде частая была молва, а теперь изрѣдка случается слышать кое-гдѣ по монастырямъ. Увѣдомляю тебя, что всѣ приходскіе священники нѣсколько лѣтъ тому назадъ обязаны подпискою по синодскому предписанію каждое полугодіе доносить своему начальству, что въ приходяхъ ихъ клякушь и никакихъ иныхъ суевѣрствъ не имѣется, что и исполняется, какъ мнѣ извѣстно изъ рапорта, подаваемого во всякій вышеписанный срокъ благочинному нашимъ священникомъ.

Посылаемъ тебѣ теперь обратно сію твою тетрадь. Читали же сію твою рукопись только я и братъ, а списывать ее никто не списывалъ, а потому будь покоенъ; у насъ ни малѣйшихъ слѣдовъ ея не останется.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 7 апрѣля 1830 г. Юрьевъ монастырь.

Христось воскресе!

Возлюбленнѣйшіе о Господѣ братья и друзья.

Говоря о себѣ, не знаю какъ возблагодарить безчисленныя Господа нашего во мнѣ, ничтожному рабу Его, милости и благодѣянія въ малыхъ сихъ дняхъ совершившіяся, и всѣ запечатлѣнныя явственною печатію отеческаго Его о мнѣ грѣшномъ промышленія. Далъ мнѣ Господь желаніе сердца моего (Псал. XX, 3) и весь совѣтъ мой исполнилъ (Псал. XIX, 5), допустивъ меня до воспріятія ангельскаго образа, и великая моя заступница и покровительница, Царица небесная, въ день оный великій, вже есть спасенія нашего главизна, въ который ангель Божій благовѣстилъ Ей и всему міру радость велию, о совершеніи спасенія моего промышляя, вчинила меня въ ликъ ангеловъ земныхъ, и тѣмъ, воистинну, возрадовала сердце мое радостію, которая, надѣюсь на Ея всемогущее покровительство, не отыметъ отъ меня. Новое имя наречено мнѣ грѣшному въ иночествѣ, имя животворящаго креста Господня, нареченное ему отъ боголюбивѣйшаго царя Ираклія греческаго, который силою непобѣдимую креста Господня побѣдилъ враговъ своихъ сильныхъ персовъ, плѣнившихъ оное честное древо, и сіе сокровище у нихъ отъялъ и пакы возвратилъ христіанамъ, и своими царскими руками водрузилъ знаменіе нашего спасенія на Голгоѣѣ, на мѣстѣ, идѣ же самое спасеніе наше совершилось. (Прошу прочитатъ о семъ въ прологѣ 14

сентября о воздвиженіи честнаго креста Господня). Имя мое новое есть *Аникимъ*, по переводу съ греческаго—*необходимый*. Да сподобитъ Господь силою крестною необходимою быть мнѣ немощному необходимымъ для міра плоти и діавола! Да помнить душа моя непрестанно, именемъ моимъ понуждаемая, обязанность инокскую нести безпрестанно въ терпении крестъ скорбей и лишений тѣснаго пути, ведущаго въ пространство жизни вѣчна. За сямъ первымъ даромъ всецѣдраго Господа, сподобился еще я, недостойнѣйшій, новыхъ и вѣчныхъ къ прославленію имени Его святаго. Сѣдя на херувимѣхъ на небеси и возсѣдый на жребіи безсловесное на земли и съ торжествомъ вшедый во святыи градъ, не возгнушался въ самый день празднованія сего вшествія, и во храмѣ, въ которомъ празднованіе сіе есть храмовой праздникъ, не возгнушался, но съ милостію неизреченною благоволилъ благодатию своею возсѣсть на жребіи словесное, нечистое по житію и строптивое по нраву, на грѣшнаго монаха Аникита и ввелъ его въ святая святыхъ, въ чинъ левитовъ. А въ великій четвертокъ, когда церковь святая учащаетъ воспоминать тайную вечерю и празднуетъ ея установленіе, сподобилъ Господь, установитель оной, грѣшнаго монаха Аникита быть служителемъ и совершителемъ таинственной оной вечера, на ней же Онъ Самъ себя предлагаетъ вѣрнымъ въ снѣдъ душецѣлебную и питіе животворное. Облеченнаго благодатию священства, грѣшнаго монаха Аникита, паки Господь облагодатствовалъ, ибо въ тотъ же день, по напitanіи трапезою безсмертія, посадилъ его въ число избранныхъ своихъ и сподобилъ принять омовеніе ногъ отъ священнѣйшихъ рукъ святителя Божія, дабы сямъ таинственнымъ очищеніемъ истребить воѣ северны мірскаго перваго житія и побудить его шествовать въ чистотѣ тѣла и души по немъ въ ликѣ, ангельскій образъ на себѣ носящихъ отшельцевъ отъ міра. Что воздамъ Господеву о всѣхъ, яже воздаде ми? Чашу спасенія прииму и имя Господне призову (Псал. СХV, 3—4). Всю сію седмицу отправляю и далѣе имѣю отправлять чреду богослуженія, со страхомъ и трепетомъ и удивленіемъ о милостяхъ, яже удиви Господь на мнѣ (Псал. ХVІ, 7), предстою страшному престолу, воспоминаю и до конца дней моихъ воспоминать не престану васъ, возлюбленные о Господѣ братья, въ послѣднихъ моихъ молитвахъ... Прошу также посильнѣе исполненіемъ покорнѣйшей моея просьбы о возвращеніи моея тетради съ переписками и выписками, буде сіи послѣднія были сдѣланы.—Предаю себя вашему братолюбію, и съ таковымъ же чувствованіемъ остаюсь усердный о Господѣ братъ вашъ и богомолецъ, грѣшный іеромонахъ Аникитъ.

Письмо іеромонаха Авниты къ братьямъ, отъ 1-го іюня 1830 года.
Юрьевъ монастырь.

Миръ вамъ отъ Господа, возлюбленнѣйшіе о Господѣ братья. На письмо ваше хотя и могъ бы и отвѣчать поранѣе, но какъ я прежде полученія онаго писалъ къ вамъ о посѣтившей меня недостойнаго великой свыше благодати, то и поджидалъ отъ васъ слова привѣтнаго, а потому и не торопился отвѣтомъ. Но ждалъ и не бѣ; и потому молчаніе мое прерываю. Жалѣю крайне, но не для себя, а для васъ, что наки слова мои, яко лжа вмѣнились предъ вами; и вы какъ бы подозрѣваете меня въ умыслѣ уловить васъ въ легковѣріи, по случаю неожиданнаго вами потребованія мною препровожденной прежде къ вамъ бумаги, въ ней же сила Божія прославляется. Желаю, чтобы случай сей послужилъ вамъ доказательствомъ, что и при всей ревности къ истинѣ, ежели только духъ недоувѣрчивости имѣеть въ сужденіи своемъ, можно истину почестъ за ложь.—*Не обманулъ я васъ, братіе, ни словомъ: все написанное есть суцая правда, съ присовокупленіемъ того, что нельзя всего описать, что происходило.* Нежданному же потребованію причина есть та, что *описаніе истинное истиннаго происшествія послалъ я къ вамъ безъ благословенія настоятеля*; и когда оныя, по случаю, потребовалъ отъ меня сей бумаги и узналъ отъ меня, гдѣ она находится, то *сдѣлалъ мнѣ строгій за своеволюство мое выговоръ и требовалъ немедленно возвращенія какъ самой бумаги, такъ и выписокъ изъ оной и стисковъ, буде были кѣмъ сдѣланы.* Жалѣю, братіе, что *чудо силы Божіей надъ силою вражіей пришло въ къ нечестностямъ суетврія и истинно исцѣленную биснующуюся смѣнили въ притворную кликушу.* Блюдитесь, да не огорчите Духа Божія, дѣйствіе силы Его явное отвергая или смѣшивая съ мнимыми чудесами, злоухищреніемъ производимыя и простоуміемъ разглашаемыя. Хотя слова мои для васъ и недостовѣрны, однакоже я долженъ вамъ сказать, что подобныя опыты силы Божіей въ облагодатствованномъ мужѣ надъ силою вражіею видѣлъ я у себя въ монастырѣ и послѣ сего не одинъ, и притомъ такіе, что если бы вамъ привелось быть зрителями оныхъ, то увѣряю васъ, что трепеть вошелъ бы въ ваши кости и вы увидѣли бы на дѣлѣ вѣру живую богоугодную, и вы смирили бы высокое свое мнѣніе о собственной вашей вѣрѣ, внушающей вамъ смѣлость судить и осуждать тѣхъ, иже Богъ явно дѣйствующею въ нихъ силою Своею (силою изгнанія бѣсовъ о имени Іисусовомъ, знаменіемъ вѣры истинной и Богу угодной) оправдываетъ. Простите меня, униженнѣйше прошу, ежели слово сіе покажется вамъ жестоко: свидѣтельство о истинѣ исторгло оное изъ устъ моихъ.

На послѣдній въ свѣтѣ вопросъ, яко не принадлежащій къ обличеніямъ, можно дать такой отвѣтъ, что положеніе справедливо, но не таково примѣненіе. Отець, предлагающій учрежденіе, есть не иной кто, какъ самъ Господь, который о довольствѣ трапезы печется самъ невидимо промысломъ своимъ отеческимъ, и видимо чрезъ отцевъ духовныхъ, святителей и священниковъ; прочіе, яко явщая чада, да вкушаютъ съ благодареніемъ предлагаемая, отнюдь не дерзая входить въ непринадлежащее имъ распоряженіе пиромъ Отца небеснаго, не призывавшаго ихъ въ таковое дѣланіе. По пріятіи мною недостойнѣйшимъ благодати священства, я сряду шесть недѣль, при помощи свыше, провелъ въ ежедневномъ литургисаніи и съ дерзновеніемъ унованія на милосердіе Божіе приступалъ къ совершенію безкровныхъ жертвы, не чувствуя ни самъ въ совѣсти своей ни малѣйшаго укора относительно православія, которое одушевляетъ мою душу, ниже отъ тѣхъ, иже вѣдятъ свидѣнія Божія и ниже отверста совѣсть моя, не смущаемый ни мало, но паче благословляемый: и благословеніемъ ихъ напутствуемый имѣлъ и имѣю ни съ чѣмъ несравненное благополучіе священнодѣйствованія божественныхъ тайны, со страхомъ благоговѣнія и съ радостію неизглаголанною, недомыслимою.

Письмо кн. Алексѣя и Павла къ о. Аникитѣ, отъ 9 іюня 1830 г.

Всѣ твои три письма мы получили. Послѣ перваго поджидали отвѣчать, доколь получимъ отвѣтъ твой на нашу тетрадь, которую не очень давно получили.

Поздравляемъ тебя, любезный братъ, съ принятіемъ сана монашескаго и священническаго и благодаримъ за воспоминаніе о насъ грѣшныхъ въ молитвахъ твоихъ при совершаемомъ тобою богослуженіи. Что до насъ, то и мы не оставляемъ попрежнему молиться о тебѣ съ тѣмъ усердіемъ, какое внушаетъ братская любовь, препятствіями къ единодушію съ твоей стороны лишь больше воспламеняемая. Любовь наша и ревность къ тебѣ подобна теперь жару *пещному*, накопившемуся отъ многихъ охапокъ сожженныхъ дровъ. Жару много, хотя отъ удручающихъ насъ немощей и болѣзней по уменьшаемой силѣ духа и ревность пламениѣ, но огня едва ли не прибавилось...

**Письмо о. Аникиты къ братьямъ, отъ 15 сентября 1830 года
Юрьевъ монастырь.**

Миръ вамъ, возлюбленнѣйшіе о Господѣ братья и друзья. Настоятель мой богомудрый и боголюбивый, отечески и дружески ко мнѣ расположенный, радуется сердечно гостямъ моимъ ²⁶⁾ и спрашиваетъ у меня

и часто, когда ты посетишь меня, любезнѣйшій братъ князь Павелъ Александровичъ. Ибо онъ очень тебя помнитъ и съ любовью заводитъ нерѣдко слово о тебѣ со мною. Однажды за столомъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ о твоёмъ посѣщеніи и услышавъ отъ меня, что я не надѣюсь имѣть сего удовольствія по причинѣ болѣзненнаго твоего состоянія по тѣлу, онъ тутъ же за столомъ, движимый любовью къ тебѣ, написалъ къ тебѣ грамоту пригласительную, которую при семъ къ тебѣ препровождаю, прося тебя не оставить ее безъ отвѣта. *При семъ за нужное почитаю сообщить тебѣ примѣръ чудеснаго исцѣленія, почтеннѣйшимъ нашимъ отцомъ совершеннаго. Помянутый старецъ, богопросвѣщенный схимникъ, два года страдалъ ужаснѣйшею водяною болѣзнію, такъ что врачи, всѣ свои средства истощивъ, наконецъ объявили, что кончина его неминуемо послѣдуетъ вскорѣ при наступленіи осени. Тогда о. архимандритъ взялъ его въ свою келью, сталъ его самъ лечить врачествомъ данной ему благодати, и въ недѣлю умирающей ожилъ и выздоровѣлъ совершенно, такъ что вотъ уже теперь другой годъ пользуется полнымъ здоровьемъ. Опасаясь, что карандашъ можетъ стереться, я переписалъ грамоту чернилами а).*

а) Архимандритъ Фотій написалъ князю Павлу Александровичу слѣдующее краткое письмо и въ довольно своеобразной формѣ: «Павле, Павле, что ты страдаешь и не радиши прійхать во врачевницу святаго великомученика Георгія? Приди и исцѣлишься отъ недуга твоего, имже одержимъ живещи, якоже умираещи: Приди и водвигнешь Господь тебя, и возрадуешься, и радости твоея някто же отъ тебя вожметъ. Спасайся, подвизайся и радуйся.

15-го августа, 1830 г.

Убогій Фотій.

О. Фотій былъ знакомъ съ княземъ Павломъ Александровичемъ Ш. Шихматовымъ еще въ то время, когда послѣдній жилъ въ Петербургѣ и состоялъ на службѣ при морскомъ корпусѣ. Это можно видѣть изъ слѣдующаго письма Фотія (издаваемаго съ подлинника), занимавшаго тогда должность законоучителя второго кадетскаго корпуса, къ князю Павлу Александровичу.

Рабе истиннаго Бога, Христовъ учениче,
Любимиче святыхъ, брате Павле.

Радоватися тебѣ о Господѣ молитъ Фотій.

Хригось твоя сила, Хригось твоя мудрость, Хригось твой Богъ и Господь, Хригось твой свѣтъ, твоя истина, путь и живогъ (Іоанна XIV, 6): убо вонстину реку пакы тебѣ: радоватися: радоватися же о Хригѣ Спасѣ нашемъ, радоватися духомъ, душею и плотію тако, да возрадуются всѣ кости твои и рекутъ: Хригось моя сила, Богъ и Господь честная церковь! Радоватися о всемъ тебѣ глаголю, прошу и молю Создателя; и радоватися наконецъ и о томъ, что Хригось

Письмо братьевъ къ о. Анikitъ, отъ 26 августа 1830 года. Село
Архангельское.

Любезный братъ!

Мы отпустили тебя въ Новгородъ, для вступленія тамъ въ Юрьевъ монастырь, но отпустили по полученіи отъ тебя торжественнаго увѣренія въ твоёмъ съ нами единомысліи. Сіе мнимое единомысліе твое съ нами

посредѣ насъ съ тобою есть и будетъ: не ино что глаголю, какъ и реку, какъ токмо радоватися о Господѣ, яко же вѣрую чему быти въ тебѣ, о томъ же и глаголю: и благословенъ буди, возлюбленне, слыше отъ Бога Отца и Сына Его Духомъ Святымъ. Благочестиваго ты корене всечестная отрасль былъ и желаешь быти, убо быти сему и азъ желаю помощію Вышняго. Часто поминаю твое боголюбіе, твое смиреніе, твою вѣру, твою любовь о Христѣ къ намъ и ко всѣмъ. Поминаю и благодать Божію на тебѣ. Блаженъ еси ты, рабе Божій, что изшелъ изъ многомятежнаго міра. — Блаженъ еси ты, что покой обрѣлъ Божій себѣ. Знаю, что ты самъ въ себѣ зришь и находишь, что тамо Богъ, гдѣ миръ, тишина, простота и любовь въ благословенныхъ простолюдникахъ царствуютъ. Весь смуть и плачь на нихъ особенно исходитъ изъ главы или изъ сердца Россіи, гдѣ всякъ быти мнить себя иѣчто. Богъ тебя избавилъ отъ всего суетнаго, радуюся. Съ тобою нынѣ миръ Божій и ты его лучше дѣломъ разумѣешь и вкушаешь, нежели что я могу тебѣ изрещи и написать на сей хартїи, ты такъ чувствуешь живо, дѣйственно, что я и помыслить не могу. Самъ Богъ тебѣ даетъ слыше вкушать и чрезъ мирную природу и чрезъ откровеніе Божіе, священное Писаніе, и чрезъ внутреннее чувство и чрезъ внутренніе очи, пути подвизанія и видѣнія. Вѣдаю, что среди благопріятнаго лѣта болѣе несказанно услаждаетъ тебя сельскій зефиръ, шорохъ кустарниковъ, колебаніе класовъ на нивахъ и гласъ птички кова-либо, полеть ласточки и вворъ на небосклонъ среди лѣсовъ и полей, нежели нашихъ искусственныхъ аллей, ароматами отъ чады міра исполненныхъ иногда. Болѣе веліе и мягкая травка тебя услаждаетъ, нежели кресты и звѣзды вельможъ нашихъ и всѣхъ расширяющихъ воскралія рязь. Что у насъ ни есть новое мѣсто, суета и мудрованіе. Не хочу болѣе тебѣ о томъ и напоминать, что ты самъ живо чувствуешь, но пока реку духу твоему: радоватися!

Радоватися всему дому твоему и всѣмъ твоимъ приснымъ, вѣрнымъ, ибо вѣрую, что и всѣ твои, якоже и ты, отъ Бога поучены, благословенны.

Я за благо великое почитаю и писать къ тебѣ, ибо люблю тебя неслестнымъ сердцемъ, люблю, вѣдая, что ты сынъ церкви святой, защитникъ, любимаецъ, Христовъ подражатель, зерно пшеницы Христовой, свѣтъ отъ свѣта Христова и той крупинны соли, кая міръ высмердѣвшійся осоляетъ и цѣлать, и если обуяетъ уже и она, увы, горе землѣ.

отвратило наше вниманіе отъ всѣхъ тѣхъ причинъ, по которымъ мы сильно упирались противъ вступленія твоего въ сей монастырь во все время нашего здѣсь несогласія въ вѣрѣ. Ибо, при всѣхъ сомнѣніяхъ нашихъ о непрочности примирительнаго нашего акта, надежда на твою искренность брала верхъ. Послѣдствіе показало, что не слѣдовало бы намъ такъ скоро склоняться по одному твоему слову — по слову отъ тебя, такъ предубѣжденнаго, что запертымъ совершенно былъ слухъ твой всѣмъ нашимъ доводамъ и свидѣтельствамъ церковнымъ, тебѣ указуемымъ. Въ семъ же состояла главная наша оплошность. Намъ надлежало бы, вмѣсто одного требованія отъ тебя, — вмѣсто одного ближайшаго съ нами единомыслія, на которое ты, повидимому, согласился, присоединить къ оному и другое—избраніе тобою Юрьева монастыря ни подъ какимъ видомъ. Но мы такъ обрадовались первому, что почти забыли думать о послѣднемъ: а чрезъ то и упустили изъ рукъ всю нашу надъ тобою власть. Поздно проникли мы, что ты лишь для того, пови-

Подвизайся, ревнуй, гряди духовный служителю, священниче, по апостолу: вы есте родъ избранъ, царское священіе (1 Петр. II, 9). Блаженно буди чрево тебя носившее и блаженны сосцы воспитавшія тебя: ты бо любишь Христа. Я уже не могу напоминать тебѣ о смирении, коего ты уже рожденіе, и вѣрую, что ты паче смиришися, нежели вознесишися. Подвизайся: благо есть въ клѣтѣ сердца молиться и въ клѣтѣ крова. Безъ клѣтѣ въ кровѣ молиться кто мнить внутри въ себѣ, въ клѣтѣ, тоже что рыбу мнить ловити безъ бредника, невода и сѣти, и птицы хочеть удержать на полѣ и въ покоѣ въ одномъ мѣстѣ безъ клѣтки.

Всѣ святіи имѣли клѣты молитвы ради, весьма малую, что же и пишется въ житіяхъ ихъ: иные въ длину аршина два съ половиною, а въ ширину въ аршинъ и съ половиною, и что вѣще ино къ тому рещи, самому тебѣ уже речеть духъ; иже чететь, да разумѣеть. Когда плоть бываетъ въ клѣтѣ и духъ и душа въ клѣтѣ, то есть внутренно духомъ и истинною молиться. Кто имѣеть внѣшнюю и внутреннюю кущю у себя клѣты, тотъ вѣдаетъ, что истинно есть и духъ и животъ Христовы о клѣтѣ слова для молитвы: убо егда молишися, и духъ и Христосъ и мы глаголемъ: вниди въ клѣты твою и помолися Отцу твоему въ тайнѣ (Мѣ. VI, 6). Знаю, что ты ревнуешь бдѣть и молиться, благо есть, когда то словомъ и мыслию и духомъ и дѣломъ бываетъ: то есть молитва и поклоненіе духомъ и истинною (Іоанн. IV), — чему мѣсто въ мирѣ—на селѣ, а не у насъ въ шумѣ, въ столицѣ, гдѣ живу азъ, грѣшный рабъ твой осуетился до конца. Господи! прежде даже до конца не погибну, спаси мя. Имя же вѣси судьбами спаси мя.

Наконецъ, и привѣтствовавъ твое сятельство и побесѣдовавъ вѣчто и пожелавъ и помянувъ маніемъ духа, молю, да Христосъ Господь тебѣ да поможетъ съ возлюбленнымъ твоимъ братомъ по плоти и по

димоу, склонялся на первое, чтобы получить послѣднее, поздно—ибо хотя доводы наши, которые, повидимому, склонили тебя здѣсь присоеди- ниться къ нашимъ мнѣніямъ, были потомъ мною усилены, однакоже не въ состояніи были удержать тебя отъ нарушенія того договора, который ты здѣсь торжественно утвердилъ твоимъ согласіемъ.

Главная цѣль твоя въ сношеніяхъ твоихъ съ нами по дѣлу твоего отъ насъ устраненія въ томъ и состояла, какъ теперь явствуетъ, что- бы имѣть невозбраннѣе отъ насъ вступленіе твое въ Юрьевъ мона- стырѣ. Для сего ты, какъ бы возбраня намъ всякое къ тому противорѣчіе, на первомъ шагѣ представилъ откровенную волю Божию. Откро- венія сего не могли мы принять слѣпо, какъ ты того, можетъ быть, же- лалъ, и какъ ты самъ оное принялъ отъ другихъ. Ибо св. Писаніе предписываетъ не иначе принимать Откровенія, какъ съ испытаніемъ. Оно было нами разсмотрѣно и оказалось, по нѣсколькимъ существеннымъ причинамъ, не подходящимъ къ такому изъявленію воли Божіей, кото- рое разумъ и вѣра принимаютъ невозбранно. Достаточно будетъ упомя- нуть здѣсь о двухъ. Первая — извѣщательное тебѣ о семь откровеніи письмо имѣло на себѣ семь печатей, подражательно апокалипсическимъ, тогда какъ о семь подражаніи въ Откровеніи никакого особеннаго пове- лѣнія Божія не видать—повелѣнія, необходимо - нужнаго быть тебѣ со- общеннымъ, если оно послѣдовало отъ Бога, чтобы не принять тебѣ та- кое подражаніе самовольнымъ и имъ не соблазниться. Сверхъ того, и самая печать, употребленная здѣсь, не можетъ не подавать сомнѣній,

духу, со всею братією, друзьями, родными, знаемыми и незнаемыми, но вѣрными о Христѣ Спасѣ въ единомъ духѣ, въ цѣлости и совер- шенствѣ. Особенно поблагодари и поцѣлуй и главу и очи и уста и руки братцу Сергію Александровичу. Рабъ оный Божій меня зѣло не оставляетъ своею любовію. Христосъ съ нимъ есть и будетъ.

Да спасется же и весь вашъ домъ, ваши рабы и рабыни, старцы и юноши, дѣвы и жены и все ваше да спасено будетъ Христомъ Бо- гомъ во вѣки. Аминь.

Снѣтельства твоего и боголюбія слуга и доброжелатель есмь азъ недостойный и убогій служитель Христовъ Фотій.

Спасайся о Христѣ и прости мя, брате мой и господине Павле, рабе Божій, въ чемъ азъ, недостойный, согрѣшилъ.

Съ миромъ буди и спасайся!

И все люди Божіи вѣрные православные христіане молю, спа- сайтесь.

Ваше есть царствіе Божіе! Аминь.

1820 года. Генваря 16 дня.

2 Кадетскаго корпуса законоучитель и настоятель соборный іеро- монахъ Фотій.

ибо печать сія съ англійскимъ девизомъ, хотя и духовнымъ, но употребленныи между протестантами, противъ которыхъ угадываемый тобою писатель письма (архимандритъ Фотій) ополчается много паче сверстникъ своихъ. Слѣдовательно, таковая печать ни у него, а тѣмъ менѣе у кого другого въ монастырѣ, найтись никакъ не могла, и безъ сомнѣнія доставлена ему отъ посторонняго лица, въ языкѣ англійскомъ свѣдущаго и писателю надпись на печати объясниваго. Итакъ, не ясно ли, что печать сія показываетъ въ дѣлѣ семъ нѣкоторое предварительное совѣщаніе, откровенію никакого мѣста не допускающее. Вторая причина, возбраняющая давать вѣру такому откровенію, есть та, что ты, по собственному твоему признанію, сіе время, когда откровеніе сіе о тебѣ послѣдовало, погрѣшительно умствовалъ о важныхъ истинахъ вѣры, которую погрѣшительность ты призналъ и отвергъ примирительнымъ актомъ, уже въ бытность твою здѣсь, т. е. гораздо послѣ полученія тобою вышеписаннаго письма. Сихъ вѣскихъ причинъ, безъ сомнѣнія, достаточно было намъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ никогда не согласиться на вступленіе твое въ сей монастырь. Но мы не такъ поступили, частію по необращенію тогда должнаго вниманія на сіе обстоятельство, которое было сильнѣйшимъ орудіемъ, *тобою самимъ* противъ *тебя самого* намъ вручаемое: частію, по желанію сохранить миръ и согласіе, которыхъ чаемое водвореніе такъ насъ обрадовало, что мы въ упоеніи радости дозволили нѣкоторую ослабу нашей бдительности, по которой ты и ускользнулъ изъ нашихъ рукъ. Если бы *слабо* приняли сіе выдаваемое откровеніе, то что бы изъ того послѣдовало? Мы бы вовсе не дерзнули удерживать тебя отъ твоего предпріятія, но это не все: очень вѣроятно, что мы согласилась бы съ тобой и въ тѣхъ мнѣніяхъ твоихъ нецерковныхъ, которыхъ ты самъ потомъ нашелся принужденнымъ отрещись. Кто не видитъ, что съ паденіемъ, съ опроверженіемъ сихъ твоихъ мнѣній, надало и самое откровеніе? Кто не видитъ тебя въ минуту признанія твоего неправаго мнѣнія предъ нами (нарочно вызванными тобою въ нашъ залъ), низлагающаго обѣими руками и всю ту систему, которую ты нѣсколько лѣтъ сооружалъ, по указамъ отвлекшихъ тебя отъ насъ твоихъ единомышленниковъ? Кто бы могъ подумать, что зданіе сіе опять изъ развалинъ своихъ выростетъ, по отправленіи твоемъ отсела, и опять тѣ же мнѣнія засядутъ въ немъ, которыя вовсе не сильны были защищать оное противъ положительныхъ доводовъ нашихъ? Но вотъ сіе видимъ на самомъ дѣлѣ, и ты уже сильно и не обинуясь показываешь, что первоначальное предубѣжденіе твое положено было въ тебѣ съ такою силою, что (не токмо наши доводы, но) и самыя свѣдѣнія очевидности не въ состояніи бы были поколебать оное.

Время также бросить взоръ на твою тетрадь (*тобою, кажется,*

писанную), заключающую въ себѣ описаніе отчитыванія нѣкоторыхъ крестьянъ. Посредѣ вышеписанныхъ жаркихъ нашихъ тебѣ представленій какъ о неосновательности мы болѣе и болѣе тебѣ раскрывали, такъ и о неблагонамѣренномъ отвращеніи твоёмъ насъ съ прямаго пути постороннему дѣлу обстоятельствами: получаемъ мы сію тетрадь, описывающую такіа событія въ нашемъ монастырѣ, какія и изъ многихъ монастырей слышать случается, какія и во многихъ городскихскихъ церквахъ нерѣдко происходили, доколѣ святѣйшій Синодъ не почелъ за нужное лишить убѣжища по городамъ такъ называемыхъ кликушъ. Съ нашей стороны, мы приняли сіе описаніе твое тѣло также, какъ слушали твое изустное повѣствованіе о подобномъ происшествіи, видѣнномъ тобою въ одномъ изъ монастырей калуужской епархіи. Но ты, какъ догадываемся, для того собственно послалъ намъ свою тетрадь, чтобы однимъ симъ ударомъ низложить всѣ наши доводы о твоей неправотѣ, какъ бы говоря такъ: смотрите, можетъ ли быть что неправо тамъ, гдѣ такіа великія дѣла совершаются? Мы хотя не знали сіе твое намѣреніе, но не распространялись о немъ, чтобы не прервать нить нашихъ сношеній, которыя въ послѣдующихъ письмахъ попрежнему потомъ и продолжали, забывъ о тетради твоей, дожидавшейся быть обратно отправленной съ приуготовляемымъ мною тебѣ посланіемъ. Вдругъ, вовсе нечаянно, получаемъ мы отъ тебя письмо, въ которомъ ты наубѣдительнѣйше просишь насъ, ни мало не медля, выслать къ тебѣ твою тетрадь, и не одну ее, но и со всѣми копіями, которыя мы, или кто другой, могли съ нее списать. Такое неожиданное, такое *омасливое* твое востребованіе тетради со всѣми списками, которыхъ ты отнюдь не воспрещалъ намъ списывать, — да и какое вѣроятіе могли мы имѣть къ происшествію, съ такой тайностію сообщаемому, — *весьма меня удивило и заставило нѣсколько побезпокоиться, не мажиль ли ты себѣ какихъ хлопотъ, ввязавшись въ такое дѣло, о которомъ имѣлось запрещеніе отъ начальства.* Я не могъ не замѣтить тебѣ далѣе, какую слабую и ненадежную ты избралъ подпору твоему дѣлу; такъ ненадежную, что самъ принужденнымъ нашелся отнять ее своими руками. Случилось такъ, что ни мы, ни посторонній это тетради твоей не списывали, а потому какъ получили, такъ и выслали ее тебѣ обратно. Если полагать, что ты симъ способомъ хотѣлъ устрашить насъ въ допущеніи твоихъ мнѣній, то неудачно послужило тебѣ сіе орудіе. Да и самая та причина, которой ты приписываешь нечаянное твое тетради востребованіе, для насъ вовсе неудовлетворительна. Не понимаемъ, какое могло быть твое преступленіе посланіемъ намъ сей тетради, которая, повидимому, была написана и начисто переписана съ тѣмъ собственно, чтобы давать ее читать вѣдшимъ. Да и какое стра-

нее (болѣе страхъ нежели благоразуміе показывающее) требованіе твое и самихъ копій! Утаиваешь то, что сперва старался сдѣлать явнымъ: не есть ли это навязанное съ одной стороны распускать съ другой? Утаивать до того, что и копій не оставлять, — ниже довольствоваться истребленіемъ копій сихъ на мѣстѣ, а домогаться получить ихъ въ руки! Да и возможное ли было дѣло исполнить твою просьбу, если бы мы, принявъ все съ твоего слова, роздали такіе списки? Намъ могли бы ихъ и не возвратить: ибо вправѣ были мы давать списывать, или не давать, но ни въ какомъ правѣ списаннаго требовать. Притомъ же, не подали ли бы мы востребованіемъ копій сихъ какого соблазна самымъ тѣмъ лицамъ, которымъ мы сіе разгласили? Не видишь ли, что необходимо было такое твое и самихъ списковъ востребованіе: соблазнъ этотъ былъ бы такъ великъ *противъ* вашего монастыря, что маловажная причина недостаточна рѣшить тебя его произвести, а тѣмъ менѣе та, которую ты упоминаешь. Но довольно о семъ. Дѣло это стороннее нашему съ тобою разномыслию. Здѣсь у мѣста было коснуться онаго, для указанія тебѣ; какъ неудачны твои *противъ* насъ *прямыя* дѣйствія и какъ еще неудачнѣе *косвенныя*. Надобно однако же замѣтить тебѣ еще по сему дѣлу, что евангельское церковно-учебныхъ книгъ ученіе стоитъ и устоитъ само собой. Такъ твердо оно утверждено всѣмъ множествомъ чудесъ, во всѣхъ народахъ и всѣхъ вѣкахъ, что нѣтъ нужды намъ искать споры оному въ новыхъ чудесахъ. Противное же сему, или въ чемъ важномъ несообразное ученіе, не можетъ стоять, при всемъ множествѣ подпоръ и отъ самихъ чудесъ, которыя при такомъ ученіи послѣ того, что читаемъ въ евангеліи о чудесахъ, имѣющихъ быть въ послѣднее время, не могутъ и не должны останавливать вниманіе наше, какъ бы очевидны онѣ не казались.

Теперь отлагаю перо обличителя и облакаюсь въ смиренную одежду послѣдняго грѣшника. Останавливаю голосъ мой громкій, а по временамъ и колкій. Прости неумѣстной моей колкости и грубости за дѣльную и умѣстную ревность. Я часто испытываю, часто повѣряю себя въ моемъ къ тебѣ расположеніи, опасаясь, не простирается ли неблаговоленіе мое къ ищѣніямъ твоимъ и на самого тебя. Но слава Господу, милующему меня испытаніе сіе, кажется, *паче друиизъ* примиряетъ меня съ моею совѣстію.

Иеромонахъ Аникита, вмѣсто отвѣта на письмо братьевъ, отъ 26 августа 1830 года, сдѣлалъ только краткую надпись на самомъ ихъ писмѣ и отправилъ его обратно.

Надпись была слѣдующая: „Суди ми, Господи, яко азъ не злобою моею ходихъ: и на Господа уповаю не изнемогу“ (исал. XXV, 1). Скитъ Юрьева монастыря. 30 сентября 1830 года.

Свящ. В. Жмакинъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

ГЛАВА V.

1) Новгородскій Юрьевъ монастырь основанъ въ 1030 году великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ I, нареченнымъ въ крещеніи Георгіемъ (или Юріемъ), который построилъ монастырь въ честь своего ангела св. великомученика Георгія Побѣдоносца. Описание новгородскаго Юрьева монастыря, архимандрита Макарія. С. П. В. 1862 г. изд. 2, стр. 1—2.

2) Чудотворная икона Тихвинской Божіей матери, находившаяся въ Тихвинскомъ Успенскомъ первоклассномъ монастырѣ, въ 1888 году была перенесена въ городъ Старую Руссу.

3) Юрьевъ монастырь находится на лѣвомъ берегу рѣки Волхова, при устьѣ ручья Княжева, съ западной и сѣверной стороны обтекающаго монастырь и выдающаго въ Волховъ, близъ озера Мачина, Макарія. Историческое описаніе Юрьева монастыря.

4) Это былъ преосвященный Викторъ (Онисимовъ), епископъ владимірскій и суздальскій. До своего архіерейства, именно съ 1775 года по 1782 годъ, онъ занималъ должность настоятеля Юрьева монастыря, отсюда онъ былъ хиротонисованъ въ епископа олонецкаго, викарія новгородскаго, а съ 1783 г. по 1800 годъ состоялъ епископомъ владимірскимъ; 24 февраля 1800 г. удалился на покой въ Юрьевъ монастырь, гдѣ и умеръ 29 марта 1817 года и погребенъ въ паперти соборной Георгіевской церкви. Макарій. Историческое описаніе Юрьева монастыря, 121—122 стр. Строевъ, Списки іерарховъ, 659.

5) Викаріемъ новгородскимъ, епископомъ старорусскимъ былъ въ то время преосвящ. Игнатій (Семеновъ), 22 мая 1828 года переведенный въ епископа олонецкаго, съ 1842 года архіепископъ донской, съ 1847 года воронежскій; умеръ въ С.-Петербургѣ 20 января 1850 года. Строевъ. 839. 991. 1015.

6) Въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ почитаются открыто св. мощи: 1) св. Никиты, еп. новгородскаго († 30 янв. 1108 года; мощи обрѣтены въ 1558 году, находятся въ придѣлѣ св. богоедцеа Іоакима и Анны. Описаніе новгород. Соф. собора, протоіерея П. Соловьева, Спб. 1858 г. 99 стр.), 2) св. Иліи, въ схимѣ Іоанна, архіепископа новгородскаго († 7 сент. 1186 года, мощи обрѣтены въ 1493 году) и 3) брата его св. архіепископа новгородскаго Григорія († 24 мая 1193 года; мощи св. Иліи и Григорія находятся въ придѣлѣ усѣкновенія главы св. Іоанна Крестителя. Соловьевъ. Историческое описаніе Соф. собора, 101—102), 4) св. благовѣрнаго князя новгородскаго Владиміра Ярославича, строителя Софійскаго собора, и 5) матери его св. благовѣрной княгини Анны (мощи св. Владиміра и Анны сначала поставлены были въ Корсуинской паперти, но въ 1652 году перенесены были въ самый соборъ и въ настоящее время находятся въ южной сторонѣ собора подъ арками. Соловьевъ, 104) и 6) св. благовѣрнаго князя Феодора, брата св. князя Александра Невскаго (Соловьевъ. Историч. описаніе Соф. собора, 104).

7) Подъ спудомъ въ новгород. Софійскомъ соборѣ находятся мощи св. Иоакима корсуянина, перваго епископа новгородскаго († 1030 г.), св. Луки Жидята, еп. новгородскаго († 1059 г.), св. Аркадія, еп. новгородскаго († 19 сент. 1163 года. Соловьевъ. Описание Соф. собора, 104).

8) Чудотворная икона Знаменія Пресвятыя Богородицы принадлежитъ къ числу самыхъ уважаемыхъ святиль въ Новгородѣ. Съ этою свят. иконою соединено воспоминаніе о чудесномъ спасеніи Новгорода отъ нападенія многочисленнаго войска сугдальскаго князя Андрея боголюбскаго, бывшемъ въ 1170 году. До половины XIV вѣка икона Знаменія Божіей Матери находилась въ Спасопреображенской церкви, на Ильинской улицѣ. Во второй половинѣ XIV вѣка для чудотворной иконы Знаменія Пресв. Богородицы въ Новгородѣ построены былъ особый храмъ, который доселѣ называется соборомъ Знаменія Богородицы. Дебольскій. Дни Богослуженія прав. церкви. Спб. 1882 года. Изд. 7. 169—171 стр.

9) Князь Василій Александровичъ Ш.-Шихматовъ жилъ въ своемъ имѣніи въ селѣ Пахомовѣ, Рославльскаго уѣзда, Смоленской губерніи. Онъ скоропостижно скончался въ своемъ имѣніи въ 1834 году. Записки объ усопшихъ родственникахъ кн. Ш.-Шихматовыхъ.

10) Село Архангельское находится недалеко отъ своего уѣзднаго города Можайска, а у самаго Можайска расположенъ Лужецкій Рождества Богородицы второклассный монастырь, основанный св. Ферапонтомъ бѣлозерскимъ въ 1408 году. Лужецкій монастырь самый ближайшій къ селу Архангельскому, и братья князя Алексѣй и Павелъ Александровичи Ш.-Шихматовы, по отзывамъ ихъ родственниковъ, любили и часто посѣщали этотъ монастырь. Архимандритомъ Лужецкаго монастыря въ рассматриваемое время (съ 14 ноября 1824 г. до 14 января 1829 года) былъ *Иоаннъ* Добровраковъ, переведенный отсюда въ Пинскій Богоявленскій монастырь, а въ 1830 году хиротонисованный во епископа пензенскаго, съ 1835 года еп. нижегородскій, съ 1847 года архіеп. допской, въ 1867 году архіеп. Иоаннъ уволенъ былъ на покой въ Кременецкую пустынь. Строевъ: 181, 607, 1015.

11). Пресвященный Серафимъ (Глаголевскій), митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, первенствующій членъ св. Синода, умершій 17 января 1843 года. Строевъ. Списки іерарховъ, 38.

12) Съ давнихъ временъ архимандриты Юрьева монастыря имѣютъ слѣдующія отличія при богослуженіи, принадлежащія собственно къ особенностямъ архіерейскаго священнослуженія: они служатъ на коврѣ (орлецѣ) съ осѣняльными свѣчами и рипидами, съ возглашеніемъ къ народу: «привари съ небесе, Боже, и виждь» и пр. Настоятель Юрьева монастыря имѣетъ по нынѣ особенный чиновникъ божественнаго служенія. Онъ напечатанъ въ историческомъ описаніи Юрьева монастыря, о. Макарія, 88—96 стр.

Общечитіе въ Юрьевѣ монастырѣ введено было по ходатайству архимандрита Фотія въ 1827 году. Самъ о. Фотій составилъ общежительный уставъ для Юрьева монастыря, который въ первый разъ напечатанъ былъ въ 1830 году. Согласно съ требованіями этого устава, въ Юрьевѣ монастырѣ, кромѣ единообразія въ пещѣ, одеждѣ и принадлежностяхъ келейныхъ для всей братіи, соблюдаются нѣкоторыя

особенныя священныя учрежденія: 1) употребленіе древняго столпо-наго пѣнія при всякомъ богослуженіи; 2) чинъ панагій, каждодневно соблюдаемый въ братской трапезѣ; 3) всендневное, кромѣ праздниковъ, общее для всей братіи правило съ поклонами, совершаемое въ церковной паперти; 4) въ каждыя пятюкъ и субботу, кромѣ случающихся въ сіи дни праздниковъ, соборныя панихиды; 5) въ пятюкъ каждой седмицы на вечерни чтеніе акафиста Божіей Матери; 6) неумолкаемое чтеніе псалтири въ монастырѣ во всю первую седмицу св. четырехдесятицы; 7) во всѣ воскресенья великаго поста на вечерняхъ прощаніе настоятеля съ братією и братіи между собою взаимно по скитскому обычаю; 8) въ четвергъ страстной седмицы совершеніе елеосвященія и помазаніе сею святынею братіи и богомольцевъ; 9) раздаваніе въ монастырѣ серебряныхъ и мѣдныхъ крестиковъ всѣмъ богомольцамъ въ праздникъ Воздвиженія, и др. Макарій. Историческое описаніе Юрьева монастыря, 98—99 стр.

¹³⁾ Скитъ Юрьева монастыря находится въ четырехъ верстахъ отъ Новгорода и въ одной верстѣ отъ Юрьева монастыря, на берегу озера Ильмена, при истокѣ изъ него р. Волхова, на возвышенномъ холмѣ. На этомъ самомъ мѣстѣ, окружаемомъ въ весеннее время водою, въ языческія времена Новгорода стоялъ славянскій идолъ Перунъ, по принятіи христіанства новгородцами наввергнутый имъ въ Волховъ, и на его мѣсто поставлена церковь въ память Рождества Пресвятыя Богородицы, при первомъ новгородскомъ епископѣ Іоакимѣ корсунянинѣ. При этой церкви былъ устроенъ монастырь, называемый «Перынь Богородицы». Дальнѣйшая судьба Перыньскаго монастыря мало извѣстна. Извѣстно только то, что онъ неоднократно подвергался пожарамъ, опустошеніямъ при нашествіи враговъ. Въ XVII вѣкѣ Перыньскій монастырь находился уже въ большомъ запустѣніи и былъ приписанъ къ Юрьеву монастырю. При учрежденіи монастырскихъ штатовъ въ 1764 году Перыньскій монастырь былъ упраздненъ и обращенъ въ приходскую церковь Юрьевской слободы. Въ 1826 году, по просьбѣ Юрьевскаго архимандрита Фотія, Перыньская церковь приписана была по прежнему къ Юрьеву монастырю, возобновлена безъ измѣненія древней простой архитектуры и 10 ноября 1828 года вновь освящена. При ней основанъ скитъ, въ которомъ, по уставу древнихъ палестинскихъ скитовъ, ежедневно совершаются утренняя, часы и вечерня, неумолчно читается псалтирь съ поминованіемъ усопшихъ, а литургія совершается только по субботамъ, воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ. Въ скиту пища всегда во весь годъ бываетъ постная, даже молочная и рыбная пища никогда не разрѣшается къ употребленію. Входъ въ скитъ женскому полу запрещенъ, за исключеніемъ одного дня въ году — храмоваго праздника. Князь Сергій Александровичъ Ш.-Шихматовъ, по принятіи монашества, былъ первымъ скитоначальникомъ Перыньскаго скита.

Въ скиту, окруженномъ со всѣхъ сторонъ стѣною, зданія состоятъ, кромѣ церкви, изъ каменныхъ келій для пріѣзда юрьевскаго архимандрита, изъ настоятельскихъ келій и братскихъ келій съ трапезою. Около скита со всѣхъ четырехъ сторонъ насажена аллеями роща изъ дикаго лѣса. Роща насажена архимандритомъ Фотіемъ и скитона-

чальникомъ о. Аникитою. Макарій. Историческое описаніе Юрьева монастыря. 38—41, 43, 100 стр.

14) Филаретъ (Амфитеатровъ), архіепископъ казанскій (1828—1836 г.), съ 1836 года архіепископъ ярославскій, съ 1837 года митрополитъ кіевскій; умеръ 21 декабря 1857 года, принявши схиму и имя Θεодосія. Строевъ. Списки іерарховъ, 290. 9. Обстоятельный очеркъ благочестивой жизни высокопреосвященнаго Филарета можно читать въ сочиненіи рхимандрита Сергія: митрополитъ кіевскій Филаретъ Амфитеатровъ, а въ схимѣ Θεодосій, и его время; два большіе тома.

15) Князь Владиміръ Александровичъ Ш.-Шахматовъ жилъ въ своемъ имѣніи, въ Тихвинскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи. Онъ женился въ молодыхъ лѣтахъ и имѣлъ многочисленное семейство. Онъ умеръ 7 мая 1860 года, 70 лѣтъ, и погребенъ въ Антоніевомъ Дымскомъ монастырѣ, находившемся въ 38 верстахъ отъ его усадьбы. Записки объ усопшихъ родственникахъ князей Ш.-Шахматовыхъ.

16) Очевидно здѣсь рѣчь идетъ о борьбѣ архимандрита Фотія противъ мистицизма и главнаго его защитника министра духовныхъ дѣлъ князя А. Н. Голицына. При содѣйствіи графа Аракчеева и графини Орловой, Фотій получалъ доступъ къ императору Александру I и раскрылъ ему вредныя для православной церкви дѣйствія министра духовныхъ дѣлъ. По настойчивому убѣжденію архимандрита Фотія митрополитъ Серафимъ явился къ императору Александру Павловичу не въ урочное время и наложилъ ему также вредный для церкви образъ дѣйствій князя Голицына. Участъ князя Голицына была рѣшена. Скоро появился Высочайшій указъ объ увольненіи Голицына отъ должности министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ и самое министерство духовныхъ дѣлъ было уничтожено. Исторія паденія князя Голицына и участія въ немъ архимандрита Фотія подробно изложена въ автобіографіи Фотія (книга III) и въ статьѣ А. Пыпина о Россійскомъ библейскомъ обществѣ, напечат. въ Вѣстникѣ Европы за 1868 годъ августъ—ноябрь.

17) Это былъ приходскій священникъ с. Архангельскаго о. Матеей, къ которому всѣ князья Ширинскіе-Шахматовы относились съ глубокимъ уваженіемъ, высоко цѣнили его благочестіе и смиреніе. О. Матеей былъ какъ бы членомъ княжеской семьи. Князья Шахматовы оказывали всегда большую матеріальную поддержку своему приходскому священнику, безвозмездно обучали у себя въ школѣ всѣхъ его дѣтей, а затѣмъ содержали на свой счетъ, когда они обучались въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Послѣ смерти о. Матеея князья Шахматовы позаботились объ устройствѣ оставшихся послѣ него сиротъ.

18) Архимандритъ Фотій украсилъ свой монастырь разведеніемъ въ немъ нѣсколькихъ садовъ: таковъ садъ настоятельскій съ кедровыми, каштановыми и др. деревьями, садъ братскій—на сѣверной сторонѣ монастыря, большая роща внѣ монастыря съ западной его стороны, вишневый садъ также внѣ монастыря, на его южной сторонѣ, близъ ограды къ р. Волхову и озеру Ильмену, и роща на восточной сторонѣ монастыря. Историческое описаніе Юрьева монастыря о. Макарія, 36—37.

19) Князь Сергій, какъ образованный человекъ, оказался очень полезнымъ для о. Фотія, который сдѣлалъ его своимъ секретаремъ.

Фотій писалъ очень много и онъ нуждался не въ одномъ переписчикѣ. Такъ онъ написалъ собственную автобіографію, обширный трудъ въ трехъ частяхъ, житіе Иннокентія, епископа пензенскаго, огласительное богословіе (уроки по Закону Божию во II кадетскомъ корпусѣ), историческое описаніе Юрьева монастыря, множество книгъ и тетрадей съ посланіями, письмами, документами, касающимися борьбы его съ инстинкцизмомъ. — Въ 1850-хъ годахъ въ библіотекѣ Юрьева монастыря насчитывалось 24 книги сочиненій Фотія, часть которыхъ очевидно переписывалась трудами князя Сергія Александровича. Историческое описаніе Юрьева монастыря, о. Макарія, 72 стр.

²⁰⁾ Министръ народнаго просвѣщенія, извѣстный покровитель князя Сергія Александровича, Александръ Семеновичъ *Шиховъ*, получившій министерство послѣ князя А. Н. Голицына въ 1824 году.

²¹⁾ Князь Прохоръ Александровичъ Ш.-Шихматовъ былъ самымъ младшимъ изъ братьевъ, онъ остался послѣ смерти отца полугодичнымъ сиротою, учился въ московскомъ университетѣ, нѣсколько лѣтъ состоялъ на государственной службѣ, находясь въ канцеляріи попечителя московскаго округа, затѣмъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ имѣніи въ селѣ Дерновѣ, гдѣ и умеръ въ 1864 году. Памятная записка объ усопшихъ родственникахъ. Князь Прохоръ имѣлъ многочисленное семейство.

²²⁾ Князь Сергіій Александровичъ не могъ испросить у своей матери, за ея смертью, благословенія на принятіе монашества, что его очень огорчало. Разъ онъ послѣ усиленной молитвы заснулъ. Во время сна къ нему явилась его родительница и, на просьбу сына о благословеніи на иноческое подвижничество, внятно произнесла слѣдующія слова: «благословить много, а дозволить можно». О жизни и трудахъ іеромонаха Анкиты, изд. 1, 29—30.

²³⁾ Юрьевъ монастырь отличался крайнею бѣдностію и запущенностію предъ вступленіемъ архимандрата Фотія въ управленіе этимъ монастыремъ въ 1822 году. Со времени архимандритства Фотія Юрьевъ монастырь сдѣлался однимъ изъ самыхъ богатыхъ монастырей во всей Россіи. Въ 1823 году, по Высочайшему повелѣнію, ежегодно стали отпускать изъ казны на поддержаніе Юрьева монастыря 4900 р. Самую главною благотворительницею монастыря была графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, которая въ теченіе десяти лѣтъ на однѣ постройки израсходовала болѣе 700.000 рублей. На эти деньги и другія стараніемъ о. Фотія въ 1822 году возобновлена церковь Жень Мироносицъ на монастырскомъ подворьѣ въ Новгородѣ; въ 1823 году построена въ монастырѣ церковь Всемилостиваго Спаса съ двумя придѣлами и церковь всемірнаго Воздвиженія Креста Господня; въ 1824 году украшена соборная церковь во имя Спаса; въ 1825—1827 годахъ воплію обновленъ соборный храмъ св. великомученика Георгія и пристроены къ нему придѣлы святителя Феофиста, тамъ почивающаго, наперть и ризница; въ то же время выстроены особый братскій корпусъ; въ 1827 году построена каменная ограда съ кладовыми на монастырскомъ подворьѣ; въ 1828—1831 годахъ совершенно обновленъ принадлежащій Юрьеву монастырю скитъ, а въ монастырѣ построена церковь во имя Божіей Матери Неопалимыя Купины съ

лѣтними настоятельскими кельями, съ больничнымъ корпусомъ, башнею и церковію во имя архистратига Михаила и др.

Кромѣ того графиня Орлова пожертвовала на содержаніе монастыря и живущей въ немъ братіи въ разныхъ процентныхъ билетахъ 625 тысячъ р. ассигнаціями и болѣе 473 тысячъ рублей серебромъ, съ тѣмъ, чтобы капиталъ оставался неприкосновеннымъ, а получаемые съ него проценты шли на благоустройство монастыря и содержаніе братіи. Историческое описаніе Юрьева монастыря, архимандрита Макарія, стр. 83—84,—9—11, 36.

²⁴⁾ Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что подъ указываемымъ здѣсь «избраннымъ орудіемъ благодати божіей» разувѣется архимандритъ Фотій, а подъ исцѣленною извѣстная искательница приключеній *Фотина Павловна*.

Это была еще молодая дѣвица, нѣкоторое время состоявшая на театральной сценѣ. О. Фотій иногда читалъ заклинанія надъ бѣсноватыми. Фотина является къ Фотию въ Юрьевъ монастырь и таинственно объявляетъ ему, что ей было откровеніе о томъ, что только одинъ Фотій можетъ освободить ее отъ бѣснованія. Фотій сталъ читать надъ нею заклинательныя молитвы и бѣсъ, по словамъ больной, скоро оставилъ ее. По исцѣленіи Фотины архимандритъ Фотій отвелъ ей помѣщеніе подлѣ монастыря и окружилъ ее своими заботами, не замѣчая того, что дѣлается жертвою самаго возмутительнаго обмана. Фотина начала рассказывать, что ей бывають разные откровенія, видѣнія святыхъ. Фотій, хотя и довѣрялъ ей, но все таки иногда провѣрялъ ея рассказы, посылалъ сначала своего келейника посмотрѣть что дѣлаетъ исцѣленная Фотина. Послѣдняя между тѣмъ вошла въ сдѣлку съ келейникомъ, который сталъ докладывать архимандриту, что она молится, что въ ея комнатахъ видѣя таинственный свѣтъ и пр. По совѣту Фотины, подкрѣпленному рассказомъ объ особомъ видѣніи, о. Фотій сталъ приглашать дѣвицъ соседнихъ деревень на слушаніе вечерняго правила въ монастырь и устроилъ для нихъ особые хитоны. Охотницъ явилось множество, и нѣкоторыя изъ нихъ оставались даже на ночь въ монастырѣ. Тутъ происходили безпорядки, явились сплетни и ропотъ окрестныхъ крестьянъ. Митрополитъ Серафимъ сдѣлалъ строгій выговоръ архимандриту Фотию и Фотина была переведена въ Фодоровскій Переяславльскій монастырь. По смерти Фотія, матеріально поддерживавшаго ее и въ этомъ монастырѣ, Фотина оставила Фодоровскій монастырь, вышла замужъ за своего кучера и умерла отъ дурнаго обращенія съ нею мужа.

Графиня А. А. Орлова сразу разгадала Фотию и убѣждала Фотія, что Фотина обманываетъ его. Фотій не обратилъ вниманія на неоднократныя убѣжденія графини Орловой и полатился. Въ библіотекѣ Юрьева монастыря есть переплетеная въ четверть листа книга, на первой страницѣ которой находится заглавіе: «повѣсть зѣло чудна о нѣкоей дѣвицѣ, избавившейся отъ нечистаго духа». Повѣсть начинается съ общихъ разсужденій и на второй страницѣ, гдѣ писатель хотѣлъ перейти къ самому предмету повѣсти, прерывается на-полу-словѣ. Очень можетъ быть, что Фотій опасывалъ здѣсь исторію исцѣленія Фотины, но графиня Орлова, послѣ уже его смерти, уничтожила, му

повѣсть, оставивъ только предисловіе къ ней. Русскій архивъ, 1870 годъ, стр. 893—900. Фотина Павловна.

Вышеприведенными указаніями разъясняются нѣкоторыя дѣйствія князя С. А. Шахматова. Очень вѣроятнымъ авторомъ и переписчикомъ повѣсти объ исцѣленіи бѣсноватой былъ самъ князь Сергій. По крайней мѣрѣ повѣсть, посланная имъ къ братьямъ, была, по ихъ словамъ, написана самимъ Сергіемъ. Если только признать вѣрнымъ подобнаго рода предположеніе, то находящаяся въ настоящее время въ Юрьевѣ монастырѣ рукопись есть та самая, которую князь Сергій отправлялъ къ своимъ братьямъ. Неожиданное требованіе князя Сергія о немедленномъ возвращеніи рукописи, предъявленное имъ къ братьямъ, находилось, безъ сомнѣнія, въ связи съ исторіею Фотины, которая вдругъ приняла крайне невыгодный для архимандрита Фотія оборотъ.

²⁵⁾ Въ сентябрѣ 1830 года пріѣхалъ въ Юрьевъ монастырь князь Платонъ Александровичъ Ш.-Шахматовъ съ своимъ семействомъ, прожилъ въ монастырѣ около недѣли и говѣлъ здѣсь. Князь Платонъ Александровичъ, занимавшій долгое время мѣсто директора канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія при А. С. Шишковѣ, самъ впоследствии былъ министромъ народнаго просвѣщенія и умеръ въ 1853 г.

Изъ «Христ. Чтен.» №№ 5—6, 7—8, 11—12 за 1889 г.
№№ 1—2, 3—4, 5—6, 7—8 за 1890 г.

Печатать позволяется. 29 Мая 1890 г.

Заслуженный профессоръ *Иванъ Троицкій.*

Типографія А. Катанскаго и К^о. Невскій пр., № 132.